

Александр Севастьянов

**ЗОЛОТОЙ ВЕК
РУССКОГО
ИСКУССТВА —
ОТ ИВАНА
ГРОЗНОГО
ДО ПЕТРА ВЕЛИКО-
ГО. В ПОИСКАХ
РУССКОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ**

Александр Севастьянов

**Золотой век русского
искусства – от Ивана Грозного
до Петра Великого. В поисках
русской идентичности**

«Издательские решения»

Севастьянов А. Н.

Золотой век русского искусства – от Ивана Грозного до Петра
Великого. В поисках русской идентичности / А. Н. Севастьянов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-555794-0

«Золотым веком» русской культуры у историков и обществоведов принято называть XIX столетие, когда русские литераторы, художники и музыканты создали произведения, обогатившие духовный мир всей антропосферы. От Пушкина, Лермонтова и Гоголя до Толстого, Тургенева и Достоевского в литературе; от Брюллова, Иванова и Айвазовского до передвижников в живописи; от Бортнянского и Глинки до Чайковского и «Могучей кучки» в музыке.

ISBN 978-5-00-555794-0

© Севастьянов А. Н.
© Издательские решения

Содержание

Александр СЕВАСТЬЯНОВ	7
МОСКВА	8
2021	9
ОГЛАВЛЕНИЕ	9
ВВЕДЕНИЕ. РУССКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР И ИСКУССТВО	10
I. ПРОЛОГ	11
ОРДЫНСКОЕ ИГО, ПАДЕНИЕ ВИЗАНТИИ	12
И ПЕРЕМЕНЫ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ	13
ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ	14
ИСКУССТВО В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ	15
РЕЗЮМЕ	16
ПРЕДПОСЫЛКИ НАЦИОНАЛИЗАЦИИ РУССКОГО ИСКУССТВА	17
II	18
МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ	19
1. ВЕЯНИЯ ВОСТОКА И ПРАЗДНИК РУССКОЙ ДУШИ	20
ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ	21
ИСКУССТВО В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ	22
2. ВЕЯНИЯ ЗАПАДА И КОНФЛИКТ МЕНТАЛИТЕТОВ	23
ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ	24
ИСКУССТВО В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ	25
РЕЗЮМЕ	26
ПУТЬ НА ЗАПАД ЧЕРЕЗ ПРИТЯЖЕНИЕ И ОТТАЛКИВАНИЕ	27
1. АРХИТЕКТУРА	28
2. ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО	29
Восхождение великого художника	30
3. ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО	31
РУССКИЙ МАНЬЕРИЗМ И РУССКИЙ ХАРАКТЕР	32
IV. ЭПИЛОГ. ЗОЛОТОЙ ВЕК РУССКОГО ИСКУССТВА	33
Итак: Золотой век	33
ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ	34
ИСКУССТВО В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ	35
ВВЕДЕНИЕ. РУССКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР И ИСКУССТВО	36
Отступление третье: о русской нации	48
Исторический контекст	53
I. ПРОЛОГ	66
ОРДЫНСКОЕ ИГО, ПАДЕНИЕ ВИЗАНТИИ	67
И ПЕРЕМЕНЫ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ	68
ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ	69
ИСКУССТВО В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ	98
Отход от византийских традиций	99
II	118
МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ	119

1. ВЕЯНИЯ ВОСТОКА И ПРАЗДНИК РУССКОЙ ДУШИ	120
ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ	120
Отношения России с Крымом и Турцией	123
ИСКУССТВО В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ	137
Оружие	148
Быт	180
Архитектура	187
Апофеоз Востока в Москве	195
2.2. ВЕЯНИЯ ЗАПАДА И КОНФЛИКТ МЕНТАЛИТЕТОВ	201
ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ	202
Отношения России с Литвой и Польшей	205
Конец ознакомительного фрагмента.	215

Золотой век русского искусства – от Ивана Грозного до Петра Великого В поисках русской идентичности

Александр Никитич Севастьянов

© Александр Никитич Севастьянов, 2021

ISBN 978-5-0055-5794-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Александр СЕВАСТЬЯНОВ

**ЗОЛОТОЙ ВЕК РУССКОГО ИСКУССТВА —
ОТ ИВАНА ГРОЗНОГО ДО ПЕТРА ВЕЛИКОГО.
В ПОИСКАХ РУССКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ**

Нет ничего труднее национальных характеристик.

Георгий Федотов

МОСКВА

2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ. РУССКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР И ИСКУССТВО

Что такое русский «Золотой век»

Отступление первое: о методе

Отступление второе: кто такие русские

Отступление третье: о русской нации

Исторический контекст

О русском национальном характере: к постановке вопроса

I. ПРОЛОГ

ОРДЫНСКОЕ ИГО, ПАДЕНИЕ ВИЗАНТИИ

И ПЕРЕМЕНЫ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Был ли исток общим?

Изоляция – зло или благо?

«Русь Ордынская». Диалектика татарского ига

Человеческие потери, жертвы

Утрата городов, изменение их облика

Материальные потери – денежные, ценностные. Упадок экономики

Духовные потери – церковное, монастырское, княжеское, боярское и т. д. имущество, сокровища сел и городов

Книги

Утрата положения в мире. Догоняющий путь развития

В чем выразилась изоляция Руси

Факторы становления русской нации – нового исторического феномена

ИСКУССТВО В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Отход от византийских традиций

Андрей Рублев и Дионисий – предтечи русского национального искусства

РЕЗЮМЕ

ПРЕДПОСЫЛКИ НАЦИОНАЛИЗАЦИИ РУССКОГО ИСКУССТВА

II

МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ

1. ВЕЯНИЯ ВОСТОКА И ПРАЗДНИК РУССКОЙ ДУШИ

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Отношения России с Крымом и Турцией

Турция между Европой и Персией

Россия между Турцией, Персией и Европой

Почему все же Турция?

ИСКУССТВО В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Иконография русских людей. Текстиль и одежда

Оружие

Быт

Архитектура

Апофеоз Востока в Москве

РЕЗЮМЕ:

ВОСТОЧНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ – ВАЖНАЯ ДОМИНАНТА «ЗОЛОТОГО ВЕКА»

2. ВЕЯНИЯ ЗАПАДА И КОНФЛИКТ МЕНТАЛИТЕТОВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Отношения России с Польшей и Литвой

Русь и Литва в X—XIV вв.

Окатоличенье Литвы

Православие в Литве: от равноправия к уничтожению

Ополяченье Литвы

Литва, Польша и татары

Русь, Литва и Польша в XV—XVI вв.

Ливонская война как зеркало русской экзистенции

Русско-польские войны XVII в.

Итоги века. Путь на Запад

По пути на Запад

Чего русские хотели от Европы

Поучительная история Ганса Шлитте

Смута – первый натиск вестернизации

Колония европейцев при первых Романовых

О Немецкой слободе

Без корней

ИСКУССТВО В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Алексей Михайлович – любитель европейских чудес
Элита и Запад. Вестернизация быта высших классов
Быт
Костюм
Армия, гражданские специалисты и купечество
Отношение русских к вестернизации
Роль Церкви в сопротивлении вестернизации
Архитектура
Резьба по камню и дереву
Патриарх Никон – между Западом, Византией и Русью
Живопись и гравюра
Оружие
Ювелирное дело

РЕЗЮМЕ

ПУТЬ НА ЗАПАД ЧЕРЕЗ ПРИТЯЖЕНИЕ И ОТТАЛКИВАНИЕ

III. САМОБЫТНОЕ РУССКОЕ ИСКУССТВО И ЕГО ЗОЛОТОЙ ВЕК

1. АРХИТЕКТУРА

Архитектура. Первый период

Содержание и форма

Церковь Вознесения Господня в Коломенском

Проблема происхождения шатра

Позиция Баталова и Беляева

Петрок Малой – итальянец в России

Проблема авторства

Проблема заказчика

Проблема интерпретации

Храм Василия Блаженного

Архитектура. Второй период

Московские монастыри

Развитие каменного строительства и стиль «русского узорочья»

Изразец

Истоки русского изразечного дела

Изразечное «Берендеево царство»

Значение «эпохи изразца» в истории русского искусства

Новый Иерусалим – второй межевой столб русского зодчества

Судьба шатра в русском зодчестве

Деревянная архитектура

Архитектура. Третий период

2. ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

Иконопись. Шестнадцатый век

Периодизация.

Первый период. Наследие Дионисия и подъем местных школ иконописи. Новгородские мастерские архиепископа Макария.

Второй период. Деятельность митрополита Макария в Москве, Стоглавый собор и дело дьяка Висковатова.

Третий период. Иконопись после смерти Макария и до конца жизни Ивана Грозного.

Четвертый период. Развитие русской иконописи XVI века в связи с деятельностью Годуновых и Строгановых.

Стенопись.

Иконопись. Семнадцатый век

Подальше от Византии

Проблема влияния Запада и «русская фрязь»

Технологии фрязи

Рождение теории искусства в трудах иконописцев

Симон Ушаков – титан Золотого века

«Спас на престоле» – главный шедевр Золотого века русской живописи

Восхождение великого художника

**Вокруг Ушакова
О предшественниках Ушакова
Сумма, но не сплав
Сподвижники и последователи
Троянские кони Запада в русской живописи XVII века
Иностранцы на русской службе
Иван Безмин и Карп Золотарев
Ярославская альтернатива
Гурий Никитин
Семен Спиридонов**

**Парсуна, шитье, книги, лубок и пр.
Парсунная живопись
Лицевое и золотое шитье
Пермская деревянная скульптура
Печатная графика и лубок**

3. ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО

Оружие

Художественный металл и ювелирное дело

Стекло

Резьба по кости

Костюм, ткани

ЗАКЛЮЧЕНИЕ:

РУССКИЙ МАНЬЕРИЗМ И РУССКИЙ ХАРАКТЕР

Ведущий стиль Золотого века русского искусства

«Победная поступь народного художественного вкуса»

IV. ЭПИЛОГ. ЗОЛОТОЙ ВЕК РУССКОГО ИСКУССТВА И СОВРЕМЕННОСТЬ

Итак: Золотой век

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Предпосылки формирования Золотого века русского искусства

ИСКУССТВО В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

На ущербе. Нарастание западнической тенденции в XVII веке

Как закончился Золотой век русского искусства

Золотой век русского искусства и Новое время

О книге «Русский стиль»

Навстречу русскому стилю. Апология историзма

Александр Третий и Русский Ренессанс

Золотой век русского искусства и Новейшее время

Ады на западной стороне самые жестокие и ужасные,
и тем более жестоки и ужасны, чем они более удалены от востока.
В этих адах находятся те, кои в мире жили в любви к себе
и затем в презрении к другим, во вражде к тем,
которые им не благоприятствовали, в ненависти и мщении
против тех,
кои не почитали их и не поклонялись им.
В самых отдаленных местах этих адов находятся те, которые,
принадлежа к так называемому римско-католическому
вероисповеданию,
желали, чтоб им поклонялись как богам, и вследствие того
возгорались
ненавистью и мщением против всех, не признававших их права
над человеческой душой и над небесами;
они и после смерти своей исполнены того же духа,
т.е. той же ненависти и страсти мщения против тех,
которые противятся им: их величайшее удовольствие
в жестокостях.

Эмануэль Сведенборг. О Небесах, ангелах и Аде

ВВЕДЕНИЕ. РУССКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР И ИСКУССТВО

Что такое русский «Золотой век»

«Золотым веком» русской культуры у историков и обществоведов принято называть XIX столетие, когда русские литераторы, художники и музыканты создали произведения, обогатившие духовный мир всей антропосферы. От Пушкина, Лермонтова и Гоголя до Толстого, Тургенева и Достоевского в литературе; от Брюллова, Иванова и Айвазовского до передвижников в живописи; от Бортнянского и Глинки до Чайковского и «Могучей кучки» в музыке. Все последующее проходит уже по разряду «Серебряного века», а все предшествующее рассматривается как некая взлетная полоса, по которой русская культура брала разгон перед тем, как воспарить.

Вдумчивому наблюдателю, однако, трудно согласиться с такой классификацией. Не потому, чтобы лучшие достижения русской культуры этого периода по своему абсолютному значению не дотягивали до высших оценок. Дотягивают, безусловно. Но потому, что берет сомнение: насколько русскими были эти «золотые» достижения – то есть, насколько выразился в них дух именно русской нации, ее национальное начало, национальное своеобразие. Ведь с XVIII вся русская витринная литература и искусство, включая музыку и архитектуру (т.е. культура высших классов, представляющая нацию на мировой сцене), создавалась не по национальным, а по европейским лекалам. И русские поэты, писатели, архитекторы, художники и композиторы равняли себя и свое творчество не с русскими, а с европейскими предшественниками и современными коллегами. «Он наших стран Мальгерб, он Пиндару подобен», – так недаром один русский гений того времени возвеличивал другого (Сумароков – Ломоносова), себя самого при этом уподобляя Корнелию и Расину, что характерно.

Между тем, для любого, даже начинающего, искусствоведа совершенно ясно, что в истории мировой культуры наибольший интерес представляют именно те страницы, на которых отразилось нечто национально самобытное, своеобразное. И даже в том случае, когда народы принадлежат к одной расе и исповедуют одну религию (например китайские и японские монголоиды-буддисты), мы учимся видеть в их искусстве, схожем только на взгляд дилетанта, не черты сходства, а черты глубокого различия, обусловленного отчетливо выраженным национальным духом, национальным характером. И дорожим именно этими различиями, восхищаемся ими и ценим их, что особенно убедительно и ярко выражается в молотковой цене мировых арт-аукционов.

В силу сказанного понятно, что титуловать XIX столетие Золотым веком русского искусства вряд ли справедливо. Золотой-то он Золотой, да только русский ли? Быть может, стоит поискать в нашей отечественной истории другой период, более достойный так прозываться? На данный вопрос и отвечает настоящая монография.

Почему так важно разобраться в обозначенной проблеме? Потому что за ней просматривается другая проблема, неизмеримо более важная, особенно актуальная сегодня и требующая решения.

* * *

Постулат науки этнополитики гласит, что народы отличаются друг от друга вовсе не потому, что они говорят на разных языках, исповедуют разные религии, и представляют мировому сообществу различное культурное наследие. Так может показаться лишь на самый первый, поверхностный взгляд. В действительности же все обстоит строго наоборот. Народы создают различные культурные наследия, придумывают или выбирают себе различные рели-

гии и говорят на разных языках именно потому, что они разные изначально, биологически, а значит и онтологически, экзистенциально. Такова этнополитическая аксиоматика¹.

Выдающийся историк и культуролог Б. Ф. Поршнев учил, что социальное не сводится к биологическому, но социальное не из чего вывести, кроме как из биологического². Этничность всегда исходна, первична, а выражает она себя через производное, вторичное: прежде всего – именно через язык, веру, культуру. И чем дальше биологически отстоят друг от друга те или иные этносы и расы, тем разительнее будут отличия в их языках, вере, культуре. Эти ярко проявленные отличия обычно и выступают на поверхности нашего сознания как индикаторы, определители этносов и рас, по ним мы судим о национальных особенностях, национальном характере. Но в действительности корень национального своеобразия растет из глубины биологического происхождения³. Тех, кому интересно, почему и как это происходит, следует адресовать к учебнику «Основы этнополитики», написанному автором этих строк. А мы пойдем дальше в своих рассуждениях.

Сказанное выше означает, что достижения той или иной национальной культуры нельзя рассматривать в отрыве от константы: имманентных черт национального характера – и наоборот. История русского народа, в частности, если мы хотим понимать ее более-менее правильно, требует внимательного изучения русской культуры. Одновременно история русской культуры не может рассматриваться вне контекста истории русского народа. Поскольку не только биологическое (в большей степени), но и историческое (в меньшей) оказывает влияние на формирование национальных архетипов. И ключевой вопрос в этом случае ставится так: а что же такое собственно русская культура, когда, в чем и почему она проявилась с максимальной полнотой? По каким образцам ее лучше всего изучать, исследуя связи с национальным русским характером?

Главная проблема, возникающая при такой постановке вопроса, состоит в том, что для историка именно русской культуры всегда крайне остро стоит вопрос о заимствованиях. И о той границе, где эти заимствования, по диалектическому закону перехода количества в качество, меняют национальную природу собственно русской культуры. Эта проблема встает на протяжении последнего тысячелетия каждый раз, когда наблюдаются заимствования от Византии, от мусульманского (и не только) Востока, от Запада. Несомненно, русское национальное начало, связанное с национальным характером, пробивалось и сквозь иностранные и инородные влияния. Но насколько полно в том или ином случае? Рассмотрение этого вопроса также лежит в центре внимания данной монографии. Но прежде чем перейти ко всему этому, необходимо сделать два отступления.

Отступление первое: о методе.

Здесь уместно сказать несколько слов об авторском методе работы.

В свое время крупный историк Матвей Александрович Гуковский, завкафедрой истории Средних веков истфака ЛГУ и руководитель научной библиотеки Эрмитажа, ввел в оборот (в связи с полемикой вокруг Л. Н. Гумилева) весьма меткое наблюдение. «Он разделил историков на „мелочеведов“ и „синтетиков“. Сингетики создают целостные научные концепции, а мелочеведы исправляют их „частные ошибки“»⁴.

¹ Подробности, включая историю вопроса, можно найти в кн.: 1) Элез А. Й. Критика этнологии. – М., Наука/Интерпериодика, 2001; 2) Севастьянов А. Н. Основы этнополитики. – М., Перо, 2014.

² См.: Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории. – М., ФЭРИ-В, 2006.

³ Достаточно, к примеру, провести день в шестизэтажном Музее Бранли в Париже, где собраны артефакты Африки и Океании, чтобы ощутить и осознать, что европеоиды и негроиды суть разные биологические виды, не покрываемые общим таксоном *homo sapiens sapiens*.

⁴ Беляев С. С. Гумилев сын Гумилева. – М., Астрель, 2012. – С. 333.

Относя себя, безусловно, к синтетикам, автор этих строк далек от пренебрежительного отношения к мелочеведам, напротив, относится к ним с величайшим почтением. Поскольку именно мелочеведам любой синтетик вообще обязан самой возможностью синтезировать историю. Образно говоря, в любой отрасли, включая литературу, искусство, историю и т.п., творческие люди бывают двух типов. Одни из них изобретают и творят «кирпичи», средства творчества – материалы, приемы и технологии (слова и выражения, термины и понятия, ноты, краски, тысячи фактов и фрагментов знания и т.п.), другие же из этих кирпичей создают в свободной творческой игре дворцы и храмы. Примером первого типа могут служить в музыке Вивальди и Гайдн, второго – Моцарт; в русской литературе первый тип представлен Сумароковым, Херасковым, Фонвизинным, Ломоносовым, Державиным и др., второй – Пушкиным. И т. д.

К тому времени, когда автор увлекся темой «Золотого века» русского искусства, основной фонд «кирпичей», из которых можно сложить подобное здание, был уже создан трудами многих исследователей в самых разных областях. Тут приходилось неукоснительно следовать завету Б. Ф. Поршнева, который утверждал, что «ученому все дозволено – все перепроверить, все испробовать, все продумать, не действительны ни барьеры дипломов, ни размежевание дисциплин. Запрещено ему только одно: быть неосведомленным о том, что сделано до него в том или ином вопросе, за который он взялся»⁵. Автор постарался этого избежать.

Мне не довелось работать в экспедициях или участвовать в археологических раскопках, в трудах реставраторов, мало пришлось обращаться к архивам, благо важнейшие документы эпохи давно опубликованы или описаны. На моем счету почти нет детальных исследований отдельных имен, фактов, явлений, нет громких атрибуций и т. п. Свою задачу я видел в том, чтобы опираясь на уже имеющиеся наиболее авторитетные исследования, осуществить синтез, взглянуть на проблему с высоты птичьего полета и понять общую картину, как она видится на данный момент. Пройдут годы, какие-то детали этой картины будут непременно пересмотрены, и тогда понадобится новый синтез, чтобы получить новую общую картину, исправленную и дополненную. Но пока этого не случилось, я предлагаю для ознакомления и осмысления то, что есть.

В связи со сказанным хочу перечислить основных авторов, чьи труды по русской истории и искусству XVI—XVII вв. сыграли для настоящей монографии роль опорных, основополагающих: Александровский М., Алпатов М. В., Астафьева Н. А., Баранова С. И., Баталов А. Л., Бекенева Н. Г., Брюсова В. Г., Бусева-Давыдова И. Л., Вилкова М. В., Виппер Б. Р., Висковатов А. В., Вишневская И. И., Власова О. М., Гамлицкий А. В., Глазунова О. Н., Горностаев Ф. Ф., Грабарь И. Э., Забелин И. Е., Заграевский С. В., Ильин М. А., Кириченко Е. И., Кирпичников А. Н., Ковригина В. А., Комаров И. А., Комашко Н. И., Кравченко А. С., Кузнецова О. Б., Лазарев В. Н., Лясковская О. А., Мартынова М. В., Мартынова Т. В., Маясова Н. А., Муратов П. П., Немировский Е. Л., Нерсисян Л. В., Овчинникова Е. С., Орленко С. П., Панченко А. М., Подъяпольский С. С., Постникова-Лосева М. М., Раппопорт П. А., Робинсон А. Н., Руднева Л. Ю., Савина Л. Н., Сарабьянов В. Д., Сидоров А. А., Смирнова Э. С., Соболев Н. Н., Тихомирова Е. В., Усачев А. С., Уткин А. П., Филюшкин А. И., Хромов О. Р., Цицинова О. А., Черникова Т. В., Черная Л. А., Языкова И. К. По ходу повествования мне не раз доводилось на них ссылаться, а также цитировать, подчас обильно, поскольку лучше них тот или иной тезис никто не изложил, а пересказывать их тексты своими словами – занятие пошлое и пустое. С некоторыми из названных авторов пришлось полемизировать, но это не лишает их заслуженного места в списке.

В свое оправдание хочу привести строки из лучшей биографии Л. Н. Гумилева: «Безусловно, историку надо извлекать факты из исторических документов, а не из книг предше-

⁵ Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории. – М., «ФЭРИ-В», 2006. – С. 14.

ственников. Но, с другой стороны, если бы Гумилев пользовался таким старым, надежным дедовским методом, никогда бы он не создал пассионарной теории этногенеза, не написал бы даже половины своих книг. Метод Гумилева – брать факты из обобщающих монографий и сопоставлять – был единственно возможным... Историки в большинстве своем не ценят теоретиков... Но совсем без теории нельзя, и вот историки идут на поклон к философам и социологам, хотя те создают совершенно умозрительные модели»⁶. Но умозрительные, далекие от реалий жизни и истории модели, вообще спекулятивная философия – это как раз то, что для автора этих строк в принципе неприемлемо и без чего он стремился обойтись, сознательно убегая от всякой схоластической отвлеченности и псевдонаучного блудословия, свойственного «науке мнений» в отличие от «науки фактов и знаний».

Итак, перед читателем – концептуальный синтез сведений по важнейшей теме русской истории, в основе которого лежат многообразные наиболее ценные, интересные и добротные труды по частным вопросам. Хочется верить, что это сообщает некоторую добротность и данному обобщающему труду, первому в таком роде. В этом *особенность номер один* метода.

* * *

Реконструировать русскую историю допетровского периода крайне трудно из-за гигантских лакун в письменном наследии, образовавшихся в результате различных трагических перипетий. Поэтому историк вынужден работать в условиях, когда роль документа играет артефакт. Но это значит, что необходимо учиться артефакты «читать». Этому, в значительной степени, посвящено настоящее исследование.

Но *особенность номер два* моей монографии состоит в том, что обсуждение искусства, на взгляд автора, не может осуществляться «насухую», лишь умозрительно, отвлеченно-схоластически. Оно для этого слишком чувственно по своей природе и требует рассмотрения вживую. И коль скоро рассказ о нем не всегда может сопровождаться иллюстрациями (хотя в нынешних условиях Интернет может восполнить этот недостаток), то он требует хотя бы словесных картин и оценок. Что неизбежно влечет за собой определенный субъективизм в подходах. Что поделаться, так поступали (вынуждены были поступать) многие даже выдающиеся искусствоведы прошлого, такие, как А. Н. Бенуа, И. Э. Грабарь, В. Н. Лазарев, М. В. Алпатов и др. Не избежали этого и их замечательные преемники более близкого нам времени – В. Д. Сарабьянов, В. Г. Брюсова, И. К. Языкова и др. Не все их субъективные оценки выдержали проверку временем, но читать их, однако, всегда интересно, даже и возражая им мысленно с позиций современного знания. Говоря об искусстве Золотого века, я старался следовать их примеру, не избегая эмоциональности и субъективизма, хотя и не возводя их в ведущий принцип изложения.

Здесь мне могут отчасти послужить оправданием обстоятельства моей биографии. Родившийся и проведший первые годы жизни в обстановке, приближенной к музейной, я в течение сорока лет увлеченно занимался коллекционерством и искусствоведением, исходив многие центры концентрации артефактов – от блошиных рынков до ведущих музеев мира. Определенная натренированность глаза и приобретенные по ходу дела сведения помогли обрести почву для оценок, способных, хочется верить, как можно дольше устоять против действия времени.

Впрочем, об этом пусть судит читатель. А потом пусть придет новый историк-синтетик и на основе накопившихся новых фактов создаст новый концепт русского искусства на смену настоящему.

* * *

Еще одна, *третья*, методическая особенность настоящей монографии в том, что она строится в соответствии с глубочайшим, выношенным убеждением автора в том, что в гума-

⁶ Беляев С. С. Гумилев сын Гумилева... – С. 719—720.

нитарных сферах познания все взаимосвязано, и наилучшие результаты обретаются на стыке наук. В частности, затруднительно стать хорошим историком, не ориентируясь в искусстве и литературе; но совершенно невозможно стать хорошим литературо- и искусствоведам, не зная как следует историю избранной эпохи.

Тема, заявленная в заглавии – «В поисках русской идентичности» – не может рассматриваться и искать своего разрешения вне самого широкого исторического контекста. Да, ключ к ее раскрытию дает нам именно история искусства, но все дело в том, что самый ее ход был во многом обусловлен историческими обстоятельствами, в т.ч. мирового масштаба. Это очевидно и без доказательств, но по ходу изложения читатель многократно в том убедится.

В силу сказанного повесть об эстетической эволюции Древней Руси в обязательном порядке предваряется во всех разделах, кроме третьего, рассказом о широком историческом контексте того или иного периода. Эти фрагменты монографии носят именно такой стереотипный подзаголовок: «Исторический контекст». Необходимо, чтобы читатель погрузился в те проблемы и заботы, которые одолевали русское общество, определяя главный ход его чувств и мыслей, его стремления и приоритеты, ставя его перед выбором своего пути, своей судьбы. Что затем выражалось в искусстве.

А выбирать, как убедится читатель, было из чего – и в конфессиональном, и в цивилизационном плане. И в этом выборе каждый раз участвовал не только общий, роевой разум народа (та «равнодействующая воля», на которую указывал Лев Толстой), но и общий инстинкт самосохранения, спасительный для народов, который имеет биологическое происхождение и проявляется как патриотизм и национализм.

Предваряя рассказ, можно заявить в оправдание метода, что XV—XVII вв. есть время возникновения и становления русской нации как таковой. И главным индикатором этого процесса стало рождение Золотого века русского искусства, какого не было ни до, ни после этой трудной и славной эпохи.

Вот таковы, в главных чертах, особенности метода, примененного при написании данной монографии.

* * *

Дополнительно я должен сделать важное пояснение.

По ходу изложения читатель не раз столкнется с понятиями, обращающимися в сфере расологии, этнологии и антропологии. Возможно, некоторые приводимые здесь определения и постулаты покажутся читателю излишне безапелляционными, и ему захочется прибегнуть к более привычным, пусть и некритически воспринятым, укрыться в тихой гавани давно декларируемых (псевдо) научных школ типа «примордиализма», «конструктивизма», «инструментализма» и проч. Но тут, при внимательном рассмотрении дела, неизбежно возникнет большая проблема, с которой многим – и мне тоже – уже приходилось сталкиваться.

Никаких общепризнанных главных терминов и постулатов, никакого консенсуса и вообще никакой непротиворечивой и приемлемой для логики теории, никакой школы, достойной того, чтобы вступить в ряды ее последователей, в этнологии обнаружить не удастся. Во всяком случае, мне, хотя я постарался досконально изучить историю вопроса. Для того, чтобы читатель в этом полностью убедился, достаточно ознакомиться с такими источниками, как работы известных отечественных ученых: монография А. Й. Элеза «Критика этнологии», статьи В. В. Коротеевой «Существуют ли общепризнанные истины о национализме» (и иные), диссертация А. С. Мукановой «Феномены „нация“ и „национализм“: проблемы истории и теории» и др. Полезно также поинтересоваться некоторыми критическими соображениями академика Ю. В. Бромлея и д. и. н. В.Д. Соловья, а также моей статьей «Идолы конструктивизма», специально посвященной таким лжеавторитетам, как Э. Геллнер, Э. Хобсбаум, Б. Андерсон, В. А. Тишков и иже с ними. Тогда станет понятно, что ссылка на подобные «авторитеты» может лишь скомпрометировать, а вовсе не фундировать или украсить любую научную работу.

Сознавая сей огорчительный, но непреложный факт, автору пришлось самому написать такие книги, как «Раса и этнос» (2007, 2009 гг. в соавторстве с В. Б. Авдеевым), «Этнос и нация» (2008) и «Основы этнополитики» (2014), где история и теория основных терминов и понятий, необходимых этнологу и антропологу, таких, как «раса», «этнос», «нация», «национализм», «национальное государство» и пр., подвергнуты подробнейшему разбору и «разложены по полочкам». В результате все дефиниции пришлось определить, а иногда и переопределить заново по сумме объективных характеристик, чтобы сделать сколько-нибудь удобоваримыми для работы с научной целью.

Поскольку в монографии, посвященной истории искусства, подробный пересказ истории вопроса и всей аргументации в пользу практикуемых здесь дефиниций этнолого-антропологического характера явно неуместен (это вдвое увеличило бы объем текста и увело бы в сторону от главной темы), мне ничего не остается другого, как предложить принять их доверительно – или адресовать интересующихся к вышеназванным работам, поскольку ничего более вразумительного рекомендовать по совести не могу. Так уж получилось исторически, что никто, кроме меня, не сподобился на подобный труд и не получил подобного результата, да простится мне эта нескромность.

Дело также еще в том, что я посвятил свою жизнь не просто отдельным предметам исследования, изучая их хаотически – сегодня одно (филологию, книговедение, искусствоведение), завтра другое (социологию, историю, обществоведение, политологию, биологию, этнологию, антропологию) по произвольному выбору, беспринципно («чего левая нога захочет»), влекомый только свободным научным интересом. Нет, моей задачей всегда было выстраивание системной картины антропосферы, чтобы заявить историософию, альтернативную марксизму. Ведь марксизм – последняя капитальная попытка создать универсальную картину мира, за которой, после ее срыва, ничего подобного так и не появилось, если не считать интересную пробу Андрея Московита (И. М. Ефимова), распространявшего в самиздате свою «Метаполитику» в начале 1970-х гг. (первое легальное издание вышло в США в 1978 году после эмиграции автора).

К сожалению, крах СССР, выстроенного на теоретическом фундаменте теорий Маркса, сильно скомпрометировал эти теории и заставил обществоведов отбросить их, как ветхий хлам. Как обычно, ребенка при этом выплеснули вместе с водой. Между тем, сильная сторона марксизма, в частности, – в его политэкономии и той призме борьбы классов, через которую Маркс и его последователи смотрят на историю. Но сильная сторона, как это нередко случается, диалектически обернулась слабостью. Ведь у марксистов есть и своя ахиллесова пята – национальный вопрос, которого они не понимают и в принципе не способны постичь, зашоренные как раз-таки политэкономическим подходом и классовой теорией. В силу чего я попытался исправить положение, представив не борьбу классов, а борьбу этносов как первостепенную движущую силу истории, что, как показывает теория и практика, куда ближе к истине, хотя и классовый подход совсем отбрасывать не следует.

Так я пришел к убеждению, что не политэкономия, а этнополитика в первую очередь определяет судьбы мира. (Ярче всего это проявляется в цивилизационных конфликтах и конкуренции, в том числе через войны. На эту тему мною в 2013 г. выпущена книга «Битва цивилизаций: секрет победы»). Отсюда – необходимость изучать национальный, этнический аспект истории и культуры народов мира, если мы хотим адекватно понять прошлое и спрогнозировать будущее.

При этом, конечно же, игнорировать социальный аспект исторического дискурса ни в коем случае не следует, ведь человек рождается и умирает в системе координат, где абсцисса определяется его социальным, а ордината – национальным происхождением. Их диалектическое взаимодействие следует всегда отслеживать и учитывать.

Со временем, уяснив для себя ответы на основные вопросы об общественном устройстве и движущих силах истории, я решил осуществить проекцию своих наработок в область культурологии, в особенности в изначально близкую мне область истории русской культуры и искусства. Подобным разворотом я отчасти обязан всегдашнему интересу ко всему этому, отчасти – обстоятельствам биографии.

Таким образом, настоящий труд есть производное от более широкого замысла, касающегося историософии и культурологии, но созданное на русском материале в силу моих собственных национальных свойств и предпочтений.

Отступление второе: кто такие русские

Понятно, что в настоящей преамбуле нам не уйти от вопроса о том, что собой представляют русские в стартовый период своей истории, и когда, собственно, этот стартовый период происходил.

И начать, конечно, следует с дефиниции: что такое русский народ, кто такие русские. Такая дефиниция, по непреложному требованию социологической методологии, не имеет права строиться на неформальных и неverified критериях. Этого требует также и принципиальный базовый подход в этнологии. Поэтому данную дефиницию я предлагаю в том виде, как она сложилась, прежде всего, при изучении биологических (антропологических и генетических) характеристик русского народа, описанных отечественными специалистами⁷. Она такова:

русский народ – это сложносоставной европеоидный этнос, имеющий славянскую генетическую основу от летописных племен и говорящий по-русски.

Необходимо разъяснить данную формулу по ее существенным частям.

* * *

1. Чтобы эта формула стали понятной и действенной в умах читателей, нужно разобраться, прежде всего, что есть славянская генетическая основа летописных племен. Откуда взялись славяне и что они собой представляют биологически.

«Во многих же временах сели суть Словене по Дунаеву, где есть ныне Угорьска земля и Болгарьска. И от тех Словен разидошася по земле и прозвашася имены своими, где седше, на котором месте», – гласит источник: русская летопись. Увы, она не раскрывает секретов этногенеза славян. Скорее, наоборот, запутывает нас. Ибо на Дунае славянские племена «сели» довольно поздно, в VI—VII веках, явившись туда уже законченными славянами (о чем свидетельствуют, в частности, этнонимы популяций-дублетов, именно тогда образовавшихся в Центральной и Южной Европе и сохраняющихся там доныне: дулебы, северяне, кривичи). Откуда же они пришли на Дунай, где эпицентр их этногенеза?

Для ответа на этот вопрос проведем блиц-экскурс в историю в свете фактов, опубликованных в специальной литературе. Считается, что однажды за всю историю человечества произошли некие мутации, отразившиеся в митохондриальной ДНК (мтДНК), поэтому все люди, имеющие данную мутацию, являются между собой более или менее близкими родственниками по материнской линии. Есть ли у всех русских эта мутация или нет? Все ли русские – родственники?

На этот счет есть научное утверждение: «датировки мтДНК восточных славян составляют 30 тысяч лет». Это сведения первостепенной важности. Они означают, что славяне могли возникнуть как биологическая популяция уже тогда (м.б. и позже, «а когда именно – по-прежнему неизвестно»): предпосылка к этому налицо⁸. Генетическое своеобразие некоей общно-

⁷ См.: Александр Севастьянов. Диалектика русского этноса, или в поисках русского генофонда. (Рецензия на книгу: Е. В. Балановская, О. П. Балановский. Русский генофонд на русской равнине. – М., Луч, 2007. – 416 с., илл.). – Вопросы национализма, №№8—9, 2011—2012.

⁸ Е. В. Балановская, О. П. Балановский. Русский генофонд на русской равнине. – С. 139.

сти протославян (семья? род? племя?), передаваемое по материнской линии, уже сложилось 30 тыс. л.н.!

Изначально славянский этнос, славяне, как и кавкасионцы, кельты, германцы, финны и некоторые другие, принадлежат все вообще к кроманьонско-европеоидному древу. Которое насчитывает не менее 50 тыс. лет, судя по древнейшим стоянкам. Около 20 тыс. лет это древо стояло, время от времени выбрасывая ростки разных веток-этносов. Одни ветки зажили, исчезли, привились на другое дерево (синантропо-монголоидное, неандертальско-негроидное), другие дожили до наших дней. Но вот, 30 тыс. л.н. оно выбросило, наконец, протославянский росток, которому суждено было уцелеть. В течение 30 тыс. лет протославяне развивались, росли, дробились, пускали, в свою очередь, свои ростки, судьбы которых также сложились по-разному. Славянские субэтносы по закону дивергенции сами становились этносами (зачастую со своими собственными субэтносами), а славянский этнос тем самым превращался в суперэтнос, каким мы его видим сегодня⁹.

Важнейший вопрос: где это произошло?

Ответ дает археология, позволяющая, во-первых, увязывать памятники той или иной культуры с определенной расой, определенным этносом, а во-вторых – четко их локализовать и датировать. Судя по картам, определяющим границы европейского (европеоидного) и азиатского (монголоидного) генофонда на разных этапах верхнего палеолита (граница проходит главным образом по Уралу), рождение славянской мтДНК не могло произойти нигде, кроме как на пространстве Европы. Ибо здесь не только проходил последний по времени расогенез европеоида вообще, но и явно находился эпицентр этого расогенеза.

Это важный вывод, но он требует конкретизации: где именно в Европе это произошло. Основной вывод ученых состоит в том, что славяне первоначально сложились как этнос н.э. на огромной территории от Левобережья Среднего Днепра до Эльбы, от Померании, Лужиц и Бреста до Закарпаття, Приднестровья и Нижнего Днепра. Что проявилось и сохранилось до наших дней в виде единой на этом пространстве в начале I тысячелетия культуры «полей погребальных урн». А также отчасти в «языке земли» – топонимике. Хотя второй критерий менее надежен и носит вспомогательный характер, поскольку те или иные географические названия не обязательно давались этносом, доминирующим в ареале.

Итак, прошло примерно 28 тысяч лет, прежде чем биологическая предпосылка славянского этноса материализовалась в отчетливо выраженную славянскую этничность, проявленную и закрепленную уже не только в генетике, но и в языке и культуре. Весь этот процесс ни на одном из своих этапов не выходил за географические рамки Европы. Об этом, опять же, свидетельствует археология, выявляющая генезис тех элементов, из которых складывалась вышеупомянутая культура и которые по отношению к ней выступают как изначальные.

Первоначальная форма существования славян – после того, как неизбежный процесс дивергенции разложил посткроманьонскую ностратическую общность на индоевропейские этносы¹⁰, – это славянские роды и племена. (Ряд из них на территории Восточной Европы позднее примет участие в собственно русском этногенезе.) Это, с одной стороны, потомки *антов*, а с другой – потомки *склавинов*: племена, которые мы называем летописными. По мнению проф. В. В. Мавродина, под этими этнонимами скрываются собственно славяне – склавины, склалены, сакалибы в транскрипции неславянских авторов – и выделившиеся из них на территории современной Украины в III–V вв. анты, которым, однако, суждено было не стать отдельным народом, а вернуться в общеславянское лоно позднее, в VI–VII вв.

⁹ Этим понятием – «славянский суперэтнос» – мы сегодня обнимаем большую группу народов: русские, белорусы, украинцы, поляки, чехи, словаки, словене, сербы, хорваты и др.

¹⁰ По оценкам специалистов, это произошло примерно 15 тыс. л.н.

В этногенезе антов, несколько отличном от этногенеза склавинов, принимали участие, помимо доминирующих славян, еще и пахотные скифы, фракийцы, гето-даки, возможно и другие этносы.

В этногенезе склавинов участвовали кельты и финны, а возможно и германцы.

Но в обоих славянских субэтносах доминировала славянская основа.

Объединение склавинов с антами вызвало, как это бывает в подобных случаях (объединение монголов с родственными чжурчженями в XII—XIII вв., русских с украинцами в 1654 г. и т.д.), прилив энтузиазма, «пассионарности», выразившийся в экспансионистских устремлениях. Славяне, *теперь* их так уже можно называть, дружно и фронтально двинулись на Дунай и «сели» там, как сообщает летописец. Не все, конечно, а лишь те, кто не предпочел остаться дома, но и этих было немало. К этому времени они подразделялись уже не на антов и склавинов, а на многочисленные племена, которые и перечислены летописцами.

Однако в VII веке славян повыбили с Дуная болгары (тюрки из орд Аспаруха), а в IX веке еще и венгры (тоже тюрки, но другие, финноязычные). Из Центральной и Западной Европы, где славяне распространились, дойдя до Фульдского монастыря, лесов Тюрингии, прирейнских земель и самой Дании, их по мере сил стали выдавливать германцы, начиная еще с готов, сильно подрезавших в IV в. с запада и юга славянский ареал.

Южные, центральноевропейские и западные славяне не могли больше вести экспансию на юг и запад, перед ними встала другая задача: сопротивляться захвату их земель и последующему подчинению, порабощению и ассимиляции со стороны германцев. Для них уже с IV в. начались долгие столетия упорной борьбы (с переменным успехом) за выживание, самотожественность и т. д. Многие славянские племена и даже народы так и сгинули в этой борьбе. Отступать/наступать на восток они тоже не очень-то могли: для этого пришлось бы вести войну на два фронта: с германскими, к примеру, захватчиками на западе и с восточнославянскими автохтонами, впоследствии русскими. Кстати, полякам уже с X века, а в дальнейшем и литовцам избежать этой участи не удалось.

Восточным славянам, неуклонно растущим в числе, путь на запад оказался закрыт по той же причине. В результате они двигались по пути наименьшего сопротивления – все дальше и дальше на восток (лишь много позже – при Олеге, Игоре, Святославе и Владимире – началось движение также и на юг). Двигались всем долготным фронтом, сохраняя при этом те этногенетические особенности своих популяций (племен, попросту), которые сложились со времен склавинов и антов. Продвигаясь с запада на восток, племена тянули за собой генетический шлейф в том же, естественно, направлении¹¹. Отсюда именно широтная генетическая изменчивость – основная русская биологическая особенность как этноса. Со временем эти племена подпадут под власть «варягов-руси» (Рюрика со товарищи) и станут русскими.

Процессы как славянского, так и русского этногенеза происходили не без участия иноэтнических субстратов, в первую очередь – кельтского и финского (на востоке, отчасти на севере и в центре Русской равнины), иранского и фракийского (на юге). Нужно правильно понимать сущность и масштабы этого участия: палеоевропейский пласт являлся в той же мере протофинским или протоиранским, в какой и протославянским. Это во-первых. А во-вторых, судя по археологическим данным, на территориях, предназначенных историей к ославяниванию, финский субстрат существовал по большей части в виде небольших родов (даже не племен, не то что народов), редко распределенных по берегам водоемов и далеко отстоящих друг от друга. Оставив свой след в славянском генофонде, они не сделали его, за исключением прибалтов, качественно иным, неславянским; субстрат растворился в суперстрате. А поскольку все названные субстраты – суть потомки кроманьонца, белые европеоиды, то в данном случае

¹¹ Е. В. Балановская, О. П. Балановский. Русский генофонд на русской равнине. – С. 142.

следует говорить не столько о метисации, сколько о реверсии – восстановлении исходного для всех участников вида.

В принципе, любая изменчивость может (а значит должна) быть градуирована, но для этого должна быть точка отсчета, в нашем случае – эталон русскости. Он обнаруживается в непосредственно граничащей с Россией близости: это белорусский этнос. Балановские формулируют это наблюдение так: «Если те же самые карты классических маркеров рассмотреть с точки зрения карты расстояний от русских, то мы увидим, что белорусы куда более похожи на русских, чем многие русские!.. Самый тонко дифференцирующий генетический маркер – гаплогруппы Y-хромосомы – показал удивительное сходство генофондов белорусов, поляков и западных русских»¹². Западных – то есть, прямых потомков летописных племен в ареале их исконного расселения.

Итак, понятно первое и главное: русские есть этнос славянского суперэтноса белой европеоидной расы. Это прежде всего.

* * *

2. Прояснив для себя тезис о бесспорно славянской основе русского народа, проясним также и тезис о его сложносоставной природе.

Что собой представляли славяне, сложившиеся к VI—IX вв. на Восточно-Европейской равнине? Весьма генетически гетерогенный контингент, представленный различными племенами. Изначально не вполне тождественные друг другу, они двигались, в основном, с запада на восток, и каждое племя тянуло за собой «затяжку»: шлейф своих – и только своих – признаков-маркеров. Вятичи – своих, кривичи – своих и т. д.

Двигались, видимо, не все и не всё время. Оставались более-менее на своих местах балтийские славяне, а также лютичи, бодричи, пруссы, ляхи, уличи, тиверцы, хорваты, дулебы и др., не пошедшие дальше на восток. Больше продвинулись поляне, древляне, северяне, радимичи, дреговичи, но и они не дошли до областей плотного проживания финнов, осели там, где показалось хорошо, а дальше не пошли. Непрерывно двигались на восход только словене, кривичи и вятичи.

На полпути они встретили финские роды и племена – и началась активная реверсивная метисация, более-менее мирная, судя по финскому и русскому эпосам, не отразившим никаких этнических войн наших народов. Впрочем, исходя из размеров древних финских городищ, среди которых максимальным считается 70 x 50 м², речь следует вести не о племенах, как уже сказано, а лишь о семьях и родах¹³, во многих из которых дивергенция уже сменилась своей диалектической противоположностью – реверсией единого праевропейского типа под видом метисации, ассимиляции. Ассимилировали, конечно, более многочисленные и культурные славяне – более отсталых и малочисленных финнов и литовцев, причем без их истребления и даже выселения¹⁴. Финская топонимика – реликт той эпохи. При этом «племена северной лесной полосы искони были протославянскими», а также «Припятская, Деснинская и Верхнеднепровская (главным образом западная ее часть) области были основными землями протославян»¹⁵.

В итоге финский субстрат (в том числе уже давно смикшированные народы финно-монголоидного происхождения) оставил на пути этих племен всевозрастающий след с запада на восток вплоть до Урала. Всевозрастающий, но далеко не все определяющий.

Процесс этой первичной ассимиляции в северной лесной зоне заканчивался, когда в VI веке значительная часть антов покинула свой исконный ареал (Прикарпатье, Среднеднепровье

¹² Е. В. Балановская, О. П. Балановский. Русский генофонд на русской равнине. – С. 301.

¹³ Летописная фраза «и восстал род на род» совершенно точно отражает эту фазу этногенеза.

¹⁴ См. об этом: Егоров В. Л. Сложение полиэтнического древнерусского государства. – Археологический сборник. Труды Государственного Исторического музея. Выпуск III. – М., 1999. – С. 82—91.

¹⁵ Мавродин В. В. Указ. соч., с. 93.

и др.) и ушла на юг и восток искать счастья с ордами гуннов и аваров, чтобы затем раствориться, порой без следа, среди других народов. Еще часть ушла по найму служить в Византию – и тоже не вернулась. В образовавшуюся нишу хлынули с севера их более дикие родственники, склавины. Благо политическое объединение с антами на почве сопротивления вначале готскому нашествию, а впоследствии аварскому каганату (т. н. Волынский союз) уже давно состоялось. Самостоятельная цивилизация антов, на пороге которой они стояли, в результате так и не сложилась. Культуре «полей погребальных урн» пришел конец. Анты так и не завершили свой процесс этогенеза, не стали отдельным самостоятельным этносом, народом. Поглощенные склавинами, разлившимися на всем ареале исторического ареала проживания антов, они кристаллизовались затем в виде т.н. «летописных» славянских племен.

После 602 г. этноним «анты» в источниках не упоминается. Однако генетический след в виде иранского, фракийского или кельтского субстрата на территориях, где проживали анты, конечно же, остался. Он, в частности, просматривается в современных украинцах.

Таким образом, мы, русские, изначально суть сложносоставной микст, причем древнейший, с индоевропейских времен. Два основных процесса – дивергенция кроманьонско-индоевропейской ностратической общности на отдельные протоэтнотыпы и реверсия этой общности на основе метисации и ассимиляции оных протоэтнотыпов – определяли расово-антропологическую сущность данного микста. Микста, подчеркнем, слитного, давным-давно сложившегося на славянской основе как целое, как единая данность – совокупность славянских племен с незначительным иноплеменным подмесом.

Русскими же славянские племена стали, будучи объединены властью русов, руси, олигоценной династией Рюриковичей. Тысяча лет многообразной нивелировки и взаимных миграций, иногда вынужденных властью, – вот наш, русский путь этногенеза. Осознанная централизованная политика единения, а не стихийная метисация с другими этносами лежит в его основе.

Благо язык, сначала старославянский, затем древнерусский, оставался все время общим, хотя и подразделенным на северные и южные диалекты. Важно подчеркнуть – и это не случайно сделано в вышеприведенной формуле русскости – не только биологическую, но и языковую основу русского народа. Это делается для того, чтобы отличать наш народ от таких же потомков летописных славянских племен, какими являются белорусы (безусловно) и украинцы (в значительной мере).

Политика единения проводилась центральной властью успешно. Об этом ясно говорит тот факт, что на базе тех или иных племен не возникли отдельные народы. Ни в субэтнотыпах русского народа, ни в отдельных частях этих субэтнотыпов вплоть до XX века не вспыхнули самостоятельные этногенетические процессы. Вначале их гасила инерция экстенсивного развития – движения, миграции на восток: субэтнотыпы просто не успевали концентрироваться. Впоследствии этому препятствовала объединительная политика киевских, а позже того – московских князей и царей, использовавших, в том числе, принудительное массовое переселение подданных (например, новгородцев, псковичей и смолян – в Подмосковье и наоборот, подмосковных русских – в Новгород, Псков и Смоленск). Сильно изменило генетическую карту русских татарское нашествие, ведь поляне, господствовавшие на Киевщине, бежали от страшного врага на остров Хортицу и на Север: на Мезень и Печору, в Каргополь, на берега Вятки и т. д. Племена при этом порой перемешивались, роднились между собою, что и дало в итоге возможность на всей территории России образоваться не многим народам вроде курян, вятичей, москвичей, смолян, новгородцев и т.д., а одному народу. Русскому.

Да, русские местами – не совсем чистые славяне (хотя чистые европеоиды) по меньшей мере с III—V вв., а вероятно и с более ранних времен. Но в этом нет угрозы нашей этничности, которая вовсе не обязана быть стопроцентной. Надо понимать главное: самое раннее с XII,

а самое позднее с XIV века мы де-факто уже существуем как сложившееся единое этническое целое. (Де-юре этот факт оформился в 1549 году на Первом Земском соборе.)

Да, мы сложносоставной, но при этом единый народ с общей восточнославянской биологической основой. И какой бы то ни было субстратный след в нашем генофонде невелик и уже давным-давно потерял для нас всякое значение, кроме чисто академического. Русские – не «нация мигрантов», как североамериканцы, и не «нация метисов», как латиноамериканцы. Для России именно и только русские служат единственным титульным и государствообразующим народом, единственной действительной и неложной скрепой страны. С 2020 года этот факт отражен и в Конституции России.

Таким образом, значение таких понятий, как «русские», «русский народ», «русский этнос», теперь полностью разъяснено.

Отступление третье: о русской нации

Прежде, чем вести речь о национальном русском характере, надо сказать несколько слов о русской нации как едином целом. А следовательно – об образовании русского национального государства на основе русского народа как государствообразующего. Но в таком случае следует правильно понимать, **что такое нация**.

Надо сразу же твердо заявить: единства по данному вопросу среди этнологов нет¹⁶. В целом все обширное разнообразие мнений сводится к двум взаимоисключающим концепциям: «французской» (сегодня ее можно бы именовать «франко-американской») и «немецкой». Французская концепция трактует нацию как согражданство. Немецкая – как государствообразующий этнос, спаянный общим происхождением.

Французская концепция может условно применяться только в таких странах, где государствообразующий народ исторически отсутствует. Например, в самой Франции, в Испании, в Италии, в США, в Канаде и т. п. Там вынуждены под нацией понимать обычное согражданство. Поскольку ничего иного там просто не существует, хотя «нация» и «согражданство» – совершенно разные, взаимно внешние понятия. Но совсем по-другому обстоит дело в странах, где имеется государствообразующий народ, как немцы в Германии, евреи в Израиле, хань в Китае, поляки в Польше или русские в России.

Отчего пошла такая неразбериха с подменой понятий? Как и многие другие неурядицы – от Французской революции. Франция никогда не была этнически единой, но возомнила себя таковой в результате обретения каждым ее подданным равных гражданских прав. Как это произошло? До нелепого просто. 19 ноября 1789 года у города Валанс собрались 1200 национальных гвардейцев из Лангедока, Дофине и Прованса, чтобы принести присягу на верность Нации, Закону и Королю. И объявили, что отныне они уже не провансальцы или лангедокцы – а все просто французы. Это был почин. Через год такое же признание сделали гвардейцы Эльзаса, Лотарингии и Франш-Конте.

Дальше – больше. И вот уже перед нами, по словам историка Э. Лависса, «нация, которая создала себя сама по собственной воле». Иными словами, конгломерат этносов, формально объединенный равноправием индивидов, попросту присвоил себе статус нации. Социальное единство всех «во Конституции 1791 года» породило иллюзию национального единства. Все этносы, населявшие Францию, наконец-то почувствовали себя равноправными свободными гражданами, как ни один другой народ в мире, – и воодушевились!

Понятно, что при таком повороте дверь во «французскую нацию» оказалась раз и навсегда открыта для всех желающих (начиная с цветных жителей собственных колоний), ибо сущность конгломерата никак не изменится, если вместо 10 компонентов в нем станет их 100 или 1000. Конгломерат – он и есть конгломерат. Идеино оформив эту конгломератную сущность как единую нацию, заложив это понимание в самый фундамент новой государственности, французы оказались в заложниках собственных фальшивых, ложных идей. И сегодня эта идеология, самым ходом истории доведенная до абсурда, заставляет их, белых европеоидов кроманьонского извода, называть и считать «французами» натурализовавшихся во Франции бесчисленных негров, арабов, китайцев, вьетнамцев и еще бог знает кого. Что с точки зрения любого независимого и непредвзятого наблюдателя есть злокачественный бред и полная чепуха, с точки зрения политики – опаснейший просчет, а с точки зрения науки – ересь¹⁷.

¹⁶ Детально с историей вопроса можно ознакомиться по моим книгам: «Этнос и нация» (М., Книжный мир, 2008), «Основы этнополитики» (М., Перо, 2014), а также по книге А. Й. Элеза «Критика этнологии» (М., Наука/Интерпериодика, 2001).

¹⁷ О том, какой сумбур понятий и представлений царит в головах французских цивилистов, лучше всего говорит преамбула конституций Французской Республики 1946 и 1958 гг., где закреплено: «Французский Союз составлен из наций и народов». А каково было цветным учащимся школ во французских колониях Африки или Индокитае учиться по учебникам, где их

Парадокс в том, что сама история однажды развенчала весь абсурд французской концепции нации. А именно, в годы Второй мировой войны, когда Франция была оккупирована и ее суверенитет был аннулирован (а следовательно, не могла идти речь ни о гражданстве, ни о согражданстве – то есть «французской нации»), французский народ именно как этнос, не имеющий суверенной государственности, был, однако, представлен в международном сообществе национально-освободительным движением «Свободная Франция», а генерал де Голль был признан руководителем «всех свободных французов, где бы они ни находились». То есть, правосубъектностью вдруг возобладали и стали носителями суверенитета вовсе не «граждане Франции», коих де-юре в тот момент не существовало, а именно французы как таковые, как этнос! Оль и Ромашов справедливо и остроумно резюмируют по данному поводу: «Таким образом, пример Франции, традиционно считающейся родиной этатистской политико-правовой модели нации, продемонстрировал, что модель эта не может рассматриваться как универсальная и работающая при любой политической ситуации»¹⁸.

Французская концепция нации, несмотря на то, что определенные силы в мире настойчиво навязывают ее разным странам, в том числе России, не прижилась по-настоящему нигде, кроме Америки и Канады. Это неудивительно – ведь Америка вначале стихийно, затем осознанно, а с 1965 года (с принятия Акта об иммиграции) целенаправленно выстраивалась именно как этнический конгломерат. Джон Кеннеди недаром говорил: «Мы – нация иммигрантов!». Но и там сегодня крах идеологии и политики расово-этнического всесмешения – «плавильного котла» (*melting pot*) – уже для всех очевиден, и вместо того в моду входит мультикультуральная концепция Америки как «миски с салатом» (*salad bowl*), в которой сосуществуют многие ингредиенты, не меняя при этом свою природу.

Симптомы грядущего развала страны по национальным границам настолько очевидны, что историк Артур Шлесинджер-младший в 1991 году опубликовал книгу с характерным названием «*The Disuniting of America*» («Разъединение Америки»). В третьем издании 1998 года тревожные прогнозы этого бестселлера еще усилены. Кампания BLM (Black Lives Matter), мощно продемонстрировавшая рост черного расизма (известного науке как «негритюд») в 2020 году, весьма убедительно показала всем ахиллесову пятую США и подтвердила тревоги Шлессинджера.

В мире, однако, наблюдается большинство стран, в которых нации создавались не под воздействием скоротечного политического момента, как во Франции, и не в результате хаотичного заселения иммигрантами всех мастей, как в Америке, а естественным путем длительного развития того или иного этноса. К таким странам относятся, к примеру, Китай, Россия, Германия, Польша и мн. др.

Именно в Германии вызрела наиболее органичная для таких стран и вообще сообразная уму концепция нации, так и прозванная учеными «немецкой». Ее отцами принято считать И. Г. Гердера и особенно философов-«романтиков», последовательно выступивших против идей Французской революции.

Так, Гердер не случайно поставил во главу угла вопрос о естественных границах государства, а Фихте уже прямо писал, что естественные границы возрожденной Германии – централизованного «национального государства» – должны определяться границами расселения немецкой нации. Этнический приоритет был обозначен прямо и недвусмысленно.

Венцом немецкой мысли в национальном вопросе стали идеи Г. Ф. Гегеля, который, хотя его традиционно числят в идеалистах, определял нацию как общность людей с единым «национальным характером», состоящим из «телесного развития, образа жизни, занятий, равно как

предками объявлялись галлы?! (об этом см.: Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. – М., Высшая школа, 1992. – С. 37.) Судите сами...

¹⁸ Оль П. А., Ромашов Р. А. Нация. (Генезис понятия и вопросы правосубъектности). – СПб, Изд-во Юридического ин-та, 2002. – С. 73.

и особых направлений ума и воли». Поставить соматiku, телесность (т.е. кровь в ее наиболее зримом воплощении) на первом месте – это был вызов и прорыв! И далее Гегель сформулировал свой знаменитый тезис о государстве, которое «есть непосредственная действительность отдельного и по своим природным свойствам определенного народа»¹⁹. На мой взгляд, именно Гегель поставил в этом вопросе смысловую точку.

Науке ясно, что ничего третьего в теории нации предложить невозможно. Либо «немецкий» биологический (расово-антропологический) подход – и тогда нация есть высшая фаза развития этноса, государствообразующий народ. Либо подход «французский», этатистский, и тогда нация есть согражданство, безотносительно к этничности, – просто население страны, замкнутое государственной границей, не больше, не меньше. Но тогда французы, проживающие за пределами Франции – скажем, в английском протекторате Канаде или в бывшей французской колонии, а ныне независимой Гвинее – это, якобы, уже вовсе не французы, а всего лишь франкофоны (франкоязычные). Зато настоящими французами приходится признать негров и арабов – граждан Франции...

Сказанного достаточно. Для меня немецкий подход, которого я неукоснительно придерживаюсь, является единственно истинным, а французский – неистинным, абсурдным.

Российскому ученому не столь трудно определиться по поводу нации и ее отграничения от других сообществ, поскольку в России есть достаточно крепкая, сложившаяся научная традиция, подвергать которую пересмотру я не вижу оснований. Как резюмировал, с соответствующими ссылками, в своей докторской диссертации историк А. И. Вдовин (МГУ): «В отечественной обществоведческой традиции советского периода под нацией чаще всего понимали определенную ступень в развитии народа (этноса), историческую общность, результат развития капиталистических отношений, приводящих к экономическому, территориальному, культурному, языковому и социально-психологическому единству определенной совокупности людей, стремящихся обеспечить интересы своего дальнейшего независимого развития непременно с помощью обособленного национального государства»²⁰.

Оставив в стороне историю вопроса, подчеркну, что для современного нам круга российских ученых, за вычетом окопавшихся местами экзотистов-конструктивистов, это понимание вполне утвердилось в своих главных, опорных тезисах – 1) нация есть высшая фаза развития этноса, в которой он 2) создает свою государственность, обретает суверенитет.

Указанные тезисы нашли очень весомую поддержку даже в среде ученых, далеких от этнологии и социологии. Я имею в виду монографию петербургских правоведов-цивилистов П. А. Оля и Р. А. Ромашова, которая так и называется «Нация. Генезис понятия и вопросы правосубъектности» (СПб, Изд-во Юридического ин-та, 2002). Авторы зашли к проблеме нации со своей, юридической стороны, перед тем проработав, однако, внушительный массив этнологической, социологической и социально-психологической литературы. Для нас их позиция весьма важна, ибо юридические формулы, логические, краткие и ясные, способны воплотить в себе в концентрированном и очищенном виде многие тома досуужих дискуссий.

Оль и Ромашов пришли к выводу, что нация есть не только «сложная этносоциальная общность», но и «специфический коллективный субъект права», который «может выступать только как общественное образование с формально-юридически закрепленным статусом. При этом неотъемлемым ее свойством, позволяющим выступать в качестве самостоятельного субъекта межнациональных и национально-государственных отношений, регулируемых правом, является национальный суверенитет, обладание которым является основанием правосубъект-

¹⁹ Гегель Г. Ф. Энциклопедия философских наук. – М., 1977. – Т. 3, с. 364.

²⁰ Вдовин А. И. «Российская нация». Национально-политические проблемы XX века и общенациональная российская идея. – М., Либрис, 1995. – С. 28.

ности национального образования»²¹. Очень ясно и понятно: есть суверенитет у этносоциальной общности – значит, перед нами нация. Нет такого суверенитета – значит нет у общности и статуса нации.

Логично, четко и понятно и дальнейшее рассуждение. В чем и как проявляется национальный суверенитет? Ответ: «Государство является основной политико-правовой формой реализации нацией своей правосубъектности, и в этом смысле нация может рассматриваться как государствообразующий этнос»²². Таким образом, тождество государствообразующего этноса и нации представляется юридически безупречным. Что и требовалось доказать.

Итак, затвердим: **нация есть высшая фаза развития этноса, в которой он обретает суверенитет через создание собственного государства.**

* * *

Переходя к русскому национальному государству и русскому национальному характеру, следует предварительно провести размежевание с пересекающимися по смыслу понятиями.

1. Например, возьмем пару «нация – народ». Синонимы? «Да», – скажет большинство западных исследователей, работающих в английской лингвистической парадигме, да и просто обыватель, не вникающий в тонкости семантики. «Нет», – скажу я. Ибо всякая нация есть народ, но далеко не всякий народ есть нация. Нацией он становится только в результате обретения суверенности и государственности. Поэтому, характеризуя Россию, уместно говорить о ее полиэтничности, но неуместно – о многонациональности.

Этнически едиными и однородными не были ни население Киевской Руси, ни население Руси Ордынской и Московской, поскольку они состояли, наряду с восточными славянами, также из финноязычных народов, а также народов тюркского и разного иного происхождения. Но «все эти нерусские народности по численности были маленькими периферийными группами. Население Московского государства в первой половине XVI в. в подавляющем большинстве состояло из великороссов. Это государство было более сильно выраженным русским и православным, чем его наследники, и этнически и конфессионально оно было более высоко гомогенным, чем все его соседи (Литва, Ливония, Швеция, Казанское, Сибирское и Крымское ханства), а также чем Польша и Венгрия – крупные королевства средневековой Европы... С присоединением к России „северских“ княжеств на Десне и Смоленского княжества в начале XVI в. впервые под властью московских государей оказались будущие украинцы и белорусы. Впрочем, источники того времени еще не указывают на этнические различия между восточными славянами, которым давалось обобщенное определение „Русь“»²³.

С присоединением Казанского и Астраханского ханств в состав подданных Московского царя вошли также народы Поволжья. С продвижением русских на Урал – народы уральской группы. И т. д.

Но русский характер Московского государства от этого не изменился. Господствующие язык, вера, культура не поменялись. Не поменялся и опорный, государствообразующий народ – русские, без которых данное государство не могло бы ни существовать, ни называться Русским государством (название, принятое у историков). Ни один другой населяющий это государство народ на эту роль претендовать никогда не мог и сейчас не может.

2. Возьмем также иную пару: «нация – национальность». Ясно, что в первом случае речь идет об общности людей, а во втором – о качестве людей. Можно иметь ту или иную национальность, но при этом не принадлежать ни к какой нации, а лишь к народу, народности,

²¹ Оль П. А., Ромашов Р. А. Указ соч. – С. 4.

²² Оль П. А., Ромашов Р. А. Указ соч. – С. 5. Это не только личная точка зрения авторов. Они указывают: «Большинство отечественных юристов придерживаются точки зрения, что государственный суверенитет – это неотъемлемый признак, качество, свойство любого государства: „нет суверенитета – нет государства“» (там же, с. 59).

²³ Андреас Каппелер. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. – М., «Традиция» – «Прогресс-Традиция», 2004. – С. 19–21.

племени и т. д. Национальность есть синоним этничности и никак не соотносится со статусом, т.е. фазой развития этноса. (По аналогии: можно обладать интеллигентностью, но при этом не принадлежать к классу интеллигенции, а быть рабочим, крестьянином и т.д.) Причина путаницы тут в том, что «расово-антропологический подход в понимании нации глубоко заложен в общественном сознании людей, на бытовом уровне, где, как правило, отождествляются понятия „нация“ и „национальность“»²⁴. Но люди просвещенные и мыслящие этой путаницы избегают.

²⁴ Оль П. А., Ромашов Р. А. Указ соч. – С. 26.

Исторический контекст

Итак, договорим о становлении русской нации.

По мере того, как создавалось русское национальное централизованное государство со столицей в Москве, славянские по происхождению и русские по подданству племена складывались в единый русский народ, попутно ассимилируя находившиеся на Русской равнине инородные племена. Некоторые из них сохранились, но многие исчезали совсем и переставали упоминаться в письменных источниках, как, например, литовское племя голядь, финские племена меря, мещера, мурома и др. Племенные славянские этнонимы при этом также исчезали, порой оставаясь в названиях местностей, городов и т. п.

Так под властью русской династии Рюриковичей происходило постепенное превращение этнонима «русские» из прилагательного времен Рюрика – в субстантивный дериват (особого рода существительное, происходящее от прилагательного) времен Иоанна Третьего. И к тому моменту, когда в правление последнего сложилась Московская Русь как единое государство, русские превратились в государствообразующий народ, то есть в нацию. Опираясь на которую, русские князья и цари неустанно собирали земли и расширяли границы Московского царства, еще раз подчеркну, полиэтнического, но мононационального.

Этот процесс прекрасно описан в трудах уже упоминавшегося выше историка, декана истфака ЛГУ В. В. Мавродина (1908—1987), написавшего еще в 1939 году дельный учебник «Образование русского национального государства», по которому учились студенты того времени. В дальнейшем книга Мавродина переиздавалась немного с другим акцентом: «Образование древнерусского государства» (1945), «Древняя Русь. Происхождение русского народа и образование Киевского государства» (1946), «Образование единого русского государства» (1951), «Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности» (1971). Наконец, им же была опубликована книга с названием «Происхождение русского народа» (Л., ЛГУ, 1978). Все эти издания сохраняют свою актуальность, основные концепты Мавродина донныне никем не опровергнуты, их лишь напрасно пытаются замалчивать и запечатывать.

Согласно Мавродину, русское национальное государство, формируемое великими князьями вокруг Москвы, окончательно сложилось при Иване Третьем. Оно укрепилось при его сыне Василии Третьем, о чем очень подробно и убедительно рассказал наш современник видный историк-медиевист А. И. Филюшкин²⁵. Но настоящую проверку русское национальное государство прошло – и с великим успехом! – уже после смерти Василия. Об этом стоит сказать специально.

* * *

Создание и укрепление русского национального государства связано с торжеством т.н. «московского принципа» – принципа жесткого централизма и усиливающегося самодержавия. Некоторые историки отрицательно оценивают это явление, обвиняя великих князей в гипертрофии самовластья и в угнетении народных свобод²⁶. Но все дело в том, что «московский принцип» был поистине выстрадан нашим народом, доказавшим свою способность учиться на своих ошибках и достойно усваивать уроки чрезвычайной жестокости, преподанные историей. Это сегодня кое-кто склонен о них забывать, а в XV—XVI вв. с этим у наших предков все обстояло хорошо. Наиболее убедительным доказательством чему служит судьба Московской

²⁵ Филюшкин А. И. Василий III. – М., Молодая гвардия, 2010.

²⁶ Образцом такой критики можно считать книгу С. М. Сергеева «Русская нация, или Рассказ об истории ее отсутствия» (М., Центрполиграф, 2017), которую подробно анализировал автор этих строк: <http://sevastianov.ru/prochie-statji/pogovorim-o-sebe-nachistotu.html>

Руси после смерти, во-первых, великого князя Ивана Третьего, а во-вторых, великого князя Василия Третьего.

Иван Третий, сумевший привести под власть Москвы большую часть русских земель, учел ошибки Владимира Святого и Ярослава Мудрого и сделал все, чтобы не допустить повторного распада Руси на уделы после своей смерти. Прежде всего, были приняты меры против собственных братьев Андрея Большого и Бориса Волоцкого (другие двое братьев умерли холостыми и бездетными – 32-летний Юрий Молодой в 1473 г., а 28-летний Андрей Меньшой в 1481). Андрей Большой откровенно фрондировал, подбивая к тому же и брата, пытался интриговать, заигрывал с Литвой. Ослушавшись царствующего брата в важном деле, он был приглашен к нему на обед, а там схвачен и посажен под стражу. Та же участь ждала и Бориса, но тот сумел умолить брата и был отпущен в свой Волоколамск; дети его, в результате раздела отцовского удела, стали настолько мелкими феодалами, что уже не представляли опасности для династии. Андрей же умер в тюрьме в 1493 году, и оба его сына провели жизнь в заточении с малолетства и до смерти (Иван в 1523, Дмитрий в 1540) в Спасо-Прилуцком монастыре под Вологодой, куда были сосланы.

Чрезвычайно важны мотивы такой суровости великого князя, которые он излагал митрополиту, печаловавшемуся за Андрея: «Жаль мне очень брата; но освободить его я не могу, потому что не раз замышлял он на меня зло; потом каялся, а теперь опять начал зло замышлять и людей моих к себе притягивать. Да это бы еще ничего; но когда я умру, то он будет искать великого княжения подо внуком моим, и если сам не добудет, то смутит детей моих, и станут они воевать друг с другом, а татары будут Русскую землю губить, жечь и пленять, и дань опять наложат, и кровь христианская опять будет литься, как прежде, и все мои труды останутся напрасны, и вы будете рабами татар»²⁷.

Суров был Иван во имя дела своей жизни не только к братьям, но и к собственным детям. У него было много сыновей и наследников, но вся власть оказалась в руках только одного-единственного, старшего сына от Софьи Палеолог, Василия. Внук Дмитрий (сын сына от первой жены, к тому времени покойного), назначенный одно время преемником, был вскоре лишен дедам этого преимущества и умер двадцатилетним в 1509 году в заточении, куда его без всяких сантиментов определил дед. А младшие братья Василия, хоть и получили уделы, но малые, и никакой реальной властью уже обладать не могли: у Василия оказалось 60 городов, а на всех остальных четверых братьев пришлось менее 30. Все политические права и преимущества также достались ему одному: Москвою он владел единолично, право чеканить монету и право суда в Москве и Подмосковье теперь было только у него, в случае смерти удельного князя его владение переходило Василию. Братья зависели от него материально, ведь он выплачивал им сторублевое содержание в год. Но главное, никто из удельных князей не имел права жениться и заводить детей, пока у Василия не появится сын-наследник. А поскольку Василий очень долго был бездетным, то так и получилось, что и Юрий Иванович Дмитровский, и Симеон Иванович Калужский, и Дмитрий Жилка Иванович Углицкий умерли холостыми и бездетными, их уделы были отписаны на московского князя. И только младший из сыновей Софьи Палеолог – Андрей Иванович Старицкий – дождался-таки рождения наследника у старшего брата, женился и произвел на свет сына Владимира, но кончил плохо...

Василий Третий успешно продолжил дело своего славного отца Ивана Третьего в плане «собирания земель» и укрепления централизованной власти Москвы. Он хорошо усвоил отцовские уроки. Его главной опорой были центростремительные силы русского народа, уставшего как от ордынского ига, так и от притеснений католических господ на Западе (поляков, литовцев), а пуще всего от неурядиц феодальной раздробленности. Защищая единую Мос-

²⁷ [Житие преподобного отца нашего Игнатия Прилуцкого и брата его Дмитрия // Официальный сайт Спасо-Прилуцкого Димитриевого монастыря. – www.spas-priluki.ru](http://www.spas-priluki.ru)

ковскую Русь, домен своего будущего сына-наследника, от распада, он не только запретил жениться младшим братьям, но и, возможно, отравил в 1518 году одного из них, Симеона Калужского, внезапно умершего в 31 год после неудачной попытки бежать в Литву.

Однако сам Василий умер, дожив лишь до пятидесяти четырех лет, оставив на троне малолетнего Ивана Четвертого Васильевича и вдову-регентшу Елену Глинскую. Елена правила авторитарно, но неудачно, не умела ладить с влиятельными знатными людьми и через пять лет была отравлена. Казалось бы, что мешало этим людям вернуться к «русской федерации», как некоторые историки титулуют феодальную раздробленность? Разве мало было рюриковичей в стране? Что стоило им свернуть шею малолетнему щенку – царевичу? Снова зажить полновластными в своих уделах князьями, не подчиняясь Москве? Или просто-напросто сменить правящую династию, а заодно ограничить монархию каким-нибудь аналогом Великой хартии вольностей?

Но ничего этого не произошло. Отчасти по воле Елены Глинской, пока та еще была жива. Поскольку старший родной дядя Ивана IV, Юрий Дмитровский (1480—1536), был подвергнут превентивному аресту сразу после смерти Василия и через два года умер в тюрьме. А попытка захвата власти младшим дядей Андреем Старицким (1490 г.р.) была подавлена молниеносно и беспощадно, она не получила поддержки ни у бояр, ни у народа: в 1537 году он со всей семьей был брошен в тюрьму, где вскоре и скончался.

Вот так, на султанский манер, не начавшись, закончена была попытка «второго издания» удельной системы на Руси. Она была отвергнута самим ходом истории.

Других же попыток и не возникло. Восторжествовал принцип единодержавия. И иного объяснения, кроме здорового инстинкта самосохранения, который за 250 лет татарского ига насквозь пропитал все классы и сословия постмонгольской Руси и который заставлял большинство русских людей поддерживать Ивана Третьего и Василия Третьего, поддерживать утверждаемые ими принципы государственности, тут не видно. Конечно, были на Руси тех лет и центробежные силы (они проявили себя и в Новгороде, и в Смоленске и т.д.), но будущее было не за ними, и настоящее им это очень внятно доказало. Единому русскому народу надлежало жить в едином русском государстве.

А Иван Четвертый, что естественно, возмужав, довел уже и без него восторжествовавший «московский принцип» до своего на тот момент логического предела (новый предел будет достигнут Петром Первым) – и это явно было к лучшему. Потому что с тех пор подъем русского народа среди других народов мира шел только по восходящей, пока не вывел нас до положения одного из главных народов мира. А Россию – до роли сверхдержавы.

Важно напомнить также, что «московский» принцип неограниченного самодержавия, абсолютизма, на какое-то время отмененный Смутой, немедленно восстановился сразу после ее окончания, подтвердив тем самым свою историческую зрелость и незаменимость.

* * *

Порой высказывается мнение, что век русского национального государства был недолог, менее ста лет: лишь до покорения Казанского, Астраханского и Сибирского ханств, а с этого момента-де начинается история России (а затем и СССР) как «многонациональной империи»²⁸. Но это не так.

Прежде всего, даже если принять такую датировку начала имперского строительства, то приходится признать, что у него не было иной движущей силы, кроме русского народа. Не кто иной, как только русские, размножась на своих исконных территориях расселения летописных племен, двинулись затем уже с IX века на Север и на Урал, потом в Поволжье и Заволжье,

²⁸ Ср.: «История российской многонациональной державы начинается в 1552 г. с завоевания Казани московским царем Иваном IV Грозным. Таково господствующее в науке, – внутри и за пределами Советского Союза, – мнение, которое находит также поддержку в русских народных преданиях» (Андреас Каппелер. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад... – С. 17).

а там и в Сибирь, на Кавказ и т. д. Мы никого не упрасивали, не уговаривали совместно строить великое государство, а либо подминали под себя другие народы путем мирной колонизации²⁹, либо покоряли силой, либо присоединяли в ходе войн с другими народами (как финнов и прибалтов в результате побед над шведами, а молдаван – над турками), либо брали под свою эгиду в результате их собственных молений, чтобы спасти от геноцида (как казахов, калмыков, грузин, армян). Национальный русский характер государства от этого отнюдь не страдал, даже с учетом того, что в состав правящей элиты массово вливались элиты инородцев. Отчасти это связано с устоявшейся локализацией местных племенных элит, лишь номинально вливавшихся в состав российского дворянства, но не покидавших своих родных мест и не влиявших на политику русского центра. А отчасти с тем, что государственной религией России – «страны россов» – было православное христианство, и полноправие/неполноправие элит во многом определялось конфессиональной принадлежностью. К примеру, татарские мурзы в XV—XVI вв. могли претендовать на карьерный рост при московском дворе и на породнение с русской верхушкой лишь при условии перехода в православие; неправославным вообще не разрешалось владеть русскими крепостными душами; и т. д.

Далее: нет никаких сомнений, что русский народ всегда был и остается главной несущей опорой российской государственности, без которой она не просуществовала бы и дня. Он – главный ресурс России, за счет которого во многом существует как само государство, так и многочисленные в нем проживающие народы.

Даже только этих двух аргументов, не говоря о культурно-языковых скрепах, достаточно, чтобы понимать, что Россия есть, в первую очередь, государство русского народа (не только, но *в первую очередь!*).

А русский народ есть не только коренной и титульный, но и единственный государствообразующий народ на каждом квадратном сантиметре нашей страны, что подтвердила новая редакция нашей Конституции. Страны, повторяю это снова и снова, полиэтнической («многонародной»), но мононациональной.

Приняв и признав этот факт, мы раз и навсегда осознаем, насколько важно разобраться в содержании русского духа, русского национального характера, ведь в нем залог судьбы России. Ключом к пониманию всего этого, как уже говорилось, служит изучение русского языка, русской веры, русской культуры во всей полноте их своеобразия.

О русском национальном характере: к постановке вопроса

Вначале, однако, предоставим слово специалисту, чья книга в свое время стала если не культовой, то знаковой: Ксения Касьянова «О русском национальном характере»³⁰. В предисловии к данному изданию автор, известный социолог и культуролог Валентина Чеснокова, выступившая под псевдонимом (далее: КК; ссылки на страницы даны в скобках после цитат), пишет: «Предлагаемый читателю сборник состоит из двух частей. Первая часть – это книга о русском национальном характере, написанная в 1982 году. Она имела некоторое хождение в „Самиздате“, а в 1995 году была опубликована в качестве отдельной книги. Готовя ее к публикации, я не меняла текста. И теперь, по прошествии 20 лет, также ничего не меняю... Что же касается самих черт характера, то, по мнению автора этой книги, они если и меняются, то крайне медленно, на протяжении многих поколений, – и никакие политические и экономические кризисы не могут на этот процесс повлиять» (с. 3). Итак...

Комплекс КК

²⁹ Егоров В. Л. Сложение полиэтнического древнерусского государства. – Археологический сборник. Труды Государственного Исторического музея. Выпуск III. – М., 1999. – С. 82–91; см. также: Любавский М. К. Обзор истории русской колонизации. – М.: Изд-во МГУ, 1996.

³⁰ Ксения Касьянова (В. Ф. Чеснокова) «О русском национальном характере. – М., Академический проект – Екатеринбург, Деловая книга; 2003. – 560 с.

На основании социологических исследований КК рассказывает нам, русским, об основных чертах нашего характера, которые можно, вылуцив из обширного текста, выстроить в список из 16 пунктов.

1. Первейшим нашим свойством она называет *терпение* – каковое есть «основа нашего характера». Оно «проявляется в большом и в малом, и даже в самом мельчайшем... В нашей культуре терпение как модель поведения есть, безусловно, ценность, т.е. именно критерий выбора и оценки» (с. 123—125).

«Терпение для нас – не способ достичь „лучшего удела“, ибо в нашей культуре терпение, последовательное воздержание, самоограничение, постоянное жертвование собой в пользу другого, других, мира вообще – это принципиальная ценность, без этого нет *личности*, нет статуса у человека, нет уважения к нему со стороны окружающих и самоуважения» (с. 127).

Весьма категорично. Откуда же берется это основное русское качество?

«Постоянная „память о смерти“ и готовность к страданиям и есть основание той кроткой и смиренной личности, идеал которой занимает такое высокое место в нашей этнической культуре... „Деликатное терпение гостя“ и есть стержень мироощущения, на котором основывается наш основной „социальный архетип“» (с. 133—134).

2. «В нашей культуре нет ориентации на прошлое, как нет ее и на будущее. Никакого движения, этапов, промежуточных ступеней и точек не предполагается... Апокалиптичность мышления, внеисторичность его» (с. 135).

Причем это означает ориентированность отнюдь не на сиюминутность, на текущий, сегодняшний день – нет; но на Вечность.

3. «Народ, крепкий в своей древней культуре, всегда считает тягу к наслаждению, к эйфории чем-то греховным. Поэтому в стереотипы культурного поведения нашего этнического комплекса не входит яркая мажорность, проявление веселости, уверенности в себе» (с. 138).

4. Инерционность собственных установок, «которая в разговорном языке попросту называется упрямством».

5. «Эмоциональная невоспитанность». Наш человек, «придя в состояние гнева или веселости, становится совершенно „безудержным“, и всякие попытки остановить его вызывают только новые всплески разбушевавшихся чувств» (с. 139).

6. «Наша религия и наша культура в полном соответствии друг с другом ведут нас к свободе дорогою смирения» (с. 234).

7. По шкалам «целеустремленность» и «деловая установка», разработанными американскими социологами, выясняется, что «мы, конечно, менее целеустремленные и деловые люди, чем американцы». А шкала «достижительность» на нашей выборке вообще не работает, поскольку «те качества и способы, которые предусмотрены в данной американской шкале, в нашей культуре для достижения целей являются irrelevantными», что позволяет «сформулировать гипотезу, что в нашей культуре существуют собственные архетипы целеполагания и целедостижения, непохожие на западноевропейские» (с. 186).

«Мы выработали такую культуру, которая как бы говорит нам: „добиваться личных успехов – это не проблема,.. а ты поработай на других, постарайся для общего дела!“». Что и является фактором, объективно снижающим достижительность.

Итог: «и оказывается наш соотечественник человеком, который вечно суется в какие-то другие дела, а свои собственные не делает. Но это только со стороны так кажется. На самом деле он „устраивает“ свою социальную систему в соответствии с определенными, известными ему культурными стандартами, а в хорошо отрегулированной социальной системе его собственные дела должны сами устроиться какими-то отчасти даже таинственными и неисповедимыми путями» (с. 191—192).

Наблюдение настолько абсурдное и вместе с тем точнейшее (я лично знал и знаю таких людей), что граничит со злой насмешкой. КК пытается смягчить ее цитатой из архи-серьезного стихотворения Анны Ахматовой:

Земной отрадой сердце не томи,
Не пристращайся ни к жене, ни к дому,
У своего ребенка хлеб возьми,
Чтобы отдать его чужому,
И будь слугой смиреннейшим того,
Кто был твоим крошечным супостатом...

Я лично не одобряю подобную позицию и не приму ее никогда и ни за что, и люди такого склада меня раздражают, но как не признать ее глубоко русской по сути! Она выводит нас на «вершинный акт самовыражения» в русской культуре:

8. Самопожертвование. «Недаром все исследователи нашей истории конца XIX – начала XX в. в один голос утверждают, что русской интеллигенции в высочайшей степени была свойственна жертвенность: социалисты, террористы, либеральные марксисты, материалисты, народники, толстовцы, политики, критики, литераторы, инженеры, врачи – все отличались этим качеством. И, может быть, за всеми их доктринами, теориями, программами, партийными спорами, уставами, фракциями и т. д. все время, как натянутая струна, вибрировало это чувство: невозможности жить в этой ситуации бессмысленности и несправедливости и желание пострадать, пожертвовать собой... И с тех пор до сего времени на нашем небе постоянно эти кометы. Мы без них не живем, они стали как бы частью нашего постоянного окружения. Казалось бы, пора уже привыкнуть и перестать реагировать. Но слишком это чувствительно, когда живой человек приносит себя в жертву. Уж очень это сильнодействующее средство, и мы все еще достаточно культурны, чтобы воспринять этот сигнал соответствующим образом» (с. 203).

Можно бы добавить, что жертвенность, самоотвержение всегда была основным отличительным свойством особенно русской женщины, хотя сегодня это зачастую уже не так. Вообще, в нашем нынешнем обществе готовность принести себя в жертву я вижу, в основном, лишь у юных русских партизан – скинхедов (т.н. «бритоголовая Русь»), а в последние годы добавились также участники протестных движений. Однако они неложно свидетельствуют: КК права, это свойство в русских еще живо. А значит – живы и сами русские как народ с мощной самобытной культурой, со стойкими архетипами.

9. В тесной связи с установкой на самопожертвование состоит следующая характеристика: «установка на социальное отклонение», характеризующая «готовность человека нарушить общепринятые нормативы... не веря в их ценность, не ощущая их непреложной необходимости» (с. 212—213). В том числе, русская готовность на «преступление границ дозволенного в погоне за удовольствиями, за немедленным удовлетворением желаний, за острыми ощущениями и переживаниями» значительно выше, чем у американцев: более трети против менее четверти.

Это приводит нас к жестокому внутреннему разладу, конфликту между нашей сокровенной сутью (генотипом, по КК) и воспитанием, культурой. Что выражается в высоких показателях у русских по шкале «внутренней неадаптированности», т.е. «неумения достигнуть внутренней гармонии» (с. 213).

10. В сравнении с американцами (т.е. западноевропейцами, считает КК) у русских выявляется высокая степень «враждебности и взволнованности». Она «порождает комплекс внутренних состояний, характерных для т.н. „религиозного фундаментализма“» (с. 218). И это несмотря на то, что в статистической выборке «верующие люди присутствуют, по отнюдь не составляют большинства, а основной контингент состоит из людей, имеющих о религии

весьма слабые и путанные представления, что неудивительно в стране, где не только полностью отсутствует религиозное образование, но постоянно и сознательно предпринимаются усилия, направленные на затруднение доступа к какой бы то ни было объективной информации об этой сфере жизни» (с. 219).

11. Для русских (в сравнении с людьми Запада) высоко характерен т.н. «судейский комплекс» – это именно „комплекс“, т.е. целый набор различного рода качеств. Для нас это означает, по-видимому, прежде всего „*правдоискательство*“, т. е. стремление установить истину, и затем – это стремление установить объективную истину, не зависящую от меня, от моего существования и потребностей, наконец, в-третьих, это – стремление найти истину *абсолютную*, неизменную, не зависящую от обстоятельств, не имеющую степеней. И, найдя, измерять затем ею себя, свои поступки и чужие действия, весь мир, прошлый, настоящий и будущий» (с. 251). «Наша генотипическая epileptoидная черта – дикое упрямство – вообще-то весьма смягченное культурой, в этих исключительных случаях, когда речь идет о соответствии поступка с абсолютной истиной, проявляется во всем своем величии» (с. 252).

12. При этом, судя по шкалам «самодостаточность» и «самокритицизм», нам гораздо труднее, чем западноевропейцам, «оставаться со своим мнением в одиночестве, кроме того, мы проявляем большую неуверенность в себе» (с. 252).

13. Субъективность и иррациональность в суждениях как следствие «судейского комплекса», в связи с чем «людей других культур очень часто раздражает наше бесконечное копание в намерениях и предположениях, своих и чужих: что подумал человек сначала, что потом, как он принимал решение, на что при этом обращал внимание, а что упустил из виду и т. д. Какое это имеет значение? Вот перед нами результат, и из него нужно исходить... Но нам, epileptoидам, важен совсем не результат, а чистота и ясность схемы действия; правильность связей между ценностью и выбором средств для ее реализации и т. д. ...Этот наш „судейский комплекс“, конечно, своеобразное преломление религиозных христианских принципов: постулат о свободе воли ведет к примату нравственной сферы в области принятия решения и поступка... И сколько ни обучаемся мы материалистическому подходу по „Краткому курсу“, по „Истории партии“, по марксизму-ленинизму и „научному коммунизму“, в обыденном сознании мы всегда остаемся волюнтаристами и при анализе поступка идем не от ситуации и состояния человека, а от его намерения, установки, от признаваемых им ценностей, т.е. от смысла совершенного им поступка, и по этому смыслу определяем его отношение к объективной истине. Именно этот архетип – „судейский комплекс“ – по-видимому, играл и играет в нашей культуре „негэнтропийную“ роль: он активно и последовательно противодействует тенденциям к распаду ценностно-нормативных этнических представлений. Он всегда толкает нас к осмыслению ситуации, наведению ясности в своих и чужих линиях поведения, к выявлению смысла» (с. 267—268).

Никакая наука тут русским помочь не в силах, ибо «для науки истина – синоним достоверности, а отнюдь не соответствие высшему смыслу и справедливости» (с. 269), – так итожит КК перспективы данной коллизии. И в таком ракурсе ситуация сразу становится безвыходной, поскольку знать высший смысл чего-либо людям не дано априори, а справедливость есть понятие классовое и национальное.

14. Противоречивое свойство: с одной стороны, «стремление к уединенности», «отказ от социальной активности», а с другой – «потребность в принадлежности к социальной группе» (с. 285). Это противоречие, по КК, снимается у русских в стремлении к душевной дружбе, когда мы так проникаемся представлениями о мыслях и чувствах других членов данной группы и о группе как целом, что, можно сказать, фактически делаем их частью своего Я и идентифицируемся с ними в своем самоощущении» (с. 292).

15. Престиж личности, ее авторитет, ее высокий статус в глазах общества у русских прежде всего связан с ее умением и готовностью отказываться от себя: «полная бескорыст-

ность и строгое (иногда даже педантичное) соблюдение моральных правил – и обеспечивают человеку высокий личностный статус. Они для окружающих – показатель того, что он делает не свое, т.е. не личное дело. Это дело – наше общее, а следовательно, мы обязаны ему содействовать. Поэтому мы все „придерживаем“ свои личные дела, „пропуская его вперед“. Это культурный архетип» (с. 318).

КК приводит замечательный своей убедительностью пример: «Какую бы книгу о Ленине вы не открыли, вы обязательно встретите там упоминание о его „спартанской обстановке“, о его „аскетических привычках“ в быту, о том, как он отказывался от присылаемых продуктов в пользу детей и т. п. Цель – показать, что для себя ему ничего не было нужно. Прием классический и всегда действующий безотказно. У простого читателя, особенно женского пола, обязательно на глаза навернутся слезы; подумайте, такой человек, а жил в такой комнатке, а ведь если бы захотел, мог бы иметь все... И пойдите, объясняйте ей потом, что он в политике не сильно разбирался и что-то так напортачил, что мы до сих пор не можем разобраться. Какое это все имеет значение для оценки *человека*, ведь он от всей души хотел, чтобы было как лучше. И вот это-то ему и засчитывается в его личностный статус» (с. 320).

О той же черте характера свидетельствует шкала «эго-сверхконтроль», которая показывает, что русские склонны стараться «в пользу долга, т.е. образцов не юридических, а моральных, заложенных в нашем сверх-эго. Это же утверждает и шкала альтруизма» (с. 375).

16. Стремление решать буквально все, не только личные, вопросы неформально, не по закону, а «по человечеству» (по обычаю, по личным отношениям), а желательно еще и по совести.

«Все мы не знаем и знать не хотим своего собственного государства, говорилось уже в начале этой работы. То, что не знаем, – в общем объяснимо, скажем, отсутствием информации, специального образования по этому вопросу, сложностью самих кодексов, но то, что не хотим знать, всеми этими причинами объяснить нельзя... Образовывают нас, образовывают, лекции нам читают, проекты Конституции выносят на наше обсуждение, приглашая участвовать в творении собственной государственной системы. И все зря. Хотя нельзя сказать, что мы не проявляем желания принимать участия в этом творении. Только мы действуем архетипически. Мы идем обычно снизу, от фактов, которые нас задевают или возмущают. Эмоции – безошибочный показатель ценностного отношения» (с. 353—354).

Рассказ об этом загадочном свойстве русских КК завершает весьма выразительным текстом: «Вздыхнет современный опытный князь и скажет: „Когда же вы, черти, будете свои собственные законы знать и уважать? Это все – *все* – сделано по закону, все справедливо. Вы могли этого требовать открытым судебным процессом. Но вы этого не знаете. Когда же наступит такое время, что на Руси будут знать свои права и законы?“ – „Тогда, князь, когда на Руси не останется русских совсем“» (с. 355—356).

* * *

Все перечисленные характеристики русского народа получены с помощью тестирования, проведенного в ходе специальных исследований как в России, так и в США, что, по-видимому, придает им относительно объективный характер. КК заканчивает свое исследование довольно уверенно:

«Завершив свои описания, бросим общий взгляд на целое. Есть ли в нем что-либо, чего мы не знали бы в себе раньше по своему внутреннему опыту? По-видимому, нет. Когда все эти данные тестов разложены перед нами, мы безошибочно узнаем в них себя: и это в нас есть, и это... И все это отдельными частями было уже много раз описано. Ну, а что же вырисовывается в целом?

В целом перед нами предстает культура очень древняя и суровая, требующая от человека очень сильного самоограничения, репрессии своих непосредственных внутренних импульсов, репрессии своих личных, индивидуальных целей в пользу глобальных культурных ценностей.

Все культуры в какой-то степени построены на таком самоограничении и на такой репрессии, без них нет культуры вообще. Но здесь важна также и сама *степень*. В нашей культуре эта требуемая от человека *степень* необычайно высока» (с. 380).

Я бы оценил книгу не так однозначно.

С одной стороны, признаюсь, книга позволила мне лучше понять многое во мне самом как в русском интеллигенте (причем как в целом, так и по частям: отдельно – в русском, отдельно – в интеллигенте), по всей сумме совпадений и несовпадений моих личных установок с «комплексом КК» (ККК).

С другой стороны, читая, я с поразительной очевидностью не раз и не два мысленно видел хорошо знакомых мне людей: то собственного отца, всю жизнь ревностно служившего науке ради долга перед человечеством³¹; то русских партизан, таких, как Никита Тихонов, готовых мужественно идти на смерть и на каторгу ради прав и интересов своего народа; а то и совсем юную девушку, Анечку Голубятову из Ельца, красивую и умную, посвятившую себя тяжелейшей работе с дефективными детьми. А как человек, имеющий некоторое представление о русской классической литературе, я должен засвидетельствовать значительное сходство прописанной в ней русской души с картиной, нарисованной КК.

Но вот с третьей стороны, меня чем дальше, тем больше тревожило смутное ощущение какой-то большой лжи, закрывшейся в книгу, возможно, против воли ее автора. Это во-первых. А во-вторых, во мне все росло чувство, что мы имеем дело с явлением, которое хочется снабдить ярлыком «уходящая натура». Поскольку свое, безусловно весьма авторитетное, исследование Чеснокова-Касьянова во многом выстроила на изучении весьма своеобразных источников. Это – православные духовные авторитеты и религиозные мыслители: Святое Писание, святые отцы, Климент Александрийский, епископ Феофан, Добротолюбие, Иоанн Лествичник, Исаак Сирий, житие св. Сергия Радонежского, Алфавит духовный св. Димитрия Ростовского, поучения аввы Дорофея, Вл. Соловьев, Н. Бердяев, Ф. Степун, П. Флоренский, о. Александр Ельчанинов, архиепископ Антоний Блюм, архиепископ Сергей Голубцов и др. Некоторые из них относятся к XIX веку, но большинство имели широкое хождение и отзывались эхом в душах читателей, формировали русскую ментальность, начиная с раннего средневековья. (Поэтому ясно, кстати, что процесс формирования русского национального характера обязательно должен коррелировать с процессами, происходившими в искусстве Древней Руси.)

В итоге в подставленном нам зеркале я не узнал вполне ни себя, ни преобладающий тип моего русского современника. То есть, сам ККК еще встречается, причем даже среди молодежи, но он все реже и непопулярнее. Идет явная мутация архетипа.

Скажем прямо: подобная мутация в истории русского племени происходит не в первый раз. И описанный КК комплекс – есть результат именно христианской мутации русского национального характера, но только совсем другого, того, каким он был в дохристианской Руси. Каким же именно? Давайте заглянем в сочинения Прокопия Кесарийского, да и других авторов раннего средневековья, а также в монографии современных авторитетных специалистов.

«С того времени как Юстиниан принял власть над римской державой, гунны, славяне и анты, делая почти ежегодно набеги, творили над жителями нестерпимые вещи»³². В конце 540-х гг. славяне разорили земли империи от верховьев Дуная до Диррахия. В 550 г. три тысячи славян, перейдя Дунай, снова вторглись в Иллирик.

³¹ Именем профессора Н. Б. Севастьянова не даром названа улица в Калининграде, где он работал завкафедрой теории корабля. Вот некоторые из его принципов: «Я ненавижу собственность; все зло в мире от слова „мое“»; «Мне ничего не нужно, кроме рабочего стола, чистой рубашки и книг по специальности»; «Интеллигент – это тот, кто при любых обстоятельствах предпочитает духовное материальному»; «Жить для себя неинтересно и пошло. Ты должен найти в жизни то, что выше тебя, и этому служить» (для него этим были: народ, страна, человечество). И т. п. И он действительно жил по этим принципам.

³² Прокопий Кесарийский. Тайная история/ Пер. С. П. Кондратьева// Вестник древней истории. №4 (9). 1939. – С. 25.

Что при этом происходило? Как вели себя наши с Вами далекие, но от того не менее близкие, родные и любимые предки? Что за «нестерпимые вещи» они творили? Об этом, со ссылками на древних авторов, рассказывает блестящий византолог С. Б. Дашков:

«Императорскому военачальнику Асваду не удалось организовать должного сопротивления пришельцам, он попал в плен и был казнен самым безжалостным образом: его сожгли заживо, предварительно нарезав ремней из кожи спины. Малочисленные дружины ромеев, не решаясь дать сражения, лишь следили за тем, как, разделившись на два отряда, славяне занялись грабежами и убийствами. Жестокость нападавших впечатляла: оба отряда «убивали всех, не разбирая лет, так что вся земля Иллирии и Фракии была покрыта непогребенными телами. Они убивали попавшихся им навстречу не мечами и не копьями или каким-нибудь обычным способом, но, вбив крепко в землю колья и сделав их возможно острыми, они с великой силой насаживали на них этих несчастных, делая так, что острие этого кола входило между ягодиц, а затем под давлением тела проникало во внутренность человека. Вот как они считали нужным обходиться с нами! Иногда эти варвары, вбив в землю четыре толстых кола, привязывали к ним руки и ноги пленных, и затем непрерывно били их палками по голове, убивая их таким образом как собак или змей, или других каких-либо диких животных. Остальных же, вместе с быками и мелким скотом, которых не могли гнать в отеческие пределы, они запирали в помещениях и сжигали безо всякого сожаления»³³.

В конце 559 г. огромная масса болгар и славян вновь хлынула в пределы империи. Грабившие всех и вся захватчики дошли до Фермопил и Херсонеса Фракийского, а большая их часть повернула на Константинополь. Из уст в уста византийцы передавали рассказы о диких зверствах неприятеля. Историк Агафий Миринейский пишет, что враги даже беременных женщин заставляли, насмехаясь над их страданиями, рожать прямо на дорогах, а к младенцам не позволяли и прикоснуться, оставляя новорожденных на съедение птицам и псам»³⁴.

Вот что пишет другой древний историк о времени правления Тиберия Второго (правил в 574—582 гг.): «Этого цезаря со всех сторон обступили войны: прежде всего война против персов и одновременно с ней война против всех других варварских народов, которые восстали на сильное царство ромеев и грозили ему со всех сторон. Равно и после смерти Юстина враги сильно на него налегли и особенно проклятые народы склавинов [славян] и тех волосатых людей, которые зовутся аварами»³⁵.

В 577—578 гг. сто тысяч славян лихо разорили Фракию и Элладу. Спустя три года славяне напали вновь, на этот раз еще более успешно: «В третий год после смерти василевса Юстина и воцарения победителя Тиверия совершил нападение проклятый народ склавины. Они стремительно прошли всю Элладу, области Фессалоники и всей Фракии и покорили многие города и крепости. Они опустошили и сожгли их, взяли пленных и стали господами на [той] земле. Они осели на ней... как на своей, без страха. Вот в течение четырех лет и доселе, по причине того, что василевс занят персидской войною и все свои войска послал на Восток – по причине этого они растеклись по земле, осели на ней и расширились, пока попускает Бог. Они производят опустошения и пожары и захватывают пленных, так что у самой внешней [Анастасиевой] стены они захватили и все царские табуны, много тысяч, и разную другую [добычу]. Вот и до сего дня, до 895 года [эры Селевкидов, т.е. до 583—584 гг.] они остаются, живут и спокойно пребывают в странах ромеев – люди, которые не смели [раньше] показаться из лесов и... не знали, что такое оружие, кроме двух или трех лонхидиев [дротиков]»³⁶.

³³ Прокопий Кесарийский. Война с готами/Пер. С. П. Кондратьева. – М., 1950. – С. 366.

³⁴ Дашков С. Б.. Императоры Византии. – М., 1996. – Сс. 62—63.

³⁵ Иоанн Эфесский. Отрывки из хроники//Пигулевская Н. В. Ближний Восток, Византия, славяне. – Л., 1976, с. 114, Дьяконов А. П. Известия Иоанна Эфесского и сирийских хроник о славянах.//Вестник древней истории №1, 1946, с. 28.

³⁶ Иоанн Эфесский. [Цит. по кн.: Дьяконов..., с. 32].

Славяне еще не раз напоминали о себе Византии. «Твой щит на вратах Цареграда», – недаром писал известный всем поэт о весте князе Олеге.

При императоре Льве VI (866—912) Византия, как известно, заключила союз с Киевской Русью. Однако в конце правления Романа Лакапина Константинополь подвергся нападению русских войск великого князя киевского Игоря. И что же? Сильно ли отличались русские тех лет по своим повадкам от своих прямых предков – «проклятых склавинов» VI века? Да нет, не сказал бы.

«Летом 941 г. на легких лодках-однодревках русские подошли к столице. В распоряжении Лакапина находилось лишь несколько старых кораблей (ромейский флот воевал тогда на Востоке), но эти суда были отремонтированы и на них установили приспособления для метания „греческого огня“. Протогистарий Феодан, которому император поручил оборону города, сжег эскадру Игоря в морском бою 8 июля. Уцелевшие русские перебрались на малоазийский берег Босфора и занялись там разбоем»³⁷. Об этом разбое есть леденящий кровь слабонервного человека рассказ современника: «Много злодеяний совершили росы до подхода ромейского войска: предали огню побережье Стена [Босфора], а из пленных одних распинали на крестах, других вколачивали в землю, третьих ставили мишенями и расстреливали из луков. Пленным же из священнического сословия они связали за спиной руки и вгоняли им в головы железные гвозди»³⁸.

Игорь едва уцелел. Однако весной 970 года 30-тысячное войско его сына, величайшего – уже не славянского, а русского! – героя и воина князя Святослава появилось у стен Аркадиополя.

Яблоко не падает далеко от яблони. Византийские хронисты отмечают исключительное мужество и ярость воинов Святослава, не щадивших в бою ни своей, ни чужой жизни. Даже побежденные, они почти не сдавались в плен. «Когда нет уже надежды на спасение, они пронзают себе мечами внутренности и таким образом сами себя убивают, – рассказывал о русах Лев Диакон. – Они поступают так, основываясь на следующем убеждении: убитые в сражении неприятелем, считают они, становятся после смерти и отлучения души от тела рабами его в подземном мире. Страхась такого служения, гнушаясь служить своим убийцам, они сами причиняют себе смерть»³⁹. Это неудивительно, ведь в своем послании византийскому императору Святослав писал: «Если он выйдет к нам, если решится противостоять такой беде, мы храбро встретим его и покажем ему на деле, что мы не какие-нибудь ремесленники, добывающие средства к жизни трудами рук своих, а мужи крови, которые оружием побеждают врага»⁴⁰.

«*Мужи крови!*» – вот она, истинная формула древнейшего славянского русского национального характера, подтвержденная всеми предыдущими свидетельствами.

Муж крови не щадит себя. Это само собой. Но тем более он не щадит других! И вот тому примеры.

Осенью 969 года Святослав вернулся в Болгарию, узнав, что болгары восстали и, пользуясь отсутствием Святослава, выбили русов из нескольких крепостей. Святослав быстро и доходчиво объяснил болгарам всю их неправоту. «Объятых ужасом испуганных мисян [так Лев называет болгар] он умерщвлял с природной жестокостью: говорят, что, с бою взяв Филиппополь [современный Пловдив], он... посадил на кол двадцать тысяч оставшихся в городе жителей и тем самым смирил и обуздал всякое сопротивление и обеспечил покорность» (там же, с. 56). «И поиде Святослав... воюя и грады разбивая, яже стоять и до днешняго дне пусты», – добавляет к сему «Повесть временных лет».

³⁷ Дашков С. Б.. Там же. – С. 177.

³⁸ Продолжатель Феодана. Жизнеописания византийских царей/Подг. Я. Н. Любарского. – СПб., 1992. – С. 175—176.

³⁹ Лев Диакон. История/Пер. М. М. Копыленко. – М., 1988. Сс. 79—80.

⁴⁰ Там же, с. 57.

13 апреля 971 г. византийцы взяли столицу Болгарии – Преславу в тылу у русского войска. Известие об этом привело Святослава в ярость. Обвинив в неудаче опять-таки «изменников» -болгар, Святослав повелел собрать наиболее родовитых и влиятельных представителей болгарской знати (около трехсот человек) и обезглавить их всех. Многие болгары были брошены в темницы.

19 июля 971 г. русские сошлись с греками в жесточайшей битве. К вечеру стало ясно, что победа на этот раз досталась грекам. Русские похоронили убитых по своему обряду и, желая умиловить своих богов, принесли им языческие жертвы: «Они нагромодили их [мертвых] перед стеной, разложили много костров и сожгли, заколов при этом, по обычаю предков, много пленных, мужчин и женщин. Совершив эту кровавую жертву, они задушили [несколько] грудных младенцев и петухов, топя их в водах Истра» (там же, с. 78).

Приведенных рассказов достаточно, чтобы увидеть огромную дистанцию, отделяющую по-христиански кроткого и терпеливого «русского человека по Касьяновой» от дохристианского «русского человека по Святославу». Мы зрим и чувствуем, насколько христианство откорректировало поведение русского человека (и русского солдата) к концу существования Российской Империи. Думаю, в этом – одна из причин ее крушения: дух «мужей крови» почти угас к тому времени. (Хотя и просыпался во дни Смуты, Разина, Пугачева и т.д.) Но этот дух вновь воспрянул в Гражданскую войну, когда отбросившим Христа народом снова творились «нестерпимые вещи», а потом – в 1945 году, когда поколение русских людей 1920-х годов рождения, выросшее в советской антихристианской традиции, ворвалось в Европу, все сокрушая на своем пути!

Вместе с тем, нельзя не признать: в послевоенные годы относительного покоя и стабильности прежние архетипические черты русских, сложившиеся за тысячу лет христианства на Руси и отмеченные в исследовании Касьяновой, снова берут реванш и проявляются в статистически значимом количестве...

Предварительный вывод: национальный характер (русский в том числе) не есть константа, данная однажды и навсегда, он способен к трансформациям и модификациям, и это должно предостерегать нас от окончательных умозаключений на его счет.

Что сказанное значит применительно к настоящей монографии?

Я бы преподнес главный нерв проблемы так: что в наши дни осталось от того комплекса свойств, на который указала КК, и какая судьба ждет это оставшееся?

Взять хотя бы главное, базовое свойство русского человека, которое КК определила как терпение. Случайно ли наше время породило уничижительный и точный термин: «терпила»? И установку: кто терпит, тот быдло, ничего иного не достойное. Терпеть, по понятиям цветущей современности, – «западло» (простите за низкий стиль, но именно так выражается наша эпоха). Времена, когда русские люди со значением распевали стих Алексея Хомякова «Подвиг есть и в сражении, Подвиг есть и в борьбе. Высший подвиг в терпении, Любви и мольбе», – прошли, кажется, навсегда. И подобных перелицованных смыслов наберется уже немало. Полюса русской нравственности меняются местами?

Правильно пишет КК: «национальный характер – это представление народа о самом себе», которое «имеет поистине судьбоносное значение для истории». Но ведь такое судьбоносное представление надо время от времени сверять: какую именно судьбу оно нам готовит? Не устарело ли? Не требует ли уточнений? И точно ли оно соответствует былому, точно ли являются нашим архетипом? Вот такую сверку я и попытаюсь провести, хотя бы отчасти. Отчасти – потому, что далеко не все перечисленные у КК свойства русского человека могут быть верифицированы через обращение к искусству. Но кое-что, можно надеяться, поддается такой процедуре.

Итак, какие мы, русские – всегда и сегодня?

Мне кажется, предпринимаемое мною культурологическое исследование должно помочь немного разобраться в данном вопросе. Вот почему я считаю настоящий труд актуальным. Я не ставлю себе задачу фронтально прооппонировать Ксении Касьяновой по всем пунктам, это лучше делать на материале ином, нежели история искусства. А вот дополнить этот комплекс в меру специфики избранного мною предмета мне бы хотелось.

Итак, не претендуя на слишком многое, не затрагивая вопросов языка и веры, попытаемся исследовать вопрос о национальном своеобразии русской культуры, а для этого совершим экскурс в ее подлинный «Золотой Век» – эпоху не раннего (как у Касьяновой), а позднего средневековья, между XV и XVIII столетиями.

Познать себя и быть собой – есть ли что важнее для личности, будь то народ или индивид? Я был бы рад, если бы настоящий труд помог русскому народу и русскому индивиду осуществить эту задачу.

I. ПРОЛОГ

ОРДЫНСКОЕ ИГО, ПАДЕНИЕ ВИЗАНТИИ

И ПЕРЕМЕНЫ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Предназначение любой национальной культуры – выражать национальную самобытность того или иного народа, его природную внутреннюю сущность, его душу. Теоретически это означает, что исследуя судьбу той или иной национальной культуры мы можем отследить этапы развития этой этнической сущности, этой души. На практике же зачастую получается, что путь национальных культур настолько извилист, настолько подвержен воздействию внешних обстоятельств, что внутренняя сущность порой уходит в тень, становится неясной, сомнительной. Это в высшей степени относится к истории именно русской культуры.

С тех пор, как Рюрик заложил основы русской государственности, русская культура не раз меняла вектор развития под воздействием влияний извне, так что становится порой нелегко разобраться, где та или иная маска, а где же настоящее лицо. Но, поскольку все познается в сравнении, то и мы пойдем этим путем, и в первую очередь сравним русскую культуру с культурой европейских народов, наиболее близких нам по биологическому происхождению, а значит и по своей природной сути.

Сказанное означает, что прежде, чем исследовать искусство Древней Руси в его высшей фазе, необходимо дать хотя бы краткий очерк развития его от истоков, принимая за таковые – весьма условно, разумеется – начало русской государственности и принятие христианства, т. е. VIII—X вв. н. э. Этот период, вплоть до свержения татарского ига (внешнего управления), можно определить как пролог великого действия – возникновения русской нации и русского национального искусства.

Был ли исток общим?

Обращение к истории домонгольской, Киевской Руси обязательно заставляет нас говорить о взаимном соотношении культурных уровней России и Западной Европы IX—XIII вв. Именно торгуя и воюя с нею, русский народ утверждал свою отдельность и самобытность. Конечно, весьма интенсивные отношения развивались также и с Востоком, Югом – недаром наш главный торговый путь именовался «из варяг в греки». Хазария, степь кочевников, Балканы, Подунавье, Византия – все они были активными партнерами Руси в торговле, а нередко и противниками на поле боя. Но, скажем, Польша, Литва, Германия или Швеция находились поближе территориально, да и ментально тоже, до поры до времени, о чем свидетельствует обилие династических браков русских князей именно с западноевропейскими принцами и принцессами на раннем этапе государственности Руси. Несколько позднее в круг русских княжеских семейных отношений войдут и половцы, и некоторые народы Кавказа, но пальма первенства в XI—XII вв. была в этом смысле у европейцев. Да ведь и сам Рюрик пришел не с Востока, а с Запада.

Необходимо прежде всего отметить военное превосходство русских в Европе, что немаловажно. С нами сравниться могли разве что викинги, чей закат совпадает по времени с началом нашего восхода. Во всяком случае, со времен вандалов, готов и гуннов никто из северных народов не позволял себе так потрясать пределы великой Византии, как именно скандинавы, славяне и собственно русские. Отметим еще одну важнейшую традицию домонгольского периода: наступательные, победоносные войны русских с некоторыми народами Запада. К примеру, в 1076 г. Владимир Мономах совершил успешный поход против немецкого императора Генриха IV. Русские войска с боями прошли Богемию и остановились в Силезии, западнее города Глогау. Позднее, в 1254 г. дружины Даниила Галицкого сражались с немцами в Чехии и Германии за Одером, возле города Оппель. Немало было и русско-польских войн, начиная уже с Владимира Святого (Червенский поход, 979 год).

На первый взгляд, эти факты не имеют отношения к культуре, но в действительности военно-техническое развитие во все века служило локомотивом вообще развития любых цивилизаций. Нелишне напомнить, что уже из самых ранних письменных источников по истории Руси известно, что экспорт холодного оружия (мечей и кольчуг, в частности) был постоянным источником дохода русских купцов. И вывозили его не только на Запад, но даже и на Восток, где данная отрасль ремесла традиционно стояла куда выше, чем в Европе⁴¹. Так же как иконы, русские домонгольские мечи сохранились в ничтожном количестве (около 150 единиц), другим видам вооружения также не повезло, тем не менее, их качество позволяет сделать вывод об очень высоком уровне древнерусской металлургии и кузнечного дела.

Конечно, Византия – цветущий наследник разложившейся античной традиции – во многом цивилизационно превосходила нашу древнюю родину, но что касается Западной Европы, ориентирующейся на пребывающий в захирении Рим, тут в чем-то Русь уступала, а в чем-то, напротив, первенствовала. Страна была богатой, могущественной и весьма цивилизованной, относительно большинства ее соседей на Западе и Востоке. Что касается Запада, то многие свидетельства говорят даже о превосходстве или, по крайней мере, равноценности русской культуры IX—XIII вв.

Древнюю Русь соседствующие с ней скандинавы недаром именовали Гардарикой – Страной городов. В отличие от Запада, именно города, а не замки и поместья феодалов, не княжеские дворы и монастыри были главными центрами жизни и развития нашей страны. По сведениям, почерпнутым из летописей с X по середину XIII века, М. Н. Тихомиров подытожил: «Общее количество русских городов... ко времени монгольского нашествия, вероятно, подходило к 300»⁴². На пространстве всей Европы, как Западной, так и Восточной, Русь в IX – первой половине XIII века вовсе не выглядела пасынком европейской цивилизации. Престиж русских городов (не только Новгорода и Киева) и Руси в целом был на Западе достаточно велик, и никакой духовной пропасти между русским и западным миром в те времена еще не разверзлось.

Известно, что мостовые Новгорода на 200 лет старше парижских и на 500 – лондонских, они появляются уже в X веке, во время княжения Святослава. Были деревянные тротуары в Киеве, в Суздале. А в XII в. в Новгороде уже были водопровод и канализация. Все эти удобства тоже были деревянные; цельные стволы дубов выжигались и высверливались изнутри, превращаясь в прочные и долговечные трубы, вставлявшиеся одна в другую по принципу «верхушка в комель». Кустарно? Зато остроумно, а в средневековой Европе и таких не было – римские акведуки в Испании и Франции не в счет, ведь это заслуга не кельтов (иберов или галлов), а римлян. К 1133 году относится древнейшее достоверное упоминание Великого моста через широкий Волхов в Новгороде. Не удивительно, что этот город по заслугам входил в состав Ганзы – торгового союза северноевропейских городов. Интересно в данной связи наблюдение историков-экономистов, что в Киевской Руси, как и в Византии, монетарная экономика превалировала над натуральным хозяйством, в отличие от современных им западноевропейских стран. Иными словами, уровень нашего экономического развития был выше на целую фазу⁴³.

В ту далекую пору русским в голову бы не пришло комплексовать перед лицом европейской цивилизации. Ни о каком «догоняющем» характере нашего, и без того передового, развития не могло быть и речи. Характерно, что побывав в Реймсе и Париже, будущей столице мира, русская королева Франции Анна Ярославна имела основания жаловаться в письмах

⁴¹ Вплоть до XV в. русские мечи упоминаются в восточной литературе с превосходными характеристиками, в то время как византийские мечи, к примеру, арабы считали недостаточно крепкими.

⁴² Тихомиров М. Н. Древнерусские города. Изд. 2. – М., 1956.

⁴³ Представления о Древней Руси как стране «лапотной» (лапоть принимается тут как символ отсталости) вообще нисколько не соответствует действительности. Ни в переносном, ни в буквальном смысле: при раскопках Новгорода и Пскова в домонгольских слоях находят остатки кожаной обуви, но не лаптей, хотя условия для сохранения лыка в местных почвах идеальные, судя по сохранности берестяных грамот.

к отцу: «В какую варварскую страну ты меня отослал. Дома здесь мрачные, церкви – некрасивые, а обычаи ужасны...»⁴⁴. Такую оценку можно было дать только в сравнении, а сравнивала она, понятное дело, с Киевом, с другими русскими городами.

Анна знала, что писала. Ведь именно ее отец Ярослав заложил в 1037 году «город великий Киев», увеличив его территорию более чем в десять раз и выстроив храм св. Софии по образцу цареградского. Как показали раскопки археологов, «Большой Киев» при Ярославе достиг площади в 400 га и был окружен валом высотой 14—15 м и длиной 3,5 км. Недаром выдающийся католический писатель-хронист Адам Бременский (ум. после 1081) назвал город «соперником Константинополя».

Но и до того Киев был одним из самых больших городов Европы, вызывавшим восхищение современников. К примеру, хронист и епископ города Мерзебурга Титмар (975—1018) указывал, что ко времени смерти Владимира Первого «в этом большом городе, составляющем столицу этого государства, имеется более 400 церквей и 8 рынков, народу же неизвестное множество» (кн. 8, гл. 32). Подсчеты советских ученых позволили уточнить: население Киева должно было достигать 50—80 тыс. человек. Для сравнения: Париж, один из крупнейших европейских городов, в начале XIII в. имел около 100 тыс. жителей, Страсбург в XIV в. – 20 тыс., Бремен в 1349 г. – 30 тыс., Франкфурт-на-Майне в XIV в. – 8 тыс.

О масштабах русского градостроительства зачастую приходится судить по летописным рассказам о больших пожарах. Они весьма впечатляют. К примеру, Никоновская летопись утверждает, что в Киеве в пожаре 1017 г. погорело «яко до семи сот» церквей, а Лаврентьевская летопись сообщает, что в пожаре 1124 г. их сгорело в городе «близь шести сот». Русские города легко горели, но легко и восстанавливались в своем деревянном обличье.

Вторым после Киева по величине и значению древнерусским городом был Новгород Великий, в котором с 1045 г. до XIX в. сгорело не менее 816 церквей⁴⁵. Сведения об этих опустошительных пожарах (всего их более 100) достаточно подробны, что позволило историкам предположить, что в начале XI в. в Новгороде проживало около 5—10 тыс. человек, а в начале XIII в. – 20—30 тыс.

Одним из крупнейших городов Руси первой трети XIII в. был Смоленск. Судя по записи Троицкой летописи под 1230 г., во время мора, продолжавшегося два года, в городе было похоронено 32 тыс. человек, но жизнь в нем не прекратилась, следовательно первоначально население существенно превышало данную цифру.

Крупными по европейским меркам были Ярославль (в пожаре 1221 г. сгорело 17 церквей); Ростов Великий (во время пожара 1211 г. погибло 15 церквей); Владимир-на-Клязьме (в 1186 г. сгорело 32 церкви). Их население, по расчетам, составляло от 10 до 20 тыс. человек.

Всего же в Гардарике-Руси, по данным М. Н. Тихомирова, общая численность городского населения Руси, проживавшего в начале XIII в. в примерно 300 городах, должна была приближаться к полумиллиону⁴⁶. Что на фоне общего количества проживавших на Руси в то время людей, оценивающегося примерно в 7,75 млн человек⁴⁷, составляет весьма высокий по тем временам процент.

Уже эти скудные цифровые данные помогают понять пафос русского писателя XIII века, не сдержавшего своих чувств, сочиняя предисловие к житию Александра Невского: «О светло светлая и украсно украшенная земля Русьская! И многими красотами удивлена еси: озера многими, удивлена еси реками и кладязьми месточестными, горами крутыми, холми высокими, дубравами частыми, полями дивными, зверьми разноличными, птицами бесчисленными,

⁴⁴ Семенкова Т. Древняя Русь и Франция в XI веке. Судьба русской царевны Анны Ярославны. – Наука и жизнь, №5, 2004.

⁴⁵ Прозоровский Д. П. Новгород и Псков по летописям с дополнением по другим источникам. – СПб., 1887, с. 158—177.

⁴⁶ Тихомиров М. Н. Указ. соч.

⁴⁷ Яковлев А. И. Холопство и холопы в Московском государстве в XVII в. Т. I. – М.-Л., 1943. – С. 198; Урланис Б. Ц. Рост населения в Европе. – М., 1941. – С. 81—91.

города великими, селы дивными, винограды обителными, дома церковными и князьями грозными, бояры честными, вельможи многими – всего еси исполнена земля Русская».

Наряду с природными чудесами, Русь, как видно, удивляла искусством градостроения, архитектуры, изобразительного и прикладного искусства. И впрямь, ни архитектура, ни камнерезное мастерство, ни мозаики и фрески русских людей того времени, судя по уцелевшим образцам, отнюдь не уступали лучшим аналогам романской Европы. Многим обязанные урокам высокого класса, полученным от Византии, от греческих учителей, русские архитекторы и художники-монументалисты привносили в свои произведения и национальное своеобразие. Особенно в резной белокаменный декор, отразивший стилистику деревянной резьбы, как можно судить по Дмитровскому собору во Владимире или княжеским палатам в Боголюбове. Далеко не всякий европейский собор того времени сравнится с этими шедеврами. И хотя западные строители, художники и ремесленники – такие же носители романской стилистики – трудились по найму на домонгольской Руси, их воздействие на русскую традицию не было определяющим. Определяющим было влияние Византии.

До нашего времени не дошли многие главнейшие памятники древнейшего русского каменного зодчества. Ни Десятинная церковь, разрушенная монголами, ни Софийский собор в Киеве, радикально перестроенный, ни многое другое. Но и сохранившееся позволяет делать вполне определенные выводы. Тем более, что, скажем, образ Киевской Софии просматривается в Софии Новгородской, а к ней, в свою очередь, близок также пятинефный Софийский собор в Полоцке (середина XI в.). Все три собора роднит между собой и техника кладки: сочетание булыжника с тонкими кирпичными плитками – плинфой. Напомню, что Киевская София строилась под впечатлением от Софии Цареградской и, если не превзошла ее по грандиозности масштабов, остроумию инженерно-строительного решения и богатству внутреннего убранства, то во всяком случае стала самым великолепным храмом на фоне Западной Европы своего времени. В частности, ее мозаики не имели равных на католическом Западе.

Упомяну и другие выдающиеся образцы древнерусской архитектуры: трехнефный, трехапсидный собор Спаса Преображения в Чернигове (1036); одноглавый трехнефный шестистолпный Успенский собор Киево-Печерского монастыря (1073—1077), аналогичный собор Выдубицкого монастыря (1070—1088) и не сохранившийся после Великой Отечественной войны собор Михайловского Златоверхого монастыря (1108—1113), церковь Спаса на Берестове (начало XII в.); в Новгороде церковь Благовещения на Городище (1103), Никольский собор на Ярославовом дворище (1113); Рождественский собор Антониева монастыря (1117) и Георгиевский собор Юрьева монастыря (1119), расположенный на другой стороне Волхова, церковь Спаса Нередицы (1199) и др. Все они отражают влияние Византии.

Подражая византийцам, русские мастера увлеченно и с большим мастерством использовали фрески и мозаики для украшения подкупольного пространства, апсид, стен и колонн. Что во многом искупало отсутствие витражей и позволяло «выровнять счет» с Западом (впрочем, витражи были бы просто неуместны в русских храмах, строившихся как цитадели с узенькими вертикальными окнами-бойницами).

Важно отметить, однако, что традиции дохристианской Руси, ее народного быта и творчества уже в этих ранних образцах начинают определять отход от византийского духовного наследия, несмотря на полное заимствование технологий. Эта самобытность проявляется и в травяных орнаментах, и в изображении скоморохов и русалок, охотничьих сцен, воспроизводящих типично русские способы охоты и русских зверей, но что самое главное – в русской, а не греческой или семитской типажности лиц на некоторых фресках (ср.: св. Пантелеимон в центральном нефе Киевской Софии). Отмечу заранее, что в иконе эта революция изобразительной этничности резко проявится позднее, особенно после победы на Куликовом поле.

Сравнив названные храмы с, допустим, наиболее древней сохранившейся церковью Парижа – Сен-Жюльен-ле-Повр (1165—1220), легко отметить, что внушительностью монументальности

ментальной архитектуры, гармонией пропорций и мастерством кладки русские храмы дают куда более совершенный образец строительства. Правда, в этой неказистой старинной парижской церковке, преимущественно еще романской архитектуры (скругленные, а не стрельчатые арки и часть окон, сводчатый туннелеобразный потолок центрального нефа без нервюр и т.д.), уже просматриваются местами робкие начала готического стиля (ряд окон имеет едва намеченную стрельчатость, на потолке боковых нефов – простейшие нервюры). В этом отразился плавный переход от увядающего стиля – к расцветающему, совершившийся в течение полувека. Впоследствии, в XIII—XV вв., именно готика достигнет величайших высот и ярко обозначит, как, может быть, ничто другое, всю бездну духовного отличия европейца от русского человека⁴⁸, но тогда, в конце XII – начале XIII века, это отличие было еще еле заметно. И уж во всяком случае, оно не позволяет говорить о каком-то превосходстве западной архитектурной мысли и традиции над русской.

Ранняя икона Древней Руси дошла до нас, к несчастью, в слишком недостаточном количестве (всего около 50 единиц). Мы догадываемся, что в XI—XIII веках уже было создано множество – многие тысячи – икон (известно даже имя одного из первых русских иконописцев, Алипия). Однако пожары, войны и нашествия уничтожили большую их часть. Тем не менее, можно утверждать, что весьма долгое время, по крайней мере до XIII века, не только архитектура и стенная роспись, но и русская живопись (иконопись) также ни в чем не уступала европейской, этот факт налицо.

Во многом это было обусловлено высокой византийской традицией, достаточно взглянуть хотя бы на прославленные флорентийские иконы того времени, чтобы в этом убедиться. Не секрет, что многие из были них сработаны византийскими художниками, бежавшими в Италию от ужаса перед нашествием монголов, так и не настигшем, к счастью, Византию. Но так или иначе, а стилистика и эстетика западного средневековья, отчасти «дотянувшая» и до итальянских примитивов, и даже в чем-то до прерафаэлитов XV столетия, не была еще отделена жесткой границей от древнерусской стилистики и эстетики, как это случилось чуть позже, примерно со второй половины XV века, когда церковная живопись на Западе стремительно «обмирщается».

Правда, в Европе в середине XIV века уже появляется первый живописный светский портрет (французского короля Иоанна Доброго), на двести лет обгоняя рождение данного жанра в России. Но это не значит, что портреты не писались на Руси. Подражая великому константинопольскому образцу, древние киевские художники изобразили, правда, не в мозаике, а на фресках, княжичей – детей князя Ярослава и самого князя с миниатюрным храмом в руке. Пусть не на доске или холсте, но на фресках или в книжной миниатюре (великокняжеская семья в «Изборнике Святослава», Ярополк и его семья в «Трирской псалтыри») русские исторические светские персонажи изображались уже с XI века.

Что можно сказать о прикладных видах искусства⁴⁹? Общий вывод таков: ни в ювелирном деле (скань, зернь, чернь, финифть, т.е. выемчатая и перегородчатая эмаль, обработка кабашонов, общий ассортимент и качество украшений и т.д.), ни в резьбе по кости, ни в мастер-

⁴⁸ Достаточно поставить рядом такие эталоны, как Новгородская София и Нотр-Дам де Пари, чтобы это различие ударило в глаза со всей силой очевидности. Как известно, на Русь готический стиль не шагнул. Представляется, что тому есть три основные причины: 1) разделение церковью 1054 года, наложившее печать еретичества на любую новацию, идущую от католиков; 2) татаро-монгольское нашествие и враждебная экспансия Запада на земли ослабленной Руси, что оборвало процесс культурного обмена и превратило политическую границу – в границу цивилизационную, способствовало духовной и научно-технической изоляции и консервации Руси; 3) самобытность русского культурного творчества, закреплённая названными обстоятельствами и сформировавшая иное, чем на Западе, понимание и восприятие истины, добра и красоты. Но обо всем этом подробнее будет сказано в соответствующем разделе.

⁴⁹ См. об этом: Рыбаков Б. А. История культуры древней Руси. Домонгольский период. – М., 1948—1951; Колпакова Г. С. Искусство Древней Руси: Домонгольский период. – М., Азбука, 2007; Гнутова С. В., Зотова Е. Я. Кресты, иконы, складни: Медное художественное литье XI – начала XX века из собрания Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева. – М., 2000; и др.

стве оружейников и вообще кузнецов русские в ту эпоху нисколько не были слабее западных ремесленников. В этом мне довелось убедиться не только по научным статьям и монографиям, но и своими глазами, побывав в 2005 году в Лувре на обширной и содержательной выставке «Романская Франция во времена первых Капетингов (987—1152)» и дополнив свое впечатление параллельно экспонировавшимися в Национальной Библиотеке Франции рукописными книгами с миниатюрами того же времени⁵⁰.

Что же касается ювелирных изделий, то некоторые древние клады позволяют догадываться об их некогда огромном количестве и выдающемся качестве. Так, незадолго до взятия татарами Киева, между 70-ми годами XII в. и 1240 г., там был зарыт клад, найденный в 1842 г. при строительстве новой Десятинной церкви рабочими строителя А. С. Анненкова. Золотые и серебряные вещи из этого невероятно богатого клада еле уместились в двух мешках. Одних только золотых с перегородчатой эмалью колтов – височных колец – было несколько сотен. Варвар Анненков продал русские золотые сосуды XII—XIII века на переплавку, получив за это тысячи рублей – огромную сумму по тем временам. Поразителен по качеству художественного исполнения т.н. «Рязанский клад», состоящий из ювелирных украшений. И т. д.

Лишь три области прекрасного были развиты в Европе больше и лучше, чем в Древней Руси. Это, во-первых, непопулярная в нашем искусстве домонгольского периода круглая скульптура, напоминавшая о языческих идолах, чья участь после крещения Руси была плачевна. Во-вторых, витраж, которого мы не знали вовсе и завозили к себе из Европы с XIII века, а европейцы научились делать уже в VI столетии. И в-третьих, рукописная книга, самобытная традиция которой не прерывалась в Европе с античных времен; на Руси же письменность получает распространение лишь с X в., с опорой на уже готовую византийскую традицию. Ранние русские книги, даже высокохудожественные, все производят несколько кустарное впечатление⁵¹. Впрочем, о книгах надо сказать то же, что и об иконах: количество сохранившихся несопоставимо с количеством уничтоженных; уцелело не более одного процента. Так что полноценное суждение о них затруднено.

Все сказанное позволяет однозначно утверждать: домонгольская Русь была вполне полноценным участником «европейского концерта», ни о каком «догоняющем развитии» ее по сравнению с Западом мы говорить не можем. Несмотря на определенное своеобразие русской эстетики тех лет, связанного, во-первых, с византийским, а не римским, влиянием, а во-вторых, с традицией русской деревянной резьбы и орнаментики, никакого особого «разрыва» с Европой не усматривается. Если истоки двух культур – русской и западноевропейской – нельзя назвать вполне идентичными, то и говорить об их противопоставленности, противоположности тоже нельзя. Они, несомненно были, выражаясь биологически, – близкородственными. Поскольку близкородственны вообще все потомки кроманьонца – белые европеоиды, а значит и общие биологические основы их социальности: языка, культуры, веры в первую очередь.

Однако этот разрыв вскоре наметился в связи с разделением церквей. А в течение 250-летнего татарского ига он становится определяющим, экзистенциальным явлением. К концу XV века Русь, пройдя путем вынужденной изоляции и форсированной дивергенции (расхождения признаков), подошла уже в качестве не только политического, но также идейного и во многом эстетического антагониста Запада. Ее изначальные небольшие отличия от Западной

⁵⁰ Желаящие найдут соответствующие материалы в обширном и богато иллюстрированном томе, выпущенном в связи с названной выставкой: *La France roman au temps des premiers Capétiens (987—1152)*. – Paris, Musée du Louvre – Éditions Hazan, 2005.

⁵¹ Следует заметить, что раннее искусство манускрипта на Руси отражает нашу близость не только к византийской, бесспорно доминирующей, но и к западной традиции. Так, в главном шедевре русского книгоделания того времени – Остромировом евангелии – мы видим на изображениях трех евангелистов справа сверху их символы (льва св. Марка, орла св. Иоанна, быка св. Луки), которые очень распространены в каролингских и оттоновских рукописях, но совершенно не встречаются в книгах византийского производства.

Европы, которые были заметны и до нашествия татар, вызрели и сконцентрировались до состояния кодов, знаковых культурных перегородок, а между тем ряд подобных перегородок возник также своим путем и с другой, западной стороны.

Следует прямо говорить о причинах этого, а также о причинах русской цивилизационной катастрофы, обрекшей нас на догоняющий путь развития.

Изоляция – зло или благо?

Данный вопрос неоднократно имел право быть поставленным в ходе изучения многих цивилизаций и локальных культур. Поскольку в мире достаточно примеров, когда та или иная цивилизация или культура вызревала в условиях длительной вынужденной или добровольной изоляции.

Таковыми, например, были цивилизации Индостана (как вначале дравидийская, так затем и индо-арийская), отделенного от остального мира труднопроходимыми Гималаями, пустынями и водами Индийского океана и морей.

Такой в значительной мере была цивилизация древнего Китая (народа хань), покоящаяся в сознании собственной самодостаточности и совершенства Поднебесной. Недаром возведенная при первом императоре-объединителе Китая так называемая Великая китайская стена, весьма уязвимая с военной, фортификационной точки зрения, играла колоссальную символическую роль границы, отделявшей мир китайской гармонии и культуры – от мира всеобщего хаоса, несовершенства и варварства.

Такова локальная культура евреев, для которых роль незримых, однако совершенно непроходимых Гималаев сыграла религия иудаизма, бескомпромиссно отграничившая «богоизбранный народ» иудеев от гоев (всех неиудеев). Их этническая формула, отчеканенная в иудейском «Завете» («Торе»), говорит за себя: «Вот народ, живет отдельно и среди народов не числится». Недаром, как отмечает современная гебраистика, стены всех гетто всегда строились с двух сторон⁵².

Такова локальная культура японцев, вызревшая в 260-летней изоляции. Которую я бы назвал добровольно-принудительной, поскольку она была установлена волевым решением сегуната Токугава, но вплоть до середины XIX века воспринималась японцами как морально-политически оправданная мера.

Такова цивилизация ацтеков...

Словом, примеров хватает.

Что происходит с народами, оказавшимися в изоляции и, таким образом, подвергшимися длительному «вывариванию в собственном соку»? Понятно: происходит концентрация, «возгонка» всех отличительных черт и свойств данного народа, даже тех, что были когда-то в зачаточном состоянии или вовсе не просматривались до начала изоляции. Именно тогда любая особенность, даже дефективная, усиливается и начинает играть роль этнического маркера, и в этой связи воспринимается данным этносом как перл творения. Поскольку подобная изоляция всегда сопровождается ростом представлений о собственном превосходстве и/или исключительности. Особенно, если период изоляции этноса был отмечен какими-либо выдающимися политическими или культурными достижениями, как оно обычно и бывает.

Для русского этноса таким периодом изоляции стала четверть тысячелетия, на которую растянулось татарское иго – господство чужого этноса, радикально и необратимо изменившее русскую судьбу (инерция изоляционизма тянулась еще почти два века). Именно в эту четверть тысячелетия сложились и закрепились во всем своем своеобразии русская государственность, русский национальный характер, русская этика и эстетика. Сложились феномен и концепт Свя-

⁵² См.: Яков Кац: 1) Евреи в средневековой Европе (Замкнутость и толерантность) (Иерусалим, 1992); 2) Кризис традиции на пороге Нового времени (Иерусалим, 1991).

той Руси. Словом, именно из этого горнила испытаний мы вышли истинно русскими – отдельным народом, новым субъектом мировой истории. И этот новый субъект уже сильно, а местами и принципиально отличался как от себя самого, домонгольского, так и от своих западных братьев по расе.

Диалектика этого процесса была такова, что в русской культуре и ментальности за годы ига сложился сложный, неоднозначный баланс потерь и приобретений, о котором сейчас и пойдет речь.

«Русь Ордынская»⁵³. Диалектика татарского ига

Вначале поговорим о том, какими культурными, духовными потерями и убытками обошлось нам столь долгое и жестокое владычество инородцев – людей, глубоко чуждых нам не только расово-антропологически, но и по своей культуре, религии и языку, по цивилизационной принадлежности.

Прежде всего отметим, что базовый слой русской культуры – культура собственно Киевщины, вотчины полян, самого большого, сильного и цивилизованного из летописных племен – оказался снесен под корень. Ликвидировано оказалось само это главное русское племя, племя-гегемон, в своем, как сказал бы Гумилев, «вмещающем ландшафте» – или, в терминологии биологов, экологической нише, ареале расселения. Большая часть полян в результате падения Киева в 1240 году была просто уничтожена физически. Как повествует русская летопись: «Взяша Киев татары, и святую Софию разграбили, и монастыри все, и взяли иконы и кресты и узорочье Церковное, а людей, от мала до велика, всех убили мечом». Хорошо известно также независимое свидетельство папского легата Джованни Плано Карпини, направленного святым престолом в ставку великого хана Гуюка с дипломатической миссией. Путь лежал через ставку Батыя Сарай, а до него приходилось ехать через бывшие земли Киевского княжества, где, по словам этого свидетеля, «большая часть людей Руси была перебита Татарами или отведена в плен». И далее Карпини отмечает о татарах: «Они пошли против Руси и произвели великое избиение в земле Руси, разрушили города и крепости и убили людей, осадили Киев, который был столицей Руси, и после долгой осады они взяли его и убили жителей города; отсюда, когда мы ехали через их землю, мы находили бесчисленные головы и кости мертвых людей, лежавшие на поле; ибо этот город был весьма большой и очень многолюдный, а теперь он сведен почти ни на что: едва существует там двести домов, а людей тех держат они в самом тяжелом рабстве. Подвигаясь отсюда, они сражениями опустошили всю Русию». К началу XIV века киевлян оставалось всего не более нескольких сот человек.

Если вспомнить, что прежний Киев насчитывал от 50 до 80 тыс. жителей, то станет понятен масштаб потерь. Судя по изысканиям современных антропологов и генетиков, полян на киевщине после Батыя практически не осталось. Из тех, что уцелели, часть бежала на край света (то есть, к берегам Белого и Баренцова моря, на Мезень и Печору, к Каргополю, на Новгородчину, на Кольский полуостров и в район Вятки, где пролежала тогда северо-восточная граница русского расселения), а часть укрылась на острове Хортица за днепровскими порогами, положив начало этногенезу запорожского (впоследствии кубанского) казачества. Именно этими обстоятельствами объясняется тот факт, что на территории бывшего Киевского княжества не сохранилось и не было записано фольклористами ни одной древнерусской песни или

⁵³ Выражением «Русь Ордынская» я считаю необходимым и возможным заменить выражение «Владимирская Русь» в той части русской истории, которая началась и окончилась вместе с татарским игом. Поскольку ни о каком суверенитете Владимирского княжества в условиях ига и прогрессирующей раздробленности говорить не приходится. Кроме того, историкам вряд ли удастся провести четкую и определенную временную границу, за которой гегемония среди русских городов переходит от Владимира к Москве. В то время как полный и окончательный переход суверенитета от Орды к Москве датируется 1480 годом вполне определенно и однозначно. Соответственно, именно с этого момента Ордынская Русь (1237—1480) уходит в прошлое, а будущее открывается перед уже Московской Русью вплоть до Петербургского периода нашей истории.

былины (они записаны, напротив, именно на Русском Севере от потомков тех переселенцев), не осталось ни одной каменной постройки домонгольского периода (кое-что сохранилось лишь в перестроенном в стиле «украинского барокко» виде)⁵⁴.

Между тем, именно с полянами и Киевом связаны и наиболее важные исторические вехи первых столетий русской государственности, и наиболее важные культурные достижения (в том числе письменная литература), и цивилизационная, в том числе религиозная, ориентация на Византию – иными словами, главные основы древнерусской национальной идентичности. А с учетом того факта, что сам Киев и другие города Западной Руси оказались – в связи с общерусским разгромом от татаро-монгол – беззащитны перед лицом польской и, особенно, литовской экспансии, они попали в орбиту западной цивилизации, выпав из процесса становления собственно русской локальной культуры и русской культурной идентичности.

Таким образом, вполне правомерно в связи с татаро-монгольским нашествием и последующим игом ставить принципиальный вопрос не только о геноциде, но и об этноциде древнерусского народа, каким мы знаем его к середине XIII века. Попав под иго, этот народ обладал одной национальной идентичностью, одним национально-культурным обликом, а сбросив иго спустя четверть тысячелетия, оказался совсем с другим лицом. Это во многом был уже физически и ментально другой народ. На мой взгляд, мы можем говорить в связи с татаро-монгольским нашествием о частичном перезапуске с XIII века процесса русского этногенеза.

Попробуем детализировать этот важный вывод.

* * *

Человеческие потери, жертвы. Кровавый и разрушительный поход Батые на Русь был не первым и не последним опытом татаро-монгольской агрессии на наши земли. Всего в общей сложности историки насчитывают за 1237—1472 гг. не менее 55 только крупных походов монголо-татар на русские княжества, сопровождавшихся сокрушительными погромами русских городов, массовыми убийствами и уводом в полон русских людей. Не считая малых набегов татарских феодалов, каждый из которых, конечно же, также оборачивался для русских материальным уроном и людскими потерями. Татарские набеги продолжались и после того, как само по себе иго было сброшено Иваном Третьим, только теперь пальму первенства у Орды перехватили вначале казанские, а затем крымские татары, в особенности после установления над последними турецкого сюзеренитета. Последний крымскотатарский набег состоялся в 1769 году, всего за два года до падения Крыма; тогда в полон было уведено 20 тыс. русских людей.

Из наиболее страшных, разорительных татарских походов на Русь следует назвать кампанию 1237—1241 гг. под руководством Батые. Тогда от разгрома и опустошения из всех древнерусских княжеств уцелели только Смоленское, Пинское, Витебское, Полоцкое княжества и большая часть территории Новгородской феодальной республики. Все остальное было сокрушено. А южные Переяславское, Киевское и Черниговское княжества фактически перестали существовать.

А затем последовали т.н. «Неврюева рать» 1252 года, когда «татарове же рассунушася по земли... и люди бещисла поведоша до конь и скота, и много зла створиша»; разгром юго-восточной окраины Руси и разорение Курска в 1275 г.: «татарове велико зло и велику пакость и досаду створиша христианом, по волостем, по селам дворы грабише, кони и скоты и имение отъемлюще, и где кого стретили, и облупившие нагого пустят»; 1281 год, когда большая рать Ковдыгая и Алчидая разрушила Муром и Переславль, разорила окрестности Суздаля, Ростова,

⁵⁴ Претензии современных украинцев на наследство Владимира Святого совершенно беспочвенны: этот относительно новый народ никакого отношения к реальной Киевской Руси и ее достижениям не имеет, украинский этногенез начался не ранее XIV в. и только после татарского разорения, в результате обширной и интенсивной метисации покинувших леса древлян, а также чигов, чигиринов, черкасов, берендеев, бродников, выходцев с Карпат, обитателей днепровских и донских плавней, беглого элемента и проч.

Владимира, Юрьева-Польского, Твери, Торжка; 1285 год, когда «князь Елторай Ординский, Темирев сын, приходи ратию на Рязань, и воева Рязань, Муром, мордву, и много зла створиша»; страшный, памятный 1293 год: «в лето 6801 Дюдень приходил на Русь и плени градов 14 и пожже», в том числе Муром, Москву, Коломну, Владимир, Суздаль, Юрьев, Переславль, Можайск, Волок, Дмитров, Угличе-Поле. «Того же лета царевич татарский Тахтамир приеде из Орды на Тверь, и многу тяжесть учини людям». По пути через владимирские земли этот отряд «овех посече, а овех в полон поведе». Тогда от Мурома до Твери татары «положиша всю землю пусту»; 1322 год (разорение Ярославля); 1327 год (разорение Твери и городов Тверского княжества); 1382 год, когда хан Тохтамыш сжег Москву, погубив многие десятки тысяч москвичей; 1408 год (татары под предводительством Едигея разоряют Серпухов, окрестности Москвы, Переславль, Ростов, Юрьев, Дмитров, Нижний Новгород, галицко-костромские и белозерские земли); и мн. др.⁵⁵

Никогда нельзя забывать, что рассказывая о татаро-монгольском нашествии и всех упомянутых выше событиях, мы по сути дела ведем речь о геноциде, состоявшемся в средние века в отношении русского народа. Даже если вспомнить только первый приход Батыя, следует отметить, что в одной лишь Московской земле погибло 2/3 всех селений, в лесистой долине Оки – 9/10, ну, а в степных и лесостепных районах, где татарской коннице было легче разворачиваться, истребление русского народа было еще страшнее. Кое-что о судьбе, например, Киевщины сказано ранее.

Что собой представлял обычный набег татар на русские города и деревни? Даже в гораздо более поздние времена, когда ига как такового уже давным-давно не было, набеги татар все еще носили страшный – смертоносный и разорительный характер. Так, в 1680 году была составлена ведомость о разорении Белгородского края от крымских татар, она рисует вполне типовое событие: «Всего взято и побито и позжено в приход воинских людей Крымскаго хана с ордами в Белгороде и в иных городах... русских людей и черкас и жен и детей и всяких чинов людей три тысячи двести пятьдесят восемь человек... И всего недорослей мужска и женска полу восемьсот сорок человек... Да у них-же взято двадцать четыре тысячи сто девяносто три скотин, 4828 ульев с пчелами, да у них сожжено 4 церкви да 688 дворов, 4 мельницы, 8 хуторей»⁵⁶.

Нужно помнить также, как справедливо замечает А. В. Тюрин, что «если монголы сжигали поле или увозили хлеб, это означало для деревни голодную смерть, и прятки в лесной чаще несли высокую смертность для слабых... Каждый набег, помимо увода пленников, сопровождался уничтожением тех, кого нельзя увести в плен – в первую очередь, младенцев и стариков». Что говорить, если даже для русских князей в ряде случаев поездки в Орду кончались смертью (черниговский князь Михаил Всеволодович, великий князь Владимирский Ярослав Всеволодович, князь из подмосковного Дмитрова, в XIV в. на протяжении 20 лет в Орде казнили трех тверских князей, до этого убили рязанского князя и т.д., всего около десятка).

Татары вообще отличались исключительной беспощадностью – и не только на Руси, но и везде, где являлись как завоеватели. Ряд народов (например, тангуты) был ими вообще истреблен, сведен под корень. Чудовищной резней на грани геноцида сопровождался разгром Хорезма и т. д. Русские как народ уцелели, но...

Что касается непосредственно тех недоброй памяти столетий, что связаны с игом, тут, как полагает историк С. А. Ершов, суммарные людские потери русских от врагов-иноземцев с 1237 по 1500 гг. составляют свыше 6,5 млн человек⁵⁷. Из них абсолютное и относительное большинство относится к периоду, заканчивающемуся взятием Москвы в 1382 году Тохтамы-

⁵⁵ Каргалов В. В.: 1) Освободительная борьба Руси против монголо-татарского ига // «Вопросы истории». – 1969. – №2—4; 2) Феодальная Русь и кочевники. – М.: 1967; 3) Конец ордынского ига. – М., 1980; Кучкин В. А. Русь под игом. – «Панорама», 1991; Тюрин А. В. Война и мир Ивана Грозного. – М. 2009.

⁵⁶ Цит. по кн.: Тюрин А. В. Война и мир Ивана Грозного. – М. 2009.

⁵⁷ Ершов С. А. Великая Русь. Народонаселение и войны I—XX вв. – М., Феникс-Плюс, 1997.

шем (включительно). Понятно, что в эту цифру включены и потери от столкновения с западными соседями – немцами, шведами, поляками, литовцами. Но львиная доля приходится, конечно же, на татаро-монгол⁵⁸.

Что означает эта цифра – 6,5 млн человек в масштабах Древней Руси? На момент приход татар население Владимира и Рязани составляло, по разным оценкам археологов, от 15 до 25 тысяч человек, Новгорода – порядка 30 тысяч. Население всего вообще Владимиро-Суздальского княжества оценивается историками максимум в 800 тысяч человек. А в целом все древнерусские земли в период нашествия Батыя насчитывали порядка 5—7 миллионов обитателей. Так что ущерб следует считать громадным. Прикинем также к названной цифре потерь количество русских детей, которые могли бы родиться от всех убитых и уведённых в полон, но так и не родились в своем исконном ареале обитания, на Руси...

Необходимо понимать, что высокая плотность населения – есть важнейший экономический фактор, толкающий страны на путь интенсивного развития вместо экстенсивного. На Руси все произошло строго наоборот: экстенсивное развитие вместо интенсивного стало для нас роковым обстоятельством, до сих пор обуславливающим экономическое отставание России от т.н. «развитых стран». Корни этого явления следует также видеть в обстоятельствах татарского нашествия и ига.

Следует подчеркнуть, что разные летописные племена, еще сохранявшие свою отдельность, свои особенности, пострадали от нашествия по-разному. В меньшей степени пострадали словене, дреговичи и кривичи, в наибольшей – поляне, северяне, вятичи, уличи, радимичи. На них пришелся основной удар татаро-монгол, они понесли самые страшные и невосполнимые потери. Особо следует иметь в виду, что убивали в бою (и после боя), а также уводили в полон наиболее сильных, здоровых, красивых человеческих особей, в результате чего русский генофонд терпел непоправимый ущерб, а русский народ в целом испытывал биологическое захирение, захудание.

Святое Писание недаром утверждает: «Кровь есть душа». Человеческие утраты таких масштабов предлагают задуматься о том, что на смену одному народу, русскому по названию, пришел под тем же именем физически другой народ. Последствия чего сегодня, например, болезненно и даже трагически сказались на Юго-Западе Руси, именуемом ныне Украиной. Ну, а если говорить о тех далеких временах, то приходится ставить вопрос об изменении биологической основы, а с ним – о перемене национального менталитета, а с ним – собственной этнической идентичности.

Попутно необходимо заметить, что сами по себе татаро-монголы не оставили следа в русском генофонде. Этот факт сегодня признан и не оспаривается всеми этнологами. Татары не жили на Руси, они не держали в наших княжествах постоянного войска, расселяя только баскаков для сбора налогов, в сопровождении небольших отрядов – и то обычно вне черты русских городов и крупных сел, в т.н. «татарских слободках». Расово-этническое смешение на русской земле было минимальным, поэтому монголоидный компонент вообще никак в нас не отразился. Это установлено как антропологами, так и генетиками, которые согласно утверждают: «Базовый, главный вывод, который следует из проведенного изучения русского генофонда, – это практически полное отсутствие в нем монголоидного вклада»⁵⁹.

Но эти важнейшие для истории русского этноса наблюдения о соотношении европеоидных и монголоидных компонентов следует здесь, однако, воспринимать апропо. Они не могут отменить того факта, что в средние века в течение столетий татарами был проведен геноцид русских, объективно изменивший их физическую природу.

⁵⁸ Нужно понимать, что только войны с татарами носили катастрофический характер русского разгрома и были для нас особенно кровопролитны и абсолютно убыточны во всех отношениях.

⁵⁹ Е. В. Балановская, О. П. Балановский. Русский генофонд на Русской равнине. – М., ООО «Луч», 2007. – 416 с., илл. – С. 298.

* * *

Утрата городов, изменение их облика. Весь образ жизни Гардарики-Руси резко изменился в связи с нашествием. «Страна городов» потеряла значительную часть своей столь важной самобытности и привлекательности, своего цивилизационного преимущества.

Первый же мощный удар татаро-монгол – вторжение Батые – обернулся разорением множества больших и малых русских городов; примерно две трети крупнейших было разрушено. Для некоторых из них главная беда была не в разорении, а в полном исчезновении (например, древний Курск, прославленный в «Слове о полку Игореве», в результате набегов совершенно запустел в XV в. и был повторно основан лишь в 1568 году). Четырнадцать городов, уничтоженных татарами в XIII веке, исчезли навсегда. Пятнадцать городов из перспективных торговых и ремесленных центров превратились в небольшие села. На Дону от многих бывших городов к концу XIV остались лишь городища – остатки поселений. На грани исчезновения бывали такие многократно разрушенные и разоренные города, как Переяславль-Залесский (подвергся разорению пять раз), Владимир (разорился три раза), Рязань, Муром, Суздаль. Неоднократно сжигалась и вырезалась Москва – в 1238, 1293, 1382, 1571 гг., не считая похода Едигея в 1408 году, который саму Москву хоть и не взял, но опустошил окрестности. Подобным опустошительным, разорительным образом были еще в 1237—1239 гг. лишены былого значения 49 русских городов, среди них стольный Владимир, Старая Рязань, Суздаль, Переяславль-Залесский, Волок Ламский, Кашин, Тверь, Ржев, Дорогобуж, Вязьма, Стародуб-на-Клязьме, Боголюбов, Торжок, Коломна, Москва, Муром, Нижний Новгород. На восстановление этого значения уйдут столетия, огромные силы и средства русского народа.

Особенно важно отметить, что упадок русского градостроительства, причиненный нашествием, принял глубокий и затяжной характер. Обложив русских тяжелой данью и регулярно уводя в полон в Орду русских ремесленников, татары затормозили все экономическое развитие Руси в целом, а названную сферу, требующую слаженного труда больших специализированных коллективов, в особенности. Доктор исторических наук В. А. Кучкин отмечает, что «в первые 50 лет ордынского властвования на Руси не было построено ни одного города»⁶⁰. А американский исследователь Д. Миллер в 1989 году опубликовал статистически обработанный материал о каменном строительстве в русских городах с 1138 по 1462 г.: выяснилось, что домонгольский уровень удалось восстановить только 100 лет спустя после Батыева нашествия⁶¹. Сколько трудов и жертв это стоило...

Между тем, для деревянной Руси, чьим постоянным несчастьем, роком и бичом были пожары, каменное строительство имело важнейшее принципиальное значение. Но городская Русь оставалась деревянной вплоть до XVIII века (а местами и до нашего времени), терпя от этого колоссальные убытки и культурные потери. Приостановка и деградация каменного строительства сказались, разумеется, и в области русской архитектуры как искусства. «Благодарить» за это мы должны татар.

Тем временем архитектура и градостроительство Западной Европы ушли далеко вперед, и уже в XV веке никто там не стал бы нарекать Русь «Гардарикой» – Страной городов, отличая ее тем самым от европейских стран. Наше конкурентное цивилизационное преимущество в результате ига оказалось утрачено навсегда.

* * *

Материальные потери – денежные, ценностные. Упадок экономики. Если правду говорят, что деньги – кровь экономики, тогда правда и то, что экономика Древней Руси была чудовищно обескровлена татарами из-за выплаты регулярной дани, которую д. и. н. Кучкин

⁶⁰ Кучкин В. А. Русь под игом: как это было? – М., 1991. – С. 23.

⁶¹ Miller D. Monumental Building as an Indicator of Economic Trends in Northern Rus' in the Late Kievan and Mongol Periods, 1138—1462 // The American Historical Review. Vol. 94. №2. 1989. P. 368, 384.

характеризует как «тяжелый податной пресс, наложенный завоевателями на покоренное население русских княжеств»⁶².

Сами по себе походы татар на Русь в 1237—1240 гг. уже носили, конечно же, разбойничий грабительский характер, но начиная с 1245 года грабеж стал регулярным и систематическим под видом дани. Именно в указанном году в Новгородской летописи появляется запись о новой монгольской инициативе: «И сочтоша в число, и начаша на них дань имати».

Взимание регулярной дани поначалу производилось лишь в тех русских землях, где поблизости зимовали батыевы войска, прочие же земли от выплат уклонялись. Но это удавалось недолго. В 1252 году на Русь прибыл отряд татар, подчиненных чиновнику высокого ранга («битекчи», с тюркского – «писарь») Берке, привезшему приказ о всеобщей переписи населения и имущества. Чем татары и занялись прилежно на всей покоренной территории. Учет данников и сбор дани производились по десятичной системе: десяток крестьянских хозяйств под контролем десятника, составленная из таких десятков сотня – под контролем сотника, далее тысяча и тьма (десять тысяч), соответственно, контролировались тысячником и темником. Десятники и сотники назначались из местных жителей; тысячники и темники были из монгольских чиновников-баскаков. Баскаки жили, охраняемые специальными отрядами, в отдельных поселениях вне черты подлежащего их контролю города или села (главный среди них, «великий баскак», имел ставку в Муроме). Вот так осуществлялась постоянная власть хана над русским народом, существовавшая параллельно княжеской власти на местах и стоявшая над нею.

Всей Русью ведали к концу XIII века 43 налоговых тьмы – 16 в Западной Руси и 27 в Восточной (15 тем во Владимирском княжестве, по пять тем в Новгородской земле и Тверском княжестве и две тьмы в Рязанском). Таким образом, никто из русских не мог остаться вне монгольской «дренажной системы», систематически выкачивающей из него «экономическую кровь». Первоначально прямой налог, ясак, составлял десятую часть «со всего» и выплачивался селянами натурой – шкурами зверей от медведя и бобра до соболя. Вскоре десятина была монетизирована и выплачивалась деньгами (серебром). В отдельных случаях она могла браться урожаем или иными товарами. А как пишет в книге «Путешествие в восточные страны» монах Гийом Де Рубрук, ездивший к монголам по указанию Людовика IX в 1253—1255 гг.: «Когда русские не могут дать больше золота или серебра – татары уводят их и их малюток, как стада, чтобы караулить их животных».

Казалось бы, «десятина» – десятая часть прибытка – это не так уж много, вполне «побожески». На самом деле десятиной дело не ограничивалось. Всего известно 14 видов «ордынских тягостей». Из которых на первом месте был т.н. «выход», или «царева дань», «ордынская дань» (та самая десятина для монгольского хана); таможенная пошлина («мыт», «тамга») – ее платили горожане золотом⁶³; содержание конно-почтовых станций, извозные повинности («ям», «подводы»); содержание многочисленных разнообразных ханских послов с их свитами («корм»); «туска» – подношения в дар приехавшим правителям или посланникам; различные «дары» и «почестья» хану, его родственникам и приближенным и др. Периодически собирались большие внеочередные платежи на военные и другие нужды – «запросы»; а также штрафы за неповиновение, бунты и т. п. Существовал также чрезвычайный военный налог – «кулуш», которым иногда заменяли поставку в Орду рекрутов.

При этом, разумеется, обязанность поставлять воинов в монголо-татарские войска и принимать участие в их военных походах против Венгрии, Польши, народов Северного Кавказа, Византии и т. д. – «налог кровью» – оставалась одной из самых обременительных тягот.

⁶² Кучкин В. А. Указ. соч., с. 23.

⁶³ Наиболее богатые купцы платили тамгу индивидуально, остальные объединялись, чтобы выплачивать ее сообща.

Единственная категория населения, освобожденная монголо-татарами от любых поборов и налогов, это были священники, вообще Церковь, в обязанность которой за это была вменена публичная молитва за монгольского вождя и вообще за власть захватчиков.

Основная уплата дани осуществлялась серебром, что для Руси, не имевшей собственных серебряных рудников, было непросто. В каком количестве платили?

Исходя из сведений конца XIII века, историки подсчитали, что в год Владимиро-Суздальская Русь платила Орде примерно полторы тонны серебра. В середине XIV века каждая тьма на северо-востоке Руси платила в среднем по 400 рублей «ордынского выхода» (рубль при монголах состоял из 216 копеек). В период княжения Дмитрия Донского дань с Великого княжества Владимирского составляла уже 5000 рублей серебром. Нижегородско-Суздальское княжество в тот же период платило 1500 рублей, Московское княжество 1280 рублей. В целом это примерно те же полторы тонны чистого серебра. Неизвестны размеры дани, выплачиваемой с Рязанского, Тверского, Ростовского, Ярославского, Белозерского, Юрьевского, Суздальского, Смоленского княжеств, Новгородской республики. Но и эта дань также взималась неукоснительно.

Историки считают, что общая сумма ордынской дани с русских земель составляла не менее 15.000 рублей в год. Что эта сумма означала для русского крестьянства, главного налогоплательщика, составлявшего основное население? К примеру, в Пскове в конце XV в. на 1 рубль можно было купить примерно от 47 до 243 пудов зерна, смотря по урожайности года⁶⁴. Значит, каждая русская деревня должна была отдать Орде примерно по 2 тонны зерна.

Само собой понятно, что многочисленные разнообразные выплаты в адрес завоевателей не отменяли обычные выплаты в адрес собственных, русских князей, продолжавших собирать свои налоги в уделах. Таким образом, суровое обнищание населения, обложенного более нежели двойной повинностью, было предопределено на долгие два с половиной века.

Избиение и уведение в полон лучшей части мужского населения внесло свою специфику в русскую жизнь не только в плане захудания генофонда, о чем уже сказано, но и вообще в плане обустройства быта и хозяйства, ведь это дело, как и пахота, всегда лежало преимущественно на мужских плечах.

Для пришедшего в заметный упадок, обезлюженного сельского хозяйства Руси все это было нелегко. Ведь ему был нанесен завоевателями огромный ущерб. Земли Западной Руси запустели и почти вовсе вышли из оборота, во многом то же случилось и с центральными районами Северо-Восточной Руси. Исчезновение и упадок десятков городов, бегство уцелевшего сельского населения в глухие лесные чащобы Русского Севера, Верхнего Поволжья, Заволжья – все это означало консервацию примитивного натурального хозяйства как господствующего типа экономических отношений. Как отмечал еще Б. А. Рыбаков: «Русь была отброшена назад на несколько столетий, и в те века, когда цеховая промышленность Запада переходила к эпохе первоначального накопления, русская ремесленная промышленность должна была вторично проходить часть того исторического пути, который был проделан до Батыя»⁶⁵.

Чрезвычайно показательно, что чеканка монеты в северо-восточных княжествах возобновилась только в 80-х гг. XIV в., то есть спустя 150 лет после нашествия Батыя. Это свидетельствует не только о фактическом «вымывании» серебра из русского оборота, но и вообще о захирении товарно-денежных отношений на Руси. Русская земля, русский народ оказались лишены возможности развиваться, были резко отброшены назад с былых передовых экономических позиций, утратили конкурентоспособность по сравнению со странами Европы.

* * *

⁶⁴ Павлов П. Н. К вопросу о русской дани в Золотую Орду // Ученые записки Красноярского государственного педагогического института. Красноярск, 1958. Т. 13, вып. 2. С. 110—111.

⁶⁵ Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. – М., 1948. – Сс.525—533; 780—781.

Духовные потери – церковное, монастырское, княжеское, боярское и т. д. имущество, сокровища сел и городов. Татарское разорение далеко отбросило Русь не только в экономическом, но и в культурном отношении. Разорение и полное разрушение городов, сожжение и прекращение строительства церквей, служивших средоточиями артефактов и книг, увод в полон и убиение ремесленников и художников, обрыв художественных традиций, вывоз серебра и золота, служивших важнейшим материалом для ювелиров и вообще мастеров прикладных искусств, резкое сокращение покупательной способности русских людей, а с ней – и рынка художественных изделий, которые стало некому и не из чего творить, да и некому и нечем оплачивать... Татары осуществляли тотальный грабеж русского населения без каких-либо правил, творя десятки набегов, больших и малых.

Все это, не говоря уж об общем нравственном и эмоциональном фоне русской жизни и быта под татарским игом, буквально убивавшем русское искусство и культуру, не исключая и письменную. Отчаяние и пессимизм, упадок духовных сил владели живущими. Рухнула общая грамотность, перестали стабильно вестись летописи. Навсегда или очень надолго (на 150—200 лет!) исчезают сложные ремесла, которыми славилась домонгольская Русь: резьба по камню и кости, производство стеклянных украшений, перегородчатой эмали, черни, зерни, скани, полихромной поливной керамики и др.

Непоправимо пострадала архитектура – мы никогда уже не сможем себе представить, как выглядела наша страна до прихода монголов. И, конечно, сегодня во многом утрачены представления о русской школе живописи, поскольку от всего огромного количества домонгольских икон сохранилось всего каких-то пять десятков. А ведь архитектура и живопись – суть главные столпы искусства, его несущие конструкции, вокруг которых всегда выстраивается едва ли не вся иерархия ремесел и искусств.

Все это происходило именно в те века, когда в Европе восходило Высокое Средневековье, создавались шедевры готического искусства, творили Джотто, прерафаэлиты, Филиппо Липпи, Боттичелли, Кривелли, Ван Эйки, подготавливалось Возрождение. Возникали новые технологии и эстетики, развивался капитализм и накапливались материальные богатства, стремительно росли города, закреплялись традиции ремесленных цехов и свободных искусств и т. д., и т. п.

* * *

Книги. Конечно, пожары в деревянной Руси и до татар, и после ига наносили страшный ущерб русской культуре. Но никакого сравнения нет и даже быть не может с тем систематическим и планомерным вытаптыванием русского культурного поля, которым мы обязаны татарам. Это хорошо видно на примере русской книжности.

Крупнейший знаток вопроса Б. В. Сапунов утверждает: «Книжные богатства Древней Руси составляли 130—140 тысяч томов... С точки зрения автора, это оптимальная, а далеко не максимальная величина книжного фонда Руси X – середины XIII в.»⁶⁶.

Сапунов с печалью констатировал трагическую судьбу ранних русских книг; он считал и повторял неоднократно, что от былых книжных сокровищ домонгольской Руси до нас дошли лишь доли одного процента⁶⁷.

Гибель 99 процентов книжных фондов любой эпохи и любого народа не назовешь иначе, как культурно-информационной катастрофой.

Что случилось? Отчего произошла эта ужасная катастрофа? В чем причина этой трагической гибели?

Сапунов называет целый ряд таких причин. Среди которых на первом месте – пожары, от которых непрерывно страдала древняя Русь. Пожары были как стихийными, так и умыш-

⁶⁶ Сапунов Б. В. Книга в России в XI—XIII вв. – Л., Наука, 1978, с. 76—82.

⁶⁷ Там же, с. 14, 29, 221.

ленными, во время вражеских нашествий и междоусобных княжеских войн. Русские города захватывались и горели как до, так и после татарского ига. По подсчетам Н. Я. Аристов, с 1055 по 1238 гг. по Руси прокатилось 80 областных войн, некоторые из которых тянулись по 12—17 лет⁶⁸. Тот же Киев как минимум дважды был захвачен и разгромлен половцами, в 1096 и в 1203 гг., но еще пуще разорение претерпел в 1169 г. от объединенных войск русских князей, предводимых Андреем Боголюбским.

Плачевная сохранность фонда русских манускриптов имела многие причины, выделить среди которых главную, *на первый взгляд*, невозможно. Ведь почти все они действовали на всем пространстве Руси – и пожары, и междоусобицы, и нашествия иноплеменных – печенегов, половцев, литовцев, поляков, немцев, шведов и т. д.

Но это только на первый взгляд. При более вдумчивом анализе главная причина становится, все же, очевидной: это татаро-монгольское нашествие и последующее за ним иго. Два обстоятельства свидетельствуют об этом неопровержимо.

1. Во-первых: обстоятельство места. Где лучше всего и больше всего сохранились домонгольские русские рукописи? Только в двух регионах на всем необъятном пространстве Киевской Руси: в Новгороде и в Галицко-Волынской (Червонной) Руси. То есть именно там, куда татары либо вообще не достигли, либо не принесли тотального разорения. Сапунов уточняет: «Новгородское наследие составляет никак не менее 1/2 всех сохранившихся книг, вернее даже, что их еще более».

А где меньше всего, хуже всего сохранилось рукописное наследие? Сапунов: «Книжные сокровища почти всех городов центральной и северо-восточной Руси погибли при монгольском нашествии... К сожалению, дошедшие до наших дней подлинные списки памятников киевской письменности весьма малочисленны (а поскольку изначально и до самого своего падения в 1240 году самым главным центром русского книгоделания был именно Киев, то по этим жалким остаткам, неизвестно как, где и каким чудом сохранившимся, можно вообразить себе, насколько чудовищный урон был нанесен именно его наследию, едва ли не полностью уничтоженному. — А.С.) ... Другие области Древней Руси не оставили заметного числа письменных памятников домонгольского времени⁶⁹».

О том, как это бывало, малое представление дает Лаврентьевская летопись, которая под 1237 годом сообщает, что из разоренного Владимира-на-Клязьме воины Батые в качестве трофеев вывезли книги. Зачем они понадобились монголам – неизвестно. Вряд ли для чтения. Но из культурного оборота наших предков они были вырваны навсегда. И так было с 1230-х гг. до примерно середины XV века повсеместно, кроме северных и крайних юго-западных территорий Киевской Руси.

Впоследствии татарские экспедиции, в том числе карательные, еще не раз наносили нам существенный урон. К примеру, повесть «О московском взятии от царя Тохтамыша и о пленении земли Русской» в таких словах повествует о разорении Москвы 26 августа 1382 г.: «И книг множество снесено со всего града и с сел, в соборных церквях множество наметано, охранения ради спроважено, то все безвестно створиша»⁷⁰. То же повторилось при нашествии Девлет-Гирея в 1571 г. и т. п. Характерно, что русские люди, чтобы защитить любимые книги от врага, сносили их под защиту церковных стен, но это не могло спасти драгоценные рукописи, и они горели, подожженные татарами, вместе с церковными стенами.

2. Во-вторых, следует обратить внимание на некоторые обстоятельства времени.

Открыв «Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв.» (М., 1984), мы узнаем, что на государственном хранении в нашей стране находится

⁶⁸ Аристов Н. Я. Промышленность древней Руси. СПб., 1866, с. 251.

⁶⁹ Сапунов Б. В. Книга в России в XI—XIII вв. ... – Сс. 122—129.

⁷⁰ ПСРЛ, т. VIII, под 1382 г. См. также: т. II, с. 85—89; т. III, с. 29, 133, 232; т. V, с. 16; т. VI, с. 99—102.

494 таких рукописи. Если учесть все древнейшие славянские книги зарубежных собраний, то в совокупности с российскими их будет около тысячи. О чем это говорит? О том, что вне исторической территории русского народа сохранилось столько же книг, сколько и внутри, что противостоит, ибо по месту производства их должно было бы быть намного, в разы, больше. То есть, как можно догадаться, внутри нашей страны русские книги яростно уничтожались, а снаружи – нет, хотя условия сохранения книжности вообще мало отличались.

Еще информация: от XII—XIII веков сохранилось примерно столько же книг, что и от XIV века (314 ед.).

Но вот перед нами следующая цифра, заставляющая серьезно задуматься. Судя по «Предварительному списку славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР» (М., 1986), на государственном хранении находится 3422 книги этого периода.

Нетрудно видеть, что в течение каких-то ста лет без особых видимых причин количество сохранившихся книг выросло на порядок: с 314 до 3422! Что стоит за этими цифрами, за этим количественным скачком?

На мой взгляд, это – последствия победы русских на Куликовом поле и последующего свержения татарского ига.

Дело в том, что только в XV веке перестали систематически уничтожаться татарами книжные сокровища в ареале исконного русского проживания и книгоделания⁷¹. Перестали уничтожаться в столь чудовищно массовом количестве и сами русские читатели. Иначе объяснить, почему от XV века при всех прочих равных условиях сохранилось рукописей на порядок больше, чем от XIV, – невозможно.

Причинно-следственная связь установлена убедительно: не только место, но и время наибольшей сохранности древнерусских книг ясно и однозначно указывают, что книги лучше всего сохранялись там и тогда, где и когда их не могла коснуться рука татаро-монгольского захватчика. А вот в годы татарского ига уничтожение русских книгохранилищ на доступных татарам землях было регулярным и последовательным.

Для всякого, кто понимает значение создания, накопления, интерпретации и передачи информации, вряд ли нужно что-то комментировать. В то самое время, когда Европа, вооруженная подвижным шрифтом Гутенберга, осуществляла первую информационную революцию⁷², стремительно обгоняя Китай и страны Ислама на поприще знания и понимания, Русь не по своей вине, а по вине захватчиков оказалась далеко отброшена с магистрали умственного, в том числе научно-технического развития.

* * *

Утрата положения в мире. Догоняющий путь развития. Итак, поиск «точки бифуркации», исторической развилки, пройдя которую, Русь вступила на путь развития, вечно догоняющего Европу, ведет нас именно туда, в роковые 1230-1240-е годы.

Сказанное позволяет полностью поддержать вывод, сделанный Сапуновым: «Ни с чем не сравнимые потери понесла русская культура в страшные годы нашествия орд Батыя. Монголы не только нанесли нашей цивилизации непоправимый урон, они на столетия затормозили поступательное движение русского народа»⁷³.

⁷¹ Конечно, такие постоянно действующие в деревянной Руси факторы, как пожары или простое небрежение, продолжали уничтожать книгохранилища, но ведь эти факторы действовали как до, так и после татар (вспомнить хотя бы пожар Москвы 1812 года, погубивший единственный подлинный список «Слова о Полку Игореве»). Никакими постоянно действующими факторами разрыв в книжном богатстве между XIV и XV веками не объяснить: здесь произошло нечто экстраординарное, а именно – свержение татарского ига, прекращение регулярных набегов.

⁷² За первые полвека инкунабульного развития печатной книги, до 1500 года, в Европе уже было издано 40 тысяч (!) наименований книг – неслыханный информационный взрыв, сразу же вытолкнувший Запад в мировые лидеры прогресса.

⁷³ Сапунов Б. В. Указ. соч., с. 17.

Подчеркну: четверть тысячелетия длившаяся безжалостная и хищническая власть врага-инородца – может быть не единственная, но главная причина нашего цивилизационного отставания. Сегодня делаются попытки, глядя в прошлое сквозь мутные очки толерантности и политкорректности, выдавать эту власть чуть ли не за обоюдно полезный симбиоз поработителя и поработленного⁷⁴. Но в подобных спекуляциях нет ни грана правды.

Власть татар изменила территориальную конфигурацию Древней Руси, ее место в окружающем мире, ее геополитическое значение, все содержание ее внешней политики, экономических и культурных связей. Древняя Русь (под этим выражением подразумевается теперь преимущественно северо-восточная Русь, поскольку юго-западная частично исчезла, а оставшаяся часть оказалась на периферии, отрезанная инородцами от русского православного материка), а точнее – древнерусский народ ордынского периода обрел статус народа-изолята. Не по своей воле.

Правду сказать, не одни татары тому виной. Утратив после смерти князя Святослава Хороброго характер цельной и централизованной самодержавной страны и упав в пропасть удельных распрей, феодальных усобиц, Киевская Русь сделалась «киевской» лишь номинально. Естественно, «русская федерация» (этот нелепый термин сегодня поднят на щит некоторыми историками) немедленно прекратила попытки территориального расширения, свойственные ей от Рюрика до Святослава, и стала, напротив, сокращаться в размерах, теряя геополитическую инициативу. Чем не преминули воспользоваться как степняки-кочевники, так и ближайшие соседи с Запада – поляки, литовцы, а там и шведы, и немцы.

Уже к XII веку усилиями печенегов, а затем половцев русские поселения на части земель, прилегающих к Дону, Донцу и нижнему Днепру с притоками, заметно сокращаются. Соответственно, под сомнение ставится значение Руси как территории междивизантийского транзита – знаменитого «пути из Варяг в Греки». Балтийско-черноморский и балтийско-каспийский пути, бывшие с дорюриковых времен экономической основой жизни славянских летописных племен, становятся проблемными, в значительной мере прерываются. Мечты Святослава о переносе столицы из Киева на Дунай, о новых землях в Степи, в Поволжье, Подунавье, нижнем Приднепровье за счет разгрома хазар, болгар и византийцев-ромеев – все это остается в прошлом. Причем конец этим мечтам, что симптоматично, кладут именно кочевники печенеги, взявшие под свой контроль днепровские пороги и превратившие череп знаменитого воителя в пиршественную чашу. А там и половцы подросли, выдавливая славян из Придонья. Не случайно и поляки уже сразу после смерти Владимира Святого дерзают вторгаться на южные территории русских князей, а в 1018 году даже захватывают Киев, помогая Святополку занять стол.

Вообще в результате княжеских усобиц Киев начинает терять свое значение, особенно после жестокого погрома, учиненного коалицией князей-рюриковичей под водительством Андрея Боголюбского в 1169 году. Не случайно еще задолго до татарского нашествия русские люди потянулись с киевщины, вообще с южных и юго-западных степных и лесостепных земель, на скудные, но стратегически удобные и безопасные лесистые земли северо-восточной Руси, на Владимирщину.

Но! Монголо-татарское владычество резко изменило всю карту Древней Руси. Не говорю уж о том, что древний великий город Киев впал в совершенное ничтожество, но произошло практически полное запустение огромного ареала бывших русских оседлых поселений Юга, на месте которых возникло Дикое Поле (повторно оно было заселено русскими людьми уже только в XVI—XVIII вв.). Лишившись своих южных земель, «Русь Ордынская» оказалась вся

⁷⁴ Подобные фантазии можно встретить у историка Л. Н. Гумилева, филолога В. В. Кожина, писателя Б. В. Васильева и др.

в зоне рискованного земледелия, суровых климатических условий и относительно дорогого производства.

При этом вообще изменилось понятие «Русской земли», воспетой автором «Слова о полку Игореве». Когда-то оно относилось ко всей территории Киевской Руси. Теперь же фактически в отрыве от всего древнерусского этноса оказалась Галицко-Волынская Русь, подпавшая под влияние Рима (князь Даниил принял королевскую корону из рук папы) и на века превратившаяся для нашего народа в «отрезанный ломоть», а в наши дни в главный центр бандеризации и русофобии на Украине. Связи южных и юго-западных княжеств с северо-восточными оказались разорваны. Поэтому, когда полоцкие, киевские, турово-пинские, волынские, галицкие, поднепровские и другие исконно русские земли, немедленно, уже с середины XIII в., стали подвергаться не только татарским набегам, но и планомерной экспансии со стороны западных соседей – литовцев, поляков, венгров и немцев, на помощь им уже не могла придти владими́ро-суздальская Русь, ослабленная усобицами и татарами. «Мать русских городов» Киев оказался под властью Литвы; Можайск сделался пограничным городом, за которым простирались уже литовские владения; в XIV веке Москву дважды осаждали войска литовского князя Ольгерда, и т. д. Все это – тоже следствие татарского нашествия.

Кроме того, внутри собственно центральной древнерусской земли, оставшейся под контролем или патронажем рюриковичей, произошли очень большие изменения.

Во-первых, татары, верные главному принципу всех завоевателей «разделяй и властвуй», всячески стимулировали процесс дробления, измельчания уделов. Число которых к приходу татар и так уже насчитывало 50, а к XIV веку возросло аж до 250: в пять раз! Татары понимали: раздробленная на мелкие частицы Русь – не противник. Несмотря на то, что уже с 1304 года великие князья владимирские официально именовались «великими князьями всея Руси», на деле их домен ограничивался территорией волости Владимира-на-Клязьме, к которой только в XIV в. добавилось Переяславль-Залесское княжество.

Во-вторых, политическое значение былых уделов существенно, а порой радикально изменилось: одни стали его терять (Ростов, Суздаль, Владимир и др.), другие – обретать, усиливать (Тверь, Москва, Нижний Новгород и др.). Татарские владыки, раздавая ярлыки, тасовали колоду русских княжеств, постоянно переопределяя не только их границы, но и их соподчиненность, иерархию. Политические игры при дворе ханов стали определять очень многое в судьбе княжеств, диктуя князьям внешнюю и внутреннюю политику⁷⁵. Утрата всякого суверенитета князьями была почти абсолютной, а попытки его хоть отчасти восстановить кончались карательными походами Орды, завершавшимися, как правило, жестокими избиениями и пленением жителей, подвластных неосторожному князю.

Понятно, что никакой единой и даже сколько-нибудь внятной внешней политики Русь Ордынская, раздробленная на сотни уделов, вести не могла, договороспособностью не обладала и субъектом международного права не являлась. (Это, между прочим, еще одно подтверждение несостоятельности выражения «Владимирская Русь».) По сути, единственным «международным партнером» для русских князей стала сама Орда, в суровой школе которой и возрастала русская дипломатия. Со временем обретенные в этой школе черты станут для нее определяющими: «строжайшая секретность, жесткий контроль за кадрами, безжалостная расправа не только с явными отступниками, но и с лицами, позволявшими себе хоть на йоту отклониться от инструкций» (В. В. Похлебкин).

Одним из признаков утраты суверенитета было также обязательство князей являться в Орду и поставка рекрутов или участие в военных инициативах ханов по их первому требованию – «налог кровью». К примеру, в 1282 году Ногай и Тула-Буга велели галицко-волынским

⁷⁵ Житие убитого в Орде князя Михаила Тверского описывает ситуацию так: «Обычаи бе поганыхъ и до сего дни: вмещущи вражду между братиею князи русскими, себе множайшия дары възимають».

князьям пойти с ними на венгров, а в следующем году на Польшу. Всего в 1270-1290-х годах татарами было организовано 14 походов, в которых пришлось принять участие и проливать свою кровь подневольным русским воинам.

При этом помощи от татар, в случае агрессии западных народов, ждать не приходилось, отбиваться приходилось своими силами⁷⁶.

Однако именно усилиями западных «соседей-врагов»⁷⁷ Русь Ордынская оказалась отделена от Западной Европы довольно непроницаемым кордоном и на столетия, фактически до конца XV века, выпала из европейского поля зрения и политического обихода.

* * *

Итак, в чем выразилась изоляция Руси? Немного упрощая, подытожу так.

Татары перекрыли нам контакты с Югом и Востоком, с Византией, Балканами, Подунавьем, шедшие по рекам Волге, Днепру, Дону, Дунаю (при этом русские митрополиты продолжали сношения с Византийской патриархией). Товары из Руси продолжали поступать в указанном направлении, да только торговлей в Орде занимались уже не столько сами русские, а преимущественно мусульманские купцы-бессермены и итальянские купцы-фряги. Русские же торговые караваны постоянно подвергались набегам ордынцев. При этом главным товаром Руси на южном пути были живые люди – мужчины и женщины. Татары доставляли их в итальянские порты на Черном и Азовском морях, после чего уже генуэзцы и венецианцы снабжали русскими рабами и рабынями Ближний Восток, Северную Африку и южноевропейские страны. Понятно, что такая торговля не обогащала саму Русь и не способствовала упрочению ее внешнеполитических позиций.

Одновременно литовцы, поляки, немцы, шведы перекрыли контакты с Западом и отделили северо-восточную Русь от юго-западной. С Литвой, немцами шла постоянная война. Конечно, самым главным и самым страшным врагом оставались татары, но вот выдающийся историк В. В. Мавродин подсчитал, что «за XIII, XIV и первую половину XV вв. русские выдержали больше 160 войн с внешними врагами, из которых 45 – с татарами, 41 – с литовцами, 30 – с немецкими рыцарями, а все остальные – со шведами, поляками, венграми и др.»⁷⁸. Как видим, более, чем две трети войн этого периода приходится на наших «братьев по расе». И до поры до времени успех был не на нашей стороне.

В результате уже тогда именно европейцы опустили перед русскими своего рода «железный занавес», отделивший нас от Запада (метафора, ставшая популярной после Октябрьской революции).

Этому способствовали не только войны, практически непрерывные, но и весьма специфические экономические отношения, установленные Западом для русских торговых республик – Новгорода и Пскова. В XIV веке на Балтике правила игры диктовал Ганзейский союз – объединение крупнейших немецких портовых городов, раскинутых по всему южному берегу. А все выходы к морю в период татарского ига взяли под контроль Швеция, Ливония, Литва и Польша. Самостоятельно русские моряки и торговцы выходить на европейские рынки не могли и были вынуждены искать иностранного посредничества, отдавая по дешевке немногочисленные товары, ассортимент которых диктовал Запад: пеньку, лен, воск, мед, деготь, смолу-живицу, корабельный лес, воловьей кожи, моржовый клык, пушнину – все из разряда сырья. Это касается и немногих других западных русских городов, сохранивших торговое значение (Полоцк, Витебск, Смоленск). Правда, русскими велась также торговля через Белое

⁷⁶ Известен случай, когда по просьбе Льва Галицкого войска Менгу-Тимура зимой 1274/1275 годов отправились карать Литву, но поход вглубь Литвы так и не состоялся, все ограничилось взятием одного Новогородка.

⁷⁷ Имеются в виду поляки, литовцы и немецкие рыцари, взявшие под контроль значительную часть Прибалтики. Особенно данный кордон «отвердел» после принятия Литвой католичества (папа Урбан VI признал Литву католической страной в 1389 году).

⁷⁸ Мавродин В. В. Образование русского национального государства. – М.-Л., 1941. – С. 127.

море, но это в то время было сопряжено с сезонными трудностями, становилось хлопотно и неэкономично. Тяжело сказывалась и постоянная нехватка денег, обусловленная татарскими поборами.

Помимо прочего, Запад старался блокировать поступление на Русь новых ремесленных технологий, не пропускал к нам своих мастеров. Даже уже в середине XVI века, когда по поручению Ивана Четвертого саксонский немец Шлитте нанял в Германии для работы в России более ста человек, ливонские власти в ганзейском Любеке задержали всех этих специалистов (подробности ниже). «Железный занавес» пришлось пробивать русским самим уже в ходе Ливонской войны.

Таким образом, «Русь Ордынская» существовала, по сути, как русский этнический анклав, замкнутый в кольце врагов. Швеция, Ливония, Польша, Литва, Ногайские орды, Крымское, Казанское, Астраханское и Сибирское ханства плотно обступали Русь со всех сторон, кроме Севера, отрезая ее от всего остального мира, от Европы в частности.

Свержение татарского ига, окончательное, могло дать Руси импульс для «возвращения» в Европу, восстановления своей былой европейскости. Хотя это уже было невозможно в принципе, но попытка такая должна была произойти, в соответствии с законами диалектики. Что из этого вышло? Об этом будет сказано ниже.

Важный симптом изоляции. Одним из важных симптомов изоляции Руси Ордынской от всего мира становится резкое изменение географии династических браков русских князей. В годы татарского владычества почетное породнение русских великих князей с европейскими монархиями немедленно прекращается (если не считать женитьб заметно ниже рангом на литовских княжнах). И не восстанавливается аж до самого XVIII века – за исключением Ивана III, который внезапно по протекции папы римского подобрал себе беглую сироту-бесприданницу Зою Палеолог, племянницу последнего византийского императора, после плачевного крушения империи (можно сказать, приобрел жену по случаю и по циничному расчету).

Правду сказать, и до татар вектор матримониальных интересов уже заметно сместился у русских князей с Запада на Восток. Так, Владимир Мономах женил своих сыновей – Юрия Долгорукова и Андрея Переяславского – на половчанках, а князь новгород-северский Игорь, счастливо бежавший из плена от хана Кончака, своего сына женил-таки на Кончаковне, и мн. др. Примерно за сто лет в XI—XIII вв. брачных русско-половецких княжеских союзов возникло больше, чем с народами Европы, за исключением разве что поляков. На русских княжеских столах потом не раз оказывались дети-полукровки – взять хоть Андрея Боголюбского или Всеволода Ольговича. При этом на низовом, народном уровне ассимиляции, массовой метисации не происходило, и для русских летописцев половцы как были, так и оставались «погаными».

Нашествие татаро-монгол, однако, сильно ограничило княжеский выбор. Политическая конъюнктура похерила русско-половецкие альянсы и сделала предпочтительными русско-татарские и русско-литовские браки. Дальнее же зарубежье стало попросту недоступным. Никто из европейских монархов не отдал бы свою дочь в слабую, разграбленную и раздробленную страну, погрязшую в междоусобных войнах и находящуюся под столь ужасным гнетом народа-чудовища, каким представляли татаро-монголы в глазах европейцев.

Женитьба на татарских принцессах была престижна и выгодна. Вот красочный пример: Федор Ярославский женился на дочери хана Менгу-Тимура. За что был согнан со своего стола вечем Ярославля, по наущению тещи от первой жены. Но хан утешил его по-царски, сказав: «Я не могу вмешиваться в решения веча. Но я могу тебе как зятю дать хорошие города в Орде: Казань, Херсон, Булгар» (всего дал ни много ни мало 15 городов, а со временем вернул и в Ярославль). На знатных монголках женились в Орде также князья Ростовского, Белозерского и других княжеских домов. Глеб Белозерский на дочери хана Сартака, Александр Углицкий на дочери ордынского вельможи Кутлук-Орткы, а его брат Федор на дочери ордынца

Велбласмыш, брат Ивана Калиты – на любимой сестре хана Узбека и т. д. Русско-татарские династические браки продолжались, даже когда иго уже пало: так Евдокия, сестра Василия III, вышла в 1506 году за татарского царевича Худай-Кула (в крещении Петра). В результате подобных смещений, в частности, сам царь Иван Грозный был по отцовской линии потомком половецкого хана Аюпы, а по материнской – знаменитого татарского темника Мамай.

Тем временем все большее значение начинает играть Литва (и «Русь Литовская»), в результате чего браки рюриковичей с гедиминовичами входят в обычай, начиная с сына Ивана Калиты – Симеона Гордого, женившегося на дочери великого литовского князя Гедимина Анастасии-Августе (1333). Овдовев, Симеон женится со временем на тверской княжне Марии, зато ее младшая сестра Ульяна выйдет замуж за литовского князя Ольгерда. Младший брат Симеона Иван Красный, отец Дмитрия Донского, выдал свою дочь Любовь за литовского князя-гедиминовича Дмитрия Боброка. А дети самого Дмитрия Донского все переженились на литовках: старший на дочери великого литовского князя Витовта Софье, младший на дочери смоленского князя (Смоленск входил в состав Великого княжества Литовского), а дочь вышла замуж за литовского князя Семена-Лугвеня. На литовских княжнах женились не только великие, но и удельные князья; к примеру, двоюродный брат Дмитрия Донского боровско-серпуховской князь Владимир Андреевич Храбрый женился на дочери Ольгерда и Ульяны княжне Елене (симптоматично: этот князь свободно владел языками литовским и татарским).

Вершиной данной династической традиции был брак дочери Ивана Третьего от Софьи Палеолог – Елены, которая в 1495 г. вышла замуж за великого князя литовского Александра, ставшего впоследствии королем Польши.

Этот краткий очерк княжеской брачности позволяет понять, как нестерпимо узки стали при Орде границы международных политических притязаний рюриковичей, какой далекой периферией оказалась Русь Ордынская для всей, по сути дела, Европы. Единственный прорыв удалось осуществить Василию Первому, выдавшему Анну, свою дочь от Софьи Ольгердовны, за несчастного императора Византии Иоанна VIII Палеолога, которому досталась жалкая, обкорнанная со всех сторон бывшая империя и плачевная роль предателя православия, заключившего с католиками в 1439 году унию на их условиях. Но позорная уния не спасла Второй Рим, и Иоанн умер от горя, узнав о захвате турками Сербии и понимая, что на очереди его собственная держава. Так что брак с ним – не такая уж удача для московского тестя, он не идет ни в какое сравнение с русско-византийскими браками времен Владимира Святого или Ярослава Мудрого.

Следующий шаг в данном направлении – женитьба Ивана Третьего вторым браком на Софье Палеолог – напротив, оказался ловким политическим ходом, выведя уже не «Ордынскую», а Московскую Русь в роли наследницы великой православной империи, а самого великого князя московского – в роли царя и держателя имперских регалий.

Собственно говоря, именно в княжение Ивана Третьего начинается новое знакомство Европы с Русью, которую заметили отчасти как раз благодаря такому удачному супружеству. Не случайно восстановление старого знакомства началось с обмена посольствами со Священной Римской империей в 1488—1489 годах, которое было посвящено попыткам обеих сторон просватать дочь Ивана Третьего. Что означало возвращение в круг европейских держав объединенной и достаточно сильной Руси, родниться с которой вновь стало не зазорно. Правда, «не зазорно» понималось сторонами по-разному: Иван имел в виду сына императора Фридриха III, а тот предлагал в качестве женихов лишь второго сорта владетельных особ – Баденского маркграфа, курфюрста Саксонского, маркграфа Бранденбургского. Но все же...

В те годы Московская Русь – уже и еще – не считала себя частью европейского мира и не сподобилась включиться в решение его насущных проблем: противостояние с Османской империей, конфликтные отношения германского и романского суперэтносов и т. п. Перед

Москвой стояли другие жизненно важные задачи: 1) не позволить татарам вновь накинуть аркан на нашу шею; 2) объединить под своей властью все земли Ордынской Руси и 3) вернуть под свою руку земли Киевской Руси, коварно захваченные Литвой и Польшей в пору нашей слабости. Мы все еще бились в кругу этих внутренних проблем, не в силах его разорвать. А потому долго еще не были всерьез интересны западным державам⁷⁹.

Не случайно для своего старшего сына Иван Третий не нашел лучшей невесты во всей Европе, кроме дочери молдавского господаря. Младшему сыну Василию и вовсе пришлось первым браком жениться на боярской дочери Соломонии Сабуровой, а вторым – на Елене Глинской из рода литовских вельмож, восходящего к хану Мамаю.

Попытки Ивана IV Грозного жениться на шведской принцессе или английской королеве также не имели успеха, выше кабардинской княжны его брачные притязания так и не поднялись.

За беглого шведского принца Густава попытался в 1601 году выдать дочь Ксению Борис Годунов, но тот, приехав в Москву, продолжал открыто жить с любовницей, и дело, не дойдя до брака, окончилось высылкой сумасбродного шведа в Углич. Через год Борис попытался залучить себе в зятя Иоанна, брата короля Дании (московские вельможи негодовали, не желая видеть иноземца и еретика в такой роли), но тот в Москве подхватил горячку и помер. В конце концов отчаявшийся отец послал посольство в Грузию, чтобы хоть там сыскать какую-нибудь княжну в невесты сыну Федору, но даже в такой не слишком важной стране эта затея не имела успеха.

Не претендовали на династические браки и первые Романовы, включая царевну Софью. Правда, Михаил Федорович в 1644 году захотел выдать дочь Ирину за датского королевича Вольдемара; но тот, хорошенько оглядевшись в Москве и поразмыслив, уже через месяц «стал просить отпуска», прикрываясь нежеланием перекреститься в русскую веру. В дальнейшем заведомую беспочвенность подобных русских династических притязаний приходилось также прикрывать мотивом религиозной исключительности, из-за чего все царевны с молодых лет были сурово и несправедливо обречены на монастырское заточение во избежание мезальянса – социального либо (якобы) конфессионального.

Однако позже, как только Россия вернула себе могущество и некоторую показную «европейскость», традицию династических браков немедленно удалось возобновить, начиная с царевича Алексея и царевны Анны, сына и дочери Петра Великого.

Вообще, по-настоящему, всерьез замечена европейцами (не считая литовцев, поляков и немецких рыцарей) Русь оказалась лишь в XVI веке, особенно когда началась Ливонская война. Внезапное появление на границе Европы и Азии единого большого могучего государства было встречено окрестными странами враждебно. (Такая же участь постигла внезапно возникшую в начале XVI века персидскую империю Сефевидов.) Неудивительно, что всю первую половину столетия для русских на один мирный год приходится два года военных. Эта неожиданность – появление на арене сильной независимой страны, имеющей свои интересы и притязания, шокировала, даже травмировала европейцев. Тогда же и выработалось их чрезвычайно устойчивое отрицательное отношение к России и русским – как к непредсказуемому, могущественному и опасному монстру. Обладающему вдобавок ярким своеобразием, противопоставляющим его привычному европейскому образцу, признанному эталону прогресса. «Россия – не Европа»: этот стереотип утвердился сразу по восстановлению русского суверенитета и благополучно дожил до наших дней.

Как получилось, что попытка вернуться в европейскую семью народов, произведенная спустя триста лет после того, как между Русью и Европой впервые упал своего рода «железный

⁷⁹ Впрочем, временное сближение Вены с Москвой было во многом обусловлено временным же обострением отношений между Веней и Краковом.

занавес», оказалась безуспешной? Почему у европейцев возникло стойкое – похоже, навсегда – представление о русских как о враждебных и неполноценных «других», «чужих»? Каковы характеристики, параметры образовавшейся между Европой и Россией пропасти? Какие исторические факторы обусловили такой результат?

Ответ на этот вопрос снова и снова возвращает нас к эпохе татарского ига, важнейшей для истории русского национального становления.

Русская нация – новый исторический феномен

Итак, перезапуск русского этногенеза приходится на XIII—XV вв. и заканчивается рождением русской нации в ходе обретения русскими своей суверенной государственности. Произошло, если можно так выразиться, пересоздание русского народа: Ордынская Русь принципиально, порой до неузнаваемости качественно изменила физическое и духовное содержание Киевской Руси. Преобразование которой в Русь Московскую сопровождалось потерями и приобретениями, раз и навсегда поставившими под сомнение европейскую идентичность русских.

Выше много говорилось о факторе татарского ига, его важнейшей роли в данном преобразовании. Иго отбросило нас на двести пятьдесят лет назад, катастрофически затормозило развитие, обрекло на догоняющий путь развития, выбило из семьи европейских народов, возможно, ухудшило физически (соматически, фенотипически) – с одной стороны. С другой – заставило вариться в собственном соку, как японцев эпохи Токугава, способствовало концентрации национальной самобытности, закалило национальный характер, укрепило архетипы.

Но иго было не единственным фактором, действовавшим в пользу возникновения русского национального государства – Московской Руси. Были и другие, о которых тоже нужно сказать.

1. Прежде всего следует иметь в виду фактор внутренний: рождение единого русского народа на смену конгломерату летописных славянских племен или еще более дробных субэтносов с местным (удельным) самосознанием типа «куряне», «тверитяне», «смоляне», «новгородцы» и проч. Именно в ордынский период произошло окончательное превращение слова «русский» из грамматической формы прилагательного – в так называемый субстантивный дериват, то есть – существительное, происходящее от прилагательного⁸⁰. (Об этом говорилось во «Введении».) Недаром уже Иван Третий именуется «Божьей милостью государь и великий князь Всея Руси». Свое юридическое и политическое завершение этот процесс обретет в царствование Ивана Четвертого Грозного.

Грамматическая метаморфоза – не пустяк, за ней просматривается грандиозный исторический и этнополитический факт: переход русского этноса от фазы племени и союза племен – к фазе народа. Причем, что очень важно отметить, народа государствообразующего. Которого в этом качестве никто никогда не мог и до сих пор не может подменить ни в древней Руси, ни в современной России. Что и засвидетельствовали поправки в нашу Конституцию, внесенные в 2020 году.

Согласно русской этнологической традиции государствообразующий народ – это и есть нация в наиболее точном смысле этого слова⁸¹. Таким образом, мы можем говорить о том, что из горнила татаро-моновского ига вышли одновременно русская нация и Русское национальное государство – Московская Русь. Здесь уместно сослаться на имперского дипломата Сигизмунда Геберштейна, который, описывая Московию эпохи Ивана III, Василия III и Ивана IV, отчеканил: «Каково бы ни было происхождение имени „Россия“, народ этот, говорящий

⁸⁰ Таких слов много: ванная, столовая, мостовая, приданое, горничная, военный, дежурный, заведующий, больной, портной, часовой и др. Все они имеют парадигму склонения имени прилагательного, но как части речи в предложениях являются при этом существительными. Такова грамматическая суть субстантивного деривата и, в частности, слов «русский», «русские».

⁸¹ См. раздел «Этнос и нация» в кн.: Севастьянов А. Н. Основы этнополитики. – М., Перо, 2014. См. также «Введение» к настоящей монографии.

на славянском языке, исповедующий веру Христову по греческому обряду, называющий себя на родном своем языке Russi, а по-латыни именуемый *Rhuteni*, столь умножился, что либо изгнал живущие среди него иные племена, либо заставил их жить на его лад, так что все они называются теперь одним и тем же именем „русские“»⁸².

Следует вспомнить здесь слова одного из тех честных и мужественных историков, которые в годы полного господства интернационалистического режима коммунистов поднимали вопрос о становлении Русского национального государства и о формировании единой русской нации. Я имею в виду декана истфака ЛГУ профессора В. В. Мавродина, который верно отмечал:

«Достаточно беглого взгляда, брошенного на наши источники, – а они отражают мысли людей древней Руси, – достаточно даже поверхностного знакомства с древнерусскими преданиями, а они отражают идеологию народа, – для того, чтобы убедиться в том, насколько развито было у наших предков чувство единства народа, чувство патриотизма, любви к родине, само понятие родины, земли Русской, насколько большое всеобъемлющее понятие вкладывали они в слова «Русь», «Русская земля».

Яркими памятниками древнерусского патриотизма, отражающими чувство самосознания русского народа, являются и «Повесть временных лет» («Откуда есть пошла Русская земля, кто в Киеве нача первее княжити, и откуда Русская земля стала есть»), и «Слово о законе и благодати» митрополита Иллариона, и «Память и похвала» Иакова Мниха, и «Слово о полку Игореве», и другие жемчужины древнерусской литературы.

Они проникнуты чувством любви к земле Русской, они с гордостью говорят о своем русском народе, о его славных богатырских делах. Сознанием единства русской земли, единства русского народа от «Червенских градов» до Тмутаракани, от Ладоги и до Олешья проникнуты произведения «книжных» людей киевской поры»⁸³.

Кто ковал в ордынском горниле единую русскую нацию и Русское государство? На первый взгляд, основная роль принадлежит московским великим князьям, чья воля проводила политику «собирания земель». Некоторые историки не без оснований подчеркивают также роль ордынских ханов, благоволивших Москве, способствовавших ее возвышению⁸⁴, хотя конечный результат наверняка не входил в их намерения (да и поддержка Ордой московских князей была не постоянной, и в принципе ханы стремились не допускать усиления одних русских князей за счет других).

Но не подлежит сомнению и роль самого русского народа, опираясь на совокупную волю которого, московские князья проводили свою политику⁸⁵. Эта совокупная воля равно проявляла себя как на Куликовом поле, так и при покорении Новгорода или Смоленска, и при колонизации Севера и Урала, и т. д. А в дальнейшем именно русский народ (точнее – уже русская нация), размножаясь и расширяясь, двигался во все стороны света, преумножая территории своего расселения и подчиняя Москве разнообразных инородцев, как правило, не спрашивая их желания. Иногда этому способствовало государство, но народная инициатива часто шла впереди.

2. В связи со всем сказанным стоит и такой фактор, как сопротивление русского народа на всех уровнях – от простого народа до княжеской и великокняжеской власти – татарскому игу. Сопротивление, которое формировало и характер русского народа, и характер его госу-

⁸² Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии. – М., МГУ, 1988. – С. 59.

⁸³ Мавродин В. В. Формирование русской нации. Стенограмма публичной лекции, прочитанной 7 июля 1947 года. – Л., 1947. – С. 14–15.

⁸⁴ Начиная с Дмитрия Донского именно старшие князья московского дома наследуют титул «великого князя всея Руси», для чего санкция Орды уже более не требовалась.

⁸⁵ Уместно вспомнить здесь высказывание Бисмарка: русский народ подобен ртути – если раздробить его на части, они будут стремиться друг к другу, пока вновь не сольются все вместе.

дарственности, и специфику расцвета русской духовности. Диалектический баланс русской истории в том и состоит, что сугубо отрицательная роль татарского ига уравнивается сугубо положительной ролью противоборства с ним. От вооруженного (главнейшие, но далеко не единственные примеры – Куликовская битва и Стояние на Угре) до чисто ментального, выразившегося в религии и культуре.

3. Наконец, надо затвердить, что политическое единство (централизация) Руси под эгидой самодержавия на века стало единственной вполне успешной и действенной формой самоорганизации русского народа. Оно привело к такому положению вещей, когда любой исходящий из центра импульс, политический, религиозный или эстетический, вскоре доходил до всех границ страны. Это способствовало не только управляемости государством, но и выработке общерусских духовных стереотипов, в том числе формальных и неформальных нормативов в искусстве.

4. Весьма важный фактор – разрушение пресловутого «славянского единства», в ходе которого произошло решительное отделение русских от западных славян: поляков, литовцев (о славянской основе их этничности подробности ниже). Случилось необратимое выделение русских как этноса из славянского суперэтноса; выражаясь биологически, русские из подвида окончательно превратились в самостоятельный вид. Именно в те века, о которых идет речь, грань между литовцами и русскими, в былые времена почти незаметная, превратилась в жесткий рубеж. В первую очередь из-за выбора литовцами католического варианта христианства, что повлекло за собой резкое неравноправие православных подданных Литовской Руси и обусловило их тягу к Москве.

В этом не единственная, но очень важная причина того, что конфессиональная принадлежность у русских приобрела значение главного этнического маркера, подменив собой принадлежность собственно этническую, биологическую. Русская идентичность на века стала определяться не через кровь, а через веру, поставив именно вероисповедную границу в основополагающем разделении на «своих» и «чужих». Что не однажды в жизни сыграет с русскими дурную шутку.

5. Здесь необходимо полнее раскрыть фактор религиозный, сказавшийся в истории русской культуры двояко.

Во-первых, разделение церквей с течением времени, разогреваемое агрессией Запада против обескровленной татарами Руси, приобрело характер непроходимого водораздела. Обвинение в «латинской ереси» стало тяжким обличением не только церковного, но и светского, политического греха, обвинением в национальном предательстве. Православие, как уже отмечено, навсегда превратилось в важнейший маркер русской национальной идентичности.

Во-вторых, поскольку ордынские тяготы принципиально не затрагивали русскую Церковь, то ее контакты с Византией не прервались, служа каналом для проникновения на Русь духовных новаций от «греков», таких как исихазм и мн. др. Сохранялось влияние византийских духовных учителей как на богословие и литературу, так и на изобразительное искусство, долгое время продолжавшее византийские традиции.

Раскроем оба названных обстоятельства в плане их содействия становлению русской самобытности и «неевропейскости» – то есть, русской идентичности.

* * *

Первое. Вглядимся в разделение церквей, произошедшее в 1054 году. Оно свидетельствует о том, что с указанного момента Киевскую Русь уже нельзя считать органичной частью тогдашнего европейско-христианского мира.

Еще до разделения на Руси обращалось обличительное послание митрополита киевского Льва (992—1007), в котором он критиковал «филиокве», опресноки и прочие латинские обы-

чаи, хотя и без анафемы, резких выражений или укоризны⁸⁶. После того, как разделение состоялось, русская церковь заняла еще более определенную и жесткую позицию. «Слово» о вере христианской и латинской, с которым выступил игумен Киево-Печерского монастыря Феодосий (ум. 1074), именуемое также его завещанием, гласило: «Вере латинской (католической) не приобщайтесь, обычаев их не придерживайтесь, причастия их бегайте и всякого учения их избегайте и нравов их гнушайтесь... Ибо нет иной веры, лучшей, чем наша чистая и святая Вера Православная. Живя в этой вере, не только избавишься от грехов и вечной муки, но и станешь причастником вечной жизни и без конца будешь радоваться со Святыми. А живущие в иной вере: в католической, или мусульманской, или армянской – не увидят жизни вечной». Когда около 1089 года в Киев к митрополиту Иоанну прибыло посольство антипапы Гиберта (Климента III) в поисках союза, тот ответил письменным обличением заблуждений латинян и указал, что выдавать княжеских дочерей замуж в народы, причащающиеся пресным хлебом – дело языческое, достойное церковного наказания. А в 1104 г. киевский митрополит Никифор заявил, что православные с католиками не должны вместе ни пить, ни есть (в самом крайнем случае за отдельными столами и из отдельной посуды), ни даже здороваться.

Многие иерархи на Руси были греческого происхождения и ориентировались на позицию Константинополя, но это не отменяет факта: не только они, а и вся русская церковь в целом отвернулась от Рима.

В чем дело? Почему для русских оказалось непримлемо латинское новшество? Потому что в нем выразилось именно правовое, точнее правоцентристское мышление Запада. Которому испокон веку принципиально противостояло вероцентристское мышление русских, что отразилось даже в названии одного из самых первых наших литературных памятников – «Слове о законе и благодати» митрополита Иллариона, где новозаветный феномен Благодати (милости Божьей) абсолютно превознесен над ветхозаветным феноменом Закона (формальной богобоязненностью).

Тут уместно вновь указать на правовой нигилизм – второе принципиальное отличие, наряду с вероцентризмом, русской ментальности от западной. И это не должно удивлять: Запад стоял и стоит на традициях римского права, а Русь прошла мимо, не затронутая ими.

Между тем, пронизанность европейцев идеей права судьбоносно проявилась в западном христианстве. А именно: некоторые католические духовные авторитеты, начиная с VI века, стали время от времени добавлять в христианский Символ веры идею о том, что Святой Дух исходит-де не только от Бога-Отца, но и от богочеловека Иисуса Христа (в то время, как еще на Никео-Цареградском соборе в 381 году была утверждена формула Символа веры, согласно которой исхождение Святого Духа есть исключительная прерогатива Бога-Отца). Эта идея выражалась латинским словом «филиокве» – «и сына» – и, постепенно все более утверждаясь (еще папа Лев III заявил в 808 г., что она более соответствует западной традиции), была, наконец, закреплена в Риме во время торжественного пения Символа веры на коронации германского императора Генриха II в 1014 году. Таким образом западная Римо-католическая церковь «утвердила в правах» богочеловека против Бога – и сына против отца, поправ одновременно как небесную, так и земную естественные иерархии.

Восточная, православная, церковь наотрез отказалась принять это нововведение, а в 1054 году обе церкви уже анафематствовали друг друга по данному поводу, что и вошло в историю под именем «разделения церквей».

Православная церковь прежде и теперь полагает «филиокве» самой главной ересью католиков: еще Константинопольский собор в 867 г. отлучил папу римского от церкви как еретика именно за эту формулу. РПЦ вполне унаследовала такое же отношение к «филиокве». И для русских православных людей эта католическая идея, со всеми своими антропоцентри-

⁸⁶ Филарет (Гумилевский). История русской церкви. – Т. 1. – С. 95.

ческими производными («правами человека», «диктатурой меньшинств», «ювенальной юстицией» и вообще «религией человекопоклонства»), навсегда осталась глубоко чужда. А ведь религиозные константы всегда находят свою светскую проекцию. Экзистенциальное расхождение России и Европы было предопределено названными обстоятельствами.

Таким образом, самоизоляция Киевской Руси от Европы, весьма решительная и последовательная, началась в XI веке, еще до татар, распространяясь более и прежде всего на духовную область. Инициировала этот разрыв русская церковь, но не только она: духовную цензуру проводила и княжеская власть⁸⁷.

Глубочайшая пропасть между русским и западным духовным миром ярче всего отразилась в то время в книжном репертуаре. У всех историков древнерусской книжности царит более-менее единое мнение: «Переписывались практически только священные и богослужебные книги, святоотеческая и богословская литература и т. п. А вот богатая светская литература Византии, продолжавшая традиции античной, за немногими исключениями не дошла до восточных славян, что характерно»⁸⁸.

Если так ограничивалась даже византийская литература, то что говорить о латинской, переводы с которой имелись лишь в виде исключений⁸⁹. А между тем, международным языком науки к этому времени уже прочно стала латынь, которая с раннего средневековья была основной основой школьного образования во всех странах Запада⁹⁰. Однако именно переводы с латыни – «наречия ересиархов» – на православную Русь не шли. Огромный пласт знаний отсекался от русского читателя по соображениям религиозной гигиены.

Эта особенность бьет в глаза при сравнении репертуара русских манускриптов и современных им западных инкунабул XV века. В последнем случае научная, познавательная литература занимает гораздо больше места: свыше 30% наименований против 2,7%, разница более чем десятикратная. Отмечается также отсутствие на Руси образовательных центров, развивающих светские науки, просвещение. Эти обстоятельства уже никак не спишешь на татарское иго: никакие татары не мешали Новгороду, Пскову или Хлынову (Вятке) завести свои книгопечатни и университеты, однако этого не произошло даже в зародыше.

Итак, уже Древняя (Киевская и Ордынская) Русь онтологически отличалась от современной ей Европы. Первейшее принципиальное отличие Древней Руси от Западной Европы и даже от Византии состоит в ее сугубом вероцентризме и недооценке позитивных знаний. Все это сохранится и в дальнейшем. Русский массовый человек и сейчас живет не столько умом, сколько душой и сердцем, а пуще всего – своими мечтами и фантазиями.

* * *

Второе. Несколько предварительных слов о византийском влиянии.

Как известно, вместе с православной верой очень многие важнейшие составляющие культуры – книжность, архитектура, фреска, мозаика, иконопись и др. – явились к нам из Византии.

Здесь уместно провести аналогию с Японией, в которую в IX веке из Китая проник буддизм, а вместе с ним – искусство резьбы по камню, кости и дереву, бронзовое литье, вышивание шелком, а в дальнейшем фарфор, перегородчатая эмаль, бумагоделание и книгопечатание и т. п.

В том и другом случае религия явилась агентом и проводником культуры. В том и другом случае оригинальная местная этническая интерпретация сильно видоизменила как вероисповедные особенности, так и характеристики искусств и ремесел. Этническое онтологически пер-

⁸⁷ Подробности см. в кн.: Севастьянов А. Н. Битва цивилизаций: секрет победы. – М., Книжный мир, 2013.

⁸⁸ История книги: Учебник для вузов. Под ред. А. А. Говорова и Т. Г. Куприяновой. – М., Мир книги, 1998.

⁸⁹ Еремин И. П. Литература Древней Руси. – М.-Л., 1966. – С. 9–10.

⁹⁰ В частности, по современным подсчетам, 77% инкунабул было издано на латинском языке (L. Febvre, H.-J. Martin. The Coming of the Book: The Impact of Printing 1450–1800. – London & New York, 1984. P. 248–249). Это положение сохранялось по крайней мере до XVIII века.

вично, поэтому оно всегда неизбежно пробивает себе путь через все заимствования, создавая национальный язык, национальную веру и культуру.

В нашем случае переход от заимствованного искусства к национальному был более всего обусловлен экзистенцией Ордынской Руси, во-первых, и падением Византии, во-вторых.

С одной стороны, как уже показано, под игом сразу же произошло тотальное и существенное обрушение культуры, во многом завязанной на византийскую традицию. Но затем и сама по себе византийская традиция, долгие века определявшая русское иконописание и церковную архитектуру, постепенно видоизменялась, ее авторитет слабел. Отчасти это было связано с неуклонной деградацией Византийской империи, ярко проявившейся уже в XIII веке (взятие Константинополя крестоносцами в 1204 году и первая уния с Римом 1274 года) и закончившейся заключением второй унии в 1439 и взятием турками Константинополя в 1453 году. Византия как духовная доминанта мирового масштаба вначале откровенно скомпрометировала себя, а затем и вовсе рухнула у всех на глазах, и Константинополь, ставший Стамбулом, не мог более играть роль наставника для Московской Руси.

С другой стороны, по мере выхода из-под ига, по мере создания централизованного русского национального государства в творчестве русских мастеров искусства все сильнее проявлялись черты национального характера, национального представления о прекрасном, о гармонии, о должном, добром и истинном. Закалялся национальный характер, вызревали и укреплялись национальные архетипы, концентрировалась национальная самобытность. Происходило духовное созревание, возмужание русского народа, прошедшего через века изоляции и борьбы с тяжелейшим инородческим игом, закаленного созданием собственного национального государства и своим преобразованием в единую нацию. Это созревание более всего выражалось через культуру – литературу, искусство.

Конкретизируем сказанное.

ИСКУССТВО В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Отход от византийских традиций

Радикально разойдясь в XII—XIII вв. с Западной Европой в вере и культуре, Ордынская Русь постепенно стала расходиться и с Византийской империей как в деталях вероисповедания и мировоззрения, так и в эстетике. Трансформируясь в условиях татарского ига и изоляции, русский народ отказывался как от европейской, так и от византийской идентичности, пестуя свою собственную, основанную как на домонгольских, так и на постмонгольских архетипах. Только, если разминовение с Европой вышло стремительным в результате пленения Руси, то дрейф в сторону от Византии занял века.

Раннее христианское искусство (а именно оно легло в основу древнерусского) было на Руси поначалу все исключительно импортным, византийским. В частности, еще князем Владимиром из Корсуни-Херсонеса были привезены иконы и святыни. Но до нас не дошла вообще ни одна икона этого периода: ни из Киева, ни из Чернигова, Переяславля, Смоленска и других городов, где частично сохранились только настенные росписи, по которым мы сегодня судим о характере живописи того времени. Эти росписи также имеют византийское происхождение. К примеру, первая каменная церковь – Десятинная – была построена в Киеве после 988 года византийцами, осуществлявшими не только архитектурный проект, но также мозаики и фрески. Византийцы же построили и Софийский собор в Киеве (1011—1018), и Успенский собор в Киево-Печерском монастыре (1073—1089) и др.

Греки работали не только в Киевском княжестве, но и в Новгороде, Пскове, Старой Ладоге и т. д. Даже когда политический центр тяжести переместился из Киева во Владимиро-Суздальское княжество, лучших византийских иконописцев продолжали приглашать на Русь, и традиция, таким образом, сохранялась во всей силе. Правда, постепенно на русской почве возникали некоторые незначительные частные особенности, связанные с местными эстетическими и иными традициями (например, уже в XI веке в орнаменте книжных миниатюр, в росписи Софийского собора). Но в целом основной стиль византийского искусства первой половины XI века – т.н. «аскетический стиль» – всецело господствовал в то время (примеры: мозаика Архидиакон Лаврентий в Софийском соборе, иконы Богоматерь Одигитрия и св. Георгий, книжные миниатюры).

Имена двоих первых русских иконописцев, Алипия (ум. ок. 1114 г.) и Григория дошли до нас, но сколько их было в действительности, судить трудно, ибо от всего домонгольского периода сохранилось очень мало икон, причем отделить византийское письмо от русского практически невозможно. Характерным считается образ «Спас Златые власы» (XIII в., Кремль, Успенский собор), которого В. Н. Лазарев определял как русское провинциальное подражание византийским образцам⁹¹. Или, в еще большей мере, «Спас Вседержитель» из села Гавшинки (XIII в., Музей им. А. Рублева).

Несмотря на то, что русские ученики из иконописной школы Киево-Печерского монастыря уже в конце XI века работают наряду с константинопольскими мастерами, византийский стиль долго остается преобладающим на Руси. Вместе с ним в иконографии утверждается и преобладающий типаж – греческий или семитский по своим антропологическим характеристикам.

В самой Византии происходили эстетические подвижки, один стиль сменялся другим – и все это немедленно находило отражение в русской иконе, поскольку лучшие образцы импортировались на Русь. В частности, в конце XII в. на смену «аскетическому» приходит т.н. «комниновский» стиль (лики становятся более вытянутыми, а глаза менее широкими), классическим образцом которого считается знаменитая икона «Божья мать Владимирская». Затем

⁹¹ Лазарев В. Н. История византийской живописи. – М., 1947. – С. 181.

возникает т.н. «стиль около 1200 года»; на смену ему – «Палеологовский ренессанс» (1 четв. XIV в.) и т. д. Стилистические вариации сопровождали и выражали зачастую напряженные богословские дискуссии, как, например, спор «о Фаворском свете» и учение об исихазме Григория Паламы (сер. XIV в.), чрезвычайно важные в контексте эпохи. Тезисы этих споров своевременно отражались в греческой – и, соответственно, русской иконописи⁹². Но зависимость русского искусства, его заимный характер от этого несколько не меняются.

Это отнюдь не бросает тени на отечественное сословие живописцев. Обаяние византийской иконы было чрезвычайно велико в мире, его прямое влияние бывало одинаково сильным как на православном Востоке, так и на католическом Западе: достаточно сравнить Белозерскую икону Богоматери (XIII в., ГРМ) с флорентийскими иконами того же времени (например, две такие иконы можно увидеть в ГМИИ им. А. С. Пушкина), чтобы убедиться: они созданы в традициях одной школы. Об этом много написано в специальной литературе⁹³. Немало известно и о работе византийцев или их учеников над венецианскими, сицилийскими, равеннскими, флорентийскими и др. мозаиками (в то время и фрески, и мозаики также именовались по-гречески «иконами».)

Считаю необходимым лишний раз подчеркнуть здесь одну важнейшую особенность иконографии того времени. Несмотря на то, что вселенский характер христианства предполагает отвлечение от реальной национальности действующих лиц, но, как уже говорилось не раз выше, в условиях заимствования любой религии одним народом от другого со временем неизбежно происходит ее «национализация». Поскольку этничность (биологическое происхождение), будучи исходной, первичной характеристикой народа, непременно пробивает себе путь наружу через напластования заимствований и проявляется как во внешнем виде, так и во внутренней сущности религиозного учения. Так было и с православием на Руси.

Отчетливо нерусские – греческие или семитские – по своей типажности лики в русских церквях, на русских иконах, фресках и мозаиках создавали своеобразную этнокультурную доминанту в жизни славянских племен, которым еще только предстояло стать русским народом. Огромные черные глаза с поволокой, смуглые лики, носы с горбинкой, черные усы, бороды и кудри, иногда позлащенные⁹⁴ – святые персонажи должны были производить на преимущественно светловолосое и светлоглазое (за исключением домонгольской Киевщины) население впечатление отчетливой инаковости, сакральной иномирности, экзотичности, отчужденности. Придя в храм, русский человек оглядывался вокруг себя и видел изображения не «своих», а только этнически «чужих», которым он должен был поклоняться и молиться, испытывая – пусть даже бессознательно – двойственное чувство. Что говорить, если даже первые русские святые Борис и Глеб изображены на ранней иконе характерного византийского письма (XIII в., Музей русского иск-ва в Киеве) в виде лиц яркой восточной наружности. Отчасти это может объясняться национальным происхождением их матери – не то ромейки, не то болгарки, но общественный эффект от этого не меняется.

⁹² В то же время, на Руси в XIV–XV также порой разгорались свои вероисповедные страсти (ересь «стригольников» во Пскове, ересь «жидовствующих» в Новгороде и Москве). По мнению некоторых исследователей, отголоски жестоких прений (еретики плохо кончили: одни в заточении, другие были сожжены в срубе) можно обнаружить и в русской иконе.

⁹³ См., например: Пугачева И. В. Богородичные иконы во Флоренции XIII века. Образ и его почитание // Вестник ПСТГУ. Серия V. Вопросы истории и теории христианского искусства. 2015. Вып. 1 (17). – С. 68–99. Относительно Белозерской иконы В. Г. Пуцко утверждает, что «по общему характеру живописи белозерская икона Богоматери напоминает произведения греческих мастеров периода Латинской империи на Востоке (1204–1261) ... Сходство проявляется прежде всего в трактовке лиц с характерными признаками позднекомниновского стиля... Мастер белозерской иконы следовал очень хорошему образцу» (Пуцко В. Г. Икона Богоматери Белозерской: русская иконопись XIII века в европейском художественном контексте // Белозерье: краеведческий альманах. Вып. 2. – Вологда, Легиа, 1998. – С. 330–343).

⁹⁴ Ср.: «Спас Нерукотворный» (ок. 1191 г., ГТГ), «Ангел златые власы» (кон. XII в., ГРМ), поклонная икона «Св. Георгий» из Георгиевского собора Юрьевского монастыря (1130-1140-е гг., ГТГ), «Устюжское Благовещение» (нач. XII в., ГТГ) и др.

Преодоление такого эффекта, приближение и приспособление изобразительного православия к местной русско-славянской аудитории займет не одно столетие и вполне проявится уже только в XV веке, что симптоматично. Русское национальное чувство потребует применения христианской вселенской религии, зародившейся в Иудее и пышно расцветшей в Византии, к местному господствующему антропологическому типу. Произойдет обрусение христианства, адаптация к местной среде, к автохтонам Московской Руси.

В отдельных произведениях местных школ эта тенденция пробивалась, безусловно, и раньше. Таков, к примеру, «Ярославский Спас» (сер. XIII в., Ярославский худ. Музей), происходящий из ярославского Успенского собора и написанный для местных князей, о котором академик В. Н. Лазарев писал, что лик на иконе подкупает «выражением какой-то особой интимности» и при этом имеет типично русские черты⁹⁵. Постепенно меняется антропологический тип библейских персонажей, русская (славянская) типажность приходит на смену семитской и греческой. Любопытно, что те же Борис и Глеб, конные, изображенные на широко известной большой иконе из Успенского собора в Кремле, созданной в конце XIV века псковскими, по новейшему мнению, иконописцами (ГТГ), уже имеют вполне русский облик, лишенный черных очей, бровей, волос, усов и бород. Такую же метаморфозу обрусения князей-страстолюбцев мы видим и на большой иконе ростово-суздальского письма XV в. (ГТГ). И т. п.

О значении подобной метаморфозы в свое время очень наблюдательно высказался философ Евгений Трубецкой, находя, что в такого рода иконах «просвечивает одухотворенный народно-русский облик. Не только общечеловеческое, но и национальное таким образом вводится в недвижный покой Творца и сохраняется в прославленном виде на этой предельной высоте религиозного творчества»⁹⁶.

(Подчеркну в скобках, что подобная адаптация происходила не только в нашем отечестве и не только с русскими. Характерный пример дает тосканская школа живописи, где уже в эпоху Джотто (1266—1337), и в особенности в его творчестве, в иконописи утверждается господствующий местный антропологический типаж с яркими признаками монголоидности – наследие гуннов, оставленное в местном генотипе. Специфический узкий разрез глаз тосканских «примитивов» просто бросается в глаза, интригует, но сегодня лишь немногие понимают происхождение этой важной и очень реалистической детали. Ничего подобного не было, скажем, на юге Апеннинского полуострова или в Сицилии, которые в условиях запустения бывшей Римской империи заселялись в раннем средневековье преимущественно сирийскими семитами⁹⁷.)

Татаро-монгольское нашествие нарушило естественное развитие русской культуры в общем и целом, но церковная живопись продолжала существовать, хотя потери, утраты поистине безмерны. В связи с физической гибелью творческих кадров, исчезновением сотен храмов вместе со всей утварью, обеднением технологий и материалов, нарушением, усложнением сношений с Византией и т. д. стал заметен определенный регресс в иконописи. Спрос на икону оставался высоким, но русским художникам все чаще приходилось идти по пути самостоятельности, высокая византийская школа стала для многих недоступна, технические приемы письма стали примитивнее, проще, уровень мастерства в массе понизился. Изображение порой становится плоским, цветовая гамма беднеет. Из икон уходит гармония, соразмерность пропорций, величественность и плавность, свойственные византийским произведениям. Зато нарастает присутствие национального элемента.

Это видно в наследии новгородской школы, куда не докатилось татарское разорение; примером может служить великолепная икона «Никола Липный» (1294, мастер Алекса Петров,

⁹⁵ Лазарев В. Н. Русская иконопись от истоков до начала XVI века. – М.: Искусство, 2000. – Стр. 43—44.

⁹⁶ Евгений Трубецкой. Три очерка о русской иконе. «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке. – М., Лепта, 2000. – С. 33.

⁹⁷ Не случайно даже в середине XIX века художник Александр Иванов именно в этих краях искал семитские типажи для своего «Явления Христа народу».

Новгородский музей⁹⁸). Созданная богатым воображением, к тому же огромная по размеру, со множеством фигур и полуфигур, окружающих святого, вся в красивых орнаментах, несвойственных греческой традиции, светлая (!), гармоничная и разнообразная по сочетанию красок, она радует глаз и производит необыкновенно утешительное впечатление. По мнению академика Лазарева, здесь «святой утратил суровость фанатичного отца церкви. Перед нами добрый русский святитель, готовый оказать наиреальнейшую помощь своему подопечному»⁹⁹. Примечательно, что среди фигурок по бордюрам – первые русские святые Борис и Глеб. В целом образ дал искусствоведа и богослова Ирине Языковой возможность утверждать, что «к концу домонгольского периода в иконописном языке обретается самостоятельность». Я бы поправил: к концу XIII века (т.е. уже при монголах) самостоятельность только «намечается», ибо «обретается» она в полной мере гораздо позже.

Псковская школа иконописи начинается в XII в. с работ греческих мастеров, которых новгородский архиепископ Нифонт, родом грек, привез расписывать фресками Спасо-Преображенский собор Мирожского монастыря. Но в связи с татарским нашествием в греко-русских сношениях наступает некоторый перерыв. А в XIV—XV веках главным духовным центром Пскова становится Снетогорский монастырь, в котором возводится один из первых после нашествия татар каменный храм, что способствовало развитию собственной, местной своеобразной школы живописи. О которой специалист пишет так: «Псковская иконопись имеет свое ярко выраженное лицо... Художественный язык псковской иконы предельно экспрессивен. Этим он в корне отличен от гармоничного, уравновешенного языка московской иконы. Пожалуй, из всех древнерусских иконописных школ псковская была наиболее демократичной по духу и наиболее непосредственной и импульсивной по формам выражения»¹⁰⁰. Концом XIII – началом XIV вв. датируется псковский образ «Илия Пророк в пустыне с житием и деисусом», в котором прослеживается как византийский (лики святых восточного типа в клеймах поверху), так и русский (лик самого пророка) импульс.

Одной из главных на Руси становится иконописная мастерская при епископском дворе в Ростове Великом, откуда живописные произведения расходились по всему Русскому Северу. Ростов, как и Владимир, находился под неусыпным татарским контролем, связи с Ордой были обильны и многообразны. В данной связи интересно отметить появление восточных мотивов в некоторых иконах этой школы. Так, «Архангел Михаил» (ок. 1299—1300, ГТГ) демонстрирует одеяния, чей орнамент однозначно ассоциируется с восточным ковроткачеством.

Возникают и другие независимые иконописные центры: Тверь, Суздаль и т. д. Потребность русских иконописцев найти свой, национальный язык живописи была весьма велика.

В начале XIV века связи с Византией понемногу восстанавливаются; во второй четверти столетия в Новгороде, к примеру, уже работают целые группы греческих художников, оформляющих иконостас Софийского собора и имеющих русских учеников.

Но душевная тональность живописи уже заметно изменилась. Наиболее ярким памятником этого времени можно считать знаменитый образ «Спас Ярое око» (вторая четверть – середина XIV в, Успенский собор в Кремле). Он поражает своим грозным, недобрый, brutальным обликом, напряженным выражением; он сверлит предстоящего строгим взглядом, словно обличает человека в грехах, тайных и явных, понуждает его к смирению и покаянию, грозит Страшным судом. Возможно, автором был грек (сам сюжет константинопольского происхождения), но возможно – перед нами выдающееся произведение даровитого русского мастера, слышащего боль своего века, настолько изображение пришлось к месту и ко времени в Ордынской

⁹⁸ См.: Смирнова Э. С. Икона Николы 1294 года мастера Алексы Петрова // Древнерусское искусство. Зарубежные связи [т. 9]. – М.: Наука, 1975. – С. 81—105.

⁹⁹ Лазарев В. Н. Русская иконопись от истоков до начала XVI века... – С. 39—40.

¹⁰⁰ Галимзянова Е. А. Псковская школа живописи. – http://w.histrf.ru/articles/article/show/pskovskaia_shkola_ikonopisi

Руси, стонущей и мятущейся под жестоким игом. Не случайно данный сюжет стал весьма популярен у современников: при общем крайне малом количестве сохранившихся икон известно еще как минимум два «Ярых ока» XIV века. Страшное, ярое время породило этот образ.

Вообще, конец XIII – первая половина XIV вв. в русской иконописи отмечены стилем, который можно охарактеризовать как суровый. Что, конечно, неудивительно в том историческом контексте, в котором они созданы. Строгие лики Христа, святых созвучны своей эпохе. Помимо вышеприведенного примера, в качестве образца можно представить икону «Спас нерукотворный» Ростово-Суздальской школы 1-й половины XIV в. (ГТГ) из церкви Введения в Ростове Великом¹⁰¹. Темноокий и большеглазый, с жесткой складкой губ, обрамленных темно-каштановыми усами и бородой, грекообразный Христос смотрит на нас испытующе...

Суровостью, аскетизмом, тревожным ожиданием апокалиптической кары и пафосом покаяния веет и от творчества Феофана Грека, венчающего период безраздельного господства византийской традиции в русском иконописании. О связи его неповторимого стиля с духовными и эстетическими новациями его родины – с исихазмом Григория Паламы и эстетикой поздних Палеологов, не раз писали историки искусства. Приходится заключить, однако, что данные особенности византийского стиля – сдержанность, суровость, аскетизм, эсхатологический настрой – соответствовали историческому моменту, переживаемому Русью под игом инородцев-иноверцев. Возможно поэтому век этих особенностей подошел к концу вместе с властью Орды.

Между тем, в конце XIV столетия центр русской художественной жизни, иконописи в частности, уже перемещается в Москву. Проявление именно здесь таланта великого Андрея Рублева было не случайным, ведь к этому времени в Москве сложился немалый круг мастеров церковного искусства, как иностранцев (греков, сербов), так и русских. Поэтому художественные искания были здесь особенно напряженными.

Господство византийской традиции именно в Москве на рубеже XIV—XV вв. (т.н. «второе византийское влияние», сугубо поддержанное греками-митрополитами) было особенно наглядным и убедительным. В Москве или для Москвы, ее храмов, создаются выдающиеся памятники искусства, к примеру – деисусный чин Благовещенского собора, приписываемый в целом либо Феофану Греку, либо неизвестному художнику-византийцу. В Высоцкий монастырь (близкий к Москве город Серпухов) из Царьграда доставляют поясной чин (ГТГ), отражающий расцвет т.н. палеологовского стиля. К московской школе относится икона Преображения, созданная около 1403 года для собора Переславля-Залесского (ГТГ); считается, что ее автор – русский ученик Феофана Грека, работавший также в манере поздней палеологовской живописи. И т. д.

Именно поэтому заметный отход от византийской традиции, проделанный Рублевым на общем фоне московской иконописи, станет столь знаковым и важным событием.

Этот отход, однако, произошел не вдруг, а был подготовлен, можно сказать, всем предшествующим путем русского искусства. Долгие годы постепенного и частичного отрыва Руси от своей духовной альма матер, Византии, не прошли даром. В региональных центрах искусства возникают своеобразные ростки русской национальной школы иконописи, отличающиеся своими особенностями. Подробно разбирать которые здесь неуместно, но некоторые важные моменты стоит подчеркнуть.

Во-первых, начинает складываться и продвигаться в массовое сознание «русский пантеон» – сонм своих национальных и даже местных святых на иконах. Начиная с князей-страстотерпцев Бориса и Глеба и с печерских подвижников. По преданию, ранняя такая икона «Свенский (Печерский) образ Богоматери» написана самим преподобным Алипием, печерским иноком и первым известным нам русским иконописцем. По сторонам трона Богоро-

¹⁰¹ См.: Ростово-суздальская живопись XII—XVI веков. – М., Изобразительное искусство, 1970. – №8.

дицы стоят основатели русского иночества: справа от Пречистой – Феодосий Печерский, а слева – Антоний Печерский¹⁰². Почитались еще с домонгольских времен также ростовский епископ-мученик Леонтий, креститель Руси Владимир и его бабка Ольга, существовали местные культы преподобного Авраамия Смоленского и полоцкой княжны-инокини Евфросинии. В дальнейшем, во многом «благодаря» монголо-татарам, история русской святости развивалась и росла, появлялись все новые мученики и страстотерпцы, подвижники и столпы христианской веры.

Далее, еще в домонгольский период на Руси начинает складываться квазинациональный культ святителя Николая Мирликийского (не зря говорят «Никола – русский бог»), о чем свидетельствует даже ряд уцелевших икон того времени. Трудно объяснить особую популярность этого святого у русского народа... Ни Византия, ни Запад такого специального культа не создали.

Тогда же на Руси появляются и свои новые праздники, которых не знала византийская церковь. Так, Андрей Боголюбский вводит в Русской (Северо-восточной) церкви праздники Всемилощивому Спасу 1 августа и Покрова Пресвятой Богородицы 1 октября (по Юлианскому календарю). И т. д.

Все это свидетельствовало о весьма раннем стремлении русской православной церкви к своеобразию и самостоятельности, что сопровождалось непрерывными попытками поставления митрополитов и священников более низкого сана из своих, из русских, а не из греков.

Национализация православия, происходившая шаг за шагом, отражалась в искусстве.

Во-вторых, происходит некоторое технико-технологическое упрощение русского иконописания по сравнению с византийским. Это касается как приемов мастерства (тонкие лессировки, колористические нюансы и т.п.), так и красок, материалов, что хорошо известно реставраторам. Скажем, золотой фон – это чаще всего признак именно греческой иконы, потому что русские иконописцы вынужденно заменяли его, к примеру, на красный (Новгород), синий (Тверь), зеленый или желто-охряный (Псков, Москва). В наибольшей степени это можно объяснить как технологической сложностью изготовления сусального золота, которого в распоряжении русских мастеров было мало, так и просто бедностью средств. Ведь экономически обескровленная татарами Русь многого не могла себе позволить. Зато при этом происходили колористические поиски и находки русских художников, обогащавших свою палитру новыми красками и их сочетанием.

Характерной особенностью является стремление русских иконописцев к большому формату, порой более двух метров в высоту. Первоначально это объясняется тем, что икон в ранние века русского христианства вообще было немного, каждая являлась художественным, а главное – религиозным событием и занимала в пространстве церкви особо важное место, концентрируя на себе все внимание молящихся (икону на Руси не зря именовали «зримой Библией»).

В-третьих и, возможно, в-главных, – именно на Руси возникает и получает максимальное развитие высокий многоярусный иконостас, полностью отделяющий священный алтарь от помещения для прихожан, пришедший на смену низкой алтарной перегородке византийского типа. Такой иконостас требовал уже каждый значительного количества икон – и также зачастую очень большого формата. Русский иконостас, стеной отгораживающий святая святых от профанической территории церкви, выполнял роль той завесы, что в Храме Соломоновом отделяла главную святыню, Ковчег Завета. Ничего подобного Византия не знала. А равно и Запад, где алтарь вообще открыт для обозрения со всех сторон.

Современная энциклопедия по искусству сообщает об этой важной новации:

¹⁰² Феодосий Печерский – третий из святых, канонизированных русской церковью (первыми стали Борис и Глеб), и первый святой иноческого чина. Феодосий и его учитель преподобный Антоний (канонизированный несколько позже) стали основателями русского монашества.

«Иконостас возник из алтарной преграды, которая существовала уже в раннехристианских постройках. Она представляла собой невысокую мраморную балюстраду в виде колонного портика, в центре которого находился проход в алтарь. В Византии существовал тип алтарной преграды, называемый темпльоном; его украшали орнаментами и изображениями крестов, фигурами святых. Самые ранние из сохранившихся иконописных изображений, помещавшихся на темплоне, относятся к XI в. С увеличением размера и числа икон темплон постепенно терял самостоятельное значение, становясь своего рода «подставкой» для живописных образов. На Руси в домонгольский период были также распространены невысокие одноярусные алтарные преграды по типу византийских темплонов. На рубеже XIV—XV вв. иконостас состоял уже из трех рядов, в XVI в. к ним добавился четвертый, в XVII в. – пятый. В конце XVII в. были попытки увеличить число рядов до шести-семи, но это не стало системой. Классический русский высокий иконостас насчитывает пять рядов – т.н. «чинов».

Иконостас как целостная композиция представляет собой проповедь христианского вероучения и спасительного пути в Царство Божие средствами живописи. Он скрывает от глаз верующих священные таинства, совершающиеся в алтаре, и в то же время обозначает незримое присутствие в пространстве храма изображенных на иконах Христа, Богородицы, святых. Ряды иконостаса выстраиваются подобно ступеням, рассказывая о духовном восхождении к горнему (высшему) миру»¹⁰³.

Первым дошедшим до нас «полноформатным» иконостасом считается иконостас Благовещенского собора Московского Кремля (1399 или 1405; иконы приписывают Феофану Греку, Андрею Рублеву, Прохору с Городца). Однако понятно, что путь к этой весьма совершенной композиции занял не одно столетие. А главное – это был уже не византийский, а специфически русский способ художественного решения задач религиозного просвещения и воспитания, дававший русским живописцам огромные возможности проявить себя.

Все перечисленное сказалось и в духовном строе русского иконописания, который изменялся по мере перемен общественно-политической жизни Руси, связанных, во-первых, с постепенным избавлением от татарского ига, а во-вторых – с падением Византии и перемещением в Москву центра вселенского православия.

* * *

Важно отметить по ходу повествования, что в тот же период Ордынской Руси произошел не только постепенный, «мягкий» отход русского искусства от византийской традиции, но и резкий, принципиальный разрыв с искусством и культурой Запада. Это касается целого ряда отраслей прекрасного. В первую очередь – архитектуры, поскольку возникновение готики во Франции, а затем и в других странах Запада, не затронуло Русь, обошло ее стороной, не получило здесь никакого продвижения. А также живописи, поскольку на Западе случилось обмирщение церковной и возникновение полностью светской живописи, однако одновременно на Руси вся основная художественная жизнь сосредоточилась в иконе.

Следует отметить также, что даже в Византии основным поприщем для христианского искусства были мозаики и фрески, а вовсе не икона на дереве. А в Западной Европе икона тоже всегда была далеко не самым главным проявлением религиозного чувства в искусстве, заметно уступая в популярности круглой скульптуре – каменной, деревянной, терракотовой, майоликовой и костяной. Что связано с греко-римской традицией, во-первых, и с традицией изготовления реликвариев, во-вторых. В то время как на Руси, этих традиций миновавшей, деревянная круглая скульптура со времен Владимира Святого ассоциировалась с идолами и, соответственно, с идолопоклонством, а потому практически не использовалась в украшении церквей, терракотовая скульптура и вовсе не была развита, искусство полихромной керамики

¹⁰³ Искусство. Современная иллюстрированная энциклопедия. Под ред. проф. Горкина А. П. – М., Росмэн, 2007.

заглохло в результате татарского разорения, а слоновая кость практически не использовалась в ремесле.

Данные обстоятельства во многом определили центральное место иконописи в ряду русских искусств и ремесел и заставляют концентрировать на ней внимание исследователя.

Андрей Рублев и Дионисий — предтечи русского национального искусства

Финалом ордынского периода для Руси становится XV век, который в истории русского искусства имеет отчетливый характер не просто конца эпохи, но ее итога. Это блистательный этап, венчающий собой долгий путь развития. Он отмечен такими вершинами, как творчество Андрея Рублева и Дионисия. Рублев (около 1360 – 1428) и Дионисий (около 1440 – не ранее 1502 и не позже 1525) – светлые русские гении – как бы окаймляют своими феноменальными достижениями это столетие, центральное для всей русской истории, достойное названия поворотного и судьбоносного. Они замыкают пятнадцатый век в его новой духовной роли, оттеняющей его новую политическую ипостась – век надежд и свершений именно для русского народа. Юность первого из них, Рублева, была озарена великим сполохом Куликовской битвы, юность второго, Дионисия, – торжеством свержения татарского ига и созданием Московского царства. В этом видится основная разгадка их творческой неповторимости и величия. Ведь в их работах отразились грандиозные русские победы, имевшие непреходящее значение, что сознавалось всеми современниками.

Чем же новым, небывалым отметились эти художники? Почему их можно назвать предтечами русского национального искусства? Следуя собственным наблюдениям и мысли наиболее видных исследователей древнерусского творчества, можно обнаружить следующее.

* * *

I. Вначале об **Андрее Рублеве**, чье имя, в отличие от множества других, неоднократно запечатлено в письменных источниках церковного и светского свойства. Достоверно принадлежащих кисти Рублева работ сохранилось немного. Еще некоторые приписываются ему с разной долей вероятности. Все работы подверглись тлетворному воздействию времени. Однако сегодня даже этого нам достаточно, чтобы оценить исключительность гения художника. А в свою эпоху он был широко известен и чтим, и созданные им многочисленные образы рассматривались современниками как высокий образец для подражания, эталон, на который ссылается эпохальный Стоглавый собор 1551 года. А рукопись XVII века «Сказание о святых иконописцах» и вовсе именует Андрея Рублева святым подвижником и боговидцем. «Чудных и пресловущих иконописцев» Даниила (Черного) и ученика его Андрея (Рублева) упоминает в своем Духовном завещании знаменитый игумен Иосиф Волоцкий. Имя Рублева в Древней Руси было известно очень многим – как московским царям, церковным иерархам, живописцам, так и простому люду. Подобное прославление – случай в нашей стране исключительный для того времени, но ведь и дарование было из ряда вон выходящее.

Рублев работал в разных жанрах и техниках: книжная иллюстрация (часть миниатюр «Евангелия Хитрово», ок. 1395, РГБ), фреска, икона. Сколько всего было им сделано и где ему довелось потрудиться, мы не знаем, но надо думать, что немало. Все его работы имеют выдающееся значение, позволяющее говорить о том, что второго такого мастера на Руси в то время не было, включая даже его непосредственных учителей – Феофана Грека и Даниила Черного, которых он превзошел заслуженною славой. Наиболее знамениты и изучены его росписи Владимирского Успенского собора (фреска «Страшный суд», 1408, а также огромные – более трех метров в высоту – иконы деисусного т.н. «Васильевского» чина, ГТГ, ГРМ), высокий иконостас Благовещенского собора в Кремле (три образа праздничного ряда и два образа в деисусном ряду, 1405), иконы «Владимирская Богоматерь» (ок. 1409, Владимир, Успенский собор – копия наиболее прославленной византийской иконы, хранящейся ныне в ГТГ), три

иконы «Звенигородского чина» (датировка по В. Н. Лазареву 1410—1415, встречается и более поздняя, ГТГ), и, наконец, наиболее прославленная на весь мир «Троица» (1410-1420-е гг., ГТГ).

В начале XV века Рублев уже имел репутацию большого мастера, руководил артелями художников. В одном из посланий знаменитого игумена Иосифа Волоцкого около 1511 года отмечено: «Поставил у меня иконник Феодосей иконы Андреева письма, промена им двадцать рублев»; такая цена подарка указывает на его великую стоимость: за 20 рублей в то время можно было купить целую деревню. Сложилась связанная с именем Рублева московская школа иконописи, продолжавшая существовать, по разным оценкам, еще лет двадцать-сорок после смерти великого мастера. Его стилистическое влияние распространилось и далеко за пределы Владимиро-Суздальского и Московского княжеств, поскольку учениками преподобного Сергия Радонежского было основано множество монастырей от Белого моря до Астрахани, а ведь Рублев со товарищи в течение двух с лишним лет (1425—27) расписывал Троицкий собор Троице-Сергиевого монастыря, воспитывая тем самым вкус будущих подвижников веры. Не случайно даже еще в середине XVI века в постановлении Стоглавого собора церковь официально рекомендовала живописцам писать «с древних переводов, како греческие иконописцы писали и как писал Ондрей Рублев и прочие пресловущие иконописцы...»¹⁰⁴.

Если попытаться окинуть взором все связанные с именем Рублева иконы и фрески, то становятся очевидными стилистические и духовные особенности его творческого наследия. По большому счету их три.

Во-первых, искусствоведы обращают внимание на рублевскую **колористику**. Одним из первых пропагандистов рублевского творчества в XX веке был И. Э. Грабарь, который восхищался Рублевым-колористом:

«Яркость рублевских красок не была новостью, и мы знаем новгородские иконы, не уступающие рублевским по яркости и силе цвета, но никогда еще русский иконописец не задавался такой определенной задачей гармонизации цветов, приведения их в единый гармонический аккорд, как это мы видим в „Троице“ и центральных фресках Владимирского собора»¹⁰⁵.

Академик В. Н. Лазарев отмечает: рублевские иконы «с первого же взгляда поражают необычайной красотой своих холодных светлых красок»¹⁰⁶.

Или вот мнение известного знатока древнерусской живописи М. В. Алпатова: «В Звенигородском чине ярко вспыхнуло дарование Рублева как колориста. В передаче лиц и тканей есть светотеневая лепка, но преобладает все же чистое звучание красок, гармония холодных голубых тонов с нежно-розовыми и золотистыми. Такого богатства оттенков и полутонов не знала русская иконопись до Рублева. Не знала ее и иконопись византийская»¹⁰⁷.

Последнее особенно важно. Искусствовед Анна Сидельникова разъясняет эту мысль: «Византийские иконы, которые видел Рублев и на которых учился, были совсем иными по колориту. Гармоничность цветовых сочетаний в них достигалась выбеливанием цветов, приглушенностью благородных, смешанных оттенков. Чистого цвета в них не было, и уж тем более контраста чистых цветов»¹⁰⁸.

Во-вторых, обращает на себя внимание **общий дух** рублевских образов и сюжетов, сильно отличающийся от господствующего впечатления иконописи XIV века, не только от византийских икон, но и даже от творчества непосредственно старших товарищей и учителей – Феофана Грека и Даниила Черного. Это дух благодати, мира, добра, согласия, гармонии;

¹⁰⁴ Стоглав. – СПб., Изд. Д. Е. Кожанчиков, 1863. – С. 122.

¹⁰⁵ И. Грабарь. Андрей Рублев. – «Вопросы реставрации», 1, 1926. – С. 72—74.

¹⁰⁶ Лазарев В. Н. Русская иконопись от истоков до начала XVI века. – М.: Искусство, 2000. – С. 102.

¹⁰⁷ Алпатов М. В. Андрей Рублев. – М.: Изобразительное искусство, 1972. – С. 87.

¹⁰⁸ Анна Сидельникова. Андрей Рублев. Троица. – https://artchive.ru/artists/10~Andrej_Rublev/works/14804~Troitsa.

иконы Рублева дарят людям надежду и вносят в душу покой. Чем резко отличаются от икон предыдущей эпохи, когда «Спас Ярое око» вонзал в сердце и ум человека свой «без промаха бьющий глаз».

Вот как пишут об этом признанные знатоки.

О фреске «Страшный суд» Владимирского Успенского собора:

– если искусство Даниила Черного «было, конечно, искусством скорее XIV века, нежели XV, искусством, обеими ногами стоявшим на почве, подготовленной приезжими византийскими мастерами и, в частности, последним из них – Феофаном», то «всматриваясь в живопись центральных изображений, мы определенно чувствуем в них дыхание нового времени. Там – последние отзвуки старого мира, здесь провидение и возвешение нового. К первому возврата не было, второму принадлежало будущее, и это будущее действительно целиком выросло из художественного идеала, впервые на Руси явленного на стенах центрального нефа владимирского Успенского собора»¹⁰⁹;

– «Страшный суд у византийцев обычно располагался на западной стене храма и открывался взгляду человека, как величественное и устрашающее зрелище... Зрелище это выражало незыблемость небесной иерархии, неукоснительность божественного правосудия. Он должен был чувствовать себя жалким червяком перед этим финалом человеческой истории... Но что ожидает людей в час „светопрествления“? Византийцы яркими красками рисовали картины людских мучений, гнев судий, суровое возмездие за грехи людей, весь ужас содрогающегося человечества. Эти картины придавали назидательный смысл живописному повествованию... Подобное представление о Страшном суде долго царило на Руси... Роспись Рублева проникнута более бодрым и даже радостным настроением. Картины вечных мучений грешников не сохранились, видимо, они мало занимали его. В глазах людей, призванных на Страшный суд, можно прочесть не столько страх наказания, сколько ожидание милости и прощения, веру в светлое будущее и вечное райское блаженство...»¹¹⁰.

Об иконостасе Благовещенского собора в Кремле:

– «Иконы Благовещенского собора – первая на Руси серия праздничных икон. Византийская иконография подвергается в них переосмыслению. В византийских праздниках этого времени больше повествовательности... Общее впечатление от этих икон – драматизм, беспокойство, земная суета. В рублевских иконах меньше действия и драматизма. Эти праздники – торжественные обряды, в которых можно видеть лишь подобие легендарных событий. В иконах Рублева меньше происходит, но больше свершается. И вместе с тем сильнее выявляется духовная значительность представленного»¹¹¹.

О «Спасе» и вообще о Звенигородском чине¹¹²:

¹⁰⁹ И. Грабарь. Андрей Рублев. – «Вопросы реставрации», 1, 1926, стр. 19—21.

¹¹⁰ Алпатов М. В. Андрей Рублев... – С. 47—48.

¹¹¹ Алпатов М. В. Андрей Рублев... – С. 32—33.

¹¹² В 2017 г. из стен ГТГ проистекла информация, что в результате технико-технологического анализа авторство Андрея Рублева в отношении Звенигородского чина поставлено под сомнение. Качество пигментов и приемы наложения красок привели к предположению, что «Троицу», заведомо принадлежащую кисти Рублева, и иконы Звенигородского чина писал не один и тот же мастер. Особенно настаивает на данном выводе византолог Алексей Лидов. Однако пока что дирекция ГТГ воздержалась от внесения изменений в каталог своего собрания икон. Сомнения, конечно, имеют право быть. Но ведь между написанием этих шедевров мог быть значительный – вплоть до десяти и более лет – разрыв во времени, а Рублев в эти годы развивался как мастер, мог радикально менять и краски, и приемы. Далее: если следовать Лидову и др., то приходится предположить, что одновременно с Феофаном, Даниилом и Рублевым жил равновеликий и конгениальный им художник (или даже художники), притом совершенно неизвестный, никак не отразившийся в письменных источниках, легендах и преданиях. Что представляется вовсе невероятным в отношении автора такого класса. Но самое главное – стиль и дух Звенигородского чина с первого же взгляда позволяет принять позицию И. Грабаря, В. Лазарева, М. Алпатова, Н. Деминой, И. Языковой и др., однозначно относивших эти три знаменитые иконы к творчеству Рублева.

– «Образ Христа настолько очеловечивается, что совершенно утрачивает отвлеченный культовый характер»¹¹³;

– «Не менее творчески переосмыслил Рублев византийское наследие и в образе апостола Павла. Художник должен был знать Высоцкий чин, присланный из Константинополя в Высоцкий монастырь между 1387 и 1396 годами... Его апостол Павел навеян соответствующей полуфигурой Высоцкого чина. И вот, когда сопоставляешь оба эти памятника, то опять без труда улавливаешь существенное между ними различие: рублевский Павел мягче, сердечнее, проще; полуфигура апостола много светлее и жизнерадостнее по цвету, в ней отсутствует напряженная светотеневая лепка византийского оригинала. Все это, вместе взятое, приводит к тому, что византийская икона, по сравнению с рублевской, кажется сухой и сумрачной. Ей присущ тот оттенок фанатизма, который совершенно отсутствует у Рублева»¹¹⁴.

О «Троице»:

– «Глаз легко улавливает различие между произведениями Рублева и его византийских современников, однако не всегда легко определить, в чем коренится это различие... „Троица“ Рублева общеизвестна, и все же, когда видишь ее после „Троицы“ византийской, трудно удержаться, чтобы не воскликнуть: что за прекрасное произведение! Старая мелодия зазвучала у него по-иному, захватывающе, и вот прошло уже пять веков, но она не утратила своего обаяния... Византийский мастер рассказывает, поучает, но он не вложил в легенду столько человеческого содержания, сколько вложил Рублев»¹¹⁵.

Подобные цитаты можно было бы значительно умножить, но достаточно и этого.

В-третьих. Право называться национальным русским гением Андрей Рублев в значительной степени заслужил тем, что **тенденция к «обрусению»** библейских персонажей приобрела в его творчестве отчетливый, ярко выраженный и принципиальный характер, стала его «фирменным стилем». Об этом чрезвычайно важным, бросающимся в глаза моменте также немало писали наиболее выдающиеся исследователи и пропагандисты его художественного наследия.

И. Э. Грабарь, описывая рублевскую копию знаменитой византийской иконы Владимирской Божьей матери, указывал: «Чарующую песнь материнства, задолго до италианских примитивов воспетую вдохновенным византийцем, Рублев переложил на свой лад, и если его песня не так складна, как та, то она, наверное, душевней и еще пленительней. Бесконечно русское, быть может впервые столь непреложно русское, это произведение в такой же мере излучает из себя чудесную силу художественных накоплений новой эпохи, как и „Троица“: ими окончательно определены дальнейшие пути русского искусства, наконец-то отрешившегося от византийских традиций»¹¹⁶.

В. Н. Лазарев по поводу «Страшного суда» подчеркивал: «В арке, ведущей из центрального нефа в южный, и на юго-восточном столбе центрального нефа художники изобразили лики праведных мужей и жен, восставших из мертвых. Тут и святители, и мученики, и монахи, и цари, и царицы. У них простые русские лица, на большинстве из них русские одеяния»¹¹⁷.

И. К. Языкова: «Удивительны жесты ангелов, которые обращаются к апостолам, и удивительно такие, я бы сказала, русские лики апостолов – об этом тоже мы скажем, что Рублев меняет, даже физиогномически меняет икону. Он вносит в нее какой-то особый, мягкий славянский элемент».

¹¹³ Лазарев В. Н. Русская иконопись от истоков до начала XVI века. – М.: Искусство, 2000. – С. 102.

¹¹⁴ Лазарев В. Н. Там же, с. 32.

¹¹⁵ Алпатов М. В. Рублев и Византия. – L'Arte, 1958, vol. 23/3. – <http://artyx.ru/books/item/f00/s00/z00000006/st011.shtml>

¹¹⁶ И. Грабарь. Андрей Рублев. – «Вопросы реставрации», 1, 1926. – С. 102—103.

¹¹⁷ Лазарев В. Н. Там же, с. 36.

М. В. Алпатов отмечал: «Возможно, что в своем Звенигородском чине Рублев отталкивался от чина Высоцкого монастыря в Серпухове, происходящего из Константинополя. В Звенигородском чине мы сразу узнаем работу русского мастера, а в иконах Высоцкого чина больше византийского в лицах, в выражении, в колорите и так далее»¹¹⁸.

Н. А. Демина высказалась, быть может, наиболее верно и наблюдательно из всех, кто писал о звенигородском «Спасе»: «...воплощение типично русской благообразности. Ни один элемент лица не подчеркнут чрезмерно – всё пропорционально и согласованно: он рус, глаза его не преувеличены, нос прямой и тонкий, рот мал, овал лица хотя и удлинённый, но не узкий, в нем совсем нет аскетичности, голова с густой массой волос со спокойным достоинством возвышается на сильной, стройной шее. Самое значительное в этом новом облике – взгляд. Он направлен прямо на зрителя и выражает живое и деятельное внимание к нему; в нём чувствуется желание вникнуть в душу человека и понять его. Брови свободно приподняты, отчего нет выражения ни напряжения, ни скорби, взгляд ясный, открытый, благожелательный. Перед нами как бы сильный и деятельный человек, который имеет достаточно душевных сил и энергии, чтобы отдать себя на поддержку тем, кто в этом нуждается. Звенигородский Спас больше натуральной величины человека. Он полон величия. Кроме того, в нем есть строгость внутренней чистоты и непосредственности, есть полное доверие к человеку»¹¹⁹.

Я мог бы цитировать и еще. Но лучше позволю себе высказать собственное предположение: звенигородский «Спас» – есть главное художественное выражение эпохи, непосредственно обусловленное победой русских над вековым врагом на Куликовом поле. До этого переломного события подобный победительный, жизнеутверждающий, источающий оптимизм образ просто не мог бы появиться. И под видом Христа перед нами предстоит не просто Спаситель рода человеческого, но и спаситель Руси, истинно русский князь-победитель, исполненный света, мощи, величия и благостыни. Недаром его незабываемый, бесподобный и бесконечно родной нам лик так популярен – ведь это наш национальный символ, ни более ни менее: духовный портрет русского народа. Созданный русским гением...

Таким образом, суммируя сказанное выше, можно прийти к выводу, что творчество Андрея Рублева задало русской живописи на все XV столетие (как минимум) определенную доминанту – и это именно русская национальная доминанта. Она была таковой и сама по себе, и по отношению к византийской иконописной традиции и, тем более, по отношению к искусству Запада¹²⁰.

Конечно, как справедливо подчеркивал еще Алпатов, «в XIV—XV веках на Руси авторитет Византии был еще очень высок» и в плане «древнего благочестия», и «в делах искусства». Однако, он же не менее верно писал: «Между тем греки и южные славяне, духовные лица и художники, попадая на Русь, должны были заметить, что русские давно уже выросли из роли робких подражателей. Правда, русские придерживались тех же догматов, что и византийцы. Русские храмы строились по образцу византийских крестовокупольных храмов. Но русский храм никогда не спутаешь с византийским. В русских иконах и фресках проглядывают новые

¹¹⁸ Алпатов М. В. Андрей Рублев... – С. 159.

¹¹⁹ Демина Н. А. Черты героической действительности XIV—XV веков в образах людей Андрея Рублева и художников его круга. – Труды Отдела древнерусской литературы, М.—Л., 1956. – С. 319.

¹²⁰ Прекрасно высказался на этот счет М. В. Алпатов: «Историческое место искусства Андрея Рублева не может быть определено путем его стилиевой классификации, то есть перенесением на него тех стилиевых категорий, которые выработаны были историей искусства при изучении изобразительного искусства Западной Европы. Попытка определить значение Рублева критериями западных стилей неизбежно ведет к непониманию его сущности. Не следует забывать, что Рублев – это не рядовой художник среди многих других. Это гениальный мастер, в творчестве которого сосредоточены едва ли не самые значительные и драгоценные достоинства целой художественной школы. Творчество его настолько своеобразно, что на основании его можно говорить о выходящей за рамки эпохи мирового значения всей древнерусской художественной школы в целом... Рядом с Возрождением на Западе творчество Рублева, как геометрия Лобачевского рядом с геометрией Эвклида. При известной близости в те годы искусства Запада и Востока, художественный язык каждого из них неповторимо своеобразен» (Андрей Рублев... – С. 181).

эстетические понятия. Создатели этого искусства сами не определяли своих художественных позиций. Но если в церковных вопросах русские послушно следовали за Византией, то в искусстве, как и в государственных делах, они уже завоевали себе независимость... Глаз легко улавливает различие между произведениями Рублева и его византийских современников, однако не всегда легко определить, в чем коренится это различие»¹²¹.

Впрочем, именно это мы и попытались сделать.

* * *

II. Рублевым начался русский XV век в искусстве. Теперь перейдем к **Дионисию**, чьим творчеством это век венчается.

Как и Андрей Рублев, Дионисий был высоко оценен современниками, отмечен вниманием московских великих князей, не раз его имя встречается в письменных источниках. Его работами, как и рублевскими, украшен Кремль, а именно Успенский собор, куда его пригласили работать сразу после удачного дебюта в церкви Рождества Богородицы Пафнутьево-Боровского монастыря близ Калуги, где молодой художник подвизался в 1467—1477 гг. (К этому времени он уже успел пройти обучение у некоего изографа на средства своего весьма достаточного отца из боярского рода Квашниных.)

Конечно, в судьбе Дионисия сказалось определенное везение: его фрески попали на глаза самому великому князю московскому Ивану III Васильевичу, который сразу отметил талант молодого мастера и пригласил того работать в Москву. Отчасти в том была заслуга самого Дионисия, раннее творчество которого уже отчетливо перекликалось по стилю, краскам и настроению с работами прославленного Андрея Рублева. Но дело еще и в том, что Москва к тому времени настолько возвысилась, что у князя Ивана возникли весьма честолюбивые планы по ее украшению, в первую очередь – путем церковного строительства. Ведь взятие в 1453 году турками Константинополя автоматически превратило Москву в центр вселенского православия. А этот статус ко многому обязывал. И вот Иван III затевает в Кремле строительство нового – грандиозного по тем меркам – собора, церкви Успения Богородицы.

Первоначально церковь должны были строить свои, русские зодчие Мышкин и Кривцов из Пскова, но случился страшный конфуз и катастрофа: уже возведенная было постройка рухнула при легком землетрясении, ибо «известь была неклеевита, а камень нетверд». После чего великий князь вынужден был отвлечь свой взор от местных строителей и обратить его на латинский Запад: он пригласил из Болоньи потомственного и весьма именитого архитектора и инженера Аристотеля Фиораванти, который и выстроил славный Успенский собор. Но начал он с налаживания производства «правильного» кирпича, чем очень способствовал прогрессу русской архитектуры.

В соборе удивительным образом слились в органическом сочетании традиции древнерусской архитектуры, идущие от Византии, но и обретшие уже некоторое национальное своеобразие, – с достижениями раннего итальянского Ренессанса, носителем которых был Фиораванти. Дело в том, что Иван Третий, создатель русского национального государства, хоть и пригласил зодчего итальянца, но вовсе не хотел, чтобы главный собор Руси, Москвы был создан на западный манер. Нет, он должен был непременно быть именно русским, чтобышний раз подтвердить право Москвы быть главным городом не только вселенского православия, но и русского народа, столицей Русской Земли. Поэтому для начала Фиораванти был отправлен по русским городам, чтобы проникнуться особенностями, а главное – духом нашей архитектуры¹²². Именно поэтому же в основу замысла всего здания оказался положен Успенский собор во Владимире, расписанный некогда Андреем Рублевым.

¹²¹ Алпатов М. В. Рублев и Византия...

¹²² Точно по такому же принципу чуть позже, в 1485 году итальянскими же мастерами во главе с Алевизом Фрязином началось строительство каменного Великокняжеского дворца, но... по образцу древнерусских деревянных хором. Русское зодчество, в том числе деревянное, крепко держало свои позиции.

Следует полагать, что по той же причине именно молодой Дионисий, откровенно ориентированный на художественные принципы своего великого предшественника, был приглашен великим князем в Кремль расписывать чудесный собор. Что он и сделал со своими помощниками (некие «Коня, Ярец да поп Тимофей»), да так, что не только заработал немалые деньги, но и поверг в восторженное изумление современников. Летописи сообщают, что увидевшие фрески Дионисия великий князь с боярами, «видя многочисленные росписи, мнили себя, аки на небесах стоящими...». Неудивительно, что архиепископ Вассиан сразу же предложил тем же художникам создать для Успенского собора и весь иконостас¹²³, где основную работу – деисусный чин – взял на себя Дионисий, получивший после окончания работ (1481) прозвание «преизящного мастера». Впоследствии к этому прозвищу добавится эпитет «мудрый» (Патерик Иосифо-Волоколамского монастыря).

Дионисий вообще неоднократно, как и Рублев, с похвалами упомянут в письменных источниках, что, как уже говорилось, нечасто выпадало на долю древнерусских художников. Есть мнение, что именно ему, в первую очередь, предназначался трактат «Послание иконописцу и три „слова“ о почитании икон» Иосифа Волоцкого. С именем этого крупнейшего деятеля русской церкви и главного борца против «ереси жидовствующих» имя Дионисия связано такими же важными духовными узлами, как имя Рублева – с именем Сергия Радонежского. Насчитывается более 80 икон (не говоря о пропавших), написанных Дионисием по заказу великого подвижника. Другим крупным заказчиком произведений Дионисия выступил Вассиан Рыло – архиепископ ростовский и доверенное лицо Ивана III. Эти два видных церковных иерарха заложили на Руси, как считается, традицию коллекционирования икон не только как сакральных объектов, но и как произведений искусства (что уже давно практиковалось на Западе). И на первом месте в их собраниях оказался Дионисий. Это начинание подхватят затем русские цари, патриархи и другие высокопоставленные лица.

Работа в Москве, связь с культурой и художественными традициями именно Московского княжества, прочно связала Дионисия с московской школой иконописи, хранящей дух Андрея Рублева. Но Дионисий много сделал, чтобы этот дух распространился по Руси, приняв характер общерусского, национального. По окончании связанных с кремлевским Успенским собором творческих свершений, он неоднократно выезжал за московские пределы, возможно с уже сложившейся артелью, а впоследствии и с пошедшими по его стопам сыновьями, чтобы расписывать церковь Успения Богоматери в Иосифо-Волоколамском монастыре, а также Павло-Обнорский, Спасо-Прилуцкий, Кирилло-Белозерский и Ферапонтов монастыри. Его кисти принадлежит иконостас Спасо-Каменного монастыря под далекой Вологдой, а также и иные, не сохранившиеся до наших дней иконы и фрески. О некоторых его успехах нам поведали летописи. Академик В. Н. Лазарев подытожил: «Творчество Дионисия сыграло огромную роль в истории древнерусской живописи... С Дионисием парадное, праздничное, торжественное искусство Москвы стало на Руси ведущим. На него начали ориентироваться все города, ему начали всюду подражать...».

Дионисий прожил долгую жизнь (по одним данным – до 60, по другим до 85 лет), достойно завершив удивительную эпоху восстания Руси из пепла инородного владычества. Его творчество – своего рода гимн возрождению родного народа.

Искусствоведы не случайно выделяют такую особенность его художественной манеры, как величайшая свобода и непринужденность как в композициях, так и в колористике. Он использует в иконах и фресках не только традиционные, основные цвета, несущие определенную символику, но и дополнительные, не использовавшиеся ранее. Характерная особенность – самостоятельное значение, которое в работах Дионисия получил белый цвет в соче-

¹²³ Трехъярусный иконостас был высотой более 9 м: 21 икона деисусного чина, 25 праздничного чина, 15 пророческого чина.

тании со светло-зеленоватыми, голубыми и золотистыми тонами, создающими приподнятое, праздничное настроение, очень далекое от тех впечатлений, что оставляет высокотожественная, но слишком серьезная и даже мрачноватая византийская иконопись. Но пример падшей Византии – уже не указ для расцветающей Руси, и Дионисий своим творчеством подтверждает эту смену вех.

Дионисий был прежде всего художник – эстет, а не мыслитель; его главной целью была красота, гармония. Этой цели посвящено все: легкость и прозрачность колорита, красивые лики святых, их изящные удлинённые пропорции, позволяющие говорить о Дионисии как о предтече европейского маньеризма, родившегося столетие спустя. (Эти пропорции мы опознаем потом в работах Пармиджанино, школы Фонтенбло, Эль Греко и т.д.) А поскольку думать о влиянии русского мастера на ход развития европейской эстетики не приходится, то можно лишь подчеркнуть феноменальность его творчества. Своим оптимистическим, жизнеутверждающим искусством Дионисий близок, несомненно, Рублеву, пусть его образы и не несут той философской нагрузки, которая исходит от «Троицы» или «Страшного суда».

Удачно выразилась искусствовед Марина Удальцова:

«Творчество иконописца Дионисия – ликующая светлая песнь в красках гениального русского художника, прославляющая добро и красоту, – явилось ярким выражением созидания Святой Руси, расцвета православной культуры и искусства эпохи XV—XVI вв. когда Московское государство утверждало свое могущество»¹²⁴.

На этой идее стоит остановиться, запомнить ее. Ведь неформальный, но вполне реальный идеал «Святой Руси» созревает именно в XV в. Идеал совершенно интравертный, который только в XVII столетии решительно сменится экстравертным идеалом «Москва – Третий Рим» (пусть и возникшим значительно раньше, в царствование Василия Третьего). Огрубляя, идею Святой Руси можно выразить так: мир лежит во тьме, поскольку отрекся от правильной веры, которая, ввиду морального (две унии) и политического падения Византии, сохранилась только у нас на Руси, у русского православного народа. В этой связи мир – обречен, он весь погибнет в день Страшного суда, ждать которого недолго, и только мы, русские, спасемся, будучи исповедниками единственно истинной веры, подлинного православия. Поэтому наша основная жизненная цель и задача – хранить во всей чистоте православие, веру отцов, и спасти благодаря этому. А весь остальной мир, погрязший в грехе безбожия и ложной веры, может катиться хоть в тартарары – туда ему и дорога: «Мы нашли свой путь к спасению, а что будет со всеми вами – нам безразлично; что заслужили, то и получайте».

Иными словами, Московская Русь именно в эпоху Дионисия вполне сложилась как вновь созданное великое самодостаточное государство, преодолевшее «рознь мира сего» и готовое к единой собственной судьбе¹²⁵.

Идея Святой Руси – ни в коей мере не миссионерская; она, скорее, изоляционистская, рассчитанная на «внутреннее потребление». Не случайно русское старообрядчество, пронесшее через века именно русский национальный вариант христианства, сложившийся в XIV—XVI вв., носило (и носит) весьма замкнутый характер, не отличаясь прозелитизмом. Это принципиальная позиция «хранителей абсолютной истины».

¹²⁴ Марина Удальцова. Дионисий – русский иконописец. – <http://sozidatel.org/articles/territoriya-kultury/2331-dionisij.html>

¹²⁵ Схожее наблюдение сделал историк А. Б. Горянин: «Оставшаяся без идейного авторитета, Русь все больше укреплялась в убеждении: московский великий князь – единственный во всей вселенной православный правитель, а это значит, что вся вселенная – подлинная, не пораженная беззаконием (очень интересное слово для обозначения всего иноверного) – ныне находится в пределах Московской Руси. Все, что за ее пределами, – гноище басурман либо, того хуже, еретиков. То есть Русь, Святая Русь – выше всех. А раз она выше всех, на какой образец общественного и церковного устройства ей равняться? Только на Царство Божье». – Александр Горянин. К Востоку или к Западу? – <https://russkiymir.ru/publications/228711/>.

В формировании массовых представлений о русском национальном варианте христианства невозможно переоценить роль художников, особенно Рублева и Дионисия, впитывая дух произведений которых, русские люди учились вере. В этой вере они рождались и росли, но знали ее не умом, а сердцем, и учили не по книгам, а по церковному бытию, где в центре всего была именно икона. Русская икона, сотворенная великими русскими художниками, решительно шагнувшими за рамки византийского наследия.

ИТОГИ ГЛАВЫ:

ПРЕДПОСЫЛКИ НАЦИОНАЛИЗАЦИИ¹²⁶ РУССКОГО ИСКУССТВА

Итак, к концу XV столетия история русского народа и русской государственности подошла с важнейшими итоговыми результатами в политике, экономике и культуре, определившими судьбу Руси на все обозримое будущее вплоть до наших дней.

В политике это: 1) объединение под центральной властью Москвы большинства исторических русских земель (на которых были расселены летописные славянские племена), кроме тех, что подверглись запустению от татар или польско-литовской оккупации; возникновение на этой основе централизованного русского национального государства; 2) свержение татарского ига, прекращение выплаты дани татарам, самостоятельность правления московских великих князей – независимых суверенов, чье вокняжение отныне не требовало получения ярлыка у татарских ханов; 3) возвышение всемирного значения Москвы как опорного центра вселенского православия; 4) складывание всех предпосылок для неограниченного великокняжеского (царского) самодержавия; 5) создание большой и централизованной боеспособной армии, которая внушительно проявила себя во время долгого Стояния на Угре, не позволив Орде осуществить переправу и пройти карательным походом по Руси.

В экономике это прекращение выплаты ордынской дани с начала 1470-х годов, что позволяло аккумулировать значительные денежные средства в руках великих князей. Как следствие – оживление каменного строительства, ремесел, хозяйства и торговли.

В литературе и искусстве, развивавшихся почти исключительно в рамках православного христианского вероисповедания, несмотря на обилие, по-прежнему, переводной церковной литературы, происходят значительные сдвиги в плане национализации этой религии. Исчезновение верховного авторитета, жестко контролирующего христианскую мысль, в качестве которого веками выступал Константинополь и его киевские, владимирские, московские и др. ставленники, необычайно стимулировало отечественное богословие. Это обстоятельство первостепенной важности. Во «Введении» недаром подчеркивалось такое качество русского народа, как вероцентризм (исключительная сосредоточенность на вероисповедных вопросах), присущий ему изначально; в условиях Ордынской Руси оно окрепло, отвердело.

Уже к середине XV века появляются русские обличительные тексты, разоблачающие духовное падение Константинополя, предшествовавшее его взятию турками, а именно – капитуляцию константинопольского патриарха и императора Византии, заключивших унию с Римом на его условиях в 1439 году. Данное событие шокировало Русь, вновь, после первой унии 1274 года, породив резко скептическое отношение к своему вчерашнему наставнику и учителю праведности. Дело в том, что русское посольство побывало в 1438—1439 гг. на том самом Ферраро-Флорентинском соборе, что завершился столь бесславно. Это событие отразил ряд литературных памятников: «Исхождение» епископа Суздальского Авраамия, «Повесть о восьмом соборе» Симеона Суздальского, а также «Хождение во Флоренцию» и заметка «О Риме» неизвестного суздальца¹²⁷. На основании этих источников и устных пересудов было

¹²⁶ Термин «национализация» не юридический, а культурологический, его следует понимать не в смысле огосударствления или обобществления некоей собственности, а как преобразование культурных начал в национальном духе.

¹²⁷ См. в кн.: 1) Мощинская Н. В. «Повесть об осьмом соборе» Симеона Суздальского и «Хождение на Ферраро-Флорентинский собор» неизвестного суздальца как литературные памятники середины XV века: (Текстология, идеологические тен-

составлено около 1460 года послание митрополита Ионы киевскому князю Александру Владимировичу, а также западнорусским епископам, в котором уния однозначно осуждалась. А в 1461—1462 гг. появилось яркое «Слово избрано от святых писаний, еже на латыню, и сказание о составлении осмаго собора латыньского, и о извержении Сидора Прелестнаго, и о поставлении в Русской земли митрополитов, по сих же похвала благоверному великому князю Василию Васильевичу всея Руси», направленное против Флорентийского собора, против унии восточно-христианской и римско-католической церковей. Данное «Слово» – своего рода рубеж: оно утверждало право русской церкви на полную независимость от павшей и падшей Византии.

Между тем, ослабление Орды и сокращение числа татарских набегов и разорений привело не только к лучшей сохранности старых текстов, но и к значительному росту числа новых. А именно.

Пишутся жития и службы местным русским святым, поучения, послания, «слова» и иные многообразные сочинения выдающихся русских церковников, в том числе направленные против ересей стригольников и жидовствующих. Создается новая редакция Киево-Печерского патерика. Среди новых житий выделяется «Житие Сергия Радонежского» Пахомия Логофета (древнейший список датирован 1459) вкуче со службой этому святому, канонем, акафистом и похвальным словом. Тот же Логофет в 1459—1461 составляет «Житие митрополита Алексея», «Житие Евфимия Новгородского», в 1473 пишет канон Стефану Пермскому, а в 1474—1475 – вторую редакцию «Жития Кирилла Белозерского». Немаловажно отметить появление уже с XIV века житий православных князей, умученных в басурманской Орде: Михаила Черниговского и Михаила Тверского, хотя формально их канонизация произошла лишь в середине XVI века. Одновременно множатся культы местных святых. Рост русского пантеона и мартиролога свидетельствовал о росте исторического и национального русского самосознания и служил прологом к составлению «Великих Четых Миней» митрополита Макария, канонизировавших не просто сонм русских святых, но Святую Русь как таковую, как феномен.

В конце XV века разворачивается целая полемика выдающихся отечественных церковных писателей о правильном исповедании религии: Иосифа Волоцкого и Нила Сорского и их последователей – «иосифлян» и «нестяжателей». В конце XV – начале XVI века пишутся многие «послания» и иные тексты, и даже появляется «Список истинных книг», составленный в исихастском духе Нилом Сорским или близкими к нему людьми. Однако не этот отголосок византийского влияния обозначил главное течение русской общественной мысли: историческая победа осталась за иосифлянством – русской национальной теорией союза церкви и государства. По схожему пути, но чуть позже, пошла Англия, резко порвавшая с католическим Римом, создавшая свою собственную – англиканскую – церковь и провозгласившая своего короля главой этой церкви.

Выдающиеся достижения русской письменной культуры не ограничивались сферой религии. В XIV—XV вв. восстанавливается летописание, традиция которого оказалась нарушена в связи с нашествием иноплеменных. Причем не только ведутся летописи местного значения (Новгород, Псков, Тверь, Смоленск и др.), но и переписываются общерусские (Лаврентьевская и др.), а что еще важнее, создается Первый московский летописный свод (1340, по М. Д. Приселкову), а в 1479 году происходит первое составление Московского великокняжеского летописного свода, в состав которого вошла подробная «Повесть о присоединении Новгорода». Москва укрепляет свои позиции центра Руси – не только политического, но и духовного.

Чрезвычайно важно отметить, что в период Ордынской Руси произошла своеобразная перемена ориентации русского народа с Запада на Восток. Этому способствовали такие фак-

торы, как: 1) выставленный людьми Запада (поляками, литовцами, немцами, шведами) разделительный кордон¹²⁸; 2) разрыв с католической церковью; 3) сохранившийся христианский транзит, ведущий русского пилигрима именно в восточном направлении: в Константинополь, на Афон и в Святую Землю; 4) развитие торговых отношений со странами Востока, превращение Волги и Дона в главные торговые артерии (со странами, соответственно, Каспийского и Азовско-Черноморского бассейнов). Судить о степени перемен позволяет, опять-таки, литература.

Известные мемуары русских путешественников (неважно, торговцев или паломников) все повествуют исключительно о землях Востока. Начиная с «Путешествия в Палестину» игумена Даниила (1104—1106) и далее, в хронологическом порядке: «Сказание о святых местах в Константинополе» Василия Калики (1321—1323); «Хождение Стефана Новгородца» в Константинополь (1348—1349); «Хождение архимандрита Агрефения» в Иерусалим и «Сказание о пути к Иерусалиму» инока Епифания (1370-е); «Пименово хождение в Царьград», «Беседа о святынях Царьграда» и «Сказание о Царьграде», составленные Игнатием Смольнянином по наказу смоленского епископа Михаила на основе впечатлений от паломничества митрополита Пимена (1389—1393); «Хождение в Царьград» дьяка Александра (1391—1396), включенное в Новгородскую IV летопись; «Хождение» диакона Троице-Сергиева монастыря Зосимы в Константинополь и Иерусалим (1419—1420); «Слово о бытии Иерусалимском» Арсения Селунского (XV век); «Хождение» иеромонаха Варсонофия в Иерусалим, Египет и Синай (1456 и 1461—1462); «Повесть о взятии Царьграда турками» Нестора Искандера (предположительно 1460-е) и, наконец, рассказ о взятии Константинополя турками, записанный Герасимом Поповкой со слов монаха-доминиканца Вениамина в Новгороде (1491).

Наряду с этой паломнической по смыслу литературой мы встречаем и тексты иного, бытописательного жанра. Они все относятся уже к XV веку, когда контроль Орды над Русью ослаб: «Сказание о Железных вратах» – рассказ русского путешественника, побывавшего в 1436—1447 годах в Дербенте и Ширване; «Хождение на Восток» купца Василия Познякова, побывавшего в Малой Азии, Египте и Святой Земле (1465—1466); наконец, знаменитое «Хождение за три моря» Афанасия Никитина (1471—1474, по Л. С. Семенову), повествующее о путешествии русского купца в Индию, Персию, Эфиопию, Турцию и Крым. В 1492—1493, по гипотезе А. А. Шахматова, некий казначей Михаил Григорьев (либо Гиреев) совершил путешествие на Ближний Восток, оставив описание в списках «Хронографа» (не ранее 1512). В конце XV – начале XVI века написано также сказание о Сибири под названием «О человецех незнаемых в восточной стране».

Все перечисленное ясно свидетельствует о восточном направлении вектора русских интересов и любознательности, русского тяготения. Ведь ничего подобного или даже близко сравнимого не написано русскими людьми того времени о странах Запада, если не считать отчета о Флорентийском соборе¹²⁹. Это важно отметить, поскольку, как станет ясно из дальнейшего, к XVI веку произошла весьма значительная как идейно-политическая, так и эстетическая переориентация русского народа с Запада на Восток. Этот момент традиционно недооценивается историками. Пора поднять его на щит.

¹²⁸ Через этот кордон нелегко было пройти не только из Руси в Европу, но и из Европы на Русь. Так, итальянцам, которые нанимались к великим князьям в качестве строителей и инженеров, приходилось порой годами добираться до Москвы через Молдавию и Крым.

¹²⁹ Казакова Н. А. Западная Европа в русской письменности XV—XVI веков: Из истории международных культурных связей России. – Л., 1980. Надо признать, что с середины XVI века у русского читателя появились переводные источники, повествующие, в том числе, о современных странах Запада. Но их было крайне мало и они носили поверхностный обзорный характер, как, например, русский перевод «Хроники всего света» польского писателя и историка Марцина Бельского (первод не ранее 1564). А вот популярное «Сказание об Индийском царстве» было переведено уже в первой половине XIV или даже в XIII веке. Это сравнение позволяет четко определить вектор русских интересов и приоритетов: Восток более Запада.

Но, быть может, самое важное – создаются такие фундаментальные светские литературные памятники, которые закладывают и поддерживают историческое сознание русского народа, становятся для него нравственными и политическими маяками, продолжая традицию «Слова о полку Игореве». Это повесть о Куликовской битве «Задонщина» (вскоре после 1380, по М. Н. Тихомирову – уже в 1384); «Повесть о нашествии Тохтамыша» (конец XIV века, по Л. А. Дмитриеву); «Повесть о разорении Рязани Батыем» (конец XIV века либо первая половина XIV века); «Повесть о стоянии на Угре» (между 1481 и 1489); «Сказание о Мамаевом побоище» (первая четверть XV века, по Л. А. Дмитриеву; между 1440-ми годами и началом XVI века, по М. А. Салминой), «Повесть о битве на реке Воже», «Повесть о битве на реке Пьяне», «Повесть о нашествии Едигея». И т. д. Ряд этих повестей впоследствии вошел в состав различных летописей, стал частью официальной историографии.

Итак, мы видим: русский народ приступает к осмыслению своей истории уже как единого целого не только во времени, но и в пространстве. Это уже в полном смысле слова национальная история, история русской нации. При этом оказывается, что она, по большому счету, состоит из двух главных составляющих. Отчасти это – история бед и Божьей кары, принесенных на нашу землю татарами, история отчаянной, но справедливой и успешной борьбы русского народа с вековым врагом; а отчасти – история русской святости, Святой Руси, пережившей, одолевшей и преобразовавшей Русь Ордынскую.

Национализация православия, неизбежная в контексте всяческого возвышения Московской Руси, становилась мейнстримом времени. Процессы русского духовного роста, отразившиеся в богословии и литературе, не в меньшей степени проявились и в живописи, о чем подробно говорилось выше. Иконопись Андрея Рублева и Дионисия выразила этот духовный рост, быть может, ярче всего, но этими именами дело не ограничивалось, само явление носило достаточно массовый, эпохальный характер.

Все указанные процессы вели к образованию нового для русских идейно-политического феномена – русского национализма. Который и сформировался в XVI веке, проявившись многообразно – от доктрины старца Филофея «Москва – Третий Рим» и деяний царя Иоанна и митрополита Макария до национализации православия, увенчавшейся учреждением русского патриаршества в конце столетия. Золотой век русского искусства неотделим от данного феномена, определившего этот век в его главном содержании.

Таким образом, к началу XVI века Русь подошла в своем новом качестве, готовая осуществить своего рода метаморфозис, как бабочка, вылупившаяся из куколки, – та же самая, что была вчера, но все-таки совсем другая. Уже расставшаяся с коконом, но еще не расправившая крылья. Она была полна надежд и возможностей, которым суждено было так или иначе осуществиться, она готова была заявить о себе миру (Европе), представ в том своеобразии, что сложилось за почти три века относительной изоляции. Давно и прочно оторванная от Европы и уже оторвавшаяся к этому времени также и от Византии, она, наконец, получила уникальную возможность быть самой собой, переплавив то общее, что было у нее и с Западом (до татар), и с Византией (до турок), а теперь уже и с Востоком, – в нечто свое собственное, проявив при этом свои природные свойства и качества, веками таившиеся под спудом.

Русскому национальному государству, сложившемуся в XV веке, устоявшему и укрепившемуся в последующих столетиях, должно было соответствовать, что естественно, русское национальное искусство.

II

МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ

1. ВЕЯНИЯ ВОСТОКА И ПРАЗДНИК РУССКОЙ ДУШИ

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Итак, XV век – главное столетие истории Древней Руси, время ее второго рождения – или, если угодно, возрождения из огня и пепла междоусобных войн и татарского владычества.

В этом веке не только миру предстала новая – русская – страна, но и русскому народу довелось заново открывать для себя мир. И в силу ряда обстоятельств это новое открытие, как мы убедились, началось более с Востока, нежели с Запада. В какой-то степени в этом еще сказывалась инерция русско-византийских связей, но по мере поэтапного падения Константинополя (этот процесс, стартовав в 1204 году в ходе крестоносного разгрома, развивался затем практически безостановочно до 1453 года) взгляды и интересы русского общества все чаще обращались к нехристианским странам Востока – Сирии, Египту, Индии, Персии¹³⁰ и Турции. Археологические данные свидетельствуют, к примеру: на территории Древней Руси арабских монет – дирхемов находят в сотни раз больше, чем византийских монет – номисм.

Тесные контакты Руси с Ордой способствовали адаптации русских эстетических взглядов и пристрастий к восточным мотивам в искусстве, особенно прикладном, поскольку взаимодействие Орды с народами Средней Азии, Кавказа и Ближнего Востока всегда было очень интенсивным. Следует помнить, во-первых, что татары появились на Руси, уже разгромив к тому времени хорезмшаха и взяв под контроль его территории. А во-вторых, что в 1313 году татары Улуса Джучи (Золотой Орды), в состав которого входила Русь, приняли ислам как государственную религию. Это сопровождалось, особенно в Поволжье, ростом городов, где стремительно увеличивалось число квартальных мечетей и Джами-мечетей, квартальных бань и медресе. Что, естественно, сопровождалось расцветом типично восточной городской средневековой культуры с преимущественным влиянием сельджукских и среднеазиатских традиций. Орда становится не только проводником мусульманского искусства на Русь, но и его производителем. Сама по себе культура ордынцев не представляла собой чего-то самобытного, самоценного, оригинального, а тем более – уникального, базируясь в основном на труде искусных ремесленников – рабов из покоренных стран и вообще на культурных достижениях Востока¹³¹. Но через Орду на Русь шли ткани, изделия из металла, посуда из Персии, Турции, Индии, Ближнего Востока – шло фронтальное наступление восточной эстетики, происходил транзит представлений о прекрасном.

В связи со сказанным трудно согласиться с мнением академика Д. С. Лихачева, который утверждал, что «культурные связи с Востоком были крайне ограничены, и только с XVI века появляются восточные мотивы в нашем орнаменте»¹³². Выше, на примере иконы XIII века «Архангел Михаил» (ГТГ) мы видели, что восточный орнамент, характерный для азиатских

¹³⁰ Напомню, что со времен древних греков в ходу был именно топоним «Персия», который в 1935 году был дружно заменен мировым сообществом на «Иран», по требованию Реза-шаха Пехлеви, тогдашнего властителя страны. Но в науке никакая политкорректность неуместна. Именовать Персию XVI–XVII вв. – Ираном, тем более в соотнесении с русской историей и культурой, представляется мне вопиющим анахронизмом. В русских документах того времени о всем «персидском» нередко говорили как о «кызылбашском», но никогда – как об «иранском».

¹³¹ «В силу ориентации ханов на мусульманство и городской быт среднеазиатско-иранского типа, в южнорусской степи, далекой от ислама, вдруг пышно распускается совершенно чуждаяномадам яркая урбанистическая восточная средневековая культура... Она была создана руками покоренных народов» (Федоров-Давыдов Г. А. Искусство кочевников и Золотой Орды. Очерки культуры и искусства Евразийских степей и золотоордынских городов. – М., Искусство, 1976. – С. 118).

¹³² Лихачев Д. С. О русской интеллигенции. Письмо в редакцию журнала «Новый мир». – Новый мир. 1993. №2. С. 3–9.

ковров, мог уже в то время использоваться в русской живописи. Лишенные возможности изображать людей и животных под страхом обвинения в идолопоклонстве, художники-мусульмане суннитского толка (шииты этот запрет не соблюдали, но они были в меньшинстве, и в Орде, а равно в Средней Азии и Турции, заправляли сунниты) целиком сосредоточились на выразительности линии и цвета, на совершенстве пропорций и композиции, достигнув высот мастерства. Обаяние изощреннейшей восточной орнаментики, выраженной в искусстве каллиграфии, в геометрическом и растительном мотивах, было очень велико. В наиболее полной мере оно проявит себя на Руси в XVI—XVII веках, но его влияние на русские вкусы и предпочтения началось намного раньше.

* * *

Определение места Руси, России на оси Запад – Восток не первое столетие занимает умы историков и культурологов. Наиболее типовых ошибок при этом совершается, на мой взгляд, две.

Во-первых, это попытка определить данное место однозначно, без учета периодических дрейфов в ту или другую сторону. Так, академик Лихачев утверждает: «Для России проблема «Восток – Запад» играет меньшую роль, чем связи «Юг – Север». На это, кажется, никто не обращал особого внимания, но это именно так. Взгляните все на ту же карту Европы, в частности – Восточной Европы. Заметьте: основными путями сообщения в течение долгого времени были реки, в основном текущие по меридианальным направлениям: с севера на юг или с юга на север. Они связывают между собой бассейны Балтийского и Черного морей в конечном счете со Средиземноморьем. Путь «из Варяг в Греки» (я пишу их с большой буквы, так как Варяги и Греки – это не народы, а страны) был главным торговым путем, путем и военным и распространения культуры...

Если определять культуру Руси как соединяющую главные культуры Европы X–XII веков, то ее следует определять как Скандовизантию... Кочевники Востока и южных степей Руси очень мало внесли в создание Руси, даже когда оседали в пределах русских княжеств в качестве наемной военной силы»¹³³.

Можно ли вполне согласиться с точкой зрения академика? Все-таки «Восток» – это далеко не только кочевники, а «Скандовизантия» просуществовала слишком недолго: уже печенеги, взявшие в X веке под контроль «свою» часть пути «в Греки», а затем и русско-половецкие отношения меняют «скандовизантийский» характер Руси, а татарского нашествия «Скандовизантия» просто не пережила. Так что именно кочевники, весьма решительно покончив с феноменом «Скандовизантии», пресекли русскую экспансию в Южную Европу и создали русским предпосылки для разворота на Восток. Стоит чуть подальше выйти за рамки XII века, как мы видим (в том числе именно на примере древнерусской литературы, являющейся основным поприщем Д. С. Лихачева), что уже к XV веку положение заметно, а в XVI и радикально меняется.

Во-вторых, ошибочной кажется попытка вовсе отринуть парадигму «Запад – Восток» и выдвинуть другую: о тотальной самобытности России и русских. Как это делает, к примеру, интересный историк А. Б. Горянин, автор популярного двухтомника: «Россия. История успеха». В статье, специально посвященной рассматриваемому вопросу, Горянин утверждает: «Уже с первых этапов возвышения Москвы и вплоть до реформ Петра I общественное развитие России шло без сколько-нибудь заметного влияния Запада и Востока... В действительности, за „московский“ период своей истории русские именно благодаря некоторой степени (само)изоляции состоялись как полностью самобытный, адекватный своей географии народ, который не может быть (и не нуждается в том, чтобы быть) частью Востока или частью Запада... Идея нашего душевного родства с Востоком, как и домыслы о „цивилизационном мосте“ ни на чем

¹³³ Лихачев Д. С. О русской интеллигенции... С. 3—9.

не основаны»¹³⁴. Если концепт «цивилизационного моста» я также готов частично оспорить, то в остальном я принципиально не согласен с автором, особенно в части нашего душевного нестроения с Востоком. Надеюсь в области искусств наглядно показать прямо противоположное.

В-третьих, если отрешиться от навязанного нашему современнику европоцентризма, то нужно иметь в виду, что до конца XV века вовсе не Запад был лидером в извечной битве цивилизаций, а все еще Китай и стремительно догоняющий и даже обгоняющий его исламский Восток. Именно там рождались передовые технологии. Именно там возникали такие глобальные по тем временам проекты, как монгольские империи Чингисхана и Тамерлана, или арабский халифат, или империи турков-сельджуков и турков-османов. Силу Востока Русь имела несчастье испытать на себе. А стремительное возвышение и победное шествие по миру Западной Европы, обусловленное первой информационной революцией, связанной с именем Гутенберга, было еще далеко впереди, и предсказать его в XI—XIV вв. не взялся бы никто¹³⁵. И даже еще в XV—XVII веках Восток был олицетворением силы и культуры, и в этом заключался неотразимый магнетизм его обаяния, в том числе и для русских людей.

Но прежде, чем говорить о влиянии, заимствовании и вообще взаимодействии русской культуры с культурами стран Востока, необходимо дать краткий очерк политических отношений с этими странами, показать мировой политический контекст событий. Это поможет увидеть и осознать историческую неизбежность указанного взаимодействия.

¹³⁴ Александр Горянин. К Востоку или к Западу? <https://russkiymir.ru/publications/228711/>. Автор взывает преимущественно к особенностям политического обустройства нашей Родины, видя в нем «плод ее саморазвития, равноценного другим известным моделям», но вольно распространяет эту идею и на русский менталитет вообще, а это, на мой взгляд, неверно.

¹³⁵ См. в кн.: Севастьянов А. Н. Битва цивилизаций: секрет победы. – М., Книжный мир, 2013.

Отношения России с Крымом и Турцией

Какими странами, помимо Орды, Крыма, Индии (очень немного) и Святой Земли, был представлен Восток для средневековой Руси? Это, прежде всего, Персия и Турция, причем последняя в XV—XVI вв. стоит по значению на первом месте.

Отношения с Турцией зависели далеко не только от русско-татарской истории, но во многом и от нее. Воротами в Турцию и Средиземноморье для русских людей были Азовское море и Крым, находившиеся в зоне турецкого владычества (весь Азово-Черноморский бассейн вообще был «внутренним озером» Турции). Однако конкретные условия транзита контролировались татарами, по большей части крымскими, отношения с которыми у Москвы бывали полярного свойства: от союзнических до резко враждебных. Если на Куликовом поле нам пришлось биться, в основном, именно с крымскими татарами, пришедшими с темником Мамаем, то во время Стояния на Угре крымские татары по сговору с московским князем напали на Большую Орду, побудив Ахмата снять свои войска с русского фронта и бесславно отъехать с Руси.

Таким образом, еще в конце XV столетия русско-крымскотатарские отношения бывали вполне благоприятными¹³⁶. Однако их обострение было исторической неизбежностью, в первую очередь потому, что ввиду разгрома крымцами Большой Орды в 1502 году, русско-крымскотатарский союз потерял для Крыма смысл, а русско-крымские противоречия стали нарастать. Ведь на Поволжье одновременно стали претендовать обе стороны: и Бахчисарай, и Москва. В 1505 году умер великий князь Иван Третий, с которым у Менгли-Гирея был еще в 1480 году заключен союзнический договор, и вскоре татары, уже не сдерживая себя никакими обязательствами, обрушились из Крыма на Белев и Козельск. С 1507 года набеги крымских татар на Московскую Русь стали постоянными, а в 1520-1530-е гг. почти ежегодными.

Крымское ханство в 1478 году стало протекторатом Турции (а Керчь-Еникальская область и Южный берег Крыма стали частью непосредственно Османской империи), и крымскотатарские ханы сделались вассалами султана. Вначале это не доставляло Москве забот, но, по мере того, как вынужденное соседство Турции и Московской Руси порождало взаимные разочарования и претензии, наши отношения стали осложняться¹³⁷. Под патронатом Турции, а порою и прямо наускиваемые турками, крымские татары избрали походы на Литву, Польшу и Русь, а впоследствии и Украину в качестве основного дохода ханства и вообще образа жизни. Исследователи отмечают, что после распада Золотой Орды в 1441 году они быстро и заметно тюркизируются, утрачивая антропологическую монголоидность и переходя на тюркский язык. Этим этнополитическим обстоятельством зависимость Крыма от Турции только усугублялась.

В 1520 году султаном становится Сулейман Великолепный (правил до 1566 года), сын крымской татарки, дочери Менгли I Гирея. Если его отец Селим Грозный (правил с 1512 по 1520) обращал больше свое внимание на Персию и покоренный им Ближний Восток¹³⁸, то этот султан повернул свое оружие на Запад, в основном против Австрии, Венгрии

¹³⁶ Культурное влияние Крыма, если не считать роли в транзите Восток – Запад, было незначительным, как и Золотой, а затем Большой Орды. В истории мирового искусства этот регион отметился, пожалуй, только крымскотатарскими двусторонними вышивками (чадрами, по преимуществу), действительно своеобразными и высокохудожественными, но это уже в более поздние времена. А сама по себе культура вчерашних кочевников, живших набегами, а не ремеслом и торговлей, мало продвинулась по сравнению с Турцией, Персией и Ближним Востоком, откуда на Русь в XVI столетии потоком пошли выдающиеся произведения оружейников, текстильщиков, ковроткачей, керамистов, стекольщиков, ювелиров и т. д.

¹³⁷ См. об этом: 1) Рув В. Л. Турецкое вторжение в Крым в 1475 году. – Симферополь: Антиква, 2014; 2) Veinstein G., Berindei M. [VB 1979] La présence ottomane au sud de la Crimée et en mer d'Azov dans la première moitié du XVI-e siècle // Cahiers du monde russe et soviétique. 1979. V. 20. P. 389—465.

¹³⁸ В 1514 году Турция разгромила государство Сефевидов, известное нам как Персия (на территории современного Ирана, Ирака и отчасти Закавказья). В 1516 году Турцией была полностью оккупирована Сирия, а через год и Египет. В 1518 году

и Балкан, хотя вынужден был воевать и с Персией. Внимание Османов к русскому направлению политики ослабло, тем более, что с этой стороны угроз и не наблюдалось: Москва не позволила ни Вене, ни Тебризу втянуть себя в противостояние со Стамбулом.

В свете этого дипломатические отношения Московской Руси с Турцией обрели новую мотивацию и значение. Вообще они начались еще в 1497 году, когда московский посол Михаил Плещеев был принят султаном Баязидом с неслыханным для представителя христианской страны почетом. Тогда русский посол получил от султана особую грамоту, обеспечившую права и преимущества русских купцов в подвластных Турции землях.

Однако в первый же год правления Сулеймана русско-турецкие отношения были омрачены по инициативе Бахчисарая. В 1521 году турецкий вассал, крымский хан Мухаммед-Гирей, в тесном союзе с казанскими татарами нанес русским тяжелое поражение под Серпуховом и Каширой, лишь 60 км не дойдя до Москвы. Это было первое такое внезапное, стремительное и успешное выступление татар за сорок лет после Стояния на Угре, некоторые историки по масштабу нанесенного ущерба сравнивают его с батыевым нашествием. Царь Василий Третий бежал из Москвы и даже вынужден был прятаться в стоге сена во время бегства. Были убиты десятки и уведены в полон сотни тысяч русских людей, сожжены сотни селений и малых городов. А предводительствуемые ханом Сагиб-Гиреем казанские татары, вновь почувствовав свою силу, продолжили затем разбойничьи набеги и после 1521 года.

Турция, как и Астраханское ханство, непосредственно не участвовала в походе Мухаммед-Гирея (Сулейман в том году взял Белград, ему было не до Москвы), но дипломатически поддержала создание антирусской коалиции татарских юртов, Крымского, Казанского, Астраханского ханств и ногайских орд. Ведущую роль при этом она предназначила крымским Гиреям, которые посадили своего ставленника в Казани, вопреки Москве, а затем захватили власть и в Астрахани. Султан прислал в поддержку хану многотысячную конную армию и пищальников, чтобы укрепить его власть в Крыму и развязать ему руки для ведения дальнейших военных действий за пределами Крыма, особенно на Руси и в Литве, не опасаясь переворота в Бахчисарае. Сугубое значение имели пищальники, т.к. к этому времени войско татар было уже далеко не передовым и даже отсталым: конница, вооруженная луками и холодным оружием, не могла противостоять пехоте, имеющей пищали и артиллерию, как у русских.

Зачем турки помогали татарам против русских? Дело в том, что Османы не только подчинили своей власти Крым, но и открыто претендовали на роль гегемона во всем пространстве Ислама, в том числе там, где правили наследники Орды, – на Северном Кавказе, на Средней и Нижней Волге. Астраханское и Казанское ханства виделись Стамбулу в перспективе такими же вассалами, каким стало ханство Крымское. На этой почве возникал естественный конфликт интересов с Москвой. Тесная связь султана Сулеймана, крымского татарина по матери, с Крымом также вовлекала его в военные авантюры против московитов, и в дальнейшем турки участвовали-таки в походах крымцев на Москву (1541), Тулу (1552 и 1555) и Астрахань (1556).

Поступи турки с нами так же, как некогда монголы, – кто знает, как сложились бы судьбы мира. К счастью, на этот раз Русь не лежала на пути агрессора в Европу. Русское направление экспансии не было для Османов приоритетным, османо-габсбургские и османо-персидские войны отвлекали все их силы, а Русь оставалась на периферии их внимания. Нам просто повезло, турки не обрушились на нас всей своей мощью, как некогда татаро-монголы, и мы избежали повторного инородческого ига и возможной участи Балкан. Впрочем, Московская Русь, централизованная и монархическая – это уже была не такая легкая добыча, как «русская федерация» перед нашествием Батыя. Безусловно, война с Россией предельно осложнила бы Османам решение их основных задач, и в Стамбуле это хорошо понимали.

По названным причинам с 1523 года мирные отношения и обмен посольствами с Турцией в целом были надолго восстановлены (Сулейман втянулся в войну с Фердинандом Габсбургом и шахами, ему нужно было снять напряженность на русском направлении). Это позволило Василию Третьему успешно противостоять крымскотатарской и казанской угрозе, не допуская повторения ужасного поражения 1521 года. К примеру, когда в 1527 году Ислам-Гирей с 40-тысячным войском подошел к Оке, русское войско во главе с самим Василием III не только не дало татарам переправиться, но само перешло реку и разгромило крымские войска¹³⁹.

В годы малолетства Ивана IV Васильевича крымские татары (не без поддержки Стамбула) не раз наносили русским немалый ущерб. В 1532 году бывший казанский, а ныне крымский хан Сахиб-Гирей I начал свое правление набегом на Московское княжество. В 1533 году племянники хана Ислам Гирей и Сафа Гирей с ордой разграбили округу Рязани. В 1541 году крымские татары предприняли большой поход на Москву, но русским удалось его остановить у Оки.

Но в 1555 году, уже посадив в Астрахани своего ставленника, русское войско нанесло сокрушительное поражение крымцам, напавшим по наущению султана на русские земли. Были убиты десятки тысяч татар, захвачено множество скота. После чего, воодушевленные как данной победой, так и покорением Казанского и Астраханского ханств, русские стали наносить туркам, участвовавшим в крымскотатарских авантюрах, ответные удары, в чем особо отличился брат приближенного к царю Алексея Адашева, герой взятия Казани – Данила. В 1556—1561 годах он совместно с литовским князем Вишневецким тревожил набегам Очаков, Перекоп и даже побережье Крыма, а в 1559—1560 годы пытался взять Азов. Особенно эффектным был поход по его личной инициативе в Крым 1559 года, когда было взято много пленных турок. Адашев, однако, отослал их восвояси к очаковским пашам, наказав заверить, что царь-де воюет вовсе не с султаном, а только с ханом Девлет-Гиреем, с Сулейманом же хочет мира и дружбы.

Надо сказать, что хотя союза с турками у русских так и не случилось, но стремление к «миру и дружбе» на каком-то этапе было небезуспешным, несмотря на периодические столкновения на фоне русско-крымской затяжной необъявленной войны. Ведь европейцам, как и персам, очень хотелось, но так и не удалось втянуть Россию в войну с Турцией, несмотря на все дипломатические усилия Габсбургов и шахов. А Турция, в свою очередь, не могла себе позволить крупномасштабную войну с русскими, ведь она и без того сражалась на два фронта. В результате Москве удавалось успешно противостоять агрессии Бахчисарая – например, под Тулой в 1552 и 1555 годах, когда в результате кровавых сражений крымским татарам приходилось уносить ноги. Череды побед внушала царю успокоительную мысль о том, что татары уже не столь опасны, как бывало прежде.

Между тем, начавшаяся в 1558 году Ливонская война поставила Русское государство перед необходимостью тоже зачастую воевать на два фронта, поскольку ни Крым, ни Высокая Porta (как именуют турецкое правительство, султанат вообще) не оставляли надежд на восстановление мусульманской государственности в Поволжье под своим протекторатом. И это не было пустой угрозой.

В 1569 году семидесятитысячное татарско-турецкое войско во главе с крымским ханом Девлет-Гиреем и турецким пашой Каффы Насимом отправились в поход на Астрахань, чтобы переподчинить ее себе. К счастью, внутренние противоречия (крымский хан считал эти земли исконно татарскими и вовсе не хотел усиления там турецкого влияния) привели поход к неудаче, ибо крымчане повели войско безводными степями. Янычары подошли к цели совершенно измученными и без припасов, они не захотели ни сражаться, ни зимовать и ушли домой

¹³⁹ Татарские набеги продолжались, как известно, почти до самого присоединения Крыма к России. Наиболее опасные из них относятся к 1516, 1537, 1555, 1570, 1572, 1589, 1593, 1640, 1666, 1667, 1671, 1688 годам. Однако исторический перелом, состоявшийся в XV веке, навсегда изменил соотношение сил и векторы развития русского и татарского народов.

в виду подошедшего стотридцатитысячного московского войска. Урок был турками учтен, и вскоре Поволжье и вообще северное направление выпало из сферы их политических интересов, которые сосредоточились на линии Азов – Кавказ.

Переломным моментом стали 1571—1572 гг., когда русские силы вначале потерпели сокрушительный разгром, а потом взяли столь же сокрушительный реванш, надолго поставившей точку в отношениях Москвы и Бахчисарая. Дело в том, что посаженный Османами на крымский трон в 1551 году хан Девлет-Гирей ненавидел Русь, почти ежегодно тревожил ее набегами, требовал от царя Ивана Грозного восстановить независимость Казани и Астрахани и возобновить выплату ордынской дани, но теперь уже в казну Крыма. В очередной раз он обратился с этим требованием в 1570 году, грозя в противном случае разорить все Московское государство. А через год, воспользовавшись тем, что основные силы русского воинства сплотились на западном фронте под Ревелем, и собрав под свой рукой не менее 40 тысяч воинов, включая не только ногаев и татар-новокрещенцев, но даже и кабардинцев во главе с Темрюком (царским тестем, кстати), неожиданно и стремительно обрушился на Русь. Опричное войско с незначительным земским подкреплением не смогло отстоять Москву, силы были слишком неравны; к тому же часть населения, в том числе влиятельные люди, ожесточенные против царской опричнины, встала на путь измены. Не отважившись на приступ русской столицы, татары подожгли посады и слободы, а поднявшаяся буря мгновенно распространила огненный вихрь по всему граду; взорвались пороховые погреба, упали и расплавились колокола с колоколен, сгорел опричный дворец самого царя. Так и не получив здесь поживы, татары ушли от пепелища обратно в степь. А по дороге Девлет-Гирей «положил впусте у великого князя всю Рязанскую землю», как в батыевы времена, разорив 36 городов к югу от Оки и захватив богатую добычу и множество пленников (историки А. Зимин и Р. Скрынников называют цифру 10 тыс. чел., другие источники – до 60 тыс.), а еще десятки тысяч повсеместно умертвив. Если верить иностранным свидетельствам, до нашествия в Москве жило свыше 100 тыс. чел., а к 1580 году их стало всего не более 30 тыс.

Исключительно удачно сложившиеся обстоятельства привели Девлет-Гирея к исключительному же успеху и породили у него непомерное самомнение и амбиции, так что он похвалялся покорить всю Русь и восстановить в ней былые ордынские порядки. Как свидетельствует немец-опричник Генрих Штаден: «Города и уезды Русской земли – все уже были расписаны и разделены между мурзами, бывшими при крымском царе; было определено – какой кто должен держать». В начале июня 1572 года Девлет-Гирей уверенно двинулся с вновь собранным – вдвое против прежнего – войском на Русь. Он опирался на политическую поддержку турецкого султана, подогревавшего его устремления и пославшего на сей раз в татарское войско не только своих советников и наблюдателей, но и семь тысяч янычар. Кроме того, агрессора поддержали восставшие по его наущению черемисы, остяки и башкиры, они ударили русским в спину (но были подавлены вооруженными людьми Строгановых).

А между тем Иван Грозный прекрасно усвоил преподанный ему в роковом 1571 году урок. И когда 120-тысячная орда, пройдя по Дону, остановилась у Угры и Оки, ее там уже ждали русские войска, менее многочисленные, но гораздо более боееспособные, руководимые талантливыми князьями Воротынским и Хворостининым. 30 июля 1572 года у селения Молоди под Серпуховом началось жестокое сражение, в ходе которого дерзкие пришельцы за пять дней были полностью сокрушены, перемолоты, претерпели ужасную катастрофу. В беспощадных битвах нашли свою смерть не только сын, внук и зять Девлет-Гирея, но также и все до одного семь тысяч янычар, присланных султаном. В Крым вернулся лишь каждый пятый из числа участвовавших в походе воинов. Военный потенциал татарского Крыма был непоправимо подорван, у ядовитого змея оказались вырваны его смертоносные зубы. Позор 1571 года был полностью отомщен, а битва при Молодях должна по праву стоять в одном ряду с Куликовской, Полтавской, Бородинской и Сталинградской.

С тех пор сам Девлет-Гирей уже не смел творить набеги на Русь, а его преемники совершали лишь небольшие вылазки, избегая далеко заезжать на русские земли. Одновременно окончательно сам собой разрешился вопрос о принадлежности мусульманского Поволжья. Но что самое важное – надолго была подведена черта под русско-турецким противостоянием. Уже в 1574 году новый турецкий султан Мурад III, едва воссев на престоле, направил в Москву специального посла с извещением о своем воцарении; в истории отношений наших стран открылась новая страница, произошло дипломатическое примирение. Русско-турецкое вооруженное противостояние на несколько десятилетий отошло в прошлое. Все это отражалось на культурных связях, на судьбах русского искусства.

Турция между Европой и Персией

Претензии Османов на мировое господство требовали от Турции постоянного и чрезвычайного напряжения сил. Страна вела по всем направлениям нескончаемые войны, среди которых особо выделяются османо-мамлюкские (здесь они не рассматриваются), османо-габсбургские и османо-персидские. Вот краткий рассказ о них, позволяющий представить себе расстановку политических сил и характер исторического процесса в огромном регионе от Средиземноморья до Закавказья. Ведь России приходилось исходить из этих реалий.

Предпосылка к столкновению Габсбургов и Османов возникла уже оттого, что Карл V, избранный императором Священной Римской империи германской нации в 1519 году, не скрывал своих намерений создать всеевропейскую католическую империю под своим началом. Османы же мечтали о всемирной исламской империи. Война между ними за мировое господство была, таким образом, предопределена.

Османо-габсбургский конфликт впервые возник при Сулеймане Великолепном в 1526 году в результате битвы при Мохаче, когда Османская империя нанесла сокрушительное поражение объединенному венгро-чешско-хорватскому войску. Турки в результате заняли всю Среднедунайскую равнину, захватив «сердце Европы» и добрую треть Венгрии. Здесь, по мысли султана, должен был сложиться плацдарм для захвата господства над миром во имя торжества ислама.

В битве под Мохачем погиб король Венгрии Лайош II; его вдова, сестра будущего императора Фердинанда Первого, бежала к брату. Который, будучи к тому же, в свою очередь, женат на сестре Лайоша, изъявил претензии на его наследство. Так напрямую столкнулись интересы Габсбургов с интересами Османов. В итоге Сулейман в 1529 году овладел Будой и возвел на венгерский трон своего ставленника, а затем осадил Вену. Но измученные четырехмесячным походом турецкие войска были слишком измотаны, и Сулейман увел их, не взяв столицу противника; осажденные австрийцы возблагодарили Бога за чудесное спасение, на которое не могли рассчитывать.

В 1530—1533 состоялась т. н. Малая война, окончившаяся компромиссом, не давшим прочного мира. В 1543—1544 году турки захватили ряд крепостей на Дунае, укрепив свои позиции. Но в 1552 году австрийцы после ряда поражений сумели разбить турок под Эгером. Противостояние продолжилось с переменным успехом. В 1566 году в ходе очередной кампании умер Сулейман, за год до этого потерпевший серьезное поражение от рыцарей Ордена св. Иоанна при попытке завоевать Мальту. В 1571 году созданная рядом европейских держав Священная лига одержала важнейшую победу в морском сражении при Лепанто. Несмотря на то, что Турция быстро построила новый флот и в 1573 году победила в войне, заполучив о. Кипр и большую контрибуцию (Священная Римская империя стала данником Турции), ее военный ореол непоправимо потускнел, миф о непобедимости развеялся. Моральный дух европейцев воспарил высоко. Но до исторического перелома было еще очень далеко, целых сто лет. Весы колебались.

В 1593 году разразилась новая война, продлившаяся до 1606 года и окончившаяся в пользу Турции. В 1648 году военные действия возобновились, началась вялотекущая война, в ходе которой турки захватили Крит (1664).

Наконец, в 1683 году началась и в 1699 году закончилась Великая Турецкая война, в ходе которой могущество Турции было необратимо подорвано, она стала клониться к закату, а значительная часть Центральной Европы освободилась от ее владычества.

* * *

Страна, которая, занимая срединное положение в огромном регионе от Германии до стран Магриба, от Закавказья и Крыма до стран Аравийского полуострова, вела постоянные войны по всему периметру своих границ, – испытывала при этом колоссальные перегрузки. Выдержать которые могла только нация, обладающая огромным потенциалом, биологическим и культурным. И Турция долгое время неплохо справлялась с этим бременем, одерживая многочисленные победы по всем направлениям. К важнейшим из которых относится персидское.

Историки называют в качестве глубинной причины турецко-персидских (османо-сефевидских, а впоследствии османо-каджарских) войн стремление обладать Кавказом и Ираком и контролировать стратегические пути через Месопотамию и Закавказье. Но не будем забывать и субъективный фактор: в 1502 году шах Исмаил, объединив в Орден кызылбашей (красноголовых) ряд тюркских азербайджаноязычных племен шиитского вероисповедания, основал Персидское (Сефевидское) государство в западной части Иранского нагорья. Вскоре он нанес поражение государству Ширваншахов, разгромил Ак-Коюнлу (восточный Азербайджан), завоевал Закавказье и Ирак, а затем и полностью весь Иран, установив столицу в Тебризе. На глазах современников вдруг каким-то чудом возникла новая империя – персидская¹⁴⁰.

Турецкий султанат отреагировал нервно, отношения султана с шахом сразу же приняли напряженный характер. Дипломатическая переписка тех лет между ними полна недипломатических выражений. Баязид II завел у себя напоказ борова по прозвищу «Исмаил», а Исмаил у себя – борова по прозвищу «Баязид». Назревал неизбежный военный конфликт. Вскоре после смерти Баязида пришедший к власти его сын Селим Грозный, истребив вначале ряд ближайших родственников, решил взяться за персидского шаха.

Важно отметить, что каковы бы ни были истинные причины войны, оформлена она была как «священная война» правоверных (турок, суннитов) против неверных (кызылбашей и персов, шиитов). Шиизм и суннизм в лице своих высших религиозных авторитетов объявили друг друга ересью. Позиции Персии были более шаткими в данном вопросе, поскольку Турция всем мусульманским миром воспринималась как оплот ислама в борьбе с европейцами-безбожниками, и это обрекало Сефевидов на своего рода международную изоляцию среди мусульман, им особо неоткуда было ожидать помощи. Другим важнейшим преимуществом османов было обладание огнестрельным оружием, которого не знали кызылбаши.

В 1514 году Селим разгромил войска Исмаила в Чалдыранской битве, взял и разграбил Тебриз, но самого Исмаила не смог настичь и не убил. Однако попытки последнего найти союзников среди христиан Запада, конфликтующих с турками (венцианцев, венгров, испанцев и т.д., вплоть до папы римского и великого князя московского), были unsuccessful.

Завоевав в 1516—1518 гг. Сирию и Египет и заполучив Алжир в качестве вассала, Селим установил торговую блокаду Персии, а шахского посла, присланного с богатыми дарами в надежде на заключение мира, просто казнил без долгих слов. Умирая (1520), Селим наказал главным духовным лицам не прекращать войну против Исмаила.

¹⁴⁰ С точки зрения этнополитики империя представляла собой химеру: руководящие военные должности в ней исполняли кызылбаши, а административные – персы.

Через четыре года умер и Исмаил, после чего кызылбашские эмиры принялись делить власть. В условиях разброда и шатания отдельные провинции стали переходить под руку султана, хотя бывало и наоборот.

Тем временем Сулейман Великолепный, подписав в 1533 году перемирие с Фердинандом, направил войска в Персию, вновь взяв Тебриз. Под власть Османов попали также города-святыни ислама: Багдад, Наджаф, Кербели.

Персам пришлось выживать в непростых условиях. А спустя 12 лет, подписав в 1547 году очередное перемирие с Габсбургами, султан Сулейман снова двинул против персов войска. В 1555 году по условиям Амасьинского договора западная Армения и весь арабский Ирак отошли Османской империи.

В 1576 году умер персидский шах Тахмасп I, и вновь в персидских верхах началась грызня за власть. Эмиры разных племен разорвали страну и разграбили ее накопленные немалые богатства. Через два года, в 1578 году Турция вновь напала на ослабленную неурядицами Персию. В 1580 году Сефевиды запросили мира. Но турки в ответ взяли Карс, перестроили Ереван, выстроили ряд крепостей на оккупированном ими западном Кавказе. После чего разбили Сефевидов и в восточной его части. В 1584 году они не только захватили вновь, но и сумели удержать Тебриз. А на юге турецкий губернатор Багдада отхватил у Ирана целых две провинции. Вскоре сефевидская Персия почти прекратила свое существование как государство.

Именно тогда, кстати, с учетом смерти Ивана Грозного, триумфально уверенные в своей мощи турки едва не склонились на предложение узбеков вместе отвоевать у России Астрахань, но к счастью воздержались.

Однако роль личности в истории поистине велика. В 1587 на персидский престол вступил шестнадцатилетний внук шаха Мухаммада – Аббас I, будущий Аббас Великий. И история повернула свое течение. Пожертвовав Закавказьем по Стамбульскому договору 1590 года, Аббас получил передышку, разгромил коварных узбеков, укрепил свою власть и создал регулярную армию. В 1603 году, воспользовавшись благоприятным моментом (Турция завязла в очередной войне с Габсбургами, ею правил молодой неопытный султан Ахмет I, а в самом сердце Турции – в Анатолии – с 1595 по 1609 гг. бушевала крестьянская война, т.н. «джезалийская смута»), Аббас разбивает армию турок у Суфиана, после чего завоевывает Нахичевань, Тебриз, Джульфу, Ереван (вообще восточную Армению), Азербайджан, Луристан, Восточную Грузию и Южный Курдистан. В 1612 году по новому Стамбульскому договору (каков реванш!) Турция признала все персидские завоевания. Армения и Закавказье были разделены между противниками, граница прошла по реке Ахуран.

Попытка турок отыграть все обратно, предпринятая в 1616—1618 гг., кончилась тем, что Аббас разгромил турецкую армию в Серабской долине, а Персия присоединила к себе дополнительные территории.

Новая победоносная война шаха Аббаса в 1623—1624 гг. доставила Персии вновь господство над Ираком (с Багдадом, Неджефом и Кербелой). Но в 1625 году турки вернули себе Месопотамию, а через десять лет после смерти Аббаса¹⁴¹, в 1638 году – вновь взяли Багдад. В итоге всех перипетий в 1639 году был подписан новый мирный договор, в основном подтвердивший условия 1612 года, после чего наступило долгое затишье, вплоть до 1723 года.

Россия между Турцией, Персией и Европой

¹⁴¹ Именно при Аббасе (правил с 1571 по 1629) империя Сефевидов достигла наибольшего расцвета и могущества, простираясь от реки Тигр на западе до города Кандагар (современный Афганистан) на востоке.

Таковы были основные военные и политические обстоятельства, определявшие в XVI—XVII веках жизнь Турции, Персии, Центральной Европы и многих других, так или иначе связанных с ними, государств и регионов. В том числе и России.

В общем и целом можно сказать: весь XV, XVI век и три четверти XVII века были «эпохой Турции», ее неуклонного стратегического возвышения на Западе и на Востоке. Черной меткой и сигналом тревоги всему христианскому миру, включая Русь, были разгром Византии и захват турками Константинополя, а там и Балкан. Западу удалось переломить роковую тенденцию только в последнее двадцатилетие XVII столетия, основательно подорвав могущество векового врага, который и в таком виде еще представлял собою грозную силу.

В то же время Персия, многое (порой почти все) теряя, но многого и добываясь в противоборстве с Турцией, вступила во вторую половину XVII века в качестве империи, сохраняя завоевания в Закавказье и Прикаспии и имея впереди свыше восьмидесяти лет относительного покоя, так необходимого для плодотворного развития. Чаши весов на Востоке пришли в равновесие.

А что же Россия? Как вела она себя по отношению к Турции и Персии во всех этих могущественных, как стихия, обстоятельствах, превратностях судеб великих стран? Ей нужно было, хочешь не хочешь, определяться в треугольнике Европа – Турция – Персия. Восточным соседям Москвы было трудно. Но ведь и Европе приходилось нелегко: помимо османо-габсбургских войн, в ней с 1494 по 1559 гг. бушевали т.н. «итальянские войны», а с 1618 по 1648 гг. в самом ее центре разверзся настоящий ад – Тридцатилетняя война, в которой было истреблено до 80% немецких мужчин (тронувшиеся рассудком на этой почве женщины потом десятками тысяч сгорали в кострах инквизиции)¹⁴².

России приходилось жить с постоянной оглядкой на Турцию: ведь это была главная сила позднего средневековья. Память о четвертьтысячелетнем татарском иге и о падении своей духовной матери – Византии, оказавшейся у турок под пятой, была у русских людей еще очень свежа. Турции следовало бояться, у Турции следовало учиться, с нею нельзя было портить отношения. XVI—XVII века были для России слишком полны собственных тяжелых испытаний, чтобы она могла стать активным участником османо-габсбургских или османо-персидских войн, хотя все противоборствующие стороны всячески пытались втянуть ее в свои разборки.

Не могла Россия полноценно, масштабно участвовать и в кровавых и затяжных внутриевропейских разборках, как по причине нехватки сил, так и потому, что продолжал действовать тот польско-литовско-шведско-немецкий кордон, который установился еще во времена Руси Ордынской и которым Россия была отделена от основных участников «европейского концерта».

Конец XV и XVI век – это время усиленного роста земель Московской Руси, в том числе в результате сведения счетов с Западом – Литвой и Польшей. В 1487—1494 гг. Москва возвращает себе Новосильское, Одоевское, Воротынское княжества и другие западные русские земли, в 1503 г. Чернигово-Северскую землю, в 1510 г. Псков, в 1514 г. Смоленск. В общей сложности в течение XVI века Россия семь раз воевала с Ливонией, Польшей и Литвой, и трижды – со Швецией. Но в результате указанных побед на какое-то время (практически до Ливонской войны) западное направление для русской внешней политики перестает быть первостепенным, а на первое место выдвигаются Восток и Юг, культурно и политически наиболее значимые. Соответственным был и вектор культурного влияния и взаимодействия.

Взаимоотношения с Турцией, Крымом и мусльманским Поволжьем оставались для Москвы приоритетными в течение долгого времени, даже когда уже шла Ливонская война. Наиболее заметными вехами этих взаимоотношений являлись завоевание Москвою Казань

¹⁴² В названные войны бывали втянуты едва ли не все европейские государства.

ского (1552) и Астраханского (1556) ханств, а также кровавое умиротворение Крыма (1572). Эти события непосредственно сказывались и на русско-турецких, и на русско-персидских отношениях.

Для нашего повествования завоевание Астрахани имело особое значение, ибо, как отмечал еще в XVII веке Исаак Масса, Астрахань «всегда была большим и людным торговым городом, куда стекалось для торговли множество купцов из Персии, Аравии, Индии, Армении, Шемахи и Турции, привозивших из Армении – жемчуг, бирюзу и дорогие кожи, из Шемахи, Персии и Турции – парчу, дорогие ковры, различные шелка и драгоценности»¹⁴³. Но дело не только в этом. Во-первых, для Персии, изолированной султанами и от арабского Востока, и от Европы, основные надежды на выход из изоляции оказались связаны с Россией. И после присоединения к России Казани и Астрахани в середине XVI века Волга стала торговой артерией, наконец-то связавшей персов с русскими напрямую через Каспий¹⁴⁴. А во-вторых, Персия судорожно искала союзников в своей борьбе с Турцией – и искала их, естественно, в стане тех, кто и сам был с турками «на ножах». Но христианские страны Запада не захотели пойти ей навстречу, а мусульманские были смущены объявлением шиитского государства еретическим. Оставалась заметно окрепшая Россия, на которую и нацелилась дипломатия Сефевидов.

Активные переговоры с Россией на предмет совместных военных действий против Турции предпринимает в конце XVI в. шах Аббас I. В обмен на помощь он даже предлагает Москве забрать Дербент и Баку, построить ряд пограничных городков в предгорьях Кавказа по Тереку, где проходила официальная граница Русского государства¹⁴⁵. Россия к этому времени уже в основном решила свои проблемы с Турцией, выстроив с ней вполне сбалансированные отношения, и не хотела без нужды дергать тигра за усы. Но воспользовавшись предложением, она выстроила по Тереку казачьи городки: Моздок, Имерский, Наурский, Аристово, Муратханов, Кизляр, Терский городок и другие¹⁴⁶. И на этот раз недоверчиво напряглись уже сами Сефевиды, заподозрив Русское царство в экспансионистских намерениях...

Впрочем, прозападная и антитурецкая настроенность Бориса Годунова толкала Россию в сторону Персии. Поддавшись на призывы шаха, царь в инструкциях послу и в письме к Аббасу «выражал готовность заключить с шахом антитурецкий союз и выражал надежду на то, что к нему сможет присоединиться и император Рудольф II. В 1602 г. Россия и Иран договорились о совместных действиях, призванных воспрепятствовать проходу турецких войск через Северный Кавказ. В награду за обещания, как следует думать, Аббасом и был подарен царю Борису сказочной красоты золотой трон, усыпанный рубинами, бирюзой и пр. В итоге в 1604—1605 гг. русский отряд под командованием Ивана Михайловича Бутурлина был послан в Дагестан против местного правителя – шамхала, чтобы затем атаковать крепость Дербент, где стоял турецкий гарнизон, однако поход закончился неудачей: почти все семитысячное войско было вырезано (велика оказалась цена шахского подарка. — А.С.). Поражение привело к утрате русскими позиций, ранее завоеванных ими на Тереке, и к переходу контроля над Дагестаном к Ирану»¹⁴⁷. Урок суровый, но заслуженный.

¹⁴³ Исаак Масса. Краткое известие о Московии. – В кн.: Россия XVII века. Воспоминания иностранцев. – Смоленск, Русич, 2003. – С. 83.

¹⁴⁴ Вот каким путем шел, например, русский купец Федот Котов, описавший его в своем «Хождении»: из Астрахани он плыл через Низовую до Дербента, оттуда добирался через Шабран, Шемаху, Муганскую степь, Ардебиль, Хапхат, Зенджан, Султанию, Абхар, Казвин, Саве, Кум, Кашан, Натенз до Исфахана. Дальше Исфахана русские купцы обычно не ездили. Но и то нужно было быть смелым, предприимчивым и весьма достаточным купцом, чтобы осилить подобное путешествие в те времена, да и восточные языки надо было прилично знать (Котов знал несколько).

¹⁴⁵ Краткая история русско-персидских отношений излагается по: Кузнецова К. Предисловие к кн.: Хождение купца Федота Котова в Персию. // Русские путешественники в странах Востока. – М., 1938.

¹⁴⁶ Полиевктов М. А. Экономические и политические разведки Московского государства XVII в. на Кавказе. – Тифлис, 1932. – С. 10.

¹⁴⁷ Дмитриева О. В. Внешняя политика России эпохи Бориса Годунова. – В кн.: Борис Годунов. От слуги до государя Всея

Смута нарушила двусторонние контакты, хотя персы продолжали засылать послов, адресуясь то к Борису Годунову, то к Лжедмитрию Первому, то к Лжедмитрию Второму, то просто ко «всего русского государства повелителю и великому князю Белому царю» или ко «всего крестьянского государства государю и повелителю». По воцарении Михаила Романова шах Аббас поспешил заверить, что будет жить с ним, как с прежними царями, «в братской любви и дружбе», после чего обмен посольствами оживился. В результате блестящих побед над узбеками и турками шах уже перестал так остро нуждаться в союзнике, и теперь на первый план выступили экономические связи. Правда у шахского правительства оставались опасения по поводу дальнейшего продвижения России на Кавказ. Но русские цари той эпохи (в отличие от Николая Первого) не видели никакого смысла ссориться с дружественной и богатой диковинными сокровищами Персией из-за Грузии¹⁴⁸ и закавказских ханств, так что русско-персидские отношения ничто не омрачало.

Упорно не хотели русские цари ссориться и с Турцией по наущению Европы ли, Персии ли. После прибытия в Москву турецкого посольства 1574 года настало долгое замирение, которым дорожили обе стороны. Правда, дипломатическая интрига Годунова способствовала согласным действиям Персии и Габсбургов и отвлечению сил турок и татар на театр военных действий в Молдавии, благодаря чему русские смогли продвинуть свои позиции на юг, в Дикое Поле¹⁴⁹. Но жестокий урок 1605 года пошел русским впрок. Россия неоднократно помогала материально Габсбургам, направляя огромные суммы (серебром или ценными мехами) для содержания войск на границе империи с Турцией. Однако сама от прямых военных действий воздерживалась. И теперь, когда возникали щекотливые моменты – будь то взятие донскими казаками Азова в 1637—1642 гг. или воссоединение Великороссии и Малороссии в 1654 г., царское правительство делало все, чтобы они не превратились в *casus belli*. Так, в ходе азовского инцидента Москва отправила на Дон 100 пудов пороха и 150 пудов свинца, а также царское знамя, но при этом царь заверял Мурада IV в непричастности России к казачьему походу и называл казаков «ворами», за которых «мы... никак не стоим и ссоры за них никакой не хотим, хотя их, воров, всех в один час велите побить». Игру поддержали и сами казаки, отписавшие султану: «А се мы взяли Азов город своею волею, а не государским повелением». В итоге, побуждаемые к тому Москвой, казаки добровольно покинули Азов; яблоком раздора между Россией и Турцией этот стратегически важный город в те годы не стал.

Объединение с Малороссией объективно осложнило отношения России с Польшей, но также и с Турцией, которая предприняла попытку, воспользовавшись русско-польским противостоянием, захватить Правобережную Украину, принадлежавшую Польше. В результате турки взяли под свой контроль Подолию. Страх потерять в результате этого недавно обретенную Левобережную Украину заставил Москву объявить войну Стамбулу, а заодно и Бахчисараю. Вялотекущие военные действия велись, однако, лишь на правом берегу Днепра, не переходя на «русскую» сторону. После кратковременных успехов то одной, то другой воюющей страны, они завершились в 1680 году установлением статус-кво, так и не переросши в настоящую войну. Интересы ни Турции, ни России существенно не пострадали.

Крымские походы главного русского «западника» князя Василия Голицына (1687, 1689), невыразимо бездарные и провальные, были преждевременной попыткой воспользоваться сложным положением Турции, ее ослаблением в борьбе с Европой, попыткой влекую ока-

Руси. – М., 2015. – С. 46.

¹⁴⁸ Теймураз I, грузинский царь Кахетии и Картли, у которого Аббас замучил мать и двоих сыновей-заложников, целовал в 1637 году крест на верность русскому царю Михаилу, но помощи против персов не получил. В 1639 он подтвердил крестоцеловальную запись, но с тем же результатом. В 1658 году он посетил русского царя Алексея в Москве и вновь просил о помощи, но и тот мудро воздержался.

¹⁴⁹ Медведева К. Т. Борис Годунов и Рудольф II: дипломатические отношения Русского государства и Священной Римской империи германской нации. имской империи германцуской нацииРР— В кн.: Борис Годунов. От слуги до государя Всея Руси. – М., 2015. – С. 58.

заться вдруг в стане победителей. Но эта инициатива кончилась для нас плохо, в основном из-за непригодной к войне личности командующего. Другое дело – успешный второй поход Петра Первого под Азов (1696), обозначивший начало его «славных дел». Этот эпизод стал для Турции частью ее общего поражения в ходе Большой Турецкой войны, а для России стал началом включения в мировую битву цивилизаций на стороне побеждающего Запада, началом новой эры побед и расцвета. Здесь пролегла грань, отделившая Древнюю Россию от Новой, с полной сменой вектора ее развития и международной политики.

В целом же можно сказать, что весь XVII век был благоприятен для не омраченных вооруженной борьбой торговых и культурных связей России с обоими великими восточными соседями. И если с гегемонистской Турцией все-таки возникали изредка моменты напряженности (в основном не по нашей вине), то в отношениях с Персией постоянно царили мир и дружба.

Все сказанное хорошо объясняет тот факт, что дипломатические, торговые и культурные взаимоотношения были особенно активными у России с Турцией уже с последней четверти XV века, а с конца XVI века столь же, а то и более активными стали отношения с Персией. Характерно, что «в Китай-городе – центре московской торговли – было три гостиных двора: Старый, Новый и Персидский. Это были казенные здания с отдававшимися в них внаймы торговыми помещениями. Персидский двор предназначался исключительно для торговли персидскими товарами»¹⁵⁰, хотя торговали там также армяне и татары.

Почему все же Турция?

Как будет показано в дальнейшем, самое сильное воздействие на русскую культуру, быт, эстетические предпочтения в XVI—XVII вв. оказывала все-таки Турция. Спрашивается: почему?

Уже при Василии Третьем к новому, большому и сильному государству – Московской Руси – стали проявлять интерес на самом высоком уровне помимо Турции и другие страны Востока: Грузия (вообще Кавказ), Ширван, Хорасан, Сефевидское государство (кызылбашская династия, правившая в Персии). И даже далекая Индия: в сентябре 1532 года в Москву прибыл Хозя Усеин – посланец Бабура, основателя династии Великих Моголов; он добирался два года, и прибыл, когда Бабур уже покинул сей мир, так что визит не имел серьезных последствий, но сам прецедент – важный культурно-исторический знак.

Однако до конца XVI века приоритет Турции во внешних связях Руси неоспорим. В течение всего столетия почти монопольное преимущество Турции, обусловленное как военным могуществом, так и расцветом культуры и помноженное на относительную простоту сообщения с Русью, было очевидно.

Об этом отчасти позволяют судить дошедшие до нас изображения русских людей того времени. К примеру, мы видим на гравюре Ганса Бургкмайра, подготовленной для книги «Weisskunig» («Белый Король», создавалась в 1514—1519), делегацию русских бояр, прибывших в Инсбрук на встречу с императором Максимилианом I в 1518 году. На переднем плане – фигуры знатных москвитов и посла дьяка Владимира Племянникова в островерхих шапках по хорезмийскому образцу, в сапогах с загнутыми по турецкой моде носами и в шубах, крытых парчою с рисунком явно турецкого происхождения. Надо думать, в основу этой ксилографии художником были положены зарисовки с натуры. К тем же годам (1517, 1526) относятся изображения¹⁵¹ посла и известного мемуариста Сигизмунда Герберштейна – в парадной шубе

¹⁵⁰ Пересветов Р. Г. По следам находок и утрат. – М., 1961. – С. 39. На старом рынке, по свидетельству Я. Рейтенфельса, торговали русские, на новом же взимались пошлины, а товары хранили и вели торги западные европейцы.

¹⁵¹ Например, гравюра, выполненная А. Хиршфогелем по более раннему рисунку для мемуаров Герберштейна издания 1547 года. Видимо, как раз об этой шубе посол вспоминает: «А когда пора уже было нас [отправить и] отпустить, то нас, как и ранее, [с почетом] пригласили к обеду и проводили во дворец. Кроме того, каждому из нас пожаловано было по почетному

до полу, подаренной ему русским царем Василием Третьим, также угадывается работа турецких ткачей. Это весьма раннее свидетельство «отуреченности» русского художественного вкуса имеет знаковый характер.

В чем был секрет притягательности Турции и приоритетности всего турецкого для русских людей и русских властей в XV—XVII вв.? Понятно, прежде всего, что турецкие артефакты просто нравились, восхищали, поражали, казались прекрасными и вызывали страстное желание ими обладать из чисто эстетических побуждений. Но чтобы полнее ответить на поставленный вопрос, нужно взглянуть на проблему шире: в контексте мирового соперничества цивилизаций. Конкретно – в контексте соперничества цивилизации Запада и цивилизации Ислама, олицетворенной более всего именно Турцией.

Дело в том, что Ближний Восток, переняв в VIII веке у Китая секрет изготовления бумаги, очень быстро продвинулся вперед в плане информатики (передачи и интерпретации знаний), значительно обогнав Европу, продолжавшую изготавливать манускрипты на пергаменте, подготовка которого была весьма трудоемкой и медленной. Прорыву в сфере информатики сопутствовал немедленный прорыв в сфере наук и технологий. Медицина, математика, астрономия и навигация, химия, приборостроение, изготовление оружия, ковроткачество, керамическое и стеклянное производство и многое другое было на Востоке передовым, по сравнению с Западом¹⁵². Первоначально цивилизационные достижения, позволявшие соперничать с Китаем и превосходить Европу, делались арабами, но в XI—XII вв. арабы оказались под турками-сельджуками, а в начале XVI века под турками-османами, которые присвоили и освоили эти достижения и стали витринными представителями исламской цивилизации во всем мире.

Превосходство в сфере информатики (а с ней науки и техники) немедленно сказалось на военных успехах мусульманских народов и стран, начиная с грандиозных завоеваний арабского халифата. Напротив, все претендовавшие на некую глобальность европейские инициативы проваливались – и именно в столкновениях с Востоком, и не только исламским. Империя Карла Великого запнулась, не сумев одолеть сарацин и мавров; крестоносная эпопея окончилась бесславным оставлением Иерусалима, вообще Ближнего Востока; Европа дважды трепетала перед нашествием монголоидов, Чингисхана и Тамерлана, ее спасло лишь чудо; Византийская империя все свое достояние отдала арабам, персам и туркам; Венеция должна была напрягать все свои силы, чтобы не попасть во власть турок, как попали Балканы, Трансильвания, Бессарабия, Крит, Кипр и др.; наконец, Священная Римская империя оказалась вынуждена отдать туркам многие территории и у столичных стен Вены дважды защищать от турок самое свое существование.

Победы турок-османов, стремительный рост их могущества в Азии, Африке и Европе были столь волшебным убедительны! Султан Сулейман Великолепный сделался одной из центральных фигур мировой политики, популярной и обсуждаемой персоной, героем литературы и искусства. Понятно, что всем хотелось учиться у победителей, хотелось перенимать у них все самое лучшее, передовое и интересное в образе жизни и правления, в технологиях и, конечно, эстетике. России чрезвычайно повезло, что основные хищнические устремления Османской империи были направлены не в ее сторону. И мы могли, периодически отбиваясь от татарско-турецких агрессивных поползновений, развивать с Турцией нормальные дипломатические и торговые отношения, вести активный культурный обмен, научаясь многому у этой нации – мирового лидера. Так было на протяжении всего XVI века.

Великая Османская империя всегда привлекала большое внимание московских государей – и не только вследствие внезапно приблизившегося соседства и превращения Констан-

платью, подбитому собольим мехом».

¹⁵² Подробнее см. в кн.: Севастьянов А. Н. Битва цивилизаций: секрет победы. – М., Книжный мир, 2013.

тинополя в Стамбул. К примеру, в глазах Ивана Грозного император Сулейман Великолепный (он же Кануни, по-восточному) как правитель по рождению, династ, был единственным монархом, которого царь мог признать равным себе в современной Европе и Азии. Политическое устройство жестко централизованной Турции, где при Сулеймане устанавливается режим абсолютизма, подавало московскому царю важный пример, и это осознавалось не только самим царем, но и его наиболее умными, продвинутыми подданными. В данном плане чрезвычайно характерной предстает публицистика Ивана Пересветова, в особенности его «Сказание о Магмет-салтане» и «Большая челобитная», где в пример Ивану Грозному ставится именно турецкий султан, который «хоть и неправославный был царь, а устроил то, что угодно Богу». Советы Пересветова насчет того, что царь должен быть грозен и не давать воли вельможам, были довольно близки Ивану IV Васильевичу.

Разумеется, политическая симпатия к Турции имела в России свою культурную проекцию, но об этом ниже. А здесь пока замечу, что в Европе жадный интерес ко всему турецкому тоже отразился в искусстве XV—XVII веков, проявляясь своеобразно, по большей части в портретах султанов (в том числе вполне апокрифических) и в том, как обряжали художники бесчисленных библейских персонажей. Бросается в глаза тот факт, что на головах как бы древних иудеев и римлян мы видим сплошь и рядом – чалмы, тюрбаны и шлемы а-ля тюрк, на их плечах – восточные халаты, на чреслах – восточные пояса и перевязи, в руках – сабли... Эта традиция в гравюре, например, идет по меньшей мере со времен Мартина Шонгауэра («Большое Несение креста», «Христос перед судом Пилата» и др.), Мастера МЗ («Мученичество св. Екатерины», «Идолопоклонство Соломона» и др.), Михаэля Вольгемута («Всемирные хроники»), Альбрехта Дюрера («Казнь 10 тысяч мучеников-христиан», сюита «Большие страсти» и др.), Луки Лейденского («Давид перед Саулом») – и продолжается вплоть до автопортретов и персонажей Бенедетто Кастильоне, Питера Ластмана, Рембрандта ван Рейна, Яна Ливенса и мн. др. Только если в XV—XVI веках турецкие наряды доставались преимущественно отрицательным персонажам, то в XVII веке художники охотно и сами в них рядились не то ради эпатажа, не то под обаянием восточной моды. Так что Россия вовсе не была одинока в своей тяге к «туретчине». Но Россия поистине не знала меры этой тяге.

Между тем, незримый перелом в судьбах мира уже произошел – в 1440-е годы, когда изобретение подвижного шрифта Иоганном Гутенбергом подготовило информационную революцию в Европе, заложив основу для цивилизационного рывка и последующего многовекового лидерства Запада. Это одна сторона вопроса; другая же состоит в том, что османский султан Селим Грозный в 1517 году объявил исламское книгопечатание богохульством и под страхом смерти запретил печатные станки на территории всей империи, включая Ближний Восток, Среднюю Азию, Причерноморье, Прикаспий и Закавказье. Запрет, по сути, коснулся всех мусульман вообще (подвластные Османам греки, евреи и армяне под него не попали). В результате первая османская печатная книга выйдет лишь в 1729 году (сравните с Библией Гутенберга, выпущенной в первой половине 1450-х гг.). Преимущество в информатике, двигавшее с VIII по XV вв. прогресс мусульман, оказалось вмиг утрачено. Гутенберг и Селим задали, соответственно, Западу и Востоку разнонаправленные векторы информационного, а с ним и цивилизационного развития. В результате Запад оказался «обречен» на прорыв и победу, а Восток – наоборот, на застой и поражение. Только последствия этого сказались не сразу: до 1683 года, когда соединенные силы Европы сокрушили военную мощь Турции и тем обозначили всемирно-историческую победу Запада над Востоком, было еще далеко. Мы увидим, как это противостояние с постепенным преобладанием Европы и ее конечной победой скажется на судьбах России и русского искусства.

XVII век – это столетие, когда решался исход глобальной битвы цивилизаций, и Запад уже одерживал в ней предварительные победы, неуклонно шел на обгон. Это век «великого перелома», закончившийся крахом турецкого могущества в войне 1683—1699 гг. И перед Рос-

сией, со стороны наблюдавшей «кто – кого?», весь этот век стоял вопрос: с кем быть, то есть – с кем побеждать. Борьба Востока и Запада не только за Россию как союзника, но и за русскую душу велась в те годы с переменным успехом. Россия в итоге поставила на «верную лошадь» Запада, это был выбор разума, и он принес нам очевидные и выдающиеся плоды, но душа...

Душа России осталась с Востоком как с первой любовью, которая, как известно, «не ржавеет». Мы в этом со всей очевидностью не раз убедимся в дальнейшем.

Итак, в XV веке мода на турецкое – и шире: на восточное, исламское – искусство пришла к русским людям всерьез и надолго, как минимум на два столетия (а шлейф этого увлечения потянется и далее). Об этом, опять-таки, свидетельствуют как западные гравюры с изображениями московитов, так и коллекции произведений восточного искусства, хранящиеся в России, прежде всего – в Оружейной палате, Историческом музее, Эрмитаже и др. Но главное – эта мода отразилась в образцах собственно русского искусства, созданных под явным влиянием эстетики Востока.

Рассмотрим эти свидетельства по порядку – от иконографии русского народа и памятников материальной культуры до архитектуры.

ИСКУССТВО В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Иконография русских людей. Текстиль и одежда

Самая репрезентативная гравюра XVI века, позволяющая судить о внешнем облике русской знати эпохи Ивана Грозного, – это изображение русского посольства, прибывшего с подарками и верительной грамотой в Регенсбург близ Вены для встречи с Максимилианом Вторым в 1576 году. Огромная, снабженная множеством разъяснительных надписей и подписей, она была вырезана на нескольких досках и содержит изображения трех с половиной десятков персон, стоящих в рост вереницей и ведущих беседы между собою в ожидании приема. Изготовлен этот шедевр в Праге в печатне Михаэля Петтерле (авторство приписывается Йосту Амману¹⁵³, Донату Хюбшманну и др.). Тщательно проработана детализировка костюмов, все персонажи портретны, изображения раскрыты.

Эта первая европейская гравюра со столь детальным и реалистическим изображением многочисленных москвитов – посланцев в экзотических, диковинных на вкус европейца одеждах, явившихся с царскими дарами ко двору императора, – заслуженно знаменита. Ее даже не случайно сравнивают порой с плакатом, поскольку пропагандистский элемент усматривается здесь явно: людей Запада знакомили с собирательным портретом как бы заново открываемого народа. Не случайно надпись поверху гласила: «Истинное изображение посольства или послов Великого Князя Московского к Его Императорскому Римскому Величеству; также в каких одеждах и в каком виде каждый явился ко двору...». А пояснительная надпись внизу изображения заверяла: «Когда же послы приехали ко дворцу, они, как я слышал, вышли из экипажей, и попарно пошли в порядке, пешком. И кто пожелает, увидит их представленными здесь воочию, на рисунке. А самые знатные между ними будут названы здесь по именам». И разъясняла подробности:

«Главный посол, князь Захарий Иванович Сугорский, дворянин и наместник Белозерский, идет впереди, в червленом золотном¹⁵⁴ платье и меховой шапке. Рядом с ним шел его товарищ, Андрей Гаврилович Арцыбашев, дьяк, в синем золотном платье.

Во второй паре шли принадлежащие к посольству дворяне или бояре, так-то: Третьяк Дмитриевич Зубатый старший, в белом платье с золотыми цветами и высокой шапке. Его товарищ Мамлей Иванович Илим, дворянин. В золотном платье с краснотолотными цветами.

В третьей паре шел подъячий, по имени Афанасий Михайлович Монастырев. Он нес верующую грамоту в красном кармазине. Одет был весь в красном. Другой, что полнее него шел – простой дворянин в голубом шелковом платье.

В каком платье, нарядах и уборах, по своему обычаю, шли шестеро послов к Его Императорскому Величеству, о том дает понятие этот рисунок».

Эта редчайшая, чудом уцелевшая гравюра была выменена у Висбаденского музея знаменитым собирателем Д. А. Ровинским и прибыла в Россию. Ровинским же были заказаны и копии с нее, получившие большую известность; на основе этой гравюры художником Иваном Билибиным были разработаны костюмы для оперы «Борис Годунов» (1908), а с его рисунков, в свою очередь, был выпущен комплект открыток. Билибин и другие художники его времени использовали эти же изображения, иллюстрируя русские сказки, в частности – «Сказку о рыбаке и рыбке» Пушкина. На них же (как и на хранящиеся в музеях оригиналы одежд) опирались художники, создавая костюмы для великосветской знати, готовившейся к знаменитому костюмированному балу 1903 года. Широко публикуется данная гравюра и в различных

¹⁵³ Атрибуция, предложенная парижской Библиотекой декоративного искусства, представляется весьма вероятной, исходя из характера творчества Й. Аммана в целом.

¹⁵⁴ Золотный – золототканый, расшитый золотой нитью.

учебниках и монографиях – по истории, по искусству, быту и т. п. Факсимиле висят сегодня в экспозиции Музея Москвы (Провиантские склады), Александровской Слободе, Коломенском (Дворец Алексея Михайловича) и др. То есть, вот уже почти 450 лет мир получает представление о типичном внешнем виде русских людей середины XVI века, рассматривая эти 35 фигур, добросовестнейшим образом изображенных немецким художником.

Первое же впечатление для человека Запада от этой гравюры должно было подсказывать ему, что русские – не такие, как он, иные, чужие. При этом явственно прочитывался именно восточный колорит. На Западе так никто не одевался – ни в столь долгополые, по щиколотку, верхние одеяния, издали напоминающие бухарские халаты, ни в пышные меховые шапки, островерхие огромные колпаки причудливых форм, опушенные драгоценными мехами, и т. п. При этом обращают на себя внимание, конечно же, затканые золотом и серебром одежды первых лиц, сделанные из парчей и алтабасов¹⁵⁵. На Руси такие ткани не изготавливались, их привозили из Турции и Персии.

Все эти костюмы выдают одно очень важное общее свойство: они рассчитаны на то, чтобы произвести эффект, поразить воображение, в них нет ничего заурядного, типового, каждый выполнен на особинку. И в этом, возможно, как раз и состоит одно из наиболее важных отличий русского национального костюма высших классов от костюма важных персон европейских дворов, в которых мы не видим ни подобного устремления к экзотизму, ни акцентированной броскости и индивидуальности. Думается, что оно, это отличие, воспринималось в достаточной мере уже унифицированным европейским вкусом, как проявление некоего дикарства, варварства, незнакомого с «нормой», «мерой», «порядком» – одним словом, стандартом. Особенно расходился «русский стиль» с эстетикой протестантизма – предельно сдержанной, скромной, порой даже аскетичной. За этим отличием стоит зримое, убедительное расхождение менталитетов.

Это симптоматично: ведь в более ранние времена на Руси популярны были ткани из Византии – особенно шелковые, поскольку Царьград веками держал в Европе монополию на шелковое производство¹⁵⁶. На Руси предпочтение отдавалось т.н. крестчатым атласам (типичный орнамент – равномерно расположенные кресты, заключенные в круги). Но с конца XV века на смену им приходят вначале турецкие, а с XVII века и персидские атласы, алтабасы, бархаты (в т.ч. «рытый бархат» с рельефным, углубленным рисунком), а также парча, тафта, камка и другие ткани, изукрашенные растительным орнаментом, либо – реже – сложными геометрическими фигурами. Многие великолепные образцы сохраняются и демонстрируются сегодня в собрании Оружейной палаты Кремля, ведь казна московских царей не имела себе равных в этом отношении (еще более богатая коллекция шедевров турецкого ткачества хранится в Стамбуле, во дворце султанов – Топкапы, что естественно).

Сравнивая гравюру Йоста Аммана 1576 года с гравюрой Ганса Бургкмайра 1518 года, можно убедиться, что парадный костюм русской знати, с его восточным колоритом, за полвека нисколько не изменился. А вот если сравнить обе эти гравюры с иллюстрациями в русских летописях XIV—XV вв., то станет ясно, что в более отдаленные времена русские князья, бояре, простой народ выглядели совсем не так: на них невысокие круглые шапки, длинные рубахи с вышитым воротом, плащи. Одежды весьма скромные. Как видно, к началу XVI века все радикально изменилось. И ничем, кроме резко возросшего влияния Востока, этого не объяснить.

В дальнейшем, в течение по крайней мере ста с лишним лет очевидная тяга русских людей к роскоши и экзотизму, разводящая их с людьми Запада, зато роднящая с людьми

¹⁵⁵ Так назывались шелковые ткани, затканые тончайшей золотой или серебряной нитью; они были плотными, негнущимися, одежды из алтабасов производили впечатление литых цельнометаллических.

¹⁵⁶ В VI в. при Юстиниане секрет шелка стал казенной монополией, и главный мировой рынок этого продукта переместился в Константинополь. Шелк стоил дорого: в III в., к примеру, 1 фунт китайского шелка уходил за 1 фунт золота; высокая цена на отдельные виды шелка сохранялась и через тысячу лет.

Востока, только возрастала. О чем позволяют судить более поздние гравюры и картины XVII – и даже начала XVIII вв. Взять, к примеру, одно из наиболее известных сочинений иностранцев о России – «Описание путешествия Голштинского посольства в Московию и через Московию в Персию и обратно» Адама Олеария, посла шлезвиг-голштинского герцога Фридриха III (издано в 1647 г. по следам событий 1634—1639 гг.). Олеарий в Европе считался «ориенталистом», ведь он изучил и русский, и персидский языки. Гравированный титульный лист подчеркивал общевосточный характер обеих стран, ибо бояре в огромных меховых шапках выглядели, на европейский взгляд, столь же экзотично, как и персидские вельможи в тюбанах.

При этом надо отметить, что подобный стиль был на Руси общепринятым, и дорогие восточные ткани были широко в ходу. У того же Олеария читаем описание первой торжественной встречи послов перед въездом в Москву: «Когда мы подошли на $\frac{1}{4}$ мили к городу, то мы застали стоявших сначала в очень хорошем строю четыре тысячи русских, в дорогих одеждах и на лошадях... Когда мы подвинулись вперед на выстрел из пистолета, подъехали два пристава в одеждах из золотой парчи и высоких собольих шапках... Для знатнейших людей при посольстве были поданы еще десять белых лошадей в русских седлах, покрытых золотой парчой... За лошадьми шли русские слуги и несли попоны, сделанные из барсовых шкур, парчи и красного сукна»¹⁵⁷. А во время аудиенции, данной царем послам, «перед тронем его царского величества стояли четыре молодых и крепких князя, по двое с каждой стороны, в белых дамастовых кафтанах, в шапках из рысьего меха и белых сапогах, на груди у них крестообразно висели золотые цепи... У стен кругом слева и напротив царя сидели знатнейшие бояре, князья и государственные советники, человек с 50, все в очень роскошных одеждах и высоких черных лисьих шапках...». В ходе другой аудиенции, тайной, Олеарий увидел двух бояр и двух дьяков, «все одетые в весьма великолепные одежды: их кафтаны были из золотой парчи и вышиты очень крупным жемчугом и драгоценными камнями; большие золотые цепи крестообразно висели у них на груди. У каждого боярина на голове находилась шапочка (вроде наших калотт), вся вышитая крупным жемчугом, с драгоценным камнем на верхушке. Двое других [т.е. дьяки] сидели в обычных высоких черных лисьих шапках»¹⁵⁸.

Рассказывая о своем втором путешествии, Олеарий специально пару страниц отводит описанию русского костюма, отмечая склонность русских к украшательству: при изготовлении кафтанов и ферязей (не говоря уже о женском платье) в ход идут бархат и золотая парча, тафта, дамаст, атлас, каттун, киндяк, «кто как в состоянии завести его себе», а в оформлении используются золотые и жемчужные (!) шнуры, позументы, кисти, золотые тесьмы. У князей и бояр шапки из черного лисьего или собольего меха длиною в локоть. И даже сам царь в ходе венчания на царство торжественно и публично облачается в «богатый парчовый кафтан, отороченный кругом жемчугом и драгоценными камнями и подбитый совершенно черным соболем».

Очень интересно сравнить эти описания с подмеченными тем же автором визитами татарских и турецких послов. «Три татарские посла, без всякой пышности ездили представляться... Они поехали в Кремль в красных кафтанах из грубого сукна, но вернулись в кафтанах из шелкового дамаста, красных и желтых, подаренных им великим князем». Турецкий же посол был «с желтоватым лицом и с черною, как уголь, округленную бородою. Нижний кафтан его был из белого атласа с пестрыми цветами, верхний же кафтан из золотой парчи, подбитой рысьим мехом»¹⁵⁹. Типовое сходство одеяний именно турецкого посла с одеяниями русской знати бросается в глаза, и это, конечно, не случайное свидетельство восточной эстетической ориентации тех слоев русского общества, что определяли историю национального искусства. Недаром

¹⁵⁷ Адам Олеарий. Описание путешествия в Московию. – В кн.: Россия XVII века. Воспоминания иностранцев. – Смоленск, Русич, 2003. – С. 275—277.

¹⁵⁸ Там же, сс. 280, 287. Дамаст – род атласной ткани, обычно с цветочным рисунком.

¹⁵⁹ Там же, сс. 289—290.

еще Герберштейн отмечал, что из Турции «к Московитам вывозится очень много шелковых одежд».

Помимо описаний Олеария и картинок в его книге, есть немало и других свидетельств. Так, Исаак Масса сообщает, что на бракосочетание Лжедмитрия и Марины Мнишек московские «молодые господа» явились, «одетые в платья из золотой парчи, унизированные жемчугом, обвешенные золотыми цепями»¹⁶⁰. А Жак (известный у нас как Яков) Маржерет, служивший Лжедмитрию и хорошо успевший узнать Русь, Москву и Кремль начала XVII века, пишет: «Россия – страна очень богатая... Казна богата всякими шелковыми материями, золотой и серебряной парчой (персидской, турецкой), различного рода бархатом, атласом, камкой, тафтой и другими шелковыми тканями. В самом деле, их нужно громадное количество, ибо все служащие государю получают обыкновенно, кроме денежных окладов, парчовые одежды, или кусок бархата, камки, атласа – на кафтан. Этим же царь награждает как за военные, так и за гражданские заслуги... Если надобно принять какого-нибудь посла с особенным вниманием,... являются московские дворяне и главнейшие купцы в богатых одеждах... Каждый дворянин имеет три или четыре перемены кафтана; иногда им дают из казны платья парчовые, из золотой или серебряной персидской ткани, с высокой шапкой из черного лисьего меха; иногда одеваются в цветное платье, из объари, камлота или красного тонкого сукна нежного цвета, с золотыми вышивками...»¹⁶¹.

Во всех этих словесных картинах бросается в глаза сама текстильная терминология восточного происхождения. Например, дамаст, камка (арабское: ткань), тафта (персидское: ткань, сотканное) – глянцевое полотно, каттун – хлопчатая ткань, объарь (от персидского: струйчатый, волнистый, блестящий), камлот – тонкая ткань из верблюжьей шерсти (камал – верблюды) и т. д. Нет ничего удивительного, что импортированный с Востока материал, с которым работали русские портные, обращал их внимание и на импортные же технологии, и на восточные модели одежды. Уж заимствовать, так заимствовать.

Можно назвать и иные литературные и изобразительные источники, свидетельства, позволяющие познать и проникнуться эстетикой русского костюма XVI—XVII вв., однозначно связывающей нас именно с Востоком, а вовсе не с Западом. Например, альбом шведского инженера Эрика Пальмквиста «Заметки о России» (1673), полный зарисовок сцен русского быта времен Алексея Михайловича. Сохранились и живописные портреты русских вельмож – это посол в Англии Григорий Микулин (неизвестный художник, 1600—1601), посол в Венеции Иван Чемоданов (художник Ю. Сюттерманс, 1656—1657), участники посольства в Англию князь Петр Прозоровский, Иван Желябужский, дьяк Иван Давыдов и толмач Андрей Форот (неизвестный художник, 1662), посол в Испании и Англии Петр Потемкин (художники Х. Карреньо де Миранда, 1681—1682, Г. Неллер). Известна картина Сибранда ван Бееста «Приезд посольства царя Московии на заседание представителей Штатов в Гааге, 4 ноября 1631». Всюду русские люди предстают в костюмах восточного типа, исполненных из восточных тканей – бархата, парчи, расшитых жемчугом и драгоценными камнями, цветным шелками, золотом и серебром, с накладками из драгметаллов.

Но вот что интересно: не только знать или государевы люди одевались в дорогие импортные ткани. Известнейший памятник древнерусской дидактической мысли – «Домострой», написанный воспитателем царя Ивана IV попом Сильвестром, был обращен, как известно,

¹⁶⁰ Исаак Масса. Краткое известие о Московии. – В кн.: Россия XVII века. Воспоминания иностранцев. – Смоленск, Русич, 2003. – С. 207.

¹⁶¹ Жак Маржерет. Состояние Российской державы и Великого княжества Московского. – В кн.: Россия XVII века. Воспоминания иностранцев. – Смоленск, Русич, 2003. – С. 37. Маржерет изучил русские сокровища вполне практически и знал, о чем судил. По словам князя Дмитрия Пожарского: «Яков Маржерет, вместе с польскими и литовскими людьми, кровь крестьянскую проливал и злее польских людей, а в осаде с польскими и с литовскими людьми в Москве от нас сидел, и награбившись государские казны, дорогих узорочей несчетно, из Москвы пошел в Польшу...».

к самой широкой публике и постоянно был востребован отнюдь не только в кругах высокопоставленной и богатой части населения. Однако мы читаем там такие, например, наставления по адресу хорошей, домовитой жены: «А рубашки нарядные мужские и женские и штаны – все то самой кроить или кому поручать при себе кроить, а различные остатки и обрезки, камчатые и тафтяные, дорогие и дешевые, золотые и шелковые, белые и крашеные, пух, оторочки и спорки, и новое и старое, – все было бы прибрано: мелкое – в мешочки, а остатки свернуты и связаны, и все сочтено, разобрано и припрятано»¹⁶². Отсюда явствует, что красивый привозной текстиль доходил и до русских людей среднего достатка, был для них привлекателен; с ним в русские массы проникала вообще восточная эстетика, представления о красоте.

Достоин внимания также свидетельство Олеария о том, что повелением тогдашнего патриарха иностранцам было запрещено покупать и носить русские наряды, и поэтому все иностранцы отныне должны всегда ходить одетые в свои национальные костюмы, чтобы с первого взгляда отличаться от русских¹⁶³. Это ясно говорит нам: эстетическое своеобразие русского костюма воспринималось как русскими, так и людьми Запада в качестве достоверного этно-разграничительного маркера.

Впечатление о России как о стране Востока, установившееся во многом именно благодаря такому костюмному своеобразию, закрепилось у европейцев на века¹⁶⁴. Так, например, побывавший в России в 1758—1763 гг. художник Жан-Батист Лепренс исполнил, вернувшись во Францию, немало гравюр на русскую тему в изобретенной им технике акватинты. В том числе знаменитый лист «Русский танец» («*La danse russe*», 1769), где персонажи почему-то одеты по-турецки и даже носят чалму. Лепренс видел русских собственными глазами и отлично знал, что они одеваются совсем не так, но явно шел навстречу ожиданиям покупателей, которые хотели видеть в русских жителях привычное им представление о России как о стране Востока, а отнюдь не Запада.

* * *

Текстиль. Что имеется в виду, когда мы предполагаем воздействие восточной эстетики на русский ум и душу, на русское понимание прекрасного, происходившее под влиянием шедевров текстильной промышленности Турции и Персии? Какие художественные импульсы источали они? Об этом со знанием дела поведали составители каталога-путеводителя по Оружейной палате Московского Кремля, где в немалом количестве сохраняются лучшие образцы:

«Иранские ткани в коллекции Оружейной палаты относятся к XVII веку, времени расцвета иранского ткачества в городах Кашан, Исфахан, Тавриз и Решт. Иранский атлас, бархат, тафта, камка, парча отличались необычайной изысканностью, в их орнаменте преобладают растительные мотивы – изображения гвоздик, тюльпанов, нарциссов, ириса, гиацинта, шиповника. Ткани были обычно нежного тона: голубого, бледно-розового, светло-синего, светло-зеленого, с мягким блеском металлической нити...

На Руси в XVII веке большим спросом пользовались также турецкие ткани. В собрании Оружейной палаты они представлены особенно полно. Турецкие атласы, бархаты, алтабасы отличаются декоративностью и яркостью красок. Как и в иранских тканях, здесь преобладает растительный орнамент, но узор крупнее и насыщеннее по цвету. Часто встречается орнамент в виде двенадцатиконечных звезд и распустившихся гвоздик. Символом счастья считался орнамент, выполненный в виде плода граната. Чем крупнее был узор, тем дороже ценилась ткань»¹⁶⁵.

¹⁶² Домострой. – М., Издательский дом «Экономическая газета», 2000. – Сс. 153—154.

¹⁶³ Адам Олеарий. Там же, с. 352.

¹⁶⁴ Показательно, к примеру, что во Франции русский язык и Россию изучают, главным образом, в рамках организованного еще при Наполеоне ИНАЛКО (Национального института восточных (!) языков и цивилизаций).

¹⁶⁵ Каталог-путеводитель по Оружейной палате Московского Кремля: http://www.armoryhall.ru/52_v46_russia_paint_shitye_art_collection.html

Нельзя не вспомнить при этом, что растительный орнамент был излюблен на Руси со стародавних времен: мы встречаем его на самых ранних памятниках русского изобразительного искусства, таких, как иллюминированный манускрипт и церковная фреска, уже с X—XI вв. Под воздействием образцов восточного ткачества русский орнамент в XVI—XVII вв. (вероятно и ранее, но предметно судить трудно за недостатком образцов) обрел особую пышность и изобретательность, обогатился новыми мотивами. Что проявилось как в ювелирном и оружейном деле, так и в росписях внутренних покоев царей и знати, стен и колонн церковных строений (об этом ниже.)

Как мы помним, одним из центров международной торговли, откуда еще на Русь Ордынскую поступали восточные ткани, испокон веку была Астрахань. Таким образом, можно утверждать, что веяния Востока шли в наш народ задолго до появления первых изображений одетых в турецкие ткани русских людей. Турецкий, персидский текстиль служил одним из главных проводников восточного понимания красоты. В то же время контакты с Западной Европой, в том числе торговые, были до середины XVI века сравнительно ограниченными, и лучшие произведения европейского текстиля – итальянские, испанские бархаты, а позднее и аксамиты¹⁶⁶ долго не могли конкурировать с восточными тканями. В основном они попадали к нам в виде посольских даров царям, в незначительном количестве. Французское ткачество, резко своеобразное, вообще выдвинулось вперед лишь с середины XVII столетия.

Что же касается самой Руси, вынужденной задорого покупать драгоценные привозные ткани, то не слишком успешные попытки наладить их производство у себя начались только в конце XVII века, а регулярное их производство удалось наладить уже в следующем столетии, в век стремительной вестернизации нашей страны.

Так что не будет ошибкой сказать, что господство на русском рынке восточных тканей (а с ними восточных эстетических мотивов) было в XVII веке преобладающим, но в XVI – полным.

* * *

Одежда. Итак, что же представлял собою костюм высших слоев русского общества, которым все остальные подражали по мере своих сил и возможностей¹⁶⁷?

Свидетельствует Джильс Флетчер (1548—1611), чье сочинение «*Of the Russe Common Wealth*» (у нас переводят как «О русском государстве») появилось в Лондоне в 1591 году:

«Бояре одеваются таким образом. Во-первых, на голову надевают тафью, или небольшую ночную шапочку... Сверх тафьи носят большую шапку из меха чернубурой лисицы (почитаемого за лучший мех) с тиарою или длинною тульею, которая возвышается из меховой опушки наподобие персидской или вавилонской шапки... Кафтаны шьются обыкновенно из золотой парчи и спускаются до самых лодыжек. Сверх кафтана надевают распашное платье из дорогой шелковой материи, подбитое мехом и обшитое золотым галуном: оно называется фerezью... Сапоги, которые носят... делаются из персидской кожи, называемой сафьян, и вышиваются жемчугом (выделено мною. — А.С.)»¹⁶⁸.

В Оружейной палате сохранилась любимая ферязь или фerezья Ивана Грозного, изготовленная в царичьих мастерских палатах. Она впервые упомянута в середине XVI века в связи с торжественным выходом Ивана Васильевича, и затем чаще других одежд упоминается

¹⁶⁶ Аксамит – род шелковой ткани, сплошь затканной пряченым золотом или серебром. Пряченым золотом или серебром называлась тонкая шелковинка, обмотанная золотной или серебряной нитью.

¹⁶⁷ О том, что такое стремление было неотъемлемо присуще как верхам, так и низам общества, говорит пример Стеньки Разина, обзаведшегося при первом же случае знаменитой своею роскошью шубой на соболях, крытою золотой персидской парчой. Шуба послужила предметом зависти астраханского воеводы князя Ивана Прозоровского и вошла в историю коррупции на Руси.

¹⁶⁸ Джильс Флетчер. О государстве русском. // В кн.: Бочкарев В. Н. Московское государство XV—XVII вв. – СПб., 1914. – С. 115.

в описях имущества царя. Вероятно, она являлась одним из его парадных платьев. Ферязь, что характерно, сшита из тонкой гладкой с отливом персидской тафты.

Ферязь особенно входит в моду в XVII веке, знать нередко строила ее, расшитую жемчугом и драгоценными камнями, из парчи, подбивала мехом.

Если в обычные дни царская одежда ничем не отличалась от боярской, то в случае венчания на царство или приема иностранных послов требовалось одевать «платно» – особый вид одежды, дозволенный только царям. Платно шили из драгоценных восточных тканей – парчи, аксамита и алтабаса в виде длинной, расширенной книзу распашной одежды с широкими короткими рукавами.

Важно подчеркнуть в данной связи, что, как пишут составители путеводителя по Оружейной палате, «идеал красоты на Руси предполагал статную фигуру, гордую осанку, плавную походку, поэтому были приняты длинные свободные одежды, не подчеркивающие формы тела. Покрой большинства одежд допетровской эпохи (за исключением придворных) был общим для всех слоев населения. Одежда боярина и простолюдина различалась в основном качеством тканей, украшениями и числом надеваемых предметов туалета. Простой народ шил одежду из льняного полотна, пестряди (ткани, сотканной из ниток различных цветов), домотканой шерсти. Одежду для феодальной верхушки изготавливали из дорогих привозных тканей».

В частности, шубы, которые носили все слои населения, небогатые крестьяне покрывали в лучшем случае сукном (а то и носили нагольные тулупы), а бояре и духовенство – парчой или бархатом.

Приметной особенностью русского костюма всех слоев населения были т.н. «нашивки» – поперечные полосы спереди по числу пуговиц, иногда с завязками в виде кистей. Название этих полосок менялось: до XVII века их называли «образцами», а со временем, поскольку в нашивке обязательно была петля для пуговицы, их стали называть «петлицами». Нашивки служили своеобразным украшением, их изготовление было делом творческим. Производились они из тесьмы длиной примерно 14—15 см и шириной в 5—7 см, нашивались по обеим сторонам одежды. При этом нередко использовались золотные ткани, тесьма украшалась узорами в виде трав, цветов и т. д. На старых гравюрах видно, что нашивки могли заканчиваться у пояса, а могли следовать и по всей длине до подола и даже на боковых вырезах. Иногда нашивки представляли собой особое плетение шнура с фигурными, затейливыми узлами.

Нашивки, однако, не были оригинальной выдумкой русских: эта деталь костюма издавна была в употреблении на Востоке. Не случайно, скажем, в XVII веке на Руси большой спрос имели нашивки «кызылбашские» (т.е. персидские), а на Москве в 1650-1660-е годы даже проживали и держали русских учеников кызылбашские рукодельники: нашивочных дел мастер Мамададей Анатов, шелкового и тесьмяночного дел мастер Шебан Иванов с шестью товарищами. Так сказать, специалисты высшего класса.

Другой важной деталью русского костюма, но тоже, как правило, восточного производства, были пояса, кушаки, которыми в несколько раз подпоясывали распашные зипуны – основной вид одежды, носившийся поверх рубашки. В моде у народа были и тюбетейки.

Поверх зипунов носились кафтаны. Наиболее ранним в кремлевской коллекции является восточный кафтан XVI века: он изготовлен из нежно-голубого иранского атласа, узор выткан шелком и золотом. Восточные кафтаны – не редкость на Руси, а поскольку по своему крою они не слишком отличались от русских, то их носили, не переделывая. Обратим внимание, что само слово «кафтан» – тюркского происхождения; потрясающая коллекция драгоценных кафтанов из лучших тканей хранится в султанском дворце Топкапы. У них нарочито длинные рукава, что перешло и в русскую моду: выражение «работать спустя рукава» пошло именно от этого. Ведь рукава делались с таким расчетом, чтобы руки можно было продеть в специальные прорезы, а оставшиеся длинные «трубы» завязывали узлом на спине.

Было бы ошибкой забыть в этом кратком очерке об особой категории русских людей, чей внешний облик постоянно был перед глазами народа и воздействовал на его эстетическое сознание: это духовенство, особенно высокоранговое. Представая на праздничных высокостепенных службах перед многими тысячами глаз, русские церковные иерархи поражали своим великолепным видом, но... значительную роль в этом впечатлении играли восточные ткани, из которых (или на базе которых) создавались их парадные одеяния.

Так, к примеру, из турецкого атласа была сшита фелонь густо-красного цвета с крупными золотыми разводами, подаренная Борисом Годуновым в Архангельский собор на помин души царя Федора Иоанновича в 1602 году. Да и сам царь Борис, судя по «Переписной книге казны боярина Бориса Федоровича Годунова» (РГАДА), предпочитал носить вещи «турецкого» и «кизилбашского» (персидского) дела¹⁶⁹. Из такого же атласа, который, видимо, полвека сохранялся как большая ценность в виде отреза, сшит саккос патриарха Никона, подаренный ему в 1653 году царем Алексеем Михайловичем в селе Коломенском. Саккос патриарха Иоасафа I (1634—1640) выполнен из алтабаса, где белые клейма на темно-красном фоне, затканые букетами гвоздик, выполнены в технике аппликации. Из персидского алтабаса сшит саккос патриарха Иоакима (1674—1690). К наиболее ценным в собрании Оружейной палаты относятся также стихари из персидской материи: один, принадлежавший патриарху Адриану, из полосатой шелковой ткани, украшенной мелкими цветами ириса и гвоздики; другой из нежно-голубого шелка, усыпанного гвоздиками на длинных стеблях.

Характерно, что такой национальный русский вид рукоделья, как шелковое шитье, нередко подражал узорам турецких тканей (например, фелонь патриарха Иоасафа).

Одежда, мода всегда были важнейшими элементами любой национальной культуры, им придавалось немалое значение и на Руси. В одной только Сретенской слободе в Москве в XVII в. жили 5 дворов кафтанников, 4 двора скорняков, по 2 двора сабельников и седельников, по 1 двору суконник и шапочник¹⁷⁰. Все они обслуживали окрестное население, способствуя распространению некоего национального стандарта в облачении. И так было в каждой слободе, в каждом приходе. Стандарт этот, как мы убедились несомненно, имел восточный колорит. Недаром в знаменитой книге С. Герберштейна о России, изданной в XVI веке, мы находим гравюру, изображающую встречу европейского посла, в типичном для Европы того времени костюме, – и представителя русской знати, одетого как турок и даже в большой чалме с пером. Так художник подчеркнул внешние отличия двух миров, бросившиеся в глаза автору знаменитых «Записок».

* * *

Особого внимания заслуживает внешний вид русских великих князей и царей.

В любой биологической популяции особи всех рангов всегда имеют в поле зрения своих альфа-самцов и наперегонки берут пример именно с них, а не с кого-либо еще. Не иначе обстоит дело и в человеческом сообществе. Поэтому так важно представлять себе, как одевался и как выглядел московский царь, ведь его образ служил образцом для всего населения, искавшего и находившего в нем представление о величии, могуществе, великолепии, красоте и о должном.

Царь всея Руси предстал перед знатью и народом главным образом во дворцах и храмах, во время торжественных шествий и военных походов. Его видели восседающим на троне, на царском месте в церкви или в седле на коне. Он мог быть в зимней или летней одежде. На его голове можно было видеть различные царские шапки или корону. Он мог быть облачен в доспех, носить оружие. Как же выглядели при этом наши цари до Петра Великого, более всех одежд возлюбившего мундир преображенца?

¹⁶⁹ На это указывает Н. Ю. Болотина (Борис Годунов. От слуги до государя Всея Руси. – М., 2015. – С. 132).

¹⁷⁰ Венгеров А. А., Венгеров С. А. Житье-бытье московское. – М., ИНТО, 1994. – С. 36.

О русском, в том числе царском, вооружении разговор впереди. Что же касается одежд невоенного типа, здесь царский костюм типологически не отличался от боярского, только тщательность отделки была высочайшая, на нее не жалели драгоценных камней, жемчуга, золотых пуговиц и т. п. В целом впечатление восточной роскоши главенствовало. И в этом отношении особое место, конечно же, принадлежало царским шапкам. Сегодня некоторые, самые главные из них можно увидеть в витрине Оружейной палаты в Кремле. Очень важно подчеркнуть их однозначно восточное происхождение и вид.

Самая знаменитая из них – «Шапка Мономаха». О ней написано немало, выдвигались разные гипотезы ее создания, появления. Сегодня главенствует представление о том, что шапку эту получил московский князь Иван Калита от Узбек-хана в награду за участие в подавлении тверского восстания. Монгольское происхождение шапки подтверждает историк Г. Ф. Валеева-Сулейманова, опираясь на исследования т. н. Симферопольского клада, по аналогии с имеющимся в нем головным убором. Согласно работам историка И. А. Бобровницкой, золотые пластины шапки были частью головного убора Чингизидов Золотой Орды. По мнению ведущего научного сотрудника Эрмитажа М. Г. Крамаровского, шапка была создана в Крыму или одном из городов Поволжья в XIV—XV вв. Имеется также гипотеза, будто «Шапка Мономаха» была собрана в Москве из деталей шлемов сыновей Ивана Красного, но это не объясняет общего впечатления «восточности» уникального головного убора русских царей, нарушаемого разве что крестом, вставленным в ту втулку, куда монголы обычно вставляли перья. Впечатление это подчеркивается растительным и геометрическим орнаментом, выложенным золотой филигранью на секторальных пластинах, из которых собрана шапка; тем более что на одной из пластин мы отчетливо наблюдаем такой чисто восточный символ, как магендовид – два полых треугольника, образующие шестиконечную звезду.

Первое, что бросается в глаза при взгляде на эту важнейшую царскую инсигнию, это ее абсолютная несопоставимость с коронами западных potentatov любого ранга. Строго говоря, это вообще не корона, а нечто совершенно особое. Представить подобный убор на голове какого угодно европейского властителя просто невозможно. Зато по описанию Герберштейна мы знаем, что данная регалия изначально имела зубчатый венец, какие имелись у всех увенчаний мусульманских владык Ближнего Востока и Средней Азии с XIV по XVII век. Шапка Мономаха одевалась царем лишь однажды, именно в день венчания на царство. Ею в Успенском соборе Кремля венчали многих русских монархов, начиная с сына Ивана Третьего Димитрия и включая даже Лжедмитрия Первого. Для венчания юного царя Петра был специально изготовлен дублет, поскольку оригинал достался его старшему брату Ивану.

В еще большей степени восточный колорит проявляется в «Казанской шапке», изготовленной, по-видимому, татарскими мастерами для подношения Ивану Грозному сразу после взятия им Казани и принятия титула царя Казанского (ранее титул «царь» принадлежал только чингизидам). Мелкий цветочный черновой орнамент, которым украшена золотая тулья, исполнен в восточном стиле. Но главной характерной особенностью шапки являются ажурные пластины, расположенные на тулье двумя ярусами. Некоторые (небесспорно) находят в них сходство с кокошниками, похожими на «городки», распространенные в русской архитектуре и прикладном искусстве. Но сама идея ярусов, небывалая в русском костюме, имеет, видимо, турецкое происхождение.

Дело в том, что, как можно судить по гравированному портрету султана Сулеймана Великолепного, сработанному в 1532 и скопированному Агостино Венециано в 1535 году, подобная парадная шапка – диковинная помесь короны с папской тиарой, сделанная в Венеции, – украшала голову турецкого владыки. Видимо, тем самым Сулейман заявлял претензии как на италийский Рим, так и на Священную Римскую Империю (недаром шапка надевалась на приемах имперских послов). Между тем, для Ивана IV Сулейман во многом был образцом для подражания. Правомерно предположить, что «он заказал итальянцам гравированный портрет султана,

и захватив Казанское ханство, заказал корону, как у властителя исламского мира»¹⁷¹. Такая своеобразная «корона», выполненная восточными (ордынскими) мастерами в своей традиции и преисполненная восточных мотивов, должна была представить московского царя повелителем не только православных, но и мусульман в его царстве.

Аналогично обстоит дело и с «Астраханской шапкой» (она же – венец «Большой наряд»), изготовленной в 1627 году для Михаила Федоровича в память покорения Астраханского ханства. Золотая шапка, украшенная 177 драгоценными камнями и жемчужинами, также имеет двухъярусный венец, а к нижней части внешнего каркаса еще добавлена диадема с восемью зубцами (опушка традиционная – из соболя).

Для Ивана V, старшего брата Петра I, была сделана из аналогичных соображений и по тому же принципу еще и «Сибирская шапка».

Итак, мы видим, что все основные парадные царские шапки-регалии были так или иначе связаны с восточными мотивами. Правда, в источниках отмечена еще и «имперская корона», имеющая, напротив, западное происхождение: по свидетельству архиепископа Арсения Элассонского, она была изготовлена по образцу цесарской и подарена императором Рудольфом Вторым (1548—1611) Ивану Грозному. Как корона выглядела, в точности не известно, только имперский посол Пернштейн заметил, что роскошью она превзошла короны других европейских государей. Но на русских царях она была отмечена лишь дважды: во-первых, Иван Грозный принимал в ней как-то раз иностранцев, а во-вторых, ею был венчан на царство западный ставленник Лжедмитрий (уходя из Москвы в 1612 г., поляки прихватили ее с собой). Впрочем, Лжедмитрия венчали в день коронации трижды. Шапкой Мономаха, имперской короной и Казанской шапкой, видимо, чтобы угодить обеим заинтересованным сторонам: нерусской и русской. Но об этом персонаже речь впереди.

Не только головной убор царя, но и весь его внешний облик поражал европейца, являя перед ним роскошный образ восточного владыки. Вот два примера, относящиеся к самому концу XVI столетия. Перед нами словесные зарисовки, сделанные участником имперского посольства в Москву в 1593 г. С. Гизеном. Они убедительны.

Царь Федор Иоаннович: «На престоле, возвышенном на три ступени и украшенном сверху донизу золотом, жемчугом и драгоценными камнями, сидел великий князь в царском убранстве; на голове имел золотой венец, выложенный алмазами, притом очень большими; в руке держал золотой скипетр, тоже украшенный драгоценными камнями; кафтан на нем был красный бархатный, сплошь шитый крупным жемчугом; на шее висело несколько дорогих камней, оправленных в золото и расположенных в виде цепи или ожерелья. На двух передних пальцах левой руки его было по большому золотому перстню со смарагдом...».

Правитель Борис Годунов: «На нем было такое платье: во-первых, на голове была надета высокая московитская шапка с маленьким околышем из самых лучших бобров; спереди у ней вшит был прекрасный большой алмаз, а сверху его – ширинка из жемчуга шириной в два пальца. Под этою шапкой носил он маленькую московитскую шапочку, а в промежутках у них вставлены драгоценные камни. Одет он был в длинный кафтан из золотой парчи с красными и зелеными бархатными цветами. Сверх этого кафтана надет на нем еще другой, покороче, из красного с цветами бархата, и белое атласное исподнее платье. У этого кафтана снизу и спереди, кругом и сверху около рукавов было прекрасное жемчужное шитье шириною в руку. На шее надето нарядное ожерелье и повешена крест-накрест превосходная золотая цепочка, пальцы обеих рук были в кольцах, большею частью с сапфирами...»¹⁷².

¹⁷¹ Горелик М. «Шапка Казанская» Ивана IV Грозного из Оружейной палаты». – *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, №2, 2014.

¹⁷² Гейс С. (Гизен). Описание путешествия в Москву посла римского императора Николая Варковича // *Иностранцы о древней Москве*. С. 134—135.

Ни один европейский potentant (особенно из протестантов) не одевался с подобной вызывающей пышностью и богатством: это, конечно, был знак и образ Востока.

Думается, что данный краткий очерк русской моды в интересующий нас период дает все основания считать, что русские люди – от царей и до самых простых людей – находились под обаянием турецкой и персидской, одним словом восточной, эстетики.

Этот вывод будет усугублен дальнейшим исследованием.

Оружие

К теме текстиля и одежды близко примыкают две другие: тема лицевого шитья, поскольку речь идет о материале, и тема вооружений, поскольку речь идет о внешнем облике русских людей. Однако лицевое шитье – настолько оригинальный вид русского искусства, что говорить здесь о восточных влияниях (если не иметь в виду православный Восток) не приходится. Иное дело – оружие, где эти влияния проявились едва ли не максимально.

Особая, сугубая и трогубая важность оружейной темы очевидна; это отразилось на объеме данного раздела. Во все века оружейное дело служило не только локомотивом прогресса, но и индикатором цивилизационного развития этноса, нации. И ориентация на мировых лидеров была здесь важна, как нигде более. Ведь речь шла не просто об отвлеченной красоте: от совершенства русского оружия напрямую зависела жизнь и свобода нашего народа.

О том, как и чем вооружались русские люди в XVI—XVII вв., дают представление как гравированные изображения, встречающиеся на географических картах и в посвященных России книгах, так и письменные источники, и даже некоторые иконы¹⁷³. А кроме того, в музеях России хранятся многие дошедшие до нас подлинные образцы. В целом этот вопрос изучен весьма полно и подробно, имеется обширная литература¹⁷⁴. В нашем случае, коль скоро объект внимания – оружие именно как искусство, чрезвычайно ценным является описание образцов высокохудожественного оружия, хранящегося в Оружейной палате Московского Кремля¹⁷⁵ (ссылаясь на этот источник, я буду использовать аббревиатуру ОПМК и номера по каталогу).

Оружие той или иной социокультурной группы – важный этноразграничительный маркер, позволяющий заявить о национальном своеобразии. Яркие примеры – бумеранг аборигена Австралии, турецкий ятаган, японская катана, непальский кукри или яванский крис, но подобных примеров можно привести множество.

Вооружение Руси (руси) времен князей Святослава Хороброго, Владимира Святого, Ярослава Мудрого мало отличалось от европейского – во многом из-за тесного общения русских с викингами, варягами, но в еще большей степени из-за общности происхождения от одного европеоидного корня. Хотя, скажем, такой закованной в латы конницы, как византийские катафракты, русское войско не знало, но что касается романского Запада, тут, как уже говорилось, технологического либо эстетического противоречия не наблюдается.

Но уже в конце домонгольского и в ордынский период русское вооружение в целом отмечено бросающимся в глаза своеобразием. Оно теперь совсем не было похоже на вооружение людей Запада, разительно отличалось от него, причем все больше век от века. Русские витязи не носили таких шлемов с забралами, как западные рыцари, не прятали в кольчугу все тело с головы до пят. Мы в массе своей не знали поножей, обходясь сапогами, не одевали кованые латы, защищающие ногу от паха до носка. Правда, использовались т.н. бутурлыки, кованые поножи, защищающие голень и икру, но крайне редко, а наколенники и того реже. На картине Павла Корина фигура Александра Невского, закованного в броню с головы до пят, чтобы производить впечатление вылитого из стали героя, не соответствует в целом исторической правде

¹⁷³ Например, на сюжет «Битва новгородцев с суздальцами» или с изображением воинов-святых – Борис и Глеба, Александра Невского и др.

¹⁷⁴ Например: Беляев И. Д. История военного дела от воцарения Романовых до Петра Великого. – 2-е изд. – М., Либроком, 2011; Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. – Ч. 1. – 2-е изд. – М., Кучково поле, 2008; Волков В. А. Войны и войска Московского государства. – М., Эксмо; Алгоритм, 2004; Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII – XV вв. – Л., Наука, Ленинградское отделение, 1976; Скрынников Р. Г. На страже московских рубежей. – М., Московский рабочий, 1986 и мн. др.

¹⁷⁵ Комаров И. А. Вступительная статья к кн.: Государева Оружейная палата. – СПб., Атлант, 2002. Здесь же – описание 100 избранных предметов по отдельности, данное лучшими специалистами соответствующего профиля.

именно из-за этого: ноги русского князя никогда не могли бы выглядеть, как у немецкого рыцаря¹⁷⁶.

Вообще, достаточно поставить рядом манекены, одетые один – в воинский наряд русича, а другой – в рыцарский доспех или в костюм ландскнехта, и вопрос о различии традиций и вкусов решится сам собой ввиду полной очевидности¹⁷⁷.

Отличия русского вооружения от западноевропейского можно перечислять долго. У древних русичей чаще использовалась иная, чем у европейцев, форма щита – круглая или перевернутая каплевидная¹⁷⁸, мы не изготавливали двуручных мечей, «пламенеющих» клинков. Мало или почти совсем не применялись арбалеты (запрещенные папой римским как оружие исключительно антигуманное, они, однако, были штатным вооружением всех западных войск). Зато русская конница, как и татарская, в обязательном порядке имела на вооружении луки, чего не было на Западе. Очень популярны в западных армиях были алебарды всех сортов – гизармы, глефы и проч., но в русской армии мы их не видим практически вообще. У русской же пехоты были широко распространены рогатины и топоры, у конников – легкие топоры, которых, напротив, мы не видим у рыцарей. В XVI веке у нас появляются бердыши, не популярные ни у каких других народов, – своеобразная трансформация боевой секиры, постепенно удлинявшейся, в том числе в части лезвия¹⁷⁹, снабженного двузубым наверхием наподобие вилки (оно служило опорой для пищали), скважинами и орнаментом по лопасти. Правда, историки оружия отмечают их сходство с ранними европейскими алебардами конца XIII – начала XIV вв., но временной разрыв таков, что говорить о каком-то заимствовании не приходится. Первые упоминания о бердышах относятся к последнему этапу Ливонской войны; во второй трети XVII века они уже становятся типовым массовым вооружением стрельцов, более эффективным, чем простая сабля. На Западе широко использовались разные кинжалы, в том числе очень своеобразные, специальные: даги, мизерикордии, стилеты и т.п., у русских же они не были распространены, хотя мог использоваться подсадачный нож, длинный, граненый и без гарды, как большое шило, не имеющий аналогов в Европе. Характерной приметой русского воина было древковое ударное оружие – разнообразные булавы, шестоперы, перначи, клевцы и чеканы у конников, а у простолюдинов – самодельные палицы-ослопы. То же можно сказать и о гибко-суставчатом оружии: кистенях (с рукояткой), «гасилах» (простая петля с гирей, без рукоятки) и боевых цепях. И т. д.

Словом, можно с уверенностью говорить о глубоком своеобразии русского боевого холодного оружия по сравнению с западным, с которым нас роднит только одно: основным вооружением пехоты в бою было длинное копье¹⁸⁰. Но этот общий момент не является стилиобразующим, поскольку имеет, скорее, всемирный характер. А уж что касается внешнего вида,

¹⁷⁶ В XV—XVI вв. отличия достигли своего максимума, особенно с появлением т.н. «максимилиановского» доспеха в Европе.

¹⁷⁷ В Оружейной палате хранится полный рыцарский доспех, но... детский (ОПМК №27), который, по мнению некоторых исследователей, мог быть сделан на заказ для маленького царевича Алексея Михайловича в 1634 году. Но в 1-й трети XVII века ни в одной стране Европы никаких доспехов уже давно никто не носил: это ведь была эпоха мушкетеров. Вспомним, что Дон Кихот, добывший на чердаке и отчистивший старые доспехи, выглядел в глазах современников совершенно нелепым анахронизмом, а ведь Сервантес писал свою книгу еще в XVI веке и выпустил в 1605. Так что вряд ли еще через тридцать лет для русского царевича стали бы делать полный европейский доспех даже как игрушку.

¹⁷⁸ Европейцы, использовавшие круглые щиты еще во времена викингов, практически отказались от них уже в эпоху крестовых походов. Интересно: по мнению современных историков оружия Кирпичникова и Надольского, крайне популярный в средние века щит «павеза» (высокий, четверугольный, с вертикальным желобом посередине) не пришел с Запада на Русь, а напротив, был создан на Руси в XII веке, откуда через Мазовию и Тевтонский орден распространился вначале в балтийском регионе, а потом и по всей Европе (Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII – XV вв. – С. 47).

¹⁷⁹ Длина лезвия бердыша, обычно составлявшая 40—50, максимум 80 см, в отдельных случаях доходила и до полутора метров.

¹⁸⁰ Эта особенность бросается в глаза, к примеру, на десятках иллюстраций батальных сцен, изготовленных Гансом Бургкмайром и мастерами его круга для книги «Weisskunig» («Белый король») в 1514—1519 гг.

облика воинов всех сословий, то уже ясно, что он был совершенно различным у них и у нас. Соответственно, мы можем говорить о том, что западные веяния до XVII века практически не затронули данную область русской жизни.

Чем объяснить все эти яркие отличия русского вооружения от западноевропейского? Ведь, казалось бы, взаимовлияние было неизбежно, поскольку вооруженные столкновения Руси с Западом (не говоря о Византии) начались как минимум в X веке, а значит было чему друг у друга учиться, было что перенимать. Но – нет, общий стандарт в течение целых семисот лет так и не сложился, у русских людей господствовали явно другие эстетические и практические предпочтения, чем у людей Запада, для них военный костюм западного соседа оказался органически (!) чужд.

Только с середины XVII века, в ходе русско-польских, русско-шведских войн, по мере создания регулярного строевого войска рейтарского типа, на тульско-каширских заводах стали изготавливаться западного образца кирасы, латные юбки, каски, шлемы, шпаги и проч. Но для основной массы войска это и тогда еще было нехарактерно. Впрочем, о нашей вестернизации – в своем месте.

А как обстоит дело с веяниями Востока? Прямо противоположным образом..

С приходом монголо-татар наши отличия от военного снаряжения Запада стали только усугубляться. Вобравшее в себя лучшие достижения китайской (в том числе тангутской, чжурчжэньской¹⁸¹) научно-технической и военной мысли, монгольское войско сегодня справедливо считается самым совершенным и лучше всех оснащенным в тогдашнем мире. Но все дело в том, что империя Чингисхана и его сыновей выступила вовне главным представителем китайской мегацивилизации вообще, ее ударной силой. Своеобразным – воинствующим и агрессивным – осуществителем именно китайской, по внутренней сути, заявки на мировое господство. Ведь то была первая прямая и открытая война Востока с Западом, настоящая война рас, и военное столкновение наглядно показало превосходство монголоидного Востока над европеоидным Западом. (Не в первый раз, замечу: китайцам приходилось громить римлян еще во II веке, когда их арбалетчики уложили два легиона, слишком далеко продвинувшиеся в зону китайских интересов.)

Волею судеб Русь оказалась восточным форпостом Запада в этом столкновении китайской и европейской цивилизаций. И приняла на себя первый, самый страшный удар. Преимущества восточного вооружения перед русским (а чуть позже и перед западным) были проявлены тогда столь наглядно и убедительно, что скоро стали активно перениматься нашими предками. Полнее и раньше, естественно, чем где-либо еще в Европе.

Для нашего исследования первостепенное значение имеет эстетический аспект вооружений, нам важно знать, как внешне выглядели, на что и на кого были похожи одетые в доспехи и снабженные оружием русские люди, как сочетались в их облике черты восточного, западного и самобытного русского происхождения. На этом и будем акцентировать внимание.

В соответствии с современной классификацией оружие разделяется на оборонительное и летальное (смертоносное). Итак...

* * *

Смертоносное оружие. Начнем с холодного, наиболее употребительного в те далекие века. Как мы помним, в домонгольской и Ордынской Руси в большом количестве производились высококачественные мечи, в том числе и на экспорт, поскольку их достоинства высоко ценились даже на Востоке. Правда, в северных регионах, напротив, был распространен импорт мечей с Запада. Примером чему служит превосходно сохранившаяся региональная псковская реликвия «меч Довмонта», единственный средневековый меч в музеях России, чья «биография» подтверждается летописными сообщениями. Меч в длину составляет 90 см., красивый,

¹⁸¹ Тангутские и чжурчжэньские технологии основывались на китайских изобретениях.

прямой, как игла, колюще-рубящий клиновидный клинок клеймен в немецком городе Пассау (Нижняя Бавария), обвитая проволокой из позолоченного серебра рукоять была украшена крупными драгоценными камнями. Владельцем меча был Довмонт-Тимофей, псковский князь (1266—1299), «муж доблести и чести безупречной, на немец лютый до смерти», в XVI веке причисленный к лику святых. С 1272 г. этот меч – символ победы над крестоносцами – висел перед главным алтарем Троицкого собора в Пскове. Вид этого княжеского меча смело можно назвать общеевропейским, ведь русские мечи подобного вида также были у нас в ходу.

Сабли, саадаки, булавы и др. Вскоре после начала монголо-татарского нашествия мечи на Руси стали быстро вытесняться саблями как более совершенным и эффективным оружием, полностью господствовавшим в войске пришельцев. И в Московском царстве в XV веке мечи уже практически не применялись в бою. Но сабля – вид оружия безусловно восточного происхождения, и ее родовые характеристики изначально и до XVIII века сохраняли печать Востока, даже те, что импортировались к нам из стран Восточной Европы (Венгрия, Польша). А в Западной Европе в том же XV веке изредка появлялись – нет, пока еще не сабли – но несколько искривленные обоюдоострые мечи, фальшионы (от латинского *falx* – коса) и гросс-мессеры, которые лишь спустя сто-двести лет, под воздействием боевого соперничества с Турцией, преобразуются в сабли с тяжелым клинком и корзинчатой гардой. Но очень скоро их совершенно затмит и вытеснит шпага. Крестоносная же эпопея, в продолжение которой европейцы близко познакомились с восточной саблей, не произвела революционных перемен в европейском вооружении, как это сделало татарское нашествие на Руси. И сближения в облике русского и западного воина на данной почве не произошло.

Итак, сабля в XV веке стала основным русским оружием. При этом более всего ценились булатные клинки, изготовленные на родине этого сорта оружия. Ведь в холодном оружии самое главное – это клинок, а в клинке самое важное – это сталь, а среди всех видов оружейной стали первенство несомненно принадлежит булату¹⁸². Лермонтов недаром написал о кинжале: «Булат его хранит таинственный закал – наследье бранного Востока». Именно там родился секрет как тигельного, так и сварочного булата.

Первый тип, именуемый «вутс» («лепешка», по-русски «крица»), – это литой булат. Он изготавливается путем варки в тигеле смеси сортов железа с разным содержанием углерода; такой булат имеет определенный рисунок внутренней структуры, одинаковый, в каком бы направлении ни разрезать эту «лепешку». Индо-арии научились делать вутс задолго до нашей эры; это технологическое преимущество (ноу-хау) позволило им, в частности, одолеть и изгнать из Индии Александра Македонского. Секрет тигельного булата был недоступен европейцам. Только в XIX веке его разгадал русский инженер П. П. Аносов на базе оружейных мастерских Златоуста. А до того тигельный булат поступал на рынок, в том числе в Россию, только из Индии и Персии, как в готовых изделиях, так и в слитках, вутсах-крицах.

Второй тип изготавливается путем многократной перековки и скрутки нескольких сваренных между собой полос железа, опять-таки с разным содержанием углерода, – это сварочный булат. Рисунок такого булата очень красив и разделяется по сортам: полосатый, струйчатый, волнистый, сетчатый, коленчатый¹⁸³. Самый высший сорт – коленчатый «кара-табан», с равномерно повторяющимся прихотливым рисунком спутанных серебристых нитей на черном фоне. Этот рисунок повторяется раз за разом – «коленами» – до сорока раз, образуя в этом случае «кирк нардубан» – «сорок ступеней» или «лестницу пророка». Стоили подобные

¹⁸² О холодном оружии Востока существует обширная литература. Интересующимся именно саблями и кинжалами можно рекомендовать чрезвычайно содержательную, основательную и детальную книгу-альбом коллекционера и большого знатока предмета К. С. Хайдакова «Шамширы» (М., Барс, 2013).

¹⁸³ Хайдаков К. С. Шамширы. – М., Барс, 2013. – С. 63. По происхождению булаты подразделяются на индо-персидские, сирийские, египетские, истамбульские, бухарские, позднее добавились кавказские.

клинки очень дорого, порой табуны лошадей; в ГИМе хранится небольшая сабелька из «кара-табана», подаренная царю Алексею Михайловичу персидским шахом.

Основным рынком, на котором европейцы покупали изделия из булата, был Дамаск (Сирия), славившийся производством оружия со времен Римской империи. Отсюда и возникло название «дамаск», «дамасская сталь», которое часто употребляется в отношении булатной стали независимо от ее качества и происхождения. А порой производится «дамаскировка» обычной стали, путем наведения характерного рисунка с помощью травления; подделывать дамасскую сталь пытались и в Европе, и в России¹⁸⁴, где качественный булат изготавливать самостоятельно не могли, а могли лишь перековывать восточные клинки и полосы для собственных нужд.

Итак, констатируем: именно восточные технологии изготовления холодного оружия были в средневековом мире непревзойденными, лучшими. И пока это было так, ориентироваться на Запад русским людям не было никакого смысла. И наоборот: ориентация на Восток была насущной жизненной необходимостью. Русское правительство это хорошо понимало. В Расходной книге Оружейной палаты за 1625 г. записано, что мастер Оружейного приказа Тимофей Лучанинов пожалован отрезами венецианской тафты и английского сукна по возвращении из Персии, куда был послан «для наученья пищального и сабельного дела». Позднее, «в 1660 г. <...> троих учеников, снабдив деньгами на дорогу и проживание, отправили в Астрахань для обучения у местных мастеров секретам изготовления булатных клинков и панцирей»¹⁸⁵.

Мало того, опытных оружейников, способных передать русским свои умения и знания, приглашали работать в Оружейную палату; официальные документы XVI и, особенно, XVII вв. упоминают многих мастеров как с Запада, так и с Востока¹⁸⁶.

В чем-то опыт научения был, безусловно, успешным. В архивных описях Оружейной палаты нередко встречаются такие формулировки в отношении работ русских оружейников: ««на турецкое дело», «на кызылбашское дело» – это значит, что русский мастер выполнил свою работу по турецкому или иранскому образцу. Такого рода формулировки (варианты: «на турецкий выков», «на кызылбашский выков») чаще встречаются в описаниях холодного оружия: Россия раньше других европейских стран восприняла саблю и оценила ее боевые возможности. (Д. Флетчер отмечал сходство русских сабель с турецкими в конце XVI в., но изобразительные материалы первой половины XVI в. также отчетливо фиксируют это сходство.) Поразительные по качеству сабельные клинки, напоминающие работы лучших восточных мастеров, исполнял мастер первой половины XVII века Тренка Окатов (Акатов)»¹⁸⁷.

Вполне очевидно, что до указанного времени «русский булат» как таковой не мог существовать в природе, иначе к чему было посылать учеников? Но возникал ли он в дальнейшем, до изобретения Аносова в XIX в. – нерешенный вопрос. Возможно, мастера возвращались из Персии, овладев секретами производства булатов, а возможно – продолжали перековывать привозной дамаск, секрет изготовления которого им не раскрывали ни персы, ни арабы, ни другие владевшие им народы Востока. Последнее мне кажется ближе к истине. Во всяком случае, как пишут специалисты: «Особенно много клинков с отличными боевыми качествами поступало из Турции и Ирана. В мастерской Оружейной палаты было налажено специальное производство по изготовлению рукоятей, оправ и монтажке знаменитых восточных клин-

¹⁸⁴ В описях изделия из русского псевдобулата именуются как сделанные из «красного булата», «красного железа», «полосы булат синей Московский выков» и др.

¹⁸⁵ Ларченко М. Н. К вопросу о работе так называемых «польских» мастеров в Оружейной палате во второй половине XVII века // Государственные музеи Московского Кремля. Материалы и исследования. Вып. 4. – М., 1984. – С. 185–186.

¹⁸⁶ Russian arms and armour. Selection and introduction by Alexander Sedov and Mikhail Portnov. Notes on the plates by Elena Tikhomirova and Tatyana Martynova. – Л., Аврора, 1982. – С. 15. Книга составлена на основе экспонатов Оружейной палаты Московского Кремля и Государственного Исторического музея.

¹⁸⁷ Государева Оружейная палата. – СПб., Атлант, 2002. – С. 23–24.

ков»¹⁸⁸. При этом подчас импортировались даже некоторые нужные материалы: «Ящеры для отделки сабельных рукоятей и ножен покупались в Персии или выписывались из Астрахани... Они должны быть „гораздо зернисты и белы“»¹⁸⁹ (шкурки больших варанов использовались как галюшá – шлифованная шкура акул и скатов, которыми на Дальнем Востоке обтягивали рукояти мечей, кинжалов и т.д., чтобы не скользила рука).

Ясно одно: восточное оружие было для русских образцовым. Однако турецкую и тем более персидскую саблю мог себе позволить далеко не каждый. Разница в цене между отечественными и импортными саблями была очень существенной. Если полоса персидской булатной стали в середине XVII века стоила 3—4 рубля, то тульская сабля из передельной стали¹⁹⁰ – не дороже 60 копеек. Но это и понятно: ведь булаты отличались исключительной упругостью, прочностью, они великолепно держали заточку и даже обладали свойством самозатачиваемости, в то время как передельная сталь была либо мягкой, либо хрупкой, ломкой, и заточку держала отвратительно.

Привозные сабли были, как правило, трех типов: турецкие, персидские (шамширы) и польско-венгерские. Турецкие, как правило, характеризуются длинным (до 93 см), крупным и тяжелым, широким в обухе и полотно клинком с сильным изгибом в середине и ярко выраженной елманью (расширением в нижней трети клинка). Рукоять с длинным (до 22 см) перекрестьем часто имела массивное шарообразное навершие. На клинке, зачастую вовсе гладком, иногда выбирался один широкий, но неглубокий дол. Интересно, что такой ярко национальный тип турецкого холодного колюще-рубящего оружия, как ятаган, не прижился и не получил никакого распространения на Руси. Видимо, заложенная татарами традиция сабли настолько «обрусела», что не терпела конкуренции.

Персидская сабля или шамшир была другой: клинок относительно узкий, как правило без долов, длиной до 86 см, слабее изогнутый, утончающийся в последней трети конусовидно, без елмани; ручка легкая, обложенная чаще всего костью, с небольшим перекрестьем и сильно загнутым (под 75—90°) навершием, на который крепился род колпачка из серебра или иного металла. Есть мнение, что в шамширах генетически могли сохраняться элементы более ранних сабель ордынского периода. Шамшир более универсален в употреблении, чем турецкая сабля, которой очень хорошо рубить, но совсем не так хорошо колоть.

Третьим типом сабель являлись так называемые польско-венгерские, распространившиеся в Смутное время через польских интервентов. Их характеризует довольно равномерной ширины и некрутого изгиба клинок, изредка с небольшой елманью, и небольшая широкая рукоять, не имеющая в навершии упора, но довольно сильно наклоненная по отношению к клинку. Однако польско-венгерский тип сабель не слишком оригинален. Есть основания полагать, что венгерская сабля родилась как тип оружия в XV веке под воздействием турецкого нашествия (по аналогии с русской саблей, родившейся при решающем участии татар), а уже венгерская сабля повлияла затем как на становление польской сабли, так и на аналогичные клинки, изготавливавшиеся в Московии.

Как видим, основной вид смертоносного колюще-рубящего русского оружия – сабля – на всем своем историческом пути от самого зарождения всецело, прямо или опосредованно, был обусловлен Востоком.

¹⁸⁸ Мартынова Т. В., Тихомирова Е. В. Золотой век русского оружейного искусства. Царское оружие и конское убранство XVII века (из собрания Государственной Оружейной палаты). – М., Восхождение, Скрижали-С, СП «Эллис Лак», 1993. – С. 24 нenum. Мартынова и Тихомирова – научные сотрудники ОП. К сожалению, при подготовке макета книги издатели забыли про пагинацию: все страницы остались нумерованными, нумеровать их мне пришлось самому.

¹⁸⁹ Государева Оружейная палата... – С. 23.

¹⁹⁰ Передельная сталь получалась в результате кристаллизации жидкого чугуна (технология изобретена в Китае в VII в., в Европе применялась с XVI в.).

К сему стоит добавить, что с Востока пришел такой вид вооружения, как дротики. Восточного (татарского) происхождения был также комплект из налуча и колчана, именуемый «саадак». Саадаки были обязательной принадлежностью конного воина.

И – что интересно – влияние Востока преобразило даже такой традиционный вид русского ударного вооружения, как булава. Дело в том, что от домонгольского и ордынского периода сохранились только булавы-брусы, в то время как в России XVI—XVII вв. были в употреблении т.н. грушевидные булавы, чье появление связывается с турецкой военной традицией. Такого типа булавы «восточных форм» вначале, что естественно, стали популярны в Венгрии еще в XV веке, а затем уже в Чехии и Польше. Ну, а позднее транзит дошел и до нашей страны.

Другой вид ударного древкового оружия – боевой колюще-дробящий молот клевец или чекан – распространился в России к концу XVI века под влиянием, опять-таки, венгерско-польских образцов, бывших на вооружении у гусар. Этот род войск появился в Венгрии в 1548 г., а при польском короле венгерского происхождения Стефане Батории (1533—1586) сделался главной ударной силой польского войска. Клевец особенно эффективен против любого сорта латников. Русские, хорошо узнав его возможности в ходе Ливонской войны и осады Баторием Пскова, кое-что полезное переняли для себя. Но происхождение клевца не обязательно связывать с Европой. Древнейший вид оружия, он был известен еще до нашей эры скифам, а позже был распространен в Китае, Индии, Персии...

* * *

Огнестрельное оружие. Этот прогрессивный вид вооружения, изменивший ход истории, появился на Руси давно, во всяком случае уже в 1382 году, во времена Дмитрия Донского, «тюфяки» употребляли при обороне Москвы от Тохтамыша. Спрашивается: откуда это оружие к нам явилось: с Запада или Востока? Из Европы (известно, что немцы в 1389 году поставляют пушки в Тверь¹⁹¹, а в 1393 и 1410 гг. дарят пушки великому князю)? Или, может быть, из Азии (волжские булгары использовали «огненный бой» при обороне города от русских еще раньше, в 1376 году, да и само слово «тюфяк» восточного происхождения: старинное азербайджанское «тюфенг», татарское «тюфнек» обозначает ружье)?

Есть обстоятельства, позволяющие думать, что владение огнестрельным оружием составляло важную часть европейского прогресса, причастность к которому помогла русским справиться с вековым врагом – татарами. Артиллерия (тюфяки и пищали) сыграли решающую роль во время Стояния на Угре в 1480 г., впервые обозначив явное боевое превосходство русских над татарами. Впоследствии это же преимущество помогало нам брать Казань, отбивать крымскотатарские нашествия...

Однако на поверку вопрос о приоритете Запада и Востока в развитии огнестрельного оружия (в частности русского) оказывается совсем не прост. Казалось бы, есть надежный критерий, по которому можно определиться в этом вопросе: изобретение пороха, без которого не было бы ни ручных пушек, ни бомбард, ни всего последующего огнестрела. Но и тут все неоднозначно¹⁹².

Дело в том, что изобретение пороха, приписанное некогда Константину (в монашестве Бертольд) Анклитцену, по прозвищу Шварц («Черный»), осуществившему свое открытие около 1330 года, состоялось в действительности задолго до него. И боевое использование пороха – тоже. И не в Европе, а в Азии.

Сам по себе черный порох (смесь серы, угля и селитры) был открыт китайцами, возможно, уже в IX веке, он был еще некачественным, с его помощью делали лишь фейерверки. Но в XII—XIII вв. порох уже успешно применялся в военных целях некоторыми монголои-

¹⁹¹ Голицынская летопись гласит: ««Лета 6897 (1389) вывезли из Немец на Русь арматы [пушки; ср. украинское «гарматы»] и стрельбу огненную и от того часу уразумели в них стреляти». На этом основании Н. М. Карамзин развивал версию о европейском происхождении русской артиллерии. Но у русских она уже была и до указанной даты.

¹⁹² Подробности см. в кн.: Келли Дж. Порох. От алхимии до артиллерии. – М., КоЛибри, 2005.

дами, обретавшимися так или иначе в орбите китайской цивилизации. В самом Китае в период монгольского завоевания также использовались пушки, выточенные из единого ствола дерева, усиленного железными обручами. Они стреляли толстыми стрелами¹⁹³. Кроме того, там стали применять для стрельбы из мортир разрывные снаряды уже не с глиняным, а с чугунным корпусом. Документально зафиксировано также, что осажденные монголами в Кайфыне китайцы в 1232 году пытались отбиваться от них с помощью пушек, стрелявших каменными ядрами, и употребляли при этом разрывные бомбы, петарды и другие огнестрельные боеприпасы, созданные на основе пороха.

Вопрос о том, насколько монголы способствовали транзиту пороха на Ближний Восток, откуда он уже попал в Европу, является спорным.

Китайско-арабские торговые и дипломатические связи были весьма интенсивными, и в XIII—XV вв. исламская цивилизация уже обгоняла во многом китайскую, попавшую под монгольскую пяту, причем и в области вооружений. О чем свидетельствует, например, факт запрашивания ханом Хубилаем, внуком Чингисхана, в конце 1260-х из Ирана мастеров-артиллеристов, способных делать наиболее совершенные камнеметы. Кроме того, в Китае не было нефти, которой богат арабский Восток. Между тем, у сельджукских султанов уже X—XII вв. были целые подразделения огнеметчиков, так называемых «нефтеметателей» («ан-наффатун»). Однако, поскольку известно из сочинений Ибн ал-Асира, что монголы во время уличных боев «сжигали нефтью» дома в Гургандже, это значит, что технология мусульманских мастеров-огнеметчиков была перенята монголами у сельджуков уже ко времени похода против хорезмшаха (1220)¹⁹⁴.

По всей видимости, именно на арабском Востоке произошла окончательная доработка черного пороха, позволившая осуществить качественный скачок и создать артиллерию в принципе. Это связывают с именем выдающегося сирийского ученого химика и инженера Хасана аль-Раммаха (ум. 1294/95). Но сам по себе нитрат кальция (основа селитры, без которой не будет качественного пороха) был известен арабам с VIII в., а способ его изготовления был описан в арабо-сирийских рукописях X в., о нем писали арабские ученые Аль-Рази, аль-Хамдани, а в 1240 году Ибн аль-Бират. В зажигательных керамических гранатах, применявшихся против крестоносцев в боях 1168 года при осаде Фустата (столицы Египта при Аббасидах), археологами обнаружены следы калийной селитры, а значит – использования черного пороха. Такие же следы относятся ко времени осады Думьята (1218) и к битве аль-Мансура (1249). Против крестоносцев применялись для устрашения и большие пороховые ракеты, которые летели над головами с ревом и искрами, не взрываясь.

В Испании мавры использовали пушки уже в обороне Севильи (1248), а в дальнейшем и Гранады (1319), а также в Альбасетте (1324), в Хуескаре и Мартесе (1325), в Аликанте (1331) и в Альгезирасе (1342—1344).

Так что книга аль-Раммаха, скорее всего, – компилятивный труд, собранный из различных унаследованных ученым источников¹⁹⁵. Он, однако, впервые дал образцовое и проверенное соотношение ингредиентов при изготовлении пороха, тем самым оказав решающее воздействие на развитие как ближневосточной, так и европейской¹⁹⁶ артиллерии и ракетостроения.

¹⁹³ См.: Чулууны Далай. Монголия в XIII—XIV веках. – М., Наука. – 1983. Кстати, в Индии в этот период иногда тоже использовались пушки, но сделанные... из рулонов кожи. Об огневых приборах на повозках, принадлежащих властителю Дели, написано в индусских текстах за 1258 год.

¹⁹⁴ Бунятов З. М. Комментарий // Шихаб ад-Дин Мухаммад ибн Ахмад ан-Насави. Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурны (Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны). – М., Восточная литература 1996. – С. 326.

¹⁹⁵ Заслуги именно сирийских ученых в средневековой гонке вооружений вообще поражают: ведь знаменитый «греческий огонь», позволивший Византии на несколько столетий продлить свое существование и так и оставшийся неразгаданным секретом в истории, был изобретен сирийским архитектором Каллиником в 673 году. Продвинутые химики арабского Востока – прямые наследники большой и древней научной традиции.

¹⁹⁶ Попавшая в руки знаменитого немецкого ученого и оккультиста Альберта Великого «Книга огня для пожигания вра-

(Полустолетием позже этот секрет был повторно открыт Бертольдом Шварцем в 1330-е гг., и только в 1412 году – китайским ученым Хуо Лунг Чингом.)

Труд Хасана аль-Раммаха позволил мамлюкскому султанату Египта создать первую регулярную артиллерию еще в XIII веке. Небольшие передвижные пороховые пушки-мидфа (а также связки петард и привязанные к копьям «искрометалки») были использованы мамлюками в 1260 г. в решающей битве Айн-Джалут, когда впервые надломилась сила монголов, посягавшая на мировое господство. Об этом рассказывают четыре арабских рукописи «Аль-макзум»¹⁹⁷.

Как раз ко второй половине XIII века относится упадок и конец крестоносного движения. Если в Европе к этому времени и знали что-то о порохе, благодаря приносимой крестоносцами из походов информации, то пока еще явно не как о смертоносном оружии огромной силы, которому будет суждено изменить судьбы мира. Ибо в «Большом опусе» Роджера Бэкона, написанном им около 1267 года для папы Климента, рассказывается лишь о «детской игрушке, издающей звук и испускающей огонь, которую изготавливают в разных частях света из толченой селитры, серы и орехового угля». Хотя, конечно, игрушке небезопасной: «При помощи вспышки, пламени и ужасного звука можно творить чудеса, причем на любом расстоянии, какое только мы пожелаем – так что человек с трудом может защититься или выдержать это». Отсюда ясно, что до появления европейской артиллерии было еще далеко.

Итак, общее цивилизационное превосходство Востока перед Западом, вполне очевидное еще в XV веке, позволяет утверждать, что огнестрельное оружие зародилось именно там. Но верно ли, что Русь XIV века заимствовала его с Востока, а не с Запада? Где производились наиболее эффективные древние пушки и ружья, секреты производства которых следовало в первую очередь перенимать?

* * *

Артиллерия на Западе. Мамлюки ввели огнестрельное оружие в Египте и Сирии, мавры – в Испании; все они были агентами арабской исламской цивилизации. Оттуда о нем узнали вначале в Италии, далее во Франции и, наконец, в Германии и т. д. Однако европейцам ведь тоже нельзя отказать в изобретательности. Пусть арабы обогнали Европу в создании артиллерии лет на восемьдесят, если не более, но вскоре люди Запада взяли реванш, довольно быстро разработав и создав разного типа огнестрельные орудия.

Самые ранние европейские пушки отмечены источниками в 1331 году (немцы применили их против итальянцев при защите города Чевидале), но считается, что в Италии они появились уже в 1320-е гг. Это, скорее, «пушечки» – малые ручные орудия «склоп» весом от 5 кг и более, стреляющие свинцовой пулей либо стрелой-болтом («карро»), как рекомендовал сам Бертольд Шварц. Но поскольку свинцовые ядра и пули были в XIII в. придуманы арабами на Востоке, то можно думать, что и эти склопы происходят оттуда же. Заряжались пушки XIV—XV вв. «пороховой мякотью», впоследствии пороховыми лепешками и комками.

Чтобы вооружить такими пушечками большое количество воинов, требовалось сделать их еще меньше и легче, но при этом увеличить их убойную силу. В этом направлении и работала европейская инженерная мысль: к примеру, в 1364 году город Перуджа закупает у оружейников «500 пушек длиною в ладонь, пробивающих доспех».

В 1330-е годы подобные пушки появились у немцев, затем у французов и англичан, и т. д. Их значение весьма скоро стало существенным. Так, в хрониках осады Пизы в 1370/1371 г. отмечено, что «на стенах стояли добрые арбалетчики и много бомбард» (у оса-

гов» Марка Грека, содержащая рецептуру изготовления черного пороха, написанная на рубеже XIII—XIV вв., является переводом на латынь с арабского, сделанным в мавританской Испании.

¹⁹⁷ Одна из них хранится в Санкт-Петербурге, две в Париже, одна в Стамбуле.

ждающих же была одна, зато огромная бомбарда, на перезарядку и прицеливание которой требовались... сутки).

Ручные бомбарды использовали и в полевых сражениях. Так, в 1382 г. на поле Беверхотсфельд встретились войска города Гент с войсками города Брюгге, обоюдно вооруженные такими пушками. В битве вначале «брюггцы стали стрелять в них из пушек; и тогда гентцы разрядили в тех три сотни пушек одним залпом, и обошли их... и ворвались с криками „Гент!“ в их ряды», – сообщает хроникер Столетней войны Жан Фруассар. Брюггцы бежали.

В 1380-х гг. такие ручные пушки уже повсеместно используются на Западе. Они являются прототипом скорее аркебузы и пищали (в перспективе ружья и пистолета), чем артиллерийского орудия¹⁹⁸.

Параллельно на Востоке и на Западе шло создание серьезной артиллерии, в том числе осадных орудий большого калибра. Технология производства стволов была у арабов более совершенной: они отковывали железную болванку и высверливали ее, а европейцы делать такую работу не могли, поэтому использовали толстые железные полосы, склепанные методом кузнечной сварки и стянутые железными же обручами¹⁹⁹. Зато они старались делать стволы побольше. Первые такие артиллерийские орудия, известные тоже как бомбарды, представляли собой как раз большие стволы, положенные на примитивные грубые деревянные лафеты.

Бомбарды использовали не только при осаде городов, но и в поле. Одно из ранних упоминаний об этом – хроники судьбоносной битвы при Креси (1346), где англичане использовали две или три бомбарды; они обстреляли генуэзских арбалетчиков, и те, перепуганные ревом пушек и ядрами, позорно разбежались. Однако еще до битвы при Креси, в 1339 году Эдуард III приказал захватить некие «пушки» из Англии во Францию, а в 1340 году сам пострадал от пушек при осаде Турне.

Дальше – больше. Пушки стали демонстрировать все новые и новые возможности. Первый документально подтвержденный случай, когда применение бомбард заставило осажденных отказаться от сопротивления, произошел под крепостью Одрюк (1377), где, по одним сведениям, бургундское войско использовало против осажденных 140 орудий (Фруассар), а по другим – «9 великих пушек». Через три года считавшийся неуязвимым замок Леонштайн на реке Штайр сдался герцогу Альбрехту III, не выдержав обстрела «невиданными ранее» каменными ядрами из «пороховых ступ» (т.е. крупнокалиберных короткоствольных бомбард). А еще через год при осаде Ауденарда (1382) артиллерия впервые пробивает брешь в стенах укрепления, указывая тем самым на важнейшее направление своего применения в будущем. Когда в 1399 году при осаде курфюрстом Рупрехтом Пфальцским замка Танненберг «великая франкфуртская пушка» всего двумя выстрелами вначале пробивает стену, а затем образует в ней брешь, гарнизон после такого ужаса сдается, а крепость в результате срывается до основания.

Новый вид вооружений стремительно «делал карьеру», его возможности быстро осознали все основные участники великой всемирной войны всех против всех.

В середине 14-го века в Европе уже появились первые предприятия по производству селитры. Во второй половине, ближе к концу XIV века своя артиллерия имелась во всех армиях Запада и многих – Востока, это уже был важный фактор побед, оружие стратегического значения. Его стремились развивать и совершенствовать. Началась первая в истории настоящая «гонка вооружений», конкуренция технологий и инженерных решений. Пушки становились все больше в размере, все мощнее по заряду, они метали все более крупные ядра; в этом направлении работали умы средневековых инженеров. И это приносило желанные плоды.

¹⁹⁸ В Музее армии (Париж) сохранилась ручная бомбарда, изготовленная в 1390—1400 гг.

¹⁹⁹ С XV века стали использовать вместо железа легированную бронзу.

Инженерная мысль европейцев уже в XIV веке бьется над созданием многоствольных и скорострельных орудий и установок. Так, в 1380-е гг. была создана лондонским мастером Вильямом Вудвордом и закуплена английским королевским арсеналом пушка, которая имела «одно отверстие для больших камней» и «десять других отверстий для свинцовых пулек или больших стрел». Во времена распрей с Каррарой (1375—1387) синьор Вероны использует три соединенные между собой повозки, каждая из которых оснащена 12 «бомбарделями», стреляющими ядрами «размером с яйцо». Таким образом, был возможен одновременный залп из 36 орудий. Впоследствии по данному принципу делались передвижные малокалиберные батареи т.н. «рибальды» (в русском варианте с XVI века «органы», «сорбки»²⁰⁰), а также европейские «вагенбургги» (т.е. лагерь или «городок» из связанных по кругу повозок) и русские «гуляй-поле», тоже позволявшие стрелять из-за временного мобильного укрытия. В 1409 году в арсенале Вены, например, имелся 40-ствольный «орган».

В XV веке гигантские бомбарды, стрелявшие каменными ядрами весом до 500 фунтов, становятся главной достопримечательностью многих армий. Из бомбард-мортир прославлены такие шедевры, как ковано-сварные «Штейрская бомбарда» (Штейр, Австрия, 1420-е) и бомбарда из города Мец, Франция (ок. 1450), длинноствольные «Бешеная Грета» (Гент, 1435), «Мег из Монса» (Фландрия, ныне Эдинбург, 1449), бомбарда-мортира Мальтийского ордена с острова Родос (1480—1500), а также знаменитая литая бронзовая «Ленивая Матильда» (Брауншвейг, ок. 1410), известная по гравюре 1717 года, и др.

Примерно до третьей четверти XV века ведущая роль в европейском пушечном деле принадлежала Италии, но изготовление больших пушек, тем более в значительном количестве, было весьма затратно и под силу только странам с серьезным государственным ресурсом. Раздробленная на княжества и республики Италия таким ресурсом не обладала. Поэтому следом на первое место по производству орудий выходит Франция, особенно после того, как король Карл VII (1403—1461) первым в мире выделил артиллерию в особый род войск. Ну и, конечно, централизованная мощь Османской империи выдвинула Турцию на первое место в данном вопросе. А к концу века в игру вступила и самодержавная Московская Русь.

Главное достижение европейцев в пушечном деле XV века – освоение новых технологий: отливка цельных стволов любого размера из бронзы, в которых дуло делалось методом глубокого сверления²⁰¹. Но все эти технологии еще ранее стали применяться на Востоке, в частности в Турции, откуда их перенимала Европа.

Уже к середине XV столетия пушки делают вообще ненужными разнообразные громоздкие и сложные в управлении камнеметные машины, происходит своего рода технологическая революция. А в конце XV – начале XVI вв. пушки повсеместно являются непременным атрибутом сражений как в поле, так и при осаде городов, о чем позволяют судить, например, многочисленные гравюры Ганса Бургкмайра к «Вейскунигу» (1514—1519). Или знаменитый офорт Альбрехта Дюрера «Большая пушка» (1518). Артиллерия еще не стала «богом войны» и «королевой полей», но явно сделала большой шаг в этом направлении. А мощь армий стала во многом определяться артиллерийским парком.

* * *

Артиллерия на Востоке. Развитие артиллерии на Востоке не просто не уступало западному, оно было передовым.

В XIV—XV вв. там происходит главное событие: возвышение и рост Османской империи, которой предстояло покорить арабский мир и стать главным вселенским воинствующим представителем исламской цивилизации точно так же, как некогда монголы Чингисхана, поко-

²⁰⁰ Такое орудие, состоящее из семи укрепленных на одном лафете стволов, применялось в Сибирском походе Ермака. А знаменитый автор «Царь-Пушки» Андрей Чохов изготовил для защиты Китай-Города аж... 100-ствольное орудие.

²⁰¹ Среди иллюстраций Ганса Бургкмайра к «Вейскунигу» – этой иллюстрированной энциклопедии средневековья – можно найти и изображение мастерской по изготовлению пушек в момент ее посещения императором Максимилианом.

рившие Китай, сделались главными представителями цивилизации китайской. Последующая 163-летняя война Турции с Европой станет, что вполне естественно, вторым раундом перманентной битвы цивилизаций за мировое господство. В котором основные роли возьмут на себя на этот раз Западная Европа и Османская империя, но временами в ней будет принимать участие и не утратившая пока еще собственных амбиций цивилизация монголоидов в лице, например, Тимура (Тамерлана), разгромившего и пленившего султана Баязида, или тимурида Бабура, основавшего в Индии империю Великих Моголов.

Турки, создав жестко централизованное государство, подчинили себе огромные пространства, населенные многочисленными народами с древней культурой, к тому же демографически избыточными. Они имели в своем распоряжении практически неограниченные ресурсы и вполне могли себе позволить мечты о власти над всем миром, как до них это делали монголы, халифы, Карл Великий, римляне, Александр Македонский... Средством осуществления этих мечтаний было оружие.

Во многом решающим событием на данном пути было завоевание в 1516—1518 гг. арабского Востока, долгие века бывшего цивилизационным лидером всего западного полушария. Турки вначале присвоили, а затем и освоили цивилизационные достижения арабов, и сами стали двигать прогресс. Важно отметить, к примеру, что артиллерия, изобретенная, в сущности, арабами, была к этому времени уже настолько выше развита у турок, что их превосходство над мамлюками в данной области и решило исход дела: Сирия и Египет были присоединены к султанату военной рукой, Алжир добровольно стал вассалом Стамбула.

К тому времени совокупная мощь турецкой артиллерии не имела себе равных в мире. Собственно, осадная артиллерия турок была лучшей уже к середине XV века, и это наглядно проявилось при взятии ими Константинополя в 1453 году. Сегодня во двореке Военно-исторического музея в Стамбуле установлены две поражающие воображение подлинные огромные бомбарды, сохранившиеся от того легендарного штурма²⁰². Они отлиты из высококачественной бронзы сразу с внутренней полостью.

Для того, чтобы сокрушить стены Константинополя высотой до 12 м и толщиной до 7,5 м, требовалось много разнообразных и мощных огнестрельных орудий. Поэтому всего таких огромных бомбард было не менее восьми, а еще у турок имелось единственное в мире «орудие главного калибра» (610 мм), знаменитая медная пушка по имени «Базилика», изготовленная для султана венгерским инженером Урбаном и установленная против ворот Св. Романа²⁰³. На позицию 32-тонную громадину доставляли 60 быков и 100 человек; она могла выпустить 4 ядра в день. В течение шести недель велся ожесточенный обстрел города. Как пишет некий Нестор-Искандер, русский свидетель (с турецкой стороны) штурма Царьграда: «... [6 мая] удариша из большие пушки, и спаде камене много. В другие удариша, и распадеша стены великое место... [7 мая] паки турки удариша из большие пушки пониже того места, и вывалиша стены много; и тако в другое и в трете». В итоге Базилика пробила в стене брешь, в развалины хлынули янычары. Турецкая «царь-пушка» не пережила этого штурма и разрушилась сама, успев, все же, выполнить свое предназначение...

Спустя три года, в предпоследней осаде Белграда турецкое войско вновь использовало 12 литых больших бронзовых бомбард, а также множество орудий поменьше. Также и при осаде турками в 1480 г. крепости на острове Родос, принадлежащей рыцарскому Ордену госпитальеров, было задействовано «16 великих пушек», которые разрушили несколько башен, стены и дворец великого магистра.

²⁰² По данным, записанным мною в Стамбуле, одна из них имеет длину ствола 346 см, вес 11 тонн, калибр 370 мм, вес ядра 218 кг; вторая – длину ствола 424 см, вес 15 тонн, калибр 630 мм, вес ядра 285 кг.

²⁰³ В 1467 году греком Критобулосом был описан весь процесс отливки турецкой супербомбарды; он весьма впечатляет.

Преимущество турок было в массовом централизованном государственном производстве артиллерийских орудий, каковое могли себе позволить султаны²⁰⁴. К 1510-м годам изготовление турецких пушек, в основном легких, уже исчислялось сотнями единиц в год. И не только в Стамбуле, где располагался главный пушечный завод, но и в провинциях. Турки также первыми начали в середине 1510-х гг. производство крупных литых железных орудий, в то время как в Европе таковые представляли собой лишь мелкие единичные образцы. Именно турками была усовершенствована технология литья, устройство плавильной печи (этот секрет исхитил и вывез в 1480 году Йорг из Нюрнберга, подвизавшийся на службе у султана; в те времена Запад воровал технологии у Востока, а не наоборот!).

Наиболее впечатляющим было превосходство турецкой огневой мощи в сражении при Чалдиране (1514, турки выставили до 500 стволов), но главное – в решающей битве на Мохачском поле в 1526 году, где против 85 орудий и 600 «пражских гаковниц» венгерского короля султан Сулейман выставил до 200 полевых орудий и 4060 единиц ручного огнестрельного оружия. Они и решили во многом исход битвы, роковой для всей Европы.

Таким образом, турецкая артиллерия в XIV—XVI вв. не только не уступала европейской ни количеством, ни качеством, но в чем-то и превосходила ее. Турецкие же особо прочные, долговечные и дальнобойные меткие ружья XVI—XVII вв. из витой дамасской стали и вовсе отличались высоким совершенством и славились повсеместно. Так что говорить о каком-либо преимуществе европейского огневого боя над турецким (но только турецким: Персия, скажем, была в этом смысле отсталой страной) не приходится. Все пока еще было наоборот.

Однако европейцы были на этот счет другого мнения – и в этом отразилась эпоха неуклонного наращивания Западом технологической мощи в результате беспрецедентной информационной революции XV века, обусловленной открытием гениального Иоганна Гутенберга. В средневековом немецком стишке утверждалось: «Венеции мощь, Аугсбурга блеск, хитроумие Нюрнберга, Страсбурга пушка, золото Ульма – вот кто миром правит». Обратим внимание: превозносится пушка именно немецкого Страсбурга, а не турецкого Стамбула, арабского Багдада, узбекского Самарканда или хотя бы мавританского Толедо. Наверное, средневековые очевидцы что-то знали и понимали насчет современного им оружия. А скорее – просто предчувствовали всемирный триумф Запада, который уже был не за горами.

* * *

Артиллерия в России. Итак, после этого краткого очерка по истории огнестрельного оружия, мы снова можем вернуться к вопросу: когда и откуда это оружие к нам явилось: с Запада или Востока? На Запад или на Восток следовало ориентироваться русским людям, желавшим побеждать и защищать свои интересы в бесконечной войне всех против всех? Какие характерные особенности в эстетике огнестрельного оружия и откуда именно перешли к нам, русским?

Нет сомнений, что русская власть старалась внимательно отслеживать военно-технические новинки в мире, была в общем в курсе всех главных достижений и стремилась воспроизвести их у себя на Руси. Так было и с огнестрельным оружием.

Начнем с тяжелой артиллерии.

Артиллерия распространяется по всему Востоку во второй половине XIII века, а по всему Западу несколько позже, в 1330-1370-е годы. Судя по летописным источникам, на Русь она

²⁰⁴ Лучшее представление об огнестрельном оружии Османской империи дают работы исследователя Г. Агостона, венгра по происхождению. См., например: Ágoston G. 1) *Ottoman artillery and European military technology in the fifteenth and seventeenth centuries* // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1994. Т. 47. Р. 15—48; 2) *Guns for the Sultan. Military Power and the Weapons Industry in the Ottoman Empire* // *Cambridge Studies in Islamic Civilisation*. N.Y.: Cambridge University Press, 2005; 3) *War-winning weapons? On the decisiveness of Ottoman firearms from the siege of Constantinople (1453) to the battle of Mohács (1526)* // *J. Turkish Studies*. 2013. V. 39. Р. 129—143; 4) *Firearms and military adaptation: the Ottomans and the European military revolution, 1450—1800* // *J. World Hist.* 2014. V. 25. Р. 85—124. И др.

попадает в конце этого периода, как в одну из стран Запада, но... с Востока. Поскольку самое первое упоминание о неких «громах», которые воины эмира Хасан-хана и ордынского ставленника Мухаммад-Султана испускали в русских со стен города Булгара²⁰⁵, осажденного московско-нижегородским войском воеводы Боброка Волынца, относится к 1376 году. Очевидно, что после взятия города русская армия приняла эти «громы» на вооружение.

Спустя шесть лет, когда в 1382 году карательные отряды хана Тохтамыша осадили Москву, москвичи уже были готовы применить новое оружие. Поскольку, как гласит летопись, около 1380 года «преже всех зделал снасть вогненного бою – ручницы и самопалы, и пищали железные и медные – немец именем Ян». Историк С. М. Соловьев так описывает оборону москвичей от татар: «Неприятель наделал уже лестницы и лез на стены; но горожане лили на него из котлов горячую воду, кидали камни, стреляли из самострелов, пороков, тюфяков и пушек, которые здесь в первый раз упоминаются». Он опирался на летопись «Софийский временник», где сообщалось, что «тюфяки пущаще в них... а иные великими пушками». Тохтамышу взять Москву штурмом так и не удалось, пришлось прибегнуть к подлому обману.

Напомню, что «тюфяк» на языках иранской группы означает ружье («тюфенг»), но в русском варианте это, скорее, классическая ручная бомбарда. Впрочем, так или иначе, а «тюфяки» (ружья, пищали или пушки – неважно), сделанные немцем Яном, доказали свою эффективность. Один из первых тюфяков, подобный тем, какими москвичи отбивались от орд Тохтамыша, сегодня можно видеть в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи в Санкт-Петербурге. Он изготовлен во второй половине XIV – начале XV вв. из железа, цельнокованный, а не склепанный из полос, стянутых обручами, как клепались ручные бомбарды в Европе, длину имеет почти 50 см, вес 11,5 кг, диаметр канала ствола – 9 см.

Зимой 1408 года ордынцы Едигея так и не решились двинуться на штурм кремлевских стен, опасаясь именно московской артиллерии. Они ждали поддержки от князя Иоанна Тверского, в войске которого в свою очередь имелись орудия, но не дождались и ушли.

Жизнь, таким образом, заставила русских сделать ставку на огневой бой. Русская власть сразу же отлично поняла стратегическое значение артиллерии и делала все возможное для ее приоритетного развития. Вначале порох привозился от иноземцев, но уже в 1400 году, как считается, в Москве начинают изготавливать его самостоятельно²⁰⁶. Русская «Пушечная изба» для поточного производства пороха и огнестрельного оружия была учреждена приказом великого князя Ивана III; первое упоминание о ней относится к 1475 году, к организации дела приложил руку Аристотель Фиораванти. Но нечто подобное, конечно, действовало и ранее, поскольку именно огнестрельное оружие русских решило исход Стояния на Угре в 1480 году²⁰⁷, а значит, его к тому времени уже было весьма достаточно. «Изба» сгорела в 1488 году, после чего в Занеглименье (там, где сегодня «Детский мир») было создано новое, очень крупное оружейное производство: «Пушечный Двор», где трудилось несколько сот человек. Огромного значения событием стало открытие в 1491 г. собственного медного месторождения на реке Печоре, что сильно содействовало литейному делу. Еще один пороховой завод («Алевизов двор») был построен в 1494 году венецианским инженером Алевизом Старым. Следом создавались литейные и селитренные заводы, пороховые мельницы, рудники и т. д. Производство бурно развивалось.

²⁰⁵ После монгольского завоевания в 1236 году в этом городе была ставка Батые. При хане Берке, внуке Чингисхана, Булгар стал центром Булгарского улуса Золотой Орды. В результате победы 1376 года Москвой был получен откуп в 5000 рублей.

²⁰⁶ В 1422 году при производстве «зелья» в промышленном, по тем временам, масштабе случился первый ужасающий «пороховой пожар», от которого выгорела вся столица. В дальнейшем подобные пожары из-за возгорания пороха будут случаться еще.

²⁰⁷ Каргалов В. В. Конец ордынского ига. – М., Наука, 1980.

А тем временем шел быстрый количественный рост русских орудий. Притом не только в Москве: в 1393 г. новгородское войско было вынуждено бросить пушки (которые, следовательно, имелись) после неудачной осады Пскова; о наличии своей артиллерии в Тверском княжестве около 1408 года уже упомянуто выше, позднее свои пушки отмечены в Галиче, Пскове и др. Но Москва, конечно, шла впереди.

Русские скоро вполне овладели мастерством пушечного литья, которое по своей технологии в принципе не отличалось от хорошо нам понятного литья колокольного. И так же скоро пришли опытным путем к установлению оптимальных пропорций сплава: уже к XVI веку мастера знали, что соотношение олова к меди не должно превышать 1:9, в отличие от колокольной бронзы, где содержание олова доходило до 20%.

Но подробнее о своеобразии и самобытности русского огнестрельного оружия, его отличии от вооружений и Запада, и Востока будет сказано в своем месте. В данном разделе следует подчеркнуть те особенности, которые свидетельствуют о восточном влиянии в создании нового и важнейшего вида вооружений.

* * *

Восточный след в русском пушечном искусстве. Судить об этом по ранним образцам затруднительно, поскольку их сохранилось слишком недостаточно. Известно, что в XIV—XVI вв. орудия местного, российского изготовления, производились зачастую при участии западных – итальянских или немецких – мастеров. А вот об участии в этом деле мастеров из Турции, Средней Азии или Ближнего Востока, напротив, не известно ничего. Привозных, покупных восточных орудий XIV—XVI мы также не знаем, видимо, их ввоз был осложнен, в отличие от сабель, шлемов, доспехов. Ружейные стволы из Турции в Россию импортировались, но не пушки. Должно быть, султанская Турция, время от времени имевшая военные столкновения с Россией, вообще не желала делиться с русскими артиллерией, имевшей тогда такое же передовое и стратегическое значение, как сегодня ядерные и космические силы. Но понятно, что русским в сражениях с татарами, в том числе крымскими, случалось, конечно же, забирать трофейное турецкое оружие – пищали и пушки. При таких обстоятельствах естественно предполагать определенное влияние Востока и в данном виде вооружений. Попробуем найти его следы в сохранившихся образцах русской работы XVI—XVII веков.

Русское оружейное производство в этот период развивалось уже в основном на отечественной базе (свой порох, своя медь, только дорогое олово завозили из Швеции и Богемии), притом весьма лихими темпами. Централизация Московского государства сказалась здесь решающим образом, что само по себе сопоставимо с Османской империей. Уже при Иване Грозном количество простых пушек русской работы было весьма велико. В составе «большого государева наряда», участвовавшего в Ливонском походе в 1577 году, насчитывалось 35 больших стенобитных (!) пищалей и 21 мортира самого различного калибра – от 1 пуда до 13 пудов²⁰⁸. Но это был далеко не весь артиллерийский парк России. Как докладывал императору Максимилиану II посол Иоанн Кобенцль, «к бою у русских артиллеристов всегда готовы не менее двух тысяч орудий». Другой дипломат того времени, англичанин Дж. Флетчер (в целом очень недобро относившийся к России, похерившей его коммерческие планы), писал в своей книге хвалебно: «Полагают, что ни один из христианских государей не имеет такой хорошей артиллерии и такого запаса снарядов, как русский царь, чему отчасти может служить подтверждением Оружейная палата в Москве, где стоят в огромном количестве всякого рода пушки, все литые из меди и весьма красивые».

Флетчер не случайно далее обращает особое внимание на знатные «пищали» (пушки), награжденные именами собственными: «Лев», «Единорог» и др. Таких именных пушек было

²⁰⁸ Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. – Труды Восточного отделения имп. Археологического общества, 1864. – Ч. 10, с. 48—49.

немало. Они отличались не только мощностью, но и особой художественностью тщательного исполнения. Некоторые из них, в отличие от тысяч заурядных орудий, сохранились в музеях России и Европы. Есть смысл присмотреться именно к ним как к показательным образцам русского оружейного искусства.

Традиция давать выдающиеся пушкам имена собственные была развита как на Западе, так и на Востоке, хотя имена турецких бомбард до нас не дошли, не считая знаменитой Базилики. Лили и на Руси именные пушки уже в XV веке: например приезжий мастер фрязин (француз) Павел Дебосис отлил в 1488 году «пушку велику» весом в 1000 пудов (16,4 тонны), названную в его честь «Павлином», а в народе впервые прозванную «Царь-пушкой». Судя по подробной миниатюре в летописи, где этот артиллерийский монстр запечатлен весьма реалистично, то была типичная большая бомбарда европейского типа сродни «Бешеной Грете», из двух частей, с широким дулом и более узкой пороховой камерой. На ней, как и на «Грете», тоже не было никаких украшений, одна голая функция... Ее даже попытались москвичи использовать без всякого почтения как таран – бронзовое бревно – во время мятежа 1584 года, намереваясь выбить Фроловские ворота Спасской башни Кремля.

По всей видимости, примерно так же выглядели и крупнейшие русские орудия, сделанные в середине XVI века: «Кашпирова пушка» (1554) и «Павлин» (1555). Первая, отлитая немцем Кашпиром Гансом, весила 19.300, вторая, сделанная Степаном Петровым, – 16.320 кг. Они не сохранились. А поскольку мастер Петров явно брал за образец ставшего уже легендарным «Павлина», вылитого Дебосисом в 1488 году, то можно предположить, что и это орудие было в целом простым и безыскусным по внешности.

Это предположение косвенно подтверждается документом: в «Книге приходно-расходной пушкам и пищалям», составленной в 1694 году, про Царь-пушку говорится: «На ней к устью вылит человек на коне з булавою» (имеется в виду царь Михаил Романов), а про «пушку Павлин» и «пушку Кашпирову» ничего подобного не сказано²⁰⁹. Видимо, они не были украшены ничем, достойным внимания. Нельзя при этом не заметить, однако, что сквозные гнезда, несвойственные декору европейских бомбард, украшают ствол «Павлина», как на турецкой «Дарданелльской пушке», что позволяет все же предположить некоторое восточное влияние.

Понятно, что популярные у русских мастеров пушечного дела изображения людей и зверей были совершенно несоместимы с суннитскими принципами в искусстве, и не могут быть отнесены на счет турецкого влияния. А шиитское, конкретно персидское, влияние было невозможно по причине неразвитости пушкарского дела в Персии.

Тем не менее, восточные мотивы проникают и в творчество русских творцов огнестрельного оружия. Тот же Андрей Чохов отлил пушку весом 357 пудов (5712 кг) с надписью: «Пищаль Перс лита лета 7094 (1586 г.), месяца сентября в 12-й день, длина 7 аршин, ядро 40 гривенок, делал Ондрей Чохов». Ее отличительной особенностью стал винград, сделанный в форме оплечного бюста человека с бородой и в чалме.

Эта именная пушка получила известность и отразилась не только в анналах, но и в сознании современников. Спустя ровно сто лет, в 1686 году мастер Мартьян Осипов отлил пушку, о коей имеется такая запись: «Великие государи... Иван Алексеевич, Петр Алексеевич и царевна Софья Алексеевна... пожаловали пушечных мастеров Мартьяна Осипова, да Якова Дубинку, да учеников их 31 человек за пушечное литье, что они в прошлом во 7194 (1686) году вылили две пушки большие, прозванием одна „Новый Перс“ витая, другая „Новый Троил“, велели им дать своего великих государей жалованья, в приказ, мастером по 10 рублей человеку учеником по 1½ рубли человеку»²¹⁰. Видимо, последователю очень хотелось если не затмить

²⁰⁹ Исторический архив Артиллерийского музея в Ленинграде, ф. 1, №21, л. 2.

²¹⁰ «Дополнения к актам историческим». – СПб., 1872 г. – Т. III.

великого предшественника, то по крайней мере сравняться с ним²¹¹. Идея, взятая у Чохова, была творчески переработана Осиповым, который придал «персу» несколько иной облик.

Здесь следует обратить внимание не только на изображение «восточного человека» на винграде, но и на выражение «витая». Изготовление стволов пушек в виде связки спирально перекрученных жердей или отрезка огромного по толщине каната стало популярно уже в конце XV – начале XVI вв. в Европе, а позднее и в России, тому есть немало примеров. Можно предположить, что это делалось в подражание турецким ружьям, стволы которых делались из крученой, «витой» дамасской стали и смотрелись очень эффектно. Возможно, такая форма ствола подтолкнет русских инженеров-литейщиков XV и XVI столетий к идее ствола, нарезного («витого») изнутри, что станет на какое-то время русским ноу-хау и заметно увеличит дальность и прицельность стрельбы.

Итак, на первый взгляд, веяния Востока не слишком сказались на артиллерийском деле в России. Но это впечатление очень сильно меняется, когда мы обращаем свое внимание на самое главное русское огнестрельное орудие допетровского времени: Царь-пушку, отлитую Андреем Чоховым.

* * *

Царь-пушка среди бомбард мира. Андрей Чохов (ок. 1545—1629) – самый знаменитый из большой плеяды известных русских литейщиков, отливший немало пушек и церковных колоколов. Он родился где-то в окрестностях Курска и прожил долгую жизнь. Лет двенадцати отроду Чохов оказался в учениках у того самого Кашпира Ганусова на Московском Пушечном дворе, а в зрелые годы первым из всех получил от царя почетный титул «государев пушечный и колокольный мастер». В списках на оплату труда его имя всегда стоит первым, а работал он до самой смерти, последнее упоминание об отлитой им пищали относится к 1629 году.

Чохову не было еще и двадцати пяти лет, когда он самостоятельно отлил орудие, о котором указано: «пищаль медная... ядром пять гривенок. На ней орел двоеглавный, наверху орла три травы, у казны трава ж, в травах подпись: Лета 7076 (1568). Делал Кашперов ученик Андрей Чохов. Весом 43 пуда». В своем месте будет сказано и о других известных пушках замечательного мастера; все они имеют собственные имена. Здесь же следует обратиться к самому знаменитому русскому орудью, созданному Чоховым в расцвете его сил в 1586 году: это Царь-пушка.

Вероятно, все взрослые люди, ходившие в советскую или российскую школу, знают, о чем идет речь, и представляют себе внешний вид этой необыкновенной пушки. Она очень велика, очень красива и очень... загадочна. В том числе потому, что именно внешний вид ее обманчив, и главный секрет орудия был раскрыт только в 1980 году, когда в ходе реставрационных работ оно подверглось первой научной экспертизе, проведенной силами Артиллерийской академии им. Дзержинского. И сразу оказались разбиты оба связанные с пушкой мифа.

Дело в том, что расхожие представления, бытующие и до сих пор, состоят в том, во-первых, что пушка-де никогда не стреляла. Многие знают саркастическое замечание на сей счет Петра Чаадаева²¹², подхваченное затем, с одной стороны, революционером А. И. Герценом, а с другой – маркизом А. де Кюстином в его дышащей русофобией книге. Но эта черная легенда оказалась неправдой, ибо внутри пушки отыскивались следы пороха, что однозначно свидетельствует: она стреляла хотя бы однажды. Сколько именно раз и при каких обстоятель-

²¹¹ Встречается мнение, что «Новый перс» был отлит в подражание иностранной работы трофейному «Персу» (калибр 160 мм), отлитому из бронзы в 1619 г. На его плоской тарели в венке из дубовых листьев – поясное изображение перса с усами и в чалме. Но данный ствол, во-первых, явно вторичен по отношению к пушке Чохова; во-вторых, неизвестно, видел ли его Осипов, а на чоховских пушках воспитывались поколения русских литейщиков; а в-третьих, этот импортный ствол – бракованный, он не образец для подражания, поскольку его канал испещрен глубокими раковинами и трещинами, образовавшимися при отливке. Пушка Осипова гораздо лучше.

²¹² «В Москве каждого иностранца водят смотреть большую пушку и большой колокол. Пушку, из которой стрелять нельзя, и колокол, который свалился прежде, чем звонил».

ствах – неизвестно. Историк Лев Гумилев полагал, что это след выстрела прахом Лжедмитрия, который был смешан с порохом и таким образом отправлен туда, откуда пришел – в сторону Польши, Запада вообще. Возможно – то след испытания, которое должно было проходить любое вновь отлитое орудие в присутствии изготовившего его мастера. Об этом может говорить тот факт, что затравочное отверстие в толстостенной пушке так никогда и не было просверлено до конца, а пробный выстрел в таком случае был произведен с помощью запального шнура, проведенного к заряду через дуло. Но так или иначе, а пушка стреляла.

Второе заблуждение в ее отношении состоит в том, что Царь-пушку долгое время считали по своему назначению – «дробовиком», то есть орудием, предназначенным для стрельбы картечью, «дробом». Поскольку ее внешне ровный, одинакового диаметра по всей длине цилиндрический ствол не предполагал другого использования. Так он именуется даже в документе 1745 года, времен Елизаветы Петровны; и в дальнейшем пушку важно называли в источниках «Дробовик Российский».

Однако, заглянув внимательно внутрь, эксперты обнаружили, что пушка состоит из двух камер: дульной (диаметр 92 см) и казенной (44 см), с плоским дном. Причем толщина стенок ствола в дульной части составляет около 15 сантиметров, а толщина стенок пороховой камеры – до 38 сантиметров, и толщина тарели (задней стенки) – 42 сантиметра²¹³. Это значит, что в пушку, в ее слегка конусообразный канал, помещался снаряд. А это, в свою очередь, значит, что перед нами никакой не дробовик, а самая настоящая бомбарда, которая должна была стрелять ядрами²¹⁴, хотя могла стрелять и дробом. Кроме всего, Царь-пушка имеет длину четыре калибра, а это стандарт именно бомбарды. Расчеты показали, что запас прочности у этого орудия был достаточен, чтобы выполнять такое предназначение²¹⁵.

Что это значит для нашего исследования? Прежде всего то, что сравнивать Царь-пушку следует именно с известными бомбардами и мортирами Востока и Запада, если мы хотим обнаружить нечто типическое.

Пушка Чохова – настоящая красавица, бесспорно уникальная. Но на что она, все же, похожа? На европейские бомбарды? Нет. Ничего общего ни с гентской «Бешеной Гретой» (она же «Большой красный дьявол»), ни с брауншвейгской «Ленивой Матильдой», известной сегодня по гравюре и описанию, ни с эдинбургской «Мег из Монса» в ней усмотреть невозможно. Прежде всего это относится к внешнему виду: в западных бомбардах бросается в глаза их двусоставность, ибо каждая из двух камер имеет свой наружный диаметр, а Царь-пушка – напротив, только внутренний, внешний же – един. Западные бомбарды строго функциональны, внешне просты и незамысловаты, лишены интересного декора, в отличие от русского орудия.

Кроме того, наша главная бомбарда гораздо больше западных, ее максимальные размеры даже официально подтверждены Всемирной книгой рекордов Гиннесса. Царь-пушка весит 2400 пудов или 38,4 тонны, в то время как «Бешеная Грета» весит всего 16,4 тонны, ее калибр почти в половину меньше калибра Царь-пушки; «Ленивая Матильда» весила 8,16 тонны²¹⁶; а «Монс Мег» весит и вовсе лишь 6,6 тонны.

Больше того: Царь-пушка совершенно затмила параметрами и отечественные, но сделанные на западный образец «Кашпирову пушку» и «Павлина» (как Дебосиса, так и Петрова).

²¹³ Первый тщательный обмер был произведен историком Н. И. Фальковским в 1946 году. Повторный, еще более подробный – в 1980 году специалистами Артиллерийской академии. В 1990-е гг. в Царь-пушку залезал для осмотра также заведующий сектором оружия музеев Московского Кремля И. А. Комаров.

²¹⁴ По расчетам инженера Г. М. Захарикова, произведенным с учетом материала, из которого делались ядра на Руси в то время, масса ядра из песчаника составляла для Царь-пушки около 750 кг. Это масштаб именно стенобитного орудия. Но судя по отсутствию характерных царапин внутри дула, ядрами из Царь-пушки, все же, так и не стреляли. Да и куда было стрелять, если ее не вывозили из Москвы?

²¹⁵ См.: <http://mreen.org/alexuslob/car-pushka-taktiko-tehnicheskie-harakteristiki.html>. Автор использованного здесь материала благодарит за предоставленные сведения с. н. с. Оружейной палаты А. Н. Чубинского.

²¹⁶ Если считать 1 фунт = 0,4535 кг.

А уж про экстерьер и говорить нечего. Таких красивых бомбард в мире больше нет, она еще и произведение искусства, вне сравнений. И даже благородная патина – окись меди нежнозеленого цвета с голубым оттенком бадахшанской бирюзы – ее необычайно красит, свидетельствуя о высочайшем качестве бронзы.

С чем же мы сравним ее? Приходится признать, что ближайшими аналогами являются турецкие бомбарды XV века, как стоящие во дворе стамбульского Военно-исторического музея, так и хранящаяся в Англии внушительная и красивая «Дарданелльская пушка» (она же «пушка Магомета»), сделанная Муниром Али в 1464 году по образцу знаменитой Базилики, разрушившей стены Константинополя. С ними нашу великолепную бомбарду роднят совершенные пропорции и общий ровно цилиндрический, а не ступенчатый вид, а также внутреннее устройство. Мою точку зрения на этот вопрос разделяет историк-специалист Александр Широкоград, который тридцать лет исследует отечественную артиллерию и недавно опубликовал в авторитетном журнале «Национальная оборона» статью, посвященную именно нашему предмету²¹⁷.

Кстати, красивая (но уступающая нашей) Дарданелльская пушка состоит из двух частей, свинчивающихся между собой, однако в собранном виде это все равно внешне единый цилиндр, как и Царь-пушка, а не двусоставное ступенчатое орудие из цилиндров разного диаметра, как западные бомбарды. Ее принципиальное сходство с Царь-пушкой подчеркнул и Широкоград: «Интересно, что „пушка Магомета“ („Дарданелльская“) внешне и по устройству канала очень схожа с Царь-пушкой»²¹⁸. Но наша пушка удобнее и проще в обращении.

Думается, что Андрей Чохов, замышляя свой грандиозный труд, отталкивался от лучших известных ему образцов бомбард в мире, которые он честолюбиво стремился превзойти. А ими были отнюдь не западные и не сделанные по их принципу отечественные бомбарды, а конечно же – легендарные турецкие орудия XV века, разрушившие священный и знаменательный для всякого православного человека Царьград. И тем доказавшие свою сверхдейственность. Каким образом Чохов раздобыл их изображения или чертежи – можно гадать, но факт налицо: он сделал именно супербомбарду, напоминающую турецкие аналоги, но превосходящую их по всем статьям²¹⁹. В том числе и в эстетическом плане; она красивее, совершеннее турецких бомбард, ее декор богаче и разнообразнее.

Остается только заметить, что Царь-пушка с самого начала воспринималась, в первую очередь, именно как произведение искусства, как украшение столицы, а совсем не только в утилитарном милитаристском смысле, хотя ее военных достоинств это не умаляло и не умаляет²²⁰.

Таким образом, в русском пушечном производстве восточное влияние хотя и не доминировало, но все же проявлялось. Образы Турции, Персии присутствовали в сознании русских мастеров-литейщиков, художников своего дела.

* * *

Стрелковое оружие. Не будем забывать, что смертоносное огнестрельное оружие – это не только пушки. И если последние не импортировались на Русь с Востока, то это ограничение

²¹⁷ Александр Широкоград. Последний довод султанов и королей. Знаменитая московская Царь-пушка не дробовик, а классическая бомбарда. – Национальная оборона, №4, 2018.

²¹⁸ Там же.

²¹⁹ В том числе по техническим параметрам: Дарданелльская пушка – 18,6 тонн; легендарная Базилика, по современным подсчетам, весила примерно 32 тонны; а наша Царь-пушка – более 38 тонн. Толщина дульных стенок стамбульских бомбард – 14 см, нашей – 15 см. Дарданелльская пушка имеет калибр ядер 630 мм; наибольшая из стамбульских пушек также имеет калибр 630 мм и моноблочный ствол; наша – также моноблок, но ее калибр 890 мм.

²²⁰ Царь-пушка и выставлялась, по велению Бориса Годунова, у Лобного места на Красной площади для всеобщего обозрения как некое чудо, без умысла боевого применения. Правда, в 1591 году ее привели в боевую готовность для защиты главных ворот Кремля, когда ожидали прихода войск Казы-Гирея, но татары так и не решились подойти близко. Транспортировать же такую махину, чтобы разбивать стены крепостей вдали от русской столицы, было чрезвычайно сложно, ведь даже только по Москве ее передвигали на катках с помощью 200 (!) лошадей и большого количества людей.

не касалось легкого вооружения – ружей и пр. В этом отношении нам судить легко, ибо, как указано в комментариях к описанию шедевров Оружейной палаты: «Прекрасные восточные стволы из дамасской стали русские оружейники часто использовали при изготовлении своих ружей»²²¹. Так же, как использовали они восточные булатные клинки, в том числе пуская их в перековку, или булатные шлемы и зеркальные доспехи, декорируя их по-своему, и т. д.

В качестве примера можно привести пищаль с длинным массивным турецким стволом (ОПМК №75), которая «относится к лучшим образцам русского парадного охотничьего оружия первой половины XVII в., изготовленного в Оружейной палате»²²².

Такая постановка вопроса несколько странна. Если в холодном оружии самое главное – это клинок, то в огнестрельном, несомненно, – ствол. Именно они придают основной смысл каждый своему виду вооружений. Можно ли относить к «лучшим образцам» оружия одной национальной школы предметы, главный элемент которых изготовлен в традициях другой национальной школы, руками мастеров другой страны, другой национальности? Однако отечественное искусствоведение, похоже, расценивает дело именно так.

Причем, как ясно из сказанного выше, происходило такое освоение русскими оружейниками восточных ружейных стволов в достаточно массовом масштабе. И – добавим – с достаточно давних пор. Об этом свидетельствует еще один экспонат – ружье оружничего Богдана Бельского (ОПМК №88). О нем сказано: «Редкий в собраниях России образец раннего турецкого огнестрельного оружия конца XVI в. Оно имеет фитильный замок восточного типа... Ствол ружья дамасской стали, в дульной части откован в виде змеиной головы с напаянными медью глазами. Подобный прием декорировки стволов часто встречается на турецком и русском длинноствольном оружии XVI—XVII столетий (ясно, что русские заимствовали прием у турок, а не наоборот. – А.С.). На казенной части ствола выбиты три пятиугольных клейма в которых повторяется восточная надпись „Делал Махмуд“»²²³.

На этом эпизоде, вполне ясно раскрывающем общую картину, можно остановить наш рассказ. Понятно, что с огнестрельным вооружением дело обстояло так же, как и с холодным оружием: влияние Востока вплоть до второй трети XVII века было определяющим.

* * *

Оборонительное оружие.

Татаро-монгольское нашествие внесло решительные коррективы не только в части смертоносных, но и оборонительных вооружений. С монгольским, вообще азиатским влиянием связан русский защитный костюм и доспех уже в XIII веке. Так, в 1252—1254 гг. войско Даниила Галицкого, пришедшее за Одер сражаться с немцами в Чехии и Германии, было одето в татарские доспехи: «Беша бо кони в личинах и в коярах кожаных и людье во ярыцех». Чем немцы были немало удивлены. Одним из видов восточного чешуйчатого доспеха были куяки, которые встречались в Московской Руси, хоть и нечасто²²⁴. С азиатским влиянием связывают и кольчатые доспехи – байданы, и кольчато-пластинчатые – бахтерцы, юшманы, колонтари. Хотя и русская кольчуга, будучи весьма совершенна, вполне сохраняла свои позиции до XVII века.

Но главное, самый распространенный в XVI веке защитный костюм небогатого воина – тегилай – представлял собой как татарский, так теперь уже и русский доспех. В классическом труде А. В. Висковатова он описан так: «Платье с короткими рукавами и с высоким стоячим

²²¹ Государева Оружейная палата. – СПб., Атлант, 2002. – С. 371.

²²² Там же.

²²³ Там же, с. 385.

²²⁴ Куяк (от монгольского *хуяг* – доспех) – общее название восточных и русских доспехов бригаantinного типа (когда металлические пластины нашиваются на плотную тканевую или кожаную одежду), а равно бригаantinных доспехов коренных жителей Сибири и Аляски. Под куяком на Руси понимали любой прикрывающий туловище воина пластинчатый доспех, за исключением зеркального, латного и кольчато-пластинчатого. Согласно А. Н. Кирпичникову, такие пластинчатые доспехи бытовали на Руси в период с XIII по XVII вв. К этому типу относится золотоордынский панцирь-дегель рубежа XIV—XV веков, хранящийся в Эрмитаже под каталожным номером 3.0.6855.

воротником, употреблявшееся такими ратниками, которые, по бедности, не были в состоянии явиться на службу в доспехе. Делался тегилай из сукна, также из других шерстяных или бумажных материй, толсто подбивался хлопчатой бумагой или пенькою, иногда с прибавлением панцирных или кольчужных обрывков, и был насквозь простеган. В таком виде тегилай был почти столь же надежной защитой, как и всякий доспех. Надевался он в рукава, как кафтан; в длину был ниже колен, а застегивался пуговицами на груди»²²⁵. Именно в тегилаях красуются конные русские ратники, изображенные на карте-плане Москвы (1556) и на немецких гравюрах, в частности из книги Герберштейна²²⁶, известных нам еще по школьным учебникам истории. В толстой набивке тегилаев нередко застревали стрелы, они неплохо защищали и от сабельных ударов. Впервые тегилай упоминается в переписке Ивана III в 1489 году, но наверняка использовался задолго до того. По мнению видного бурятского ориенталиста Доржи Банзарова, слово «тегилай» происходит от монгольского «тегель», означающего «шитье, стежка»²²⁷.

Вот в таком, татарском по происхождению, наряде щеголяло, по большей части, конное поместное войско, состоявшее из небогатых помещиков и дворян (ядро русских вооруженных сил), ведь власть оставляла вооружение на усмотрение каждого воина. Общая численность дворянского ополчения могла достигать в конце XVI века 50.000 человек, в дальнейшем численность росла. И общий внешний вид этой конницы определялся изготовленными в домашних условиях тегилаями «а-ля тартар». А что до широких народных масс, принимавших участие в походах и сражениях XVI—XVII вв., они состояли из казаков (вольных и служилых, городских и слободских, устроенных на манер стрельцов), а также простых селян, горожан и монастырских людей, занятых на военно-инженерных работах, транспортировке артиллерийских орудий, боеприпасов, обслуживании орудий и помощи людям пушкарского чина, в охране городов. Эти люди одевались кто во что горазд и имели хоть какое-то оружие одно на пять-шесть человек, хотя правительство и добивалось, чтобы каждый горожанин и селянин имел хотя бы рогатину, пищаль или бердыш, дабы в случае надобности участвовать в народном ополчении. Но средств при этом не давало (разве что казакам, в виде боеприпасов), а своих у людей не было.

Любопытно, что в Лицевом летописном своде имеется посвященная событиям 1552 года миниатюра «Бысть сеча в граде Казани», на которой русские и татары, с одинаковыми саблями в руках, вообще неотличимы по вооружению и внешнему виду.

Доспехи. Зато у русских богатых и знатных людей, у военачальников был свой излюбленный наряд – зеркальный доспех, хотя и он порой надевался поверх тегилая. В Оружейной палате хранится около пятидесяти (!) комплектов таких доспехов, что свидетельствует об их большой популярности.

Что этот доспех собой представлял и откуда появился?

Появление на Руси ранних зеркал, представлявших собой круглую металлическую бляху, одевавшуюся поверх кольчужного, как правило, доспеха, относят к концу XIII. У монголов этот тип доспеха также известен в XIII—XIV вв. Таким образом, и тут влияние монголо-татарских пришельцев очевидно. Хотя надо сказать, что данный тип защитного вооружения вообще широко распространен на Востоке. В персидском варианте он называется «чахар-айина» («четыре зеркала»); в китайском «пиньинь» («зеркало, защищающее сердце»). «Чаще всего употреблялись зеркала из двух или четырех пластин, но иногда их число могло доходить до четырех десятков и более»²²⁸.

²²⁵ Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. – СПб., 1899. – С. 32—33.

²²⁶ См.: S. Herberschtein. Moscoviter wunderbare Historien. – Basle, 1567. – P. CXXII.

²²⁷ Банзаров Д. Д. О восточных названиях некоторых старинных русских вооружений // Записки Санкт Петербургского Археологическо-Нумизматического общества. – СПб., 1850. – № Т. 2. – С. 354.

²²⁸ Государева Оружейная палата... – С. 317.

Различают два вида: полный зеркальный доспех и зеркала личные. Считается, что полные зеркальные доспехи в русской традиции имеют более позднее османское происхождение²²⁹, тогда как зеркала личные давно пришли из Средней Азии и Персии²³⁰. Эти последние в персидском варианте были лишь усиливающими кольчатый доспех элементами и всегда состояли из четырех больших пластин: нагрудной, наспинной и двух боковых²³¹. Пластины могли иметь разные формы: прямоугольники, восьмиугольники и круги, а боковые пластины могли иметь подмышечную выемку.

О том, как выглядели в 1588 году в подобных доспехах представители верхушки русского общества, рассказал наблюдательный дипломат и поэт Джильс Флетчер: «У главных предводителей и знатных лиц лошади покрыты богатою сбруею, седла из золотой парчи, узды также роскошно убраны золотом, с шелковою бахромою, и унизаны жемчугом и драгоценными камнями; сами они в щегольской броне, называемой булатной, из прекрасной блестящей стали, сверх которой еще надевают одежду из золотой парчи с горностаевой опушкой»²³². Читая эти строки, вспоминаешь, конечно же, не собрания Тауэра, Дрездена или Музея армии в Париже, а исключительно коллекции Военно-исторического музея в Стамбуле и не менее того – султанского дворца Топкапы.

Зеркальные доспехи были любимы русскими князьями и царями. К сожалению, мы не можем заглянуть воочию в глубь веков, поскольку в пожаре 1547 года сгорело все содержимое Оружейной палаты на тот момент: в том числе оружие великих князей Ивана Ивановича, Дмитрия Донского, Ивана III Васильевича и их замечательных современников. Колоссальный ущерб Оружейной палате нанесли польские интервенты и другие фигуранты Смутного времени, разграбившие ее в те годы так, что потом пришлось по крупницам собирать из разных мест бывшее наследие (многого найти не удалось). Но все же мы можем полюбоваться на самые совершенные по техническому исполнению и красоте образцы вооружений и просветиться на их счет, читая высокопрофессиональные описания сотрудников Музеев Кремля.

Помимо зеркальных, русские носили и другие разнообразные пластинчатые доспехи. Об их происхождении говорят уже и сами восточные названия типов защитных приспособлений: чичак (шишак), бутурлык, бахтерец, байдана, колонтарь, юшман и т. д. Ничего удивительного: «В XVI—XVII вв. бахтерцы и конструктивно родственные им доспехи были распространены на Востоке (Иране, Турции, Египте, Индии) и в некоторых европейских странах (Польше, Венгрии, России – понятно: именно эти страны теснее всего контактировали тогда с Востоком. – А.С.)»²³³.

Типологически восточные, пластинчатые доспехи, однако, нередко выполнялись русскими мастерами с большим искусством. Так, один из самых красивых зеркальных доспехов (ОПМК №20) был сделан для юного Михаила Федоровича в 1616 году русским мастером Дмитрием Коноваловым (ковка) и немцем Андреем Тирманом (травление и золочение). Великолепен бахтерец (ОПМК №18), выполненный Кононом Михайловым в 1620 году: каждая его пластинка насечена золотом – красиво, необычно, стильно.

Алексей Михайлович по каким-то причинам не носил ни лучший шлем, ни лучший доспех своего отца. Не носил он и дареные ему не раз западные доспехи, хотя Никита Давыдов исполнил как-то раз занятную кирасу по западному образцу. Зато Тишайший царь любил и ценил турецкой работы крупнопластинчатый юшман (ОПМК №19), который брал с собой в походы 1654—1656 гг. Его пластины декорированы золотой таушировкой – там мы

²²⁹ Аствацатурян Э. Г. Турецкое оружие в собрании Государственного исторического музея. – СПб., 2002. – С. 72.

²³⁰ Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). – СПб., 2008. – С. 479.

²³¹ Известно, что подобный пластинчатый доспех был на Дмитрии Донском в Куликовской битве.

²³² Флетчер Д. О государстве Русском. – СПб., 1905. – С. 67.

²³³ Государева Оружейная палата... – С. 318.

видим растительный орнамент и восточные надписи: «Милосердный Зиждитель», «Слава Тебе по всему миру».

Правда, в 1663 году Тишайший дождался собственного зеркального доспеха, изготовленного Никитой Давыдовым (ОПМК №21; это одна из последних выдающихся работ мастера). А в 1670 году по его заказу был исполнен особый великолепный зеркальный доспех, повторяющий работу Дмитрия Коновалова (в центре – двуглавый орел, по кругу – титулатура); к сорока годам царь наконец решил «сравняться» с отцом, чьим оборонительным оружием не пользовался из принципа. Однако этому доспеху – вряд ли случайно – в витрине Оружейной палаты придан наголовник в виде популярного еще у татар шлема «мисюрка», и комплект сразу же производит впечатление Востока, как оно, собственно, и должно быть.

Кроме доспеха, тело русского воина защищали наручи, а иногда и поножи (бутурлыки). Любимые наручи Алексея Михайловича, которые он брал с собой в Смоленский и Рижский походы (ОПМК №28), были турецкой работы XVI века и поступили в казну в 1622 году поле смерти князя Ф. И. Мстиславского. Эти парные наручи «по всей длине отерты гранями и сплошь покрыты инкрустированным в булат тонким золотым растительным орнаментом, поверх которого укреплены фигурные (в виде бутонов тюльпанов и розеток) золотые пластины с драгоценными камнями в высоких гнездах»²³⁴.

Сегодня наручи персидской работы (и персидскую же саблю) можно увидеть в реконструированном дворце Алексея Михайловича в Коломенском – в «детской учительной палате»²³⁵.

В Оружейной палате хранятся и другие прекрасные наручи турецкой работы. Очевидно, их воздействие на воображение русских оружейников было настолько сильным, что в подражание им Никита Давыдов в первой половине XVII века выполнил свою пару, «видимо, по вполне конкретному образцу» (в коллекции есть «пара других наручей – именно турецких – с почти полностью аналогичным декоративным решением»²³⁶).

Шлемы, боевые шапки. Изложение темы происхождения и морфологии домонгольских русских шлемов основано здесь на фундаментальной работе А. Н. Кирпичникова, детально раскрывающей вопрос²³⁷.

Если отказаться от исчисления российской истории со времен Урарту, на чем в советское время настаивала официальная версия, то можно утверждать на основании данных археологии: с VIII–X вв. и до второй половины XVI века основным типом шлемов, применяемых на Руси, были высокие сфероконические шлемы, увенчанные шпилем или втулкой для перьев или флажка-яловца (эта деталь, по мнению Кирпичникова, восходит к XI–XII вв.). Вначале склепанные из нескольких (от двух до четырех и более) пластин, затем и цельнокованные. Со времен по крайней мере Святослава Хороброго применялось золочение и серебрение шлемов, разнообразные прикрасы. По нижнему краю, как правило, крепились кольчужные бармицы.

«Все известные образцы („курганного периода“. — А.С.), судя по богатству отделки, принадлежали, по-видимому, феодальной знати. О шлемах рядовых дружинников ничего определенного сказать нельзя. Однако эта часть боевого доспеха имела не только у предводителей, но и у дружины. Лев Диакон сообщает о „твердых шлемах“ русских, воевавших на Балканах», — пишет Кирпичников.

В дореволюционное время такие ученые, как Э. Ленц и В. В. Арендт, настаивали на восточном происхождении подобных шлемов, затем советские историки А. В. Арциховский, Б. А. Рыбаков и др. доказали существование на Руси собственного оружия и такого вида защитного доспеха, как шлем. Кирпичников своеобразно резюмирует результат дискус-

²³⁴ Государева Оружейная палата... – С. 326.

²³⁵ См.: Беляев Л. А., Панова Т. Р. Дворец царя Алексея Михайловича XVII века. Историко-художественная реконструкция. – М., МГОМЗ, 2013. – 2-е изд.

²³⁶ Государева Оружейная палата... – С. 327.

²³⁷ Кирпичников А. Н. Русские шлемы X–XIII вв. – Советская археология, 1958, №4.

сий: «Генезис русских шлемов указывает на азиатский Восток... Речь может идти только о происхождении типа втульчатого сфероконического наголовья, господствовавшего на Среднем и Ближнем Востоке в течение всего средневековья. Следует отметить, что детали орнаментального убранства, боковые „умбоны“ и медно-золоченая техника древнерусских экземпляров пока не встречены на Востоке. Не исключено, что наиболее своеобразные нарядные экземпляры из Гнёздова и Черной могилы были сделаны местными мастерами, знакомыми с азиатскими моделями». Такой неопределенный, гадательный результат многолетних дискуссий оставляет, на мой взгляд, вопрос о происхождении русского шлема открытым и спорным. Но дает все основания говорить о взаимовлиянии восточной и собственно русской традиции.

Зато вот что бесспорно: «шлемы Северной Европы существенно отличались от гнёздовского образца (равно как и от других русских находок)». Более того, влияние тут шло в обратном направлении: «Путь распространения золоченых шлемов с Востока на Запад в общем не вызывает сомнений... Вероятным центром изготовления золоченых шлемов было Киевское государство, так как наиболее древние экземпляры найдены в богатейших княжеско-боярских курганах X в. Нельзя, конечно, утверждать, что все зарубежные шлемы сделаны в русских городах, однако, если говорить о генезисе таких памятников, то, очевидно, нельзя и отрицать того положения, что сам тип сфероконического золоченого наголовья, сложившийся под восточным влиянием, в X в. бытовал на Руси. Отсюда он мог проникнуть на Запад и вызвать там местные подражания».

Этот факт дает повод вновь предполагать, во-первых, что домонгольская Русь в ряде областей техники и искусства развивалась не догоняющими, а опережающими Западную Европу темпами. А во-вторых, что западноевропейская цивилизация еще не вполне сложилась в романский период и не могла претендовать на роль мегамицивилизации, в отличие от двух восточных: монголоидно-китайской и исламо-арабской. Уступая им в культурном и технологическом отношении. Руси же во многом выпала роль страны, через которую проходил культурный транзит.

В XII – начале XIII вв. расхождение между русской и западной традицией шлемоделания нарастает. Хотя русские тоже стремятся полностью прикрыть как голову, так и лицо, но таких «громоздких и неуклюжих» шлемов, как на Западе, у нас не создают. Самый известный русский шлем этого периода, предположительно принадлежавший князю Ярославу Всеволодовичу, «обит серебряным листом и украшен позолоченными серебряными чеканными накладками: на вершине – звездчатой пластиной с изображением Спаса, Св. Георгия, Василия, Федора и на челе – образом архангела Михаила с черневой посвяtitельной надписью. По краю проходит орнаментная кайма с изображением грифонов, птиц и барсов, разделенных лилиями и листьями. Чеканная отделка стилистически близка к Владимиро-Суздальской белокаменной резьбе, что, может быть, указывает место изготовления памятника... Кроме того, кругом по ободу в пяти местах имеются сломанные ушки для бармицы. К тулье прикреплен клювовидный посеребренный наносник с позолоченным надбровьем, образующим вырезы для глаз». Характерной особенностью подобных шлемов данного периода является их крутобокость. Известно еще как минимум два образца, причем все они «настолько своеобразны, что исключают мысль о каком-либо заимствовании. От своих западных современников они, между прочим, отличались круговой бармицей: западные образцы или упирались боковыми, длинными стенками в плечи и стесняли движение головы, или не имели бармицы, заменявшейся кольчужным капюшоном». Судя по некоторым изображениям в письменных источниках, такие капюшоны, представлявшие одно целое с кольчугой, были известны в русских княжествах, но шлем западного образца у нас не прижился.

Характерные, украшенные высокими шпильями с яловцами, русские шлемы заслуживают названия национальных, ибо они были заметным украшением русских воинов, как можно судить по десяткам миниатюр Радзивилловской летописи. Служили их отличительной особен-

ностью. «Ратники Данила Галицкого имели во время похода на ятвягов шлемы „яко солнцю восходящу“. По словам немецкой рифмованной хроники, шлемы новгородцев „бросались в глаза“, „блестели как зеркало“».

Кирпичников подчеркивает: «Подводя общий итог эволюции шлемов X—XIII вв., можно сказать следующее. Русские домонгольские шлемы восходят к древним восточным образцам. Уже в ранний период эти шлемы отличались большим своеобразием, и многие их типы не имеют аналогий ни на Востоке, ни на Западе. Очевидно, русские оружейники создали самостоятельные варианты боевого наголовья, восхищавшие современников своими отличными качествами и красотой; это обеспечило русским шлемам распространение за пределами родной земли».

Но вот пришли орды Батыя, и положение резко изменилось: «Монгольское нашествие тяжело отразилось на русском оружейном ремесле. Меднозолоченые шлемы, а также крутобокие шлемы с чеканной религиозной рыцарской эмблематикой не получили дальнейшего развития в позднем средневековье»²³⁸.

* * *

Сфероконические простые стрельчатые шлемы с высоким шпилем, однако, еще долго, вплоть до XVII века, остаются в обиходе русского войска в качестве основной модели, лишь претерпевая незначительные изменения типа укорочения наносника. Их боевые качества, апробированные в веках, выдержали проверку татарским нашествием. Показательно, что именно такой шлем заказал уже разгромивший татар и взявший Казань Иван Грозный в 1557 году для своего трехлетнего царственного сыночка Ивана, «на вырост» (ОПМК №2).

Но со второй половины XVI в. шлемы постепенно выходят из боевого употребления. На смену им уже нередко появляются перенятые у восточного воинства низкие, скругленные, куполовидные или полусферические, «железные шапки», «шишаки», «мисюрки», а для небогатых помещиков и дворян – «бумажные шапки», сотворенные по тому же принципу, что и перенятые у победителей тегияи.

В XVI—XVII веках, которым, собственно, посвящено наше исследование, следует отделять повседневный воинский быт от модного мейнстрима в дизайне вооружения имущих слоев. До появления первого русского регулярного воинства (стрельцов) говорить о какой-то унификации военного костюма не приходится. Оружие всегда стоило дорого, и было далеко не у каждого (выше отмечалось, что у народных ополченцев смертоносное оружие приходилось хорошо, если на одного из пятерых). Так что архаические образцы продолжали передаваться от отцов сыновьям, несмотря на весь свой архаизм. Однако не эти предметы определяли собой движение стиля, не по ним следует отслеживать эволюцию вкуса. Такие цели требуют вновь обратить наше внимание на произведения оружейного не ремесла, а искусства, заказчиками и потребителями которого выступали цари и знать.

В Оружейной палате хранится загадочный шлем редкой цилиндроконической формы с довольно широкими полями, именуемый «Шапка с Деисусом» (ОПМК №1). Который одно время считался боевой принадлежностью Александра Невского и по этой причине оказался надет художником Васнецовым на Добрыню Никитича с картины «Три богатыря». До революции была попытка провести аналогию между данным шлемом и древними кельтскими боевыми наголовьями, запечатленными на знаменитом «Ковре из Байо». В советское время шлем долго считали византийской работой XIII—XIV вв., но сегодня, благодаря исследованию И. А. Стерлиговой, он «возвращен» русским мастерам, несмотря на определенную связь с византийской оружейной традицией²³⁹. Которая, все же, просматривается как по линии формы – «греческого

²³⁸ Кирпичников А. Н. Русские шлемы X—XIII вв.

²³⁹ Подробно о нем см.: Стерлигова И. А. «Шапка с Деисусом» как памятник культуры Древней Руси // Музеи Московского Кремля: Материалы и исследования». Вып. 22. – Москва, 2014.

колпака», имевшего хождение в Византии предположительно в X—XV вв., так и по линии греческих надписей, сопровождающих часть изображений святых. Поэтому считать шлем оригинальным русским нет возможности. Уникальным такой шлем в свое время не был, поскольку аналогичные изображения мы видим на печати Ивана Еремича из Новгорода (начало XIV века), а также на портрете Андрея Боголюбского (миниатюра Радзивилловской летописи). Но, видимо, в отличие от архитектуры и живописи, русское оружейное дело, от которого зависел вопрос жизни и смерти, не столь уж подвержено было византийскому влиянию, так что типовым данный образец не стал. Стерлигова считает, что данный шлем, созданный на Руси во второй половине XIV века, должен стоять в ряду русских княжеских инсигний, поскольку выражает представления о некоем православном самодержце, воителе за христианскую веру. Что в условиях татарского ига было, конечно, актуальным. Однако в плане оружейной эстетики и моды данный шлем погоды не сделал, и судить об искусстве русского шлема мы будем не по нему.

Как и в других сферах искусства и ремесла (иконы, ткани, церковное строение и др.), русские и здесь, как видим, к концу ордынского периода стали избавляться от византийского влияния. Вопрос, в пользу чего это делалось? Запада, Востока или оригинальных собственных интенций?

Ответ однозначен. Его дают, в частности, археологические находки, сделанные в Ипатьевском переулке Москвы (Китай-город), где они, надо полагать, когда-то хранились в некоем частном арсенале. Шлемы, найденные там, датируются до 1547 г., благодаря монетам, найденным вместе с ними; следовательно, их можно отнести к концу XV – первой половине XVI вв. Историк-специалист К. А. Жуков характеризует их так: «Шлемы, несомненно, являются продуктом преобладающих восточных тенденций в русском военном деле XV—XVI вв. Своими очертаниями они точно воспроизводят образцы воинского обихода Турции и Ирана. Изготавливались они при этом на территории Руси, скорее всего, в московских оружейных мастерских. Рассматриваемые экземпляры однозначно соотносятся с изображениями на картине „Битва на Орше“, воспроизводящей события 1514 г. (хранится в Народном музее в Варшаве) ... Надежно датированный (до 1547 г.) шлем данного типа, принадлежавший Ивану IV Грозному, хранится в Королевском Арсенале в Стокгольме»²⁴⁰.

Эти важные наблюдения позволяют, во-первых, ставить вопрос о повторном заимствовании новых форм сфероконических наголовий с территории Азии, что отлично коррелирует с другими явлениями, отмеченными в настоящем повествовании. Во-вторых, сравнение раскопанных шлемов с царской инсигнией позволяет делать вывод о достаточно массовом характере процесса, охватившем разные слои общества. А в-третьих, позволяет перейти к рассказу о достойном внимания шлеме Ивана Грозного.

В отношении данного шлема в отечественном искусствоведении разыгралась очень показательная история, когда в 2009 году он был впервые привезен из Швеции в Россию и выставлен в Москве (в ОПМК) и в Астрахани по случаю 450-летия ее включения в состав государства Российского. Что же произошло?

В тексте для буклета, выпущенного по случаю такого видного события, научный сотрудник сектора оружия и конского убранства Музеев Московского Кремля В. Р. Новоселов дал такое описание: «Шлем царя Ивана IV выкован из стали, по форме стрельчатый, с высоким узким островерхим шпилем для крепления флажка-яловца – именно в таких шлемах обычно изображают героев русских былин, богатырей... На Руси такой тип боевого наголовья назывался шеломом или шоломом. Шлем богато украшен золотой насечкой (инкрустацией), отличающейся изумительно ювелирно тонким, совершенным качеством исполнения и строгой лаконичной красотой. Конусообразный колпак шлема разделен на узкие чередующиеся

²⁴⁰ Жуков К. А. Русские сфероконические шлемы развитого средневековья // Воин №18, 2005, стр. 18—27.

сегменты; гладкие и инкрустированные переплетенными выющимися вверх золотыми травами со стилизованными листьями и бутонами цветов. Венец шлема украшен тремя декоративными ярусами. Верхний представляет собой насеченную золотом вязь – имитацию (!) арабской надписи. Ниже нее проходит узкий пояс с инкрустированной кириллической надписью: «Шеломъ князя Ивана Васильевича великого князя с (ы) на Василя Ивановича господаря Всея Руси самодержца». Третий орнаментальный ярус, идущий по нижней части венца, вновь заполнен сплетениями трав, листьев и цветами – стилизованными головками тюльпанов.

Стиль орнамента, его характерные элементы имеют восточное происхождение, но в то же время манера исполнения, равно как имитационный характер арабской надписи, свидетельствуют о том, что шлем делал русский мастер, хорошо владевший техникой инкрустации золотом и явно близко знакомый с декоративным оформлением турецкого оружия и доспехов. Такие высокопрофессиональные мастера, умевшие создавать парадное оружие, не уступавшее в роскоши восточным образцам, творили в Москве, в Оружейной палате...

Из надписи следует, что шлем, определенно, был изготовлен до 1547 года, в котором Иван Васильевич принял царский титул. Судя по размеру, шлем был изготовлен для юноши и использовался в ходе торжественных воинских церемониалов».

Информационная служба ГИВЦ Роскультуры в сообщении от 26.03.2009 поведала к сему: «...Научный руководитель Государственного историко-культурного музея-заповедника „Московский Кремль“ Алексей Левыкин рассказал, что верхний ярус шлема содержит стилизованный орнамент – имитацию арабской надписи – подтверждение того, что шлем делал русский мастер, „просто симитировав иероглифы“».

Прочитав эти материалы авторитетных столичных инстанций, можно сделать однозначный вывод, что прекрасный во всех отношениях шлем – выдающееся творение русских мастеров Оружейной палаты.

Но далее шлем поехал экспонироваться в Астрахань, где волей случая его узрел один хорошо образованный иранский дипломат. О результатах этой встречи с прекрасным должна газета «Известия» в номере от 5 июня 2009 года:

«Расшифрована арабская надпись на шлеме Ивана Грозного. Генеральный консул Ирана Сейед Голамрез Мейгуни расшифровал арабскую надпись на шлеме Ивана Грозного, выставленного в астраханском Музее боевой славы. Дипломат утверждает, что выполненная на верхнем горизонтальном поясе царского шлема надпись переводится с одного редкого арабского диалекта как „Аллах Мухаммед“. Эти слова могут быть сокращенной версией известного выражения „Велик Аллах, и Мухаммед пророк его“...»²⁴¹.

Уточню: перед нами не что иное, как символ веры мусульманина в сжатом виде: «Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед пророк Его». Надпись выполнена весьма трудночитаемым, даже для самих мусульман, куфическим письмом в подражание ранним памятникам арабской письменности. Поэтому неудивительно, что отечественные знатоки оружия приняли ее за «имитацию» арабского текста. А просвещенный перс-мусульманин сумел разглядеть скрытый в ней смысл.

Однако мало правильно прочесть куфическую вязь. Необходимо столь же правильно расшифровать и древнерусский текст. А для этого мы поновим в ней орфографию и расставим правильно знаки препинания. Получится: «Шелом князя Ивана Васильевича, великого князя сына Василя Ивановича, господаря, Всея Руси самодержца». Тот факт, что в русской владельческой надписи упомянуты одновременно два титула и, соответственно, два реальных лица – «князь» (Иван) и «великий князь, господарь, Всея Руси самодержец» (Василий), заставляет предположить, что данный шлем был изготовлен для мальчика еще при жизни отца. На вырост,

²⁴¹ См. электронную версию статьи на сайте <http://izvestia.ru/news/452375>.

если можно так выразиться. Как впоследствии на вырост был изготовлен шлем уже для сына Грозного, трехлетнего царевича Ивана Ивановича, о чем шла речь выше²⁴².

Но кто же и с какой целью мог изготовить роскошный шлем такого качества в Московской Руси между 1530 и 1533 годами, когда были еще живы оба венценосных рюриковича: отец и сын? Да еще с надписью «Аллах Мухаммед» куфическим письмом на арабском языке? Неужели русские мастера?

Прежде всего надо понимать: в младенческие годы Ивана Грозного не только не было в России «высокопрофессиональных мастеров, умевшие создавать парадное оружие, не уступавшее в роскоши восточным образцам», творивших, якобы, «в Москве, в Оружейной палате», но и самой Оружейной палаты, возможно, еще не было (впервые упомянута в источниках в 1547 году). Никаких оснований приписывать такого уровня работу русским мастерам, нет, как нет и никаких ее русских аналогов этого периода.

Поневоле приходит на ум только одна гипотеза: шлем сделан неким высокого класса мастером в Турции по заказу султана Сулеймана специально для подарка Василию Третьему, чтобы уважить его отцовское чувство²⁴³. Следует напомнить, что с 1523 между Московской Русью и Турцией были установлены обмен послами и мирные отношения, которые продолжались в общем и целом до 1541 года. В одно из таких посольств на пике добрососедства и мог быть сделан подобный подарок русскому суверену для его долгожданного сыночка.

Есть косвенное, но серьезное тому подтверждение: владельческая надпись маленькими русскими буквами идет ниже прославления Аллаха и Магомета, сделанного буквами очень большими и красивыми, стильными (куфика вообще чтима на Востоке как отменный декор для самых разных произведений прикладного искусства). Но вряд ли русский мастер – православный христианин – увлекся бы идеей стилизации до полного забвения религиозных приоритетов и стал бы так прославлять Аллаха и его пророка. Еще одно косвенное подтверждение – использование излюбленного турками цветка тюльпана в самом большом растительном орнаменте, идущем понизу шлема.

Единственное, что могло бы противоречить данной версии – форма этого боевого наголовья. Но сделанное Жуковым сравнение с раскопчными шлемами из Ипатьевского переулка снимает все сомнения: форма вполне восточная.

Можно лишь горько сожалеть, что этот изумительный по исполнению шлем был исхищен из Московского Кремля и находится сегодня в Королевской оружейной палате (Стокгольм), а потому не мог быть предварительно изучен русскими специалистами. Как пояснил в том же буклете Нильс Дрехолт, старший хранитель музея Ливрусткамарен, «при захвате Варшавы шведами под предводительством Карла X Густава 30 августа 1655 г. было взято огромное количество трофеев как из Королевского дворца, так и из частных домов... Среди них и два великолепных русских шлема... Считается, что они были взяты поляками в Москве в 1611—1612 гг., в период Смутного времени». Что поделать...

Таким образом, мы вправе фиксировать заметное турецкое влияние на русское оборонительное оружие уже в первой трети XVI века.

* * *

Перенесемся теперь на сто лет вперед в XVII век и обратим свое внимание еще на один царский шлем. Это такой всемирно известный предмет, как «шапка ерихонская»²⁴⁴ Михаила

²⁴² Этот «детский» шлем имеет, однако, 18,3 см в диаметре, всего ровно на 3 см меньше, чем вполне «взрослая» ерихонская шапка князя Ф. И. Мстиславского. Он явно делался «на вырост». Традиция?

²⁴³ Аналогичное мнение высказала с. н. с. Музеев Кремля Елена Арутюнова в интервью ИТАР ТАСС после выступления иранского генконсула. Но в литературе оно пока не отражено.

²⁴⁴ Ерихонские шапки, «ерихонки» были наголовьем царей, князей, воевод – не простых воинов. В Переписной книге Оружейной палаты 1686/1687 гг. ерихонским шапкам отведена целая отдельная глава. Купола этих шапок были разными – коническими и сфероконическими, но, как правило, все с наушами, назатыльником и козырьком со стрелой.

Федоровича Романова (Россия, Москва, 1621 г., мастер Никита Давыдов; ОПМК №6). Перед нами бесспорный шедевр, один из самых прославленных и воспроизводимых, главный символ вообще русского оружейного искусства и самой Оружейной палаты Московского Кремля. В Переписной книге 1686/1687 шлем оценен в бешеную по тому времени сумму: 1175 рублей²⁴⁵.

Но! «Граненый купол этого шлема имеет восточное происхождение, о чем свидетельствует характер насеченного по его краю декора и выполненная в той же технике надпись: „Обрадуй правочерных обещанием скорой помощи от Аллаха и скорой победы“»²⁴⁶. Таушировка золотой проволокой, глубокая, не поверхностная, золота не пожалели. Она обильно украшает весь шлем. Надпись же идет по нижнему, самому широкому ярусу подвержия и выполнена явно той же рукой, что и весь остальной декор, включая широкие канты понизу и поверху и три короны, симметрично разбросанные по тулову.

Можно добавить, что считать науши и назагыльник выполненными другой рукой, нежели купол, нет никаких оснований, судя по всему их оформлению и по аналогам, о коих ниже. Шлем по происхождению – восточный весь целиком и полностью, выполненный, несомненно, в турецкой столице Стамбуле.

Вот такой главный шлем русских православных царей...

Примечательную характеристику этому шлему выдают сотрудники Оружейной палаты: «В художественной отделке шлема своеобразно сочетаются мотивы русского орнамента с восточными надписями и изображениями западноевропейских корон. Поражает великолепное мастерство таушировки золотом по булатной стали»²⁴⁷.

Чья мастерство? Чья булатная сталь? Где там «русский орнамент»? Чья рука делала «восточные надписи» и «западноевропейские короны»? И одна ли рука, или их было несколько? На эти вопросы официального ответа в музейных описаниях нет.

Спрашивается: в чем же заслуга, в чем вклад прославленного русского мастера Никиты Давыдова, что сделал он сам, лично, для этого выдающегося памятника искусства? За что он получил из казны награду: отрез венецианской тафты и английского сукна? В чем его искусство? Это вполне ясно.

Во-первых, он отломал «родное» завершение нанóсной стрелки, которое, скорее всего, было булатным прорезным («на проем»), наподобие того, что мы видим на аналогичных ерихонских шапках князя Ф. И. Мстиславского (ОПМК №7) и той, что привез из Стамбула наш дипломат А. О. Прончищев (ОПМК №8). На ней мог быть нейтральный растительный орнамент, как в первом случае, а могла быть и надпись типа «Нет Бога, кроме Аллаха, и Магомет пророк его», как во втором случае. Скорее всего, именно она там и была, поскольку на шапке Прончищева, как и на шлеме Михаила Романова, и тоже на подвержии, насечена точно такая же золотая надпись: «Обрадуй правочерных обещанием помощи от Аллаха и скорой победы». Это шапка-двойник, явно сделанная в той же мастерской и украшенная, возможно, той же рукой. А значит, и завершения наносных стрелок могли быть одинаковы. Но такая надпись на царском шлеме, да еще на самом видном месте, была бы уж чересчур, вызывающе неуместна. Вот Давыдов и заменил ее на массивную эмалевую на золоте плашку – иконку архистратига архангела Михаила, покровителя русского воинства. Она стилистически никак не связана со шлемом в целом и исполнена далеко не столь прециозно, как таушированный декор, зато сразу придает шлему «православное звучание» (а кто там прочтет арабскую вязь на узком подвержии купола?).

²⁴⁵ Для сравнения: все строительство бесподобного храма Рождества Богородицы в Путинках (1649—1652) обошлось в 800 руб.

²⁴⁶ Государева Оружейная палата... – С. 305.

²⁴⁷ Мартынова Т. В., Тихомирова Е. В. Золотой век русского оружейного искусства... – С. 27 нenum.

Во-вторых, с этой же целью на подвершие, изначально не требовавшее никаких прикрас и находившееся в единой гармонии со всем декором, было надето явно «неродное», частично закрывающее его наверх, также сделанное эмалью на золоте, в которое должен был крепко вставляться, вместо перьев, золотой православный осмиконечный крест (упомянут в Росписи походной казны 1654 г.; другой запасной такой же крест хранился совокупно со шлемом).

В-третьих, с этой же целью все три насеченные золотом короны были дополнены православными осмиконечными крестами на центральном зубце, исполненными вопреки первоначальному авторскому замыслу, это очевидно, поскольку все кресты своими концами едва не упираются в декоративный нижний пояс подвершия, заметно нарушая пространственную композицию.

Наконец, по всему шлему, включая уши, оказались разбросаны жемчуга и драгоценные камни, также явно не предусмотренные первоначальным замыслом художника, поскольку золотые гнезда («касты» или «плащики»), в которых они крепятся, зачастую наклеплены поверх орнаментов, порой закрывая их некстати, нарушая симметрию и гармонию, зато ослепляя созерцателя своим сиянием²⁴⁸. Всего, не считая жемчужин, использовано 95 алмазов, 228 рубинов и 10 изумрудов, из которых впечатление более-менее «родных» оставляют, возможно, только рубины, служащие для окантовки наушей. Хотя, судя по ближайшим вышеописанным аналогам, никакая окантовка для этих и без того стилистически единых и совершенных шлемов не предполагалась вообще.

Таким образом, цели и задачи, которые были поставлены перед русским мастером Никитой Давыдовым, совершенно ясны: превратить шедевр турецкого оружейного искусства в боевой аналог Шапки Мономаха – царский воинский походный венец. А для этого сделать шлем «православным» и «богатым». Что Давыдов и выполнил с честью, и был за то заслуженно вознагражден.

Улучшил или испортил лучший русский мастер исходный турецкий материал своим вмешательством, судить об этом – дело вкуса²⁴⁹. Нам важно подчеркнуть одно: обе главные царские «шапки» – как гражданская, так и военная, обязаны своим происхождением Востоку.

Рядом с вышеописанным «шедевром русского оружейного искусства» должны быть поставлены два другие, сделанные, скорее всего, в одной и той же мастерской Стамбула примерно в одно и то же время. Они уже упоминались выше: это ерихонские шапки Мстиславского и Прончищева²⁵⁰. Типологически они мало отличаются, разве что прончищевская вся сверху

²⁴⁸ Кстати: русские, как и персы, турки, индо-арии, по большей части не обтачивали драгоценные камни, оставляли им неправильную, неровную природную форму, проявляя тонкий вкус. Они справедливо понимали: в этом есть своя прелесть.

²⁴⁹ Нет никакой возможности согласиться с точкой зрения, якобы Давыдов, проходивший в Стамбуле обучение секретам турецкого оружейного мастерства, приделал-де шлему новые уши взамен почему-то где-то утраченных и самостоятельно натаушировал три короны там, где их ранее не было (Russian arms and armour. Selection and introduction by Alexander Sedov and Mikhail Portnov... – С. 19). И уши, безусловно, «родные», сделанные и орнаментированные теми же руками, что и весь шлем в целом. И короны, судя по стилю работы, тоже «родные», изначально сделанные на шлеме турецким художником-оружейником. Иначе, во-первых, они расположились бы чуть ниже или были бы иначе скомпонованы, чтобы не пришлось экстренно приделанными крестами «въехать» под самый орнаментальный пояс. А во-вторых, Давыдов вряд ли стал бы своему царю навязывать корону в европейском, «латинском» стиле, в то время как для турка русский царь-христианин, ради которого он старался, был, конечно же, «европеец». Давыдов начал работу в Оружейной палате в 1613 году очень молодым человеком (умер в 1669). Сомнительно, что он бывал в Стамбуле до того, юношей, обстановка Смутного времени к тому не располагала. Артель же он возглавил в 1620-е годы, когда шлем уже был доделан. Стилистика эмалевой иконки св. архангела Михаила и наверхия никак не соотносится со стилистикой шлема в целом, не говоря уж о камнях, приделанных поверх виртуозных «родных» золотых орнаментов. Вряд ли у него бы поднялась рука на такое искажение турецкого шедевра, если бы он к тому времени уже стажировался в Стамбуле...

²⁵⁰ В султанском дворце Топкапы в Стамбуле хранятся и другие роскошные ерихонские шапки – «родные сестры» нашим трем вышеописанным. Все они датируются XVI – началом XVII вв. Начиная со сплошь инкрустированного золотом и драгоценными камнями шлема самого Сулеймана Великолепного (инв. №2/1187). Другой ценнейший шлем XVI века такого рода (инв. №2/1192) сплошь украшен золотым цветочным мотивом в стиле «саз». Есть и ложчатые, как в Оружейной палате. Часть дворцового собрания, насчитывавшего более 10 тыс. предметов вооружения, в том числе богатую подборку шлемов, была передана в Военно-исторический музей Стамбула. См.: Topkapı Palace. – Istanbul, Aksit, 2005. – P. 110–111, 119.

донизу, включая даже назатыльник, науши и козырек, испещрена благочестивыми мусульманскими изречениями. Те же ложчатые купола булатной стали, та же глубокая таушировка золотом...

Диаметр шапки Мстиславского на 7 мм меньше, чем у Михаила Федоровича; по этой или по какой иной причине, но Алексей Михайлович брал с собою в Смоленский и Рижский походы именно ее, а не отцовский парадный шлем. Предпочитая военный головной убор более цельный и стильный, хотя и менее помпезный. Возможно, поэтому у шапки Мстиславского появилось серебряное с камнями навершие, явно неродное, русской работы, почти полностью скрывающее подвершие. На котором, надо полагать, была такая же надпись, что и на двух других аналогах, почему его и постигла соответствующая участь. Других надписей на шлеме не было, что и уберегло его от более радикальной переделки.

Князь Мстиславский был гедиминович, знатнейший при семи царях человек, получал самое большое жалование в русском государстве – 1200 рублей в год. Был претендентом на престол в 1598 году после смерти Федора Иоанновича. Во время Смуты он неизменно оказывался на ведущих ролях, возглавлял Семибоярщину, вполне мог стать монархом в 1606 и 1611 гг., а по завершению Смуты его кандидатура на престол рассматривалась наравне с Романовым. Ерихонская шапка могла быть поднесена ему в дар дальновидной дипломатией султана в те годы «на всякий случай». Мстиславский умер в 1622 году, тогда же его шапка попала в казну; годом раньше свою завершенную работу сдал туда Никита Давыдов. Можно только гадать, каким образом у царя и у князя оказались столь аналогичные предметы примерно в одно и то же время. Вероятно, все это были посольские дары, подносимые в те непростые годы, исходя из конъюнктуры. Скорее всего, дар царю был сделан уже после избрания Михаила, чем и объясняется появление на тулове шлема трех европейских корон (как европейцы считали русских азиатами, так турки считали нас, русских христиан, европейцами). Что же до Прончищева, он привез свою шапку из посольского вояжа в Стамбул в 1632—1633 гг. Не получил ли он ее там также в подарок? Стилистическая и фактурная близость всех троих предметов такова, что позволяет считать их сделанными одновременно и в одном месте, одними мастерами, а уровень исполнения вполне тянет на султанский дар.

Попав однажды в Россию, эти ерихонские шапки, несомненно, оказали серьезное влияние на эстетику русского вооружения. При этом даже «изящная графика восточных надписей привлекала внимание русских оружейников. На некоторых предметах защитного вооружения русской работы XVI—XVII вв. можно видеть имитации этих надписей, исполняющих роль элементов декора»²⁵¹. Влияние продолжалось и дальше, вплоть до XX вв. Так, график и скульптор Ф. П. Толстой надел иерихонскую шапку на голову Александру Первому в барельефе «Родомысл девятогонадесять века», посвященном победе в Отечественной войне 1812 года. В 1942 году то же самое сделал в отношении Александра Невского автор эскиза одноименного ордена И. С. Телятников, а в 1947 году вариант «ерихонки» оказался на голове Юрия Долгорукова на медали в честь 800-летия Москвы. И т. п. Это поистине главный шлем русской истории.

В ОП хранятся и другие шлемы, свидетельствующие о глубоком интересе и пиетете русских в отношении восточного оружия. Например, персидской работы XVI века своеобразные шлемы с личинами, подобные тем, что перенимались русскими у причерноморских кочевников в XII—XIII веках. Или медный (!), покрытый чеканкой и гравировкой, а некогда еще и вызолоченный шлем персидской работы XVII, принадлежавший, как ни странно, такому завзятому и рафинированному западнику, как князь Василий Голицын. Как пишут с удивлением сами комментаторы: «Его двор сравнивали с дворами итальянских государей. Современники считали князя сторонником прокатолической ориентации в политике и культуре. Инте-

²⁵¹ Государева Оружейная палата. – СПб., Атлант, 2002. – С. 309.

ресно отметить при этом, что почти все оказавшееся в казне вооружение В. В. Голицына имеет восточное происхождение или выполнено в традициях восточного оружейного искусства»²⁵².

Объяснение этому видится только одно: эстетическое обаяние Востока таково, что действовало даже на таких людей, как Голицын, помимо их рассудка и воли.

²⁵² Государева Оружейная палата. – СПб., Атлант, 2002. – С. 312.

Быт

Раскрывая тему восточных веяний в русском быту, очень важно помнить и понимать знаменательные слова фактического директора Исторического музея, блистательного «архивного червя» и великого знатока русской жизни И. Е. Забелина (1820—1908), который, характеризуя XVI—XVII века, писал: «Великий государь, при всей высоте политического значения, на волос не удалился от народных корней. В своей жизни, в своем домашнем быту он остается вполне народным типом хозяина, главы дома, типическим явлением того строя жизни, который служит основой экономического, хозяйского быта во всем народе. Одни и те же понятия и даже уровень образования, одни привычки, вкусы, обычаи, домашние порядки, предания и верования, одни нравы – вот что равняло быт государя не только с боярским, но и вообще с крестьянским бытом»²⁵³.

Это значит, что быт московского царя был ровно таков, каков был бы и быт любого русского человека, имей он к тому возможности. В своем быту царь отражал народный русский взгляд на хорошее и плохое, достойное и недостойное, правильное и неправильное, красивое и некрасивое. С той единственной разницей, что он мог себе позволить многое из самого лучшего, а простой крестьянин – почти ничего, хоть бы и хотел.

Для нас важно знать об этом в том числе и потому, что помимо книжных сведений, есть возможность заглянуть в научно реконструированные хоромы царей – Романовские палаты на Варварке, Теремной дворец, Царицына и Грановитая палаты в Кремле, дворец Алексея Михайловича и домик Петра Первого в Коломенском. Что мы и сделаем по ходу повествования.

Россия, пережившая татарское иго, покорение Казани и Астрахани, нашествия крымцев, опричнину и Ливонскую войну, Смутное время и польско-шведскую интервенцию, вскоре вновь стала сказочно богата. Давно ли все серебро, с трудом добываемое из-за рубежа, утекало ханам в Орду! Ныне все уже было не так, и русские цари могли позволить себе немислимую роскошь, во всем соответствующую мейнстриму, господствующему вкусу своего времени. И русская тяга к прекрасному могла ни в чем себя не сдерживать, ни в чем себе не отказывать. Во многом это выражалось в предпочтении вещей восточного происхождения.

Царский быт позволяет в этом убедиться.

* * *

Царские троны. В витринах Оружейной палаты выставлен не один представительный трон русских царей, но главное внимание привлекает сказочное ослепительной красоты кресло восточной работы конца XVI века, подаренное персидским шахом Аббасом I царю Борису Годунову в 1604 году. У него низкая спинка и подлокотники, некогда обтянутые золотым иранским бархатом; внешняя же поверхность вся обита листовым золотом (басменное тиснение) и выложена крупной голубой бирюзой и красными рубинами. Нечто подобное по типу можно видеть в султанском дворце Топкапы в Стамбуле, только тот трон, также весь обитый золотом, украшен 954 хризолитами²⁵⁴.

Данный трон много лет оставался непревзойденным, любимым троном московских царей. Когда на царство венчался юный Алексей Михайлович, «в центре собора соорудили высокий ступенчатый постамент, на который водрузили царский трон с драгоценными камнями, присланный иранским шахом Аббасом царю Борису Годунову. Рядом поставили стул для патриарха „с подушкой бархатною золотною“, по обеим сторонам постамента – две скамьи

²⁵³ Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. – М., Книга, 1990. – С. 46.

²⁵⁴ Трон принадлежал султану Мураду III и был изготовлен для участия в важных церемониях, в том числе коронаций. Его вес – ок. 250 кг. См.: Topkapı Palace. – Istanbul, Aksit, 2005. – P. 193 (инв. №2/2825).

для духовенства, покрытые золотными персидскими коврами»²⁵⁵. Отметим, кстати, упоминание о восточных коврах, о коих речь впереди.

Весьма хорош также трон первого царя из династии Романовых – Михаила Федоровича – который был переделан в начале XVII века из старого восточной работы трона Ивана Грозного. В отличие от предыдущего, трон имеет форму древнерусского кресла с высокими спинкой и подлокотниками, поскольку переделывали русские мастера, но облицован также золотой басмой (ушло тринадцать килограммов золота), украшен бирюзой, рубинами, хризолитами, топазами и жемчугом.

Однако самый, наверное, богатый и красивый – это так называемый Алмазный трон, поднесенный в 1660 году царю Алексею Михайловичу армянской торговой компанией Захария Сардарова в Иране, добивавшейся таможенных льгот (в вознаграждение за него купцам было пожаловано 4000 рублей серебром и 19000 рублей медью – сумма просто заоблачная по тем временам). Трон был сделан из ароматного сандалового дерева, облицованного золотыми и серебряными пластинами с изощренным растительным орнаментом. Кованая стальная прорезная кайма с крупным узором, изображающим процессию слонов с погонщиками, пущена понизу трона. На спинке трона в картуше с жемчужной обнизью вышита специально предназначенная для царя лестная надпись: «Могущественнейшему и непобедимейшему Московии императору Алексею на земле благополучно царствующему сей трон, великая искусством сделанный, да будет предзнаменованием грядущего в небесах вечного блаженства. Лета Христова 1659». На верхней части спинки изготовлен двуглавый орел, а на столбиках по ее краям – изображения Николая-чудотворца и апостола Петра. Но главная ценность в том, что всю поверхность парадного царского кресла покрывает сложная мозаика из бирюзы, рубинов и около девяти сот (!) алмазов. Видимо, именно об этом троне сказано в записке Дворцового разряда: «А как послы шли к государю... А великий государь в то время сидел в Персидских креслах, которые с олмазы и с яхонты и с иными дорогими каменья»²⁵⁶. Более представительного сиденья не было, думается, ни у кого из властителей во всей Европе.

В Столовой палате реконструированного царского дворца в Коломенском также красуется прекрасной работы персидский трон XVII века, выполненный из прорезного железа. Еще один – золоченый с каменьями – в Престольной палате²⁵⁷.

Разумеется, оригинальные и красивые троны и царские места производились и в самой России, а также присылались и с Запада. Но все-таки равных по красоте и богатству восточным тронам не было, и место они занимали в придворной жизни особое, исключительное.

Ковры, скатерти, белье. В русском высшем обществе с XV века было принято красивое обыкновение: «Столы покрывались сукном, коврами и скатертями. Сукном, как общее правило, покрывались столы в московских приказах... В товарной книге Тайного приказа 1675 года значится: „скатерть кизылбашская из парчи, по таусинной земле полосы золотые и серебряные с каймами красными, мерою 15 аршин без чети“, „скатерть кизылбашская, шита по полотну золотом, с розными шолки, цена 2 рубли“. Эту скатерть поднесли в дарах „шаховы области армянина Захарьева прикащики“»²⁵⁸.

Это подтверждает и И. Е. Забелин в своей хрестоматии: «В обыкновенное время столы покрывались червчатым²⁵⁹, алым или зеленым сукном, а в торжественные дни – золотными коврами и аксамитными, алтабасными или бархатными подскатертниками. Иногда они обива-

²⁵⁵ Мартынова М. В. Царь Алексей Михайлович // Царь Алексей Михайлович и патриарх Никон. «Премудрая двоица». – М., Художник и книга, 2005. – С. 30.

²⁵⁶ Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. – С. 255.

²⁵⁷ Беляев Л. А., Панова Т. Р. Дворец царя Алексея Михайловича XVII века. Историко-художественная реконструкция. – М., МГОМЗ, 2013. – 2-е изд. – Сс. 18, 22.

²⁵⁸ Очерки по истории торговли и промышленности в России в 17 и начале 18 столетия. – М., 1928. – С. 51—111.

²⁵⁹ Червчатый (устар.) – то же, что червлёный: темно-красный, багряный.

лись сукном или атласом. В 1663 г. для государя стол был обит „отласом турским золотным по зеленой земле, по нем опахалы золоты: подкладка камка червчатая куфтерь“»²⁶⁰. И т. п.

Такое покрытие на столах всегда смотрелось и смотрится чрезвычайно красиво и престижно, создавая впечатление богатства и роскоши. Недаром на европейских картинах, особенно натюрмортах, покрытые коврами столы встречаются весьма часто: там тоже рано оценили прелесть такого убранства.

Но восточные ковры и ткани украшали не только и не столько столы, сколько, в первую очередь, полы и стены. С этим украшением не могло сравниться ничто – даже наборный паркет и керамическая плитка, выпускаемая специально для полов: недаром состоятельные люди XVI—XVII вв. все равно стремились и паркет, и плитку покрыть сверху ковром. Об этом, в частности, тоже свидетельствует Забелин:

«В важных случаях, во время посольских приемов или в торжественные дни и царские праздники, весь хоромный наряд получал совершенно иной вид. Тогда, вместо сукон, которыми убирались комнаты в обыкновенное время, стены наряжали шелковыми и золотными материями, бархатами, аксамитами, золотными атласами и т.п., а полы – персидскими и индийскими коврами. Так в Золотой палате при Лжедмитрии, когда он давал аудиенцию воеводе Сандомирскому, пол и лавки покрыты были персидскими коврами. Столовая Лжедмитрия была обита персидскою голубою тканью: занавесы у окон и дверей были парчовые...

Не менее великолепен этот наряд был и прежде, в XVI столетии, а равно и в последующее время, при царях Михаиле, Алексее, Федоре и в правление Софьи, у которой комната в 1684 г. была обита богатейшими коврами, «а над окны и над дверьми и около дверей персидскими волнистыми бархаты». В таких случаях вместо полавочников и на лавки клали золотные подушки. В 1663 г. в Передней Теремной положены в наряд три пары подушек, и в том числе две подушки бархатных золотных турских по червчатой земле, две таких же по червчатой земле с зеленым шелком и две бархатных турских золотных с серебром по червчатой земле...

Выходные царские книги 1662 г. описывают этот наряд следующим образом: «Сидел государь в больших креслах, а в Золотой был наряд с Казенного двора: на столе ковер серебрян по червчатой земле; полавошники золотные, что с разводами; на кониках ковры золотные; на дву окнах ковры шитые золотные, по белому да по червчетому отласу, на третьем окне ковер кизылбаской золотной»»²⁶¹.

Конечно же, без восточных тканей и ковров никак не могли обходиться в царских и вельможных опочивальнях. В частности, в кипарисных сундуках хранилось много простынь, сорочек и портов из тафты, в том числе разноцветной.

«Вот описание постели царя Михаила Федоровича, находившейся в его Постельной комнате в 1634 г.: „...Одеяло камка кизылбашская по серебряной земле травы шолк гвоздичен, зелен, празелен, червчат; в травках литье золотное с разными шолки; грива (кайма) отлас золотной по зеленой земле полосы с белым да червчатым шолком; испод и опушка горностайная. – одеяло холодное камка кизылбашская цветная по белой земле листье золото в травах; грива отлас золотной по лазоревой земле, подкладка тафта лазорева. Под государевую большую постелью ковер цветной велик... Постеля большая бумажная, наволока атлас турский двойной по серебряной земле круги золоты, в них шелк зелен, да в малых кружках шелк ал... Взголовье пуховое, наволока атлас турски двойной, по серебряной земле круги золоты, в них шелк ал да зелен... Тоеж постели два ковра цветные с золотом и серебром“»²⁶². И т. д.

Как мы убедились, царский обиход был обильно украшен восточными коврами. В одном только 1663 году по заказу Алексея Михайловича в Персии было куплено 35 шелковых ков-

²⁶⁰ Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. – С. 188.

²⁶¹ Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. – С. 147—148.

²⁶² Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. – С. 230—231.

ров²⁶³. Этот вкус отразила современная реконструкция царского дворца в Коломенском, где великолепные персидские, турецкие, индийские ковры можно видеть на полах и стенах, начиная с передних сеней и далее – в Думной палате, Престольной палате, Опочивальне, Царицыной казне, Светлице и даже в кабинете молодого царя Петра, где лежит ковер «Мамлюк»²⁶⁴. А аналой в моленной покрыт турецкой парчой...

Посуда и ювелирные изделия. «Остается упомянуть о фарфоровой или фаянсовой посуде... Эта посуда привозилась и с Запада, и с Востока... В России была известна „веницейская“ белая посуда – у князя В. В. Голицына среди другой ценной посуды было четыре блюда „репейчатых веницейских белых“ (?). Наряду с ней встречается и персидская. У того же лица были „чашки розных цветов персидские“... Особенно много было китайской посуды...»²⁶⁵.

Сегодня трудно подтвердить или опровергнуть эти свидетельства на основании фактов, поскольку хрупкий фарфор и фаянс в большинстве своем не сохранился. Одно из старейших российских собраний предметов такого рода хранится в усадьбе Останкино, где в основе – коллекция китайского и японского фарфора князей Черкасских, собиравшаяся с конца XVII века и перешедшая по наследству графам Шереметевым²⁶⁶. Затем престижным дальневосточным фарфором и его европейскими фаянсовыми имитациями (Дельфт и др.) украшались жилища Петра Первого и других его сподвижников. Но о турецком и персидском фаянсе – а в этом искусстве Восток, бесспорно, лидировал – в собраниях Руси почти ничего не известно (об одном экзотическом использовании изникской керамики по прихоти Бориса Годунова, которую он пустил на декорирование храма в своей вотчине, рассказано ниже, но этот пример остался без подражаний). Хотя даже если говорить об имитациях китайского фарфора, то в Персии, где пролегал шелковый путь, а искусство глазурованного фаянса развивалось с XII—XIII вв., подобные опыты были и более ранними, и более совершенными, чем в Европе.

Вообще, как известно, «иранские керамисты внесли огромный вклад в мировую культуру и искусство. Многие их технологические достижения неповторимы... Фактически можно сказать, что все богатство архитектурной керамики и изразцов других стран – испано-мавританской керамики, пиренейских азулежу, итальянских майолик, турецкого изника – имеет иранские корни. Персия является прародительницей современной керамики и майолики, которую мастерски переработали талантливые керамисты других стран, подарив ей собственное звучание и колорит»²⁶⁷. И вот, вопреки ожиданию, персидский фаянсовый след в нашей стране почти не виден.

То же – и о фаянсовой продукции Турции, история которой также начинается примерно с XII века, с сельджукского периода. Города Изник, Кютахья и Чанаккале производили керамику всех типов, которыми был богат Восток – мозаику, минаи (семицветная с двойным обжигом глазурь – вначале синий, зеленый, фиолетовый и бирюзовый красители, затем желтый, красный и черный), люстр (с металлически надцветом), сграффито, подглазурную и наглазурную росписи, включая даже особый стиль «испано-мореск».

Но всего этого богатства и разнообразия мы также почти не видим в России, хотя с середины XVI и до конца XVII вв. помимо изникской плитки в Турции производилась и красивей-

²⁶³ Очерки по истории торговли и промышленности в России в 17 и начале 18 столетия. – М., 1928. – С. 55.

²⁶⁴ Беляев Л. А., Панова Т. Р. Дворец царя Алексея Михайловича XVII века. Историко-художественная реконструкция. – М., МГОМЗ, 2013. – 2-е изд.

²⁶⁵ Очерки по истории торговли и промышленности в России в 17 и начале 18 столетия. – М., 1928. – С. 51—111.

²⁶⁶ Фарфор в русской усадьбе XVIII века. Из собрания Останкинского дворца-музея. Каталог выставки. Вступительная статья И. К. Ефремовой. – М., 1990.

²⁶⁷ <https://www.russian-mayolica.ru/page/Persian-tiles/>. Вообще же самые ранние керамические опыты на территории современного Ирана имеют возраст 4 тысячи лет.

шая посуда из белой глины с прозрачной глазурью, украшенная кобальтовым синим, бирюзовым, зеленым и коралловым красным цветами на белом фоне²⁶⁸.

Все это тем более странно, что стилистически восточный фаянс безусловно должен был быть близок русскому человеку, вообще уже вполне обольщенному турецким и персидским декоративно-прикладным искусством. Своего же ни фарфора, ни расписного столового фаянса у русских в то время еще не было – фаянс появится только в 1724 году, а фарфор в конце 1740-х. Знать и двор пользовались серебряной и золотой посудой. А в домах простых горожан и крестьян посуда была в основном медной, в т.ч. луженой, а также деревянной и терракотовой, но не поливной, а в лучшем случае черно-лощенной. Привозные оловянные тарелки и кружки были редки, дороги и шли больше на украшение столовых в знатных домах. Как, впрочем, и европейский фаянс.

Возможно, обилие дорогой престижной золотой и серебряной посуды в царском или вельможном доме делало неактуальным поиск фаянса и фарфора, сработанного, что ни говори, из материала попроще. Характерно, что Забелин, подробно описывая собрание дорогой посуды у царской семьи, много рассказывает о диковинках золотых дел мастеров, но ни слова не говорит о керамике. Хотя на Западе экзотический и технологически недостижимый восточный фарфор ценился куда дороже и был куда престижнее «обычных» ювелирных тарелей, блюд и кубков.

Я уверен, что последующие исследования смогут либо заставить изменить наши представления о дефиците в России восточной керамики, либо еще более правдоподобно объяснить этот «перекос».

Что касается ювелирных изделий, то здесь, как мы уже видели, в отдельных отраслях декоративно-прикладного искусства влияние Востока было чрезвычайно велико (царские инсигнии, оружие, одежда и др.). Но в отдельных же – практически незаметно (церковное искусство, посуда, личные украшения и др.). Понятно, что церковные кресты, панагии, оклады икон и книг, потиры, лжицы и тарели, дарохранительницы, кадила, раки святых и т. п. исполнялись русскими мастерами без участия мусульманских искусников – по религиозным соображениям. Что же касается золотой и серебряной посуды, личных украшений, пуговиц и т.п., то здесь ювелирное русское искусство обладало такими мощными традициями, идущими с домонгольских времен и обогащенными во времена интенсивных русско-византийских отношений, развить которые значительным образом искусство восточных мастеров вряд ли могло. Конкуренция с ними не затронула данные отрасли дела. Хотя, как уже подчеркивалось, в области вооружений, конского убранства, знаков царского достоинства и т. п. произведения Востока были востребованы и высоко ценились.

Что вообще ввозили с Востока. Восточные товары всегда, а особенно в XVII веке были в большом ходу на Руси. В столице главным центром такого рода торговли был Китай-город, где поближе к Москве-реке стояли лавки персов, армян и татар с золотыми и серебряными изделиями, драгоценными камнями, восточными винами, пряностями, благовониями и т. д. А главным восточным торговым партнером была Персия, имевшая в силу изложенных выше политических причин совершенно особые, приоритетные отношения с Россией. Был даже отдельный персидский гостинный двор с лавками. На некоторые наиболее дорогие персидские товары лучших сортов (шелк, драгоценные камни, золотые и серебряные украшения) существовала монополия казны, которая скупала все самое привлекательное и ходкое. Неудивительно, что некоторые частные купцы пытались выдавать свои товары за «шаховы» и «хановы», поднимая, таким образом, цену.

²⁶⁸ Музей керамики в Стамбуле дает широкую возможность оценить искусство турецких керамистов.

Что же составляло основной оборот русско-персидской торговли? Об этом позволяет совершенно точно судить один важный исторический документ, упомянутый Олеарием в его «Описании путешествия Голштинского посольства в Московию и Персию».

В августе 1634 г. Москву с деловым визитом посетили голштинские послы Филипп Крузиус и Отто Брюггеман, чья цель состояла в получении царского дозволения для голштинского купечества ездить через Россию в Персию и Индию для торговли. Такое дозволение должно было озолотить голштинских купцов, ибо, как мы помним, вся монополия торговли с Персией была в руках у России, владевшей важной торговой артерией – рекой Волгой – в условиях полной торговой блокады Персии со стороны Турции, перекрывшей персам все остальные пути на Ближний Восток и в Европу. Через Турцию европейцам также не было возможности ездить в богатую необычайными товарами Персию, оставалось только умолять о том русского царя.

Царское правительство, взвесив все до мельчайших обстоятельств, приняло решение, главной целью которого было, во-первых, извлечь из соглашения максимальную выгоду, а во-вторых – не допустить и малейшего ущемления интересов русского купечества, занятого экспортом-импортом с персами. Из составленного ответственными царскими чиновниками документа видно, какие виды товаров попали под царскую протекцию, а следовательно, пользовались особым спросом на Руси. Вот, какие ограничения были введены для немцев.

Голштинской компании для начала дозволялось ездить через Россию в Персию в течение 10 лет, после чего договор мог быть продлен. Но компания обязалась: «А торговати нам в Персиде и покупати тех земель всякие товары, т.е. шолк сырой, камень дорогое, краски, и иные большие товары, которыми русские торговые люди не торгуют, а в краску нам в Персиде сырова шолку не давати, и крашеными шелками нам русским торговым людям в их торговле в Персиде не мешати, а иных нам товаров, которые его царского величества торговые люди у персидских людей торгуют и покупают, т.е. всякие крашенные шолки, всяких цветов бархаты, огласы и камки персидские золотые и шелковые, дороги всякие, кутни всяких цветов, зендени, киндяки, сафьяны, краска крутик и мягкая, миткали, кисеи, вязи, кумачи, всякия выбойки, бумага хлопчатая, кушаки всякие, ревень и корень чепучинное, пшено сорочинское, нашивки, пояски шолковые, сабли, полосы, ножи, тулунбасы, луки ядринские и мешецкие, наручи и доспехи, всякие ковры, попоны, шатры и полатки, миткалинные и бязинные полсти, орешки чернильные, ладан и москательные всякие товары, и селитра, которыми прежде сего торговали и меняли на свои товары русские торговые люди, и тех нам не покупати, и русским торговым людям в их торговле не мешати²⁶⁹...».

Как видим, в этом списке означено немало таких товаров – предметов важного бытового значения, широкого потребления, но также и роскоши – монополию на которые царское правительство считало для русских важной, ввиду высокого спроса на них: это необходимый всем для богослужения ладан, популярный лекарственный корень, крашеный шелк, многие виды тканей, элементы одежды, и такой национальный вид искусства, как ковры. А были и товары стратегического значения, торговать которыми немцам с персами прямо запрещалось. Это, в первую очередь, оружие, как смертоносное, так и оборонительное: сабли и (булатные) полосы для них, ножи, луки, наручи и доспехи, селитра, необходимая для производства пороха, и – что важно! – чернильные орешки. Запрет действовал в обе стороны: немцам было предписано «меди в Персию отнюдь не возить»; оружие для самообороны в пути немцы иметь могли, в том числе пушки и самопалы, но «не оставляя, однако, ни, того менее, продавая этих орудий в Персии». Понятное дело: ведь Москва сама тысячами экспортировала в Персию пищали, по поводу чего неоднократно протестовал Стамбул.

²⁶⁹ Зендень – шелковая ткань; киндяк – и особая ткань, и кафтан из нее; чепучинный корень – лекарственное растение, произрастающее в Индии, обладающее потогонным и болеутоляющим действием, которым в те времена пользовались сифилитиков; тулумбас – ударный музыкальный инструмент, род литавр.

Конечно, этот список не исчерпывающий, особенно, когда дело касается не государственных связей Исфахана и Москвы, а личных взаимоотношений шахов и царей. К примеру, в 1662 г. царь Алексей Михайлович отправил в подарок персидскому шаху роскошную черепашковую кровать «немецкого дела», с «женой нагой резной золоченой». Дарил ему также западной работы зеркало. О некоторых личных великолепных подарках с той стороны (например, тронов, седел) рассказывалось выше.

Но зеркала дарились и нам с Востока: «особенно богаты были по украшениям зеркала турецкие, которые подносились царицам в дар от приезжих с Востока иноземцев, послов и купцов. Они были круглые, осмигранные, также четвероугольные створчатые, иногда, особенно круглые, с рукоятями, в золотом станке, осыпанном дорогими камнями, алмазами, яхонтами, изумрудами, бирюзой и др.»²⁷⁰.

Или например, такой экзотический дар: «Богато украшенные золотом и камнями опахала привозимы были царицам в дар с Востока», было и у царя «опахальце турецкое кругло; перье бело, червчато; черен серебрян золочен, лопастка с финифты»²⁷¹, хотя имелись и своего, русского производства.

Приятные мелочи быта в обиходе царской семьи также бывали восточного производства, например, в 1630 году царевичу Алексею была подарена «чернильница кизылбаская, а в ней две черниленки медных, четыре ножичка перочинных, перышко тростяное». А то вдруг всплывут в описях царской казны какие-нибудь «ноженки булатные» или «осла (оселок) бела кизылбашская». «У царя Алексея Михайловича в числе особенных редкостей находился сосуд каменный (сосуд из нефрита от болезней), оправлен золотом, цена 6000 руб. (неимоверные деньги по тому времени)»²⁷², конечно же, восточного происхождения.

Как ни странно, среди множества косметических средств и различных ароматических снадобий, которыми в изобилии пользовался двор, Забелин перечисляет зафиксированные в источниках произведения Запада и, особенно, России, но не называет никаких восточных благовоний или притираний, хотя это всегда была прямая специальность Востока²⁷³. Но судя по тому, что в приведенном договоре оговаривался ладан и «москательные всякие товары», подобная «бытовая химия» все-таки поступала из восточных стран в северную страну Россию.

Ну, а кроме материальных товаров, к нам импортировались и некоторые невещественные, но весьма полезные достижения Востока. К примеру, хорошо осведомленный Яков Рейтенфельс писал о русских: «В так называемые шахматы, знаменитую персидскую игру, по названию и ходу своему поистине царскую, они играют ежедневно и очень искусно, развивая ею свой ум до удивительной степени»²⁷⁴.

Все перечисленное говорит о том, что цивилизация Ислама тесно соприкасалась с русской культурой и активно и плодотворно воздействовала на нее во многих отраслях быта, ремесла и искусства.

²⁷⁰ Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. – С. 234—235. Образцы таких изумительной работы зеркал можно видеть во дворце Топкапы в Стамбуле.

²⁷¹ Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. – С. 238.

²⁷² Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. – С. 214, 218.

²⁷³ Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. – С. 211.

²⁷⁴ Цит. по: Бочкарев В. Н. Московское государство XV—XVII вв. – СПб., 1914. – С. 108. Яков Рейтенфельс с 1670 по 1673 гг. пребывал в Москве, где его дядя, И. фон Розенбурх, был личным врачом царя Алексея Михайловича. Оказавшись впоследствии в Италии, Рейтенфельс издал в 1680 году в Падуе «Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии». Любопытно, что еще сто лет тому назад шахматы на Руси были в запрете: Стоглавый собор включил «всякое игранье и зерни и шахматы» в число «игрищ еллинского беснования». Но обаяние умной восточной игры пересилило запрет.

Архитектура

Найти восточный след в русской архитектуре – задача не из простых. Если западные зодчие и резчики по камню приглашались на Русь еще в те времена, когда здесь господствовал византийский стиль, то архитекторов с Востока сюда, насколько известно, никогда не приглашали вообще. Если, конечно, не иметь в виду территории Золотой и Большой Орды, Казанского и Астраханского ханств, где активное строительство свойственных мусульманской культуре светских и религиозных зданий началось после принятия татарами ислама в 1313 году. Но русские зодчие не ездили перенимать знания ни в Турцию, ни в Персию, ни в Орду, хотя на Ближнем Востоке могли бывать как паломники.

Поэтому воля к восточному ярко проявилась в средневековой русской архитектуре, наверное, только один раз. Зато так, что результат на многие века оказался в центре внимания зрителя, как своего, так и заезжего. И вообще стал символом Москвы не менее, а может и более, чем Кремль.

Речь, как легко догадаться, идет о соборе Покрова Богородицы на Рву (он же храм Василия Блаженного, далее ХВБ), увидев который в 1839 году, французский дипломат и наблюдательный путешественник маркиз Астольф де Кюстин был им донельзя шокирован и приговорил, не сдержав эмоций: «Страна, где подобное сооружение называется домом молитвы, – это Индия, Персия, Китай, а люди, которые приходят поклоняться Богу в эту банку с вареньем, – не христиане». Сказано со всей ясностью и определенностью, и в этих словах есть своя логика²⁷⁵. Быть может, для протестанта, с его доктринальной эстетической неприязнительностью, такое высказывание было бы естественно, но де Кюстин был ярый католик, привычный, казалось бы, к художественной избыточности церкви. И тем не менее, броская восточная пышность и фантазийность ХВБ настолько его поразила, что он даже отказал православным русским людям в праве называться христианами.

Немногом ранее абсолютно сходным образом отозвался о главном московском храме другой весьма наблюдательный и неглупый европеец – Наполеон Бонапарт. В указе принца Нефшателя от 10 октября 1812 года, адресованном командующему артиллерией генералу Ла Рибуасьеру, со ссылкой на распоряжение самого Наполеона, пункт 6 гласит: «Снести все здания, находящиеся вокруг Кремля... и особенно мечеть со многими колокольнями». Речь, понятно, шла о Покровском соборе. Живи Наполеон в наше время, он мог бы знать афоризм гилеровского министра по делам оккупированных территорий на Востоке А. Розенберга: «Достаточно уничтожить памятники народа, чтобы он уже во втором поколении перестал существовать как нация». Инстинктом матерого завоевателя Бонапарт это понимал – и хотел нанести удар в самое сердце русского народа. К счастью, его распоряжение осталось невыполненным.

Необходимо подчеркнуть, что русские современники Наполеона и де Кюстина и сами вполне однозначно воспринимали своеобразие чудного храма как дань эстетике Востока. Анонимный автор статьи о соборе в «Путеводителе» 1827 года писал, что по своему облику храм «есть нечто отличное и удивительное: это смешение, так сказать, Азиатского с Готическим». Известный эссеист П. П. Свиньин дал в книге «Картины России» (1839) очерк, в котором утверждал: «Конечно, нет в мире другого памятника, в котором можно было бы найти подоб-

²⁷⁵ За двести с лишним лет до Кюстина свое впечатление имперские послы С. Какаш и Г. Тектандер, проехавшие в 1602–1603 гг. в Персию через Московию, засвидетельствовали так: «Они [русские] строят свои храмы и церкви преимущественно в вышину и почти на турецкий лад» (цит. по: Бочкарев В. Н. Московское государство XV–XVII вв. – СПб., 1914. – С. 81). Что они имели в виду под «турецким ладом», неясно. Возможно, им показалось таковым размещение четырех барабанов по углам вокруг центрального, как размещаются минареты вокруг купола мечети. Но возможно, причина – именно в поразившем их облике ХВБ.

ное смешение противоположных архитектур: затейливости и пестроты Азиатской с величием и благородством Италианской, смелости и легкости Мавританской с тяжестью и излишеством в украшениях готического вкуса и из всего этого составить нечто стройное, но фантастическое, исполненное поэзии и своенравия»²⁷⁶. Историк архитектуры И. М. Снегирев находил (1842) в соборе в целом соединение Индийского типа с Византийским, а в декоре – «смешение стилей мавританского, готического, ломбардского, индийского и византийского». Одна из глав книги «Руководство к истории искусства Франца Куглера» (М., 1869) прямо называлась «Мугамедданское искусство и родственные ему группы восточнохристианского»; в ней Куглер находил полный расцвет этого стиля в «церкви Василия Блаженного». Наконец, автор первой истории московской архитектуры (1911) М. В. Красовский признавал «присутствие азиатских элементов в общем характере сооружения, а итальянских – в его деталях, поскольку к тому времени они стали составными элементами русской архитектуры»²⁷⁷. Оставим на совести авторов их коннотации с архитектурой разных европейских течений, но отметим, что все они на первое место выдвигают средство ХВБ с Востоком, с Азией.

Мне могут возразить, что многоцветие и необычная разнообразная рельефность восьми глав (куполов) ХВБ, которая, собственно, и создает ощущение Востока, есть результат решительных перестроек разных времен – от московского разорения при Девлет-Гирее в 1571 году до наполеоновского нашествия и пожара 1812 года. А до того храм-де выглядел гораздо скромнее, и уж вовсе неизвестно, каким он был в момент окончания строительства и освящения в 1561 году. Может быть, его чалмовидные пестрые главы изначально вовсе не имели того восточного колорита, который когда-то поразил де Кюстина в николаевской Москве и поражает сегодня нас?

Такую точку зрения, в частности, изложила сама заведующая филиалом Государственного Исторического музея «Покровский собор» Татьяна Сарачёва в интервью журналу «Русский мир»: «Что касается куполов, то предполагают, что изначально на Покровском соборе они были шлемовидные и монохромные... Но в XVI веке собор горит, и после очередного ремонта в конце столетия на нем появляются знакомые нам фигурные главы, за исключением купола на центральной церкви, сохранившего первоначальную форму. А раскрашены таким образом они были уже только при Екатерине Великой»²⁷⁸. Академик РАХ С. В. Заграевский считает, что первоначально купола были вызолочены²⁷⁹; следовательно, они были гладкими. Существуют даже замечательные «реконструкции»-фантазии архитектора-художника В. А. Рябова, на которых ХВБ изображен именно с гладкими монохромными шлемовидными куполами; но эта деталь, в отличие от всего прочего, им выдумана.

На самом деле не существует никаких доказательств насчет шлемовидных монохромных куполов в византийском вкусе, якобы венчавших восемь глав собора Василия Блаженного. Более того. Известен всего один современный событию источник: миниатюры Лицевого свода (около 1570 г.), отображающие освящение этого главного храма страны вначале в деревянном, а потом в каменном варианте. На обеих апокрифических картинках на всех барабанах нарисованы именно луковичные купола. Правда, на рисунке они не имеют рельефа и выкрашены желтым, то есть представлены как гладкие и позлащенные, но ни о какой шлемовидности, отошедшей в прошлое вместе со всем византийским эстетическим наследием, речи идти, конечно,

²⁷⁶ Сочетание реально готического стиля с магометанским (конкретно: мавританским) чрезвычайно ярко проявится в России лишь однажды: это Воронцовский дворец в Алушке (1828—1848, архитектор Э. Блор). Это сочетание соответствовало эпохе романтизма, когда писал Свиньин, но характерным для нас оно не стало.

²⁷⁷ Подборка мнений дана по кн.: Баталов А. Л. Собор Покрова Божьей Матери на Рву: История и иконография архитектуры. – М., Лингва-Ф, 2016. – Сс. 8—16.

²⁷⁸ Лада Клокова. Чудо чудное, диво дивное // Русский мир, 2015, ноябрь.

²⁷⁹ Заграевский С. В. Цветовые решения глав древнерусских храмов // Архитектор. Город. Время. Материалы ежегодной международной научно-практической конференции. Вып. XVII. – СПб, 2014. – С. 24—36. Заграевский судит по миниатюрам Летописного свода, что вряд ли убедительно.

уже не могло. При этом всем известно, что русские миниатюры, как и русские иконы, принципиально далеки от правдоподобия, изображения на них крайне условны, символичны и часто недостоверны. В отличие от западных гравюр, их нельзя понимать буквально. Но путать луковичную главу со шлемовидной древнерусский художник был не должен.

В этой связи стоит обратить внимание на еще один местный источник: «Книгу об избрании на превысочайший престол... Михаила Федоровича», составленную в Посольском приказе в 1672—1673 гг. Для нее жалованный иконописец Иван Максимов изготовил 21 рисунок, в том числе тщательно и подробно изобразив церковь преподобного Сергия на Троицком подворье в Кремле, построенную в те же годы (1556—1558), когда строился и Покровский на Рву собор. На ее узком и высоком, украшенном изразцами шатровом верхе, выполненном совершенно в духе ХВБ, насажена небольшая, но отчетливо ребристая и шишковатая, выкрашенная коричневатой охрой маковка (глава)²⁸⁰. Не свидетельствует ли этим современница нашего собора об изначально фигурном строении его куполов?

Бесспорно, храм Василия Блаженного, как и Царь-пушка, как и Шапка Мономаха, как и шлем Михаила Федоровича, тоже имеет свою тайну. Мы действительно не можем судить уверенно, как он выглядел сразу после постройки в 1561 году. Зато мы с очень большой вероятностью можем судить о том, каким храм был после смерти Ивана Грозного. В «Пискаревском летописце» говорится: «во дни благочестивого царя и великого князя Федора Иоанновича... зделаны верхи у Троицы и у Покрова на Рву розными обрасцы и железом немецким (луженым. — А.С.) обиты». Сделано это было, соответственно, между годом смерти Грозного (1584) и годом смерти его сына (1598), причем после некоего пожара.

Именно в таком фигурном («розном») виде эти главы собора, каждая из которых неповторима, изображены на т.н. «Сигизмундовской карте Москвы», награвированной в 1610 г. замечательным аугсбургским мастером Лукасом Килианом по рисунку Иоганна Абелина по привилегии от польского короля Сигизмунда III²⁸¹. Можно легко различить даже в маленьком виде, что через полвека после «сдачи в эксплуатацию» купола на ХВБ уже выглядели примерно так же, как и сейчас: они относительно большого размера, луковичные, причудливо рельефные и ребристые, разные по размеру и рисунку. Этому свидетельству вполне можно верить.

В точности то же самое можно сказать, взирая на большую – во весь лист – иллюстрацию к более поздней книге Адама Олеария (издавалась с 1647 г., но зарисовки делались в 1634—1639 гг.), где подробно виден весь храм и его семь куполов полностью, а еще два чуть выглядывают из-за них. Купола изображены разные, один – витой, как мы видим и сегодня, другие тоже рельефные, рифленые, все на особинку²⁸².

Наконец, в 1661—1663 гг. в Москве побывал с дипломатическим визитом имперский барон Августин Мейерберг, который также опубликовал в 1660-1670-е годы свои зарисовки видов Москвы, в том числе Кремля и Красной площади, на которых виден ХВБ с его разнообразными и рельефными куполами²⁸³.

Все названные картинки мало отличаются от того, что мы видим теперь, и купола своей формой производят однозначно «восточное» впечатление, пусть и не столь ярко выраженное, как их нынешний вариант. Но дело в том, однако, что никто не знает в точности, как выглядел

²⁸⁰ См. издание: М., Арт-Китчен, 2012, л. 6 об. – 7, миниатюра «В Богоявленском монастыре на подворье Живоначальные Троицы Сергиева монастыря келарю... подаша свиток».

²⁸¹ Экземпляр хранится в Государственном Историческом музее.

²⁸² Сам Олеарий писал по поводу своих зарисовок в предисловии к изданию: «Что касается вытравленных на меди рисунков этого издания, то не следует думать, что они, как это порою делается, взяты из других книг или рисунков на меди. Напротив, я сам нарисовал собственноручно большинство этих рисунков (некоторые же из них – наш бывший врач Г. Граман, мой верный товарищ) с натуры... Чтобы, однако, при работе граверною иглою не потеряно было отчасти сходство, я в течение долгого времени держал трех граверов, не без больших расходов, у себя дома; они должны были по моим указаниям работать».

²⁸³ См.: Альбом Маерберга: Виды и бытовые картины России XVII в. – СПб., 1903.

ХВБ между пожарами 1571 и 1595 гг. Равно как и между освящением 1561 г. и пожаром 1571 г. Не появились ли «восточные» купола, сделанные «розным образом», уже тогда? И не потому ли их воспроизвели реставраторы в 1596 г.?

Как известно, во время нашествия Девлет-Гирея в 1571 году Москва страшно выгорела, так что купола наверняка пострадали, и гравюра Килиана запечатлела не самый первый их вариант. Но горела Москва (в том числе Кремль и Китай-город) и до того – в 1562 году, и после – в 1591, и в 1611, и в 1626²⁸⁴, и в 1634 году тот же Олеарий застал следы большого пожарища (выгорело до 5 тыс. домов); затем Китай-город выгорал в 1668, 1699 гг. и т. д. Возможно, был большой пожар и в начале 1580-х. Сколько раз горел при этом Покровский собор, неизвестно. Однако, судя по тем же гравюрам в книгах Олеария, Мейерберга и др., купола ХВБ, если и сгорали, то каждый раз немедленно восстанавливались заново один к одному – по варианту Килиана 1610 г.

Опиравшийся на «Пискаревский летописец» исследователь ХВБ протоиерей И. Кузнецов полагал, что фигурные «розные» купола были установлены после пожара 1595 года, когда выгорел весь Китай-город. Однако еще десятью годами раньше, в 1585 году, посетивший Москву Мартин Груневег также написал про чудо-церковь: «У нее новые маковки»²⁸⁵. Возможно, в очередной раз купола сгорели в начале 1580-х, еще при жизни Грозного, и тогда же были восстановлены. Ясно одно: сколько бы раз ни горели купола Покровского собора, этого драгоценного для всех русских людей – от царя до простого москвича – храма, они должны были снова и снова немедленно и во что бы то ни стало восстанавливаться.

В таком случае логично предположить, что при всех вообще реставрациях каждый раз восстанавливался именно первоначальный вариант. В наши дни наукой установлено, что реставраторы далекого XVII века действовали в отношении этой русской святыни благоговейно и бережно: «При поновлении в 1683 г. собора Покрова на Рву часть старых изразцов из светлой глины с желтоватой, зеленой и оранжево-коричневой глазурью, поставленных во время кладки в 1555—1560 гг. на шатер центрального столпа, была заменена новыми... Замена не внесла кардинальных изменений ни во внешний облик, ни в размещение изразцов»²⁸⁶. Почему бы не предположить, что и купола восстанавливались в XVI—XVII вв. так же бережно и точно?

В недавнее время был опубликован небесспорный, но безусловно фундаментальный труд А. Л. Баталова, посвященный истории создания собора. В нем автор признает, что если фигурные главы появились только после смерти Ивана Грозного, тогда «невозможно понять, почему почти через четверть века появляется замысел создания подобных, не имеющих аналогов луковичных глав, соответствующих особенностям архитектуры собора – намеренной изошренности его декора и конструкций... Их первоначальный облик остается неизвестным; это оставляет возможность для предположений о том, что в 1561 году главы собора имели форму, близкую к существующей»²⁸⁷.

Для автора настоящего труда это предположение носит характер абсолютной уверенности. Царь Иван Васильевич безусловно дорожил своим уникальным и восхитительным детищем. Собор был задуман им лично как обетный, мемориальный и символический в ряду других таких же памятных соборов в разных городах Руси. Это было обширное мероприятие, пропагандистское и сакральное одновременно, воплощение эпохальной победы – великий след великого царя на земле. Восточного вида купола столичного Покровского собора, увенчанные, однако, крестами, должны были наглядно свидетельствовать о торжестве русского православия

²⁸⁴ Составитель «Бельского летописца» специально отметил, что в том пожаре выгорел весь Китай-город без остатка, и глава ХВБ тоже загорелась (Баталов, с. 52).

²⁸⁵ Баталов А. Л. Собор Покрова Божьей Матери на Рву. – С. 161.

²⁸⁶ Баранова С. И. Русский изразец. Записки музейного хранителя. – М., МГОМЗ, 2011. – С. 152.

²⁸⁷ Баталов А. Л. Собор Покрова Божьей Матери на Рву. – С. 162.

над мусульманством. Так кто же посмел бы столь радикально переиначить замысел, утвержденный самим Иваном Грозным?! Вряд ли у кого поднялась бы на это рука, во всяком случае – при жизни царя. А после его смерти вряд ли такое позволил бы себе его сын Федор Иоаннович, при котором случился пожар 1595 года. А значит, в 1596 году, скорее всего, просто повторили то, что уже было в 1580-е гг. И в таком виде собор достоял до создания «Сигизмундовой карты» в 1610 г., и стоит, несмотря на все невзгоды, до сих пор.

С 1890-х гг. ХВБ неоднократно пристально исследовался реставраторами и искусствоведами (в 1926 г. он даже был поставлен вне категорий в историко-архитектурном отношении, войдя в число так называемых «уников»). Масштабными реставрационными работами в 1920–1930-е годы руководил известный архитектор, художник, реставратор Д. П. Сухов; считается, что он вернул собору облик именно XVI—XVII столетий. А вот когда в 1967—1969 гг. была предпринята новая полная реставрация, в ходе которой была высказана идея вернуть собору якобы «первоначальный вид», сделав главы монохромными, она не получила ни поддержки научного сообщества, ни одобрения властей. В итоге все осталось, как было; мастера вручную обрабатывали медные листы, в точности повторяя предыдущую форму: луковичные купола ростово-суздальского (русского) типа. И это правильно и хорошо.

Разноцветные, расписные купола, вместо монохромных и даже золоченых, были настоящей художественной находкой своего времени, удивительной, шокирующей. При этом каждый из них – неповторим, причудлив, затейлив: клетчатые и полосатые, завитые и прямые, пупырчатые, шишковатые и гладкие. Восхищенные русской изобретательностью иностранцы недаром сравнивали их с кедровой шишкой, ананасом и артишоком²⁸⁸. Но в еще большей степени они, конечно же, напоминали чалмы, тюбаны и шлемы а-ля тюрк...

Но не одни только купола отсылали созерцателя на Восток. Как пишет исследователь Н. И. Брунов: «Центральная башня Покрова в своей наружной части глубоко отлична от его больших и малых приделов. Она представляет собой совершенно особый архитектурный тип балдахина-сени и восходит к другим истокам... Этот искони русский архитектурный тип находится в связи со скифскими погребениями и через них – с зодчеством древневосточных государств, в частности с зодчеством Ирана и Ассирии-Вавилона»²⁸⁹.

Сам собор был в основном двуцветный: белый камень и красный кирпич. Но в стены были вмонтированы также и полихромные престижные изразцы, образовывавшие красивые цветные пятна и звезды на гранях шатра и в тимпанах кокошников.

Вообще, собор – настоящий праздник русской души, «разлюли-малина», родная и милая, ни на что в мире не похожая. Он – сущий пряник пряный, глиняная игрушка расписная, нарядная: кокетливо украшен резными карнизами, многими кокошниками, нишами, оконцами, керамическими цветными звездами и плитками, оторочен металлическими золочеными кружевами и спиралями, кольчатыми подвесками-колтами...

Этому уникальному каменному празднику было отведено единственное в своем роде и весьма достойное место – напротив самого Кремля, так что колокольня Ивана Великого (62 метра) вела переключку с центральным шатровым столпом Покровского собора (60 метров). И вообще, весь Кремль находился как бы в диалоге с главным храмом страны, каковым стал собор. Это хорошо заметно на гравюре Олеария, где две самые высокие точки в Москве даны в сближении. Нужно иметь в виду, что во времена Ивана Грозного и первых Романовых вокруг собора не было почти никаких иных построек, он возвышался на площади одиноко и был виден кругом, со всех сторон (потому-то у него и нет четко выраженного фасада, который ввиду кругового обзора просто не нужен).

²⁸⁸ См.: Иностранные путешественники XVI – начала XVII веков о Покровском соборе // Страницы художественного наследия России XVI—XX веков. – Труды ГИМ. Вып. 89. – М., 1997.

²⁸⁹ Брунов Н. И. Покровский собор. – М., 1988.

Это пустоватое обширное пространство называлось пока еще не Красная площадь, а Торги или Пожар, где гуляли прохожие и немного приподнималось только Лобное место да стояли две-три крохотные деревянные часовенки, а с начала XVII века на кирпичной подклети лежала пара самых грандиозных пушек Московского царства – вот и весь обозримый антураж. По определенным дням на огромной пустоши происходили торжища, а в вербное воскресенье и площадь, и собор превращались в театр под открытым небом, где на Лобном месте служили литургию, а храм весь как есть служил алтарем. В этом торжественном религиозном действе митрополит московский, а позже – патриарх ехал на невысокой мохнатой татарской лошадке, игравшей роль «осляти», которую неторопливо вел под уздцы лично сам царь. При этом «все духовенство, сколько ни есть его в Москве, торжественно провожает патриарха с образами, а народ стелет перед ним дорогие ткани, забегаая вперед. К этому дню стекается в Москву великое множество людей из окрестностей»²⁹⁰.

Храм Василия Блаженного, как вскоре стали именовать собор Покрова Богородицы на Рву, стал, таким образом, настоящей художественной доминантой русской столицы, а с ней и всего Московского царства. Перед нами – каменный слепок русского духа. Его значение как эстетической исповеди и проповеди русского народа непреходяще. Он словно говорит нам: «Быть русским – значит быть ярким, красивым, самобытным, ни на что не похожим, необыкновенным!»

И все это прекрасно осознавалось уже с момента создания собора.

Здесь следует заметить, что ХВБ – абсолютно уникален. У него не только нет никаких аналогов в странах Западной Европы, но и совершенно невозможно себе представить, чтобы зодчий западноевропейской выучки создал бы что-либо подобное. Настолько чужд данный архитектурный образ всему, что только мы знаем вообще о Западе. А про архитекторов Востока и говорить нечего: христианское зодчество – не их конек. Хотя, если уж искать за рубежом некие опережающие аналоги нашим русским шатрам на церковных столпах и колокольнях, на башнях Кремля и т.д., то их скорее можно обнаружить в надвратных башнях султанского дворца Топкапы или островерхих минаретах Стамбула, Бахчисарая, мечети Джума-Джами в Евпатории (построена одновременно с Покровским собором), нежели в Храме Гроба Господня в Иерусалиме, как это пытаются делать некоторые исследователи. Все-таки, вкус и воля к Востоку у наших эстетов той далекой эпохи преобладали слишком явно.

Основная характеристика ХВБ как памятника архитектуры, таким образом, – двуединая. Это важно подчеркнуть. С одной стороны, в нем чрезвычайно ярко воплотились восточные веяния²⁹¹, господствовавшие в русском искусстве и быте XVI—XVII вв. А с другой стороны – в нем не менее ярко выразился собственно русский дух²⁹². В том числе через такой новый, чисто

²⁹⁰ Записки литовского офицера Самуила Маскевича, участника московского похода 1609—1612 гг. // В кн.: Сказания современников о Дмитрии Самозванце. – СПб., 1837. – Ч. 1, с. 38—41.

²⁹¹ Одна из легенд о Покровском соборе (ХВБ) гласит даже, что он является неточной копией казанской мечети Кул-Шариф, снесенной в 1552 году по взятии татарской столицы. Якобы восемь глав московского храма повторяют восемь минаретов Кул-Шарифа, а девятый как символ победы господствует над ними. Известно, что зодчий Постник, один из создателей ХВБ, одновременно работал также и в Казани, где возводил новые стены Кремля, и мог проникнуться подобной идеей. Никаких прямых доказательств этому нет, но сама ассоциация в общественном сознании показательна.

²⁹² Кстати, странны попытки то приписать создание ХВБ некоему неизвестному итальянцу, а то связать собор с немецкой готикой, предпринимающиеся весьма серьезными историками архитектуры «из любви к искусству». См., например: 1) Кавельмахер В. В. О позднегогических истоках и мастерах Покровского собора на Рву, Борисоглебского собора в Старице и церкви Усекновения главы Иоанна Предтечи в Дьякове (см. в кн.: Кавельмахер В. В., Чернышев М. Б. Древний Борисоглебский собор в Старице. – М., 2008); 2) Баталов А. Л. Указ. соч.; и др. Однако во всей Италии или Германии не сыскать ничего, даже близко напоминающего Покровский на Рву собор. И дело здесь совсем не в технологиях, схемах и нюансах каменного строительства, на которые упирают ученые авторитеты, а в том духе, который излучает храм Василия Блаженного, в том непосредственном впечатлении, которое он производит. Удивительно, что это впечатление, с первого же взгляда поразившее своей очевидностью опытного путешественника де Кюстина, ускользает порой от внимания наших матерых искусствоведов...

русский архитектурный мейнстрим, как шатровое зодчество, эталоном которого Покровский собор был и остается.

* * *

Внимательное изучение русской церковной и светской архитектуры XV—XVI вв. на предмет выявления восточных веяний в этом роде искусства дало весьма скудный результат, если исключить тот пример ХВБ, о котором уже столько сказано выше. Собственно, мне удалось найти еще только два образчика.

Прежде всего, это храм Троицы в Хорошеве, вотчине Бориса Годунова, воздвигнутый в 1598 году по проекту, предположительно, великого зодчего Федора Коня. Храм удивительной, ни на что более не похожей архитектуры: от одинокого центрального купола к краям мощного четверика сбегает (хочется сказать – «стекают») кокошники (ложные закомары) каскадами в четыре яруса – по двенадцать на каждой стороне. Но самое интересное в том, что в тимпанах этих кокошников строитель расположил большие турецкие фаянсовые многоцветные блюда, произведенные в городе Изнике – знаменитом центре керамики, снабжавшем (и продолжающем до сих пор снабжать) своими дивными тарелками весь мир. Всего церковь была украшена восемнадцатью такими блюдами, придававшими ей необычайно праздничный, нарядный вид.

Этот архитектурный прием был известен на Востоке, в том числе христианском: так украшены, в частности, некоторые храмы на Святом Афоне. Возможно, Коню подсказал подобный декор кто-то из паломников. Но в России, насколько можно судить, это первый и единственный такой случай. Дело в том, что как ни странно, «хорошо известная на Востоке поливная архитектурная керамика совершенно отсутствовала в средневековой Москве, имевшей прочные связи с миром ислама... А ведь поливные изделия привозились с Востока и были известны москвичам давно. По археологическим данным, уже во второй половине XII века в Москве появились привозные поливные сосуды и бусы – византийские, иранские, позднее турецкие, арабские и китайские». Но – «у русских поливных изразцов были другие предшественники»²⁹³.

Красота турецких фаянсовых блюд, украшенных изощренным и многоцветным (некоторых цветов русская полива еще долго не будет знать) растительным орнаментом, поражает и в наши дни, особенно в образцах XV—XVI вв., на которые приходится расцвет керамического искусства Турции. Тюльпаны, гиацинты, гвоздики и розы, раскрашенные кобальтовым синим, бирюзовым, зеленым и коралловым красным цветами на белом фоне блюд, тарелок и чаш радовали глаз ценителя красоты с середины XVI века, а к концу его появились прихотливые клиновидные листья с зубчатыми краями и композиции с изображениями розеток. Вот такими блюдами решил изукрасить свою усадьбную церковь Борис Годунов, покоренный искусством турецких керамистов и обладавший, надо думать, немалым собранием посуды такого рода. Он безусловно понимал, что это знак редкого, быть может единственного на Москве великолепия и престижа. Ведь «блеск и цвет, причем цвет устойчивый, почти вечный, яркий, порой кричащий, как бы активно заявляющий о себе – это не просто присущие глазури качества. За ними стоит средневековое понимание красоты и богатства, стремление к достижению и совершенствованию которых является неотъемлемой частью древнерусской истории»²⁹⁴.

Быть может, именно потому, что такое статусное, редкое и дорогое украшение не мог себе позволить никто, кроме царского шурина, который и сам стал царем в том же 1598 году, храм Троицы в Хорошеве так и остался вне аналогов, подобно храму Василия Блаженного. Таким образом, оба примера явного влияния Востока на русское зодчество остались без раз-

²⁹³ Баранова С. И. Русский изразец... – С. 56.

²⁹⁴ Там же.

вития и не создали явления, оставшись пусть видными и важными, но все же единственными – каждый в своем роде – исключениями.

Наконец, еще один пример, вовсе неприметный со стороны, – это наличник и один внутренний портал церкви Троицы в Никитниках (1635—1653), и такие же порталы в Теремном дворце (1635—1636), напоминающие фестончатые (зубчатые) с округлым верхом порталы и проемы окон знаменитой Мескиты – соборной мечети города Кордовы в Андалусии (Испания), столицы бывшего Кордовского халифата. Какими путями этот мавританский архитектурный мотив VIII—X вв. проник в Россию при первом Романове – остается только гадать: путь неблизкий.

На этом примере можно пока что закончить разговор на данную тему.

Апофеоз Востока в Москве

Вернемся к самим по себе русским царям XVI века, когда восточное эстетическое начало преобладало так явно и во многих аспектах быта (некоторые подробности еще ждут нас впереди). Обратим внимание на тот факт, что начиная с Василия Третьего и кончая Борисом Годуновым, то есть ровно сто лет, весь XVI век – с 1505 по 1605 годы, – на русском троне восседали особи ярко выраженной нерусской, и именно восточной наружности. Сохранились портреты-парсуны Василия Третьего, Ивана Грозного. Помимо их личного сходства между собой, портреты обращают на себя внимание отчетливо нерусским типом лиц. «Нос имел протягновен и покляп», – не удержался автор словесного портрета, отмечая особенности лика царя Ивана Васильевича²⁹⁵, но это уже была семейная черта, как и крутая курчавость темных волос, запечатленная парсунами. Во внешность Грозного внесли свою лепту греческие, татарские и половецкие гены. Следует иметь в виду, что, по описанию имперского посла Даниила Принца из Бухова, Грозный, «как бóльшая часть русских», брил голову бритвой наголо²⁹⁶, и это еще добавляло ему, с его большою пегой бородой, восточного колорита. Отчетливо восточные черты – длинный «ястребиный» по слову Флетчера нос, карие глаза навывкате, курчавые волосы – сохранял еще даже правнук Софьи Палеолог – царь Федор Иоаннович (его парсуну можно видеть в ГИМ²⁹⁷). А уж про татарина Годунова – близкого потомка мурзы Чета Сабура – и говорить нечего²⁹⁸.

Их антропологический облик не мог не оказывать психологического воздействия на среду. Если быть точным, началось это еще раньше – с приезда Софьи Палеолог и тех времен, когда по Кремлю стали бегать маленькие княжичи греческого вида²⁹⁹. Их было много: Софья родила мужу семерых дочерей (выжило пятеро) и пятерых сыновей, и все, конечно же, были отмечены зримой печатью греческого происхождения.

Особенно выразительно в глазах русского наблюдателя должна была выглядеть царственная чета «Иван Васильевич Грозный и Гуэцэней (в крещении Мария) Темрюковна», девять лет кряду находившаяся на самом вершине русского общества и притягивавшая все взоры, как светило на своде небес. Что должен был думать русский человек, взирая на подобное солнце русской власти? Уж во всяком случае, таким ярким, колоритным носителям восточной типажности чрезвычайно подходило восточное же обрамление в виде одежд, оружия, мебели, ковров, всего бытового антуража. Они находились с ним в некоем органическом эстетическом единстве. И в этом мне видится пусть неглавная, но все же существенная причина популярности восточной темы в русской культуре XVI века.

В 1605 году им на смену, по контрасту, пришел опять-таки ярко нерусский, но на этот раз на западный манер, типаж – бритоликий «европеец» Лжедмитрий, с «босым лицом», как это

²⁹⁵ Русская историческая библиотека. – СПб., 1908, т. XIII, С. 619–620.

²⁹⁶ Зимин А. А., Хорошкевич А. Л. Россия времени Ивана Грозного. – М., Наука, 1982. – С. 150.

²⁹⁷ См. также Музей Московского Кремля, инв. № Ж-2016, список XIX века с оригинала XVII века, хранящегося в ГИМ.

²⁹⁸ Парсуны Бориса Годунова мы не имеем, но на его портрете, написанном неизвестным художником во второй половине XVIII века (ГИМ), «черты лица имеют приметные восточные особенности, указывающие на легендарное происхождение царя» (Борис Годунов. От слуги до государя Всея Руси. – М., 2015. – С. 84). Очевидно, устная традиция неслучайно веками сохраняла облик царя именно таким.

²⁹⁹ Отдельные представители восточных народов и, соответственно, восточной, чаще монголоидной, типажности встречались и до того в семействе Рюриковичей и вообще социальной верхушки, нередко породненной с половцами, аланами и др. Андрей Боголюбский, к примеру, был весь в матушку-половчанку; наверняка восточная кровь сказывалась и в облике Александра Невского, и некоторых других князей. Это указывало на вектор политической, а с нею и культурной ориентации Руси. Красок добавляли и греки – митрополиты и епископы. Шутка сказать – социальные верхи славяно-русского народа, который должен был видеть в них некий образец, пример для масс, вождей, зримо отличались от этих масс антропологически... Но эти персонажи, все же, никогда не были олицетворением власти «Всея Руси», в отличие от детей Софьи Палеолог.

называлось в старину. Такая смена антропологических типажей на русском престоле имела, конечно же, символический характер. И, конечно же, она сопровождалась столь же радикальной переменой быта и антуража. Век, закончившийся петровскими преобразованиями, знаменательно начался с агрессивной интервенции Запада и весь прошел под ее знаком.

Глядя на царствующих в России XVI века персон, можно было бы сгоряча заявить тезис о «власти неруси над Русью», определившей ее эстетический выбор. Но он не выдержит и самой поверхностной критики, ибо первые лица государства (как и весь вообще господствующий класс) попросту имели – это очевидно! – общие со всем народом вкусы и пристрастия, испытывали общую тягу к артефактам нерусского Востока и были в одинаковой мере «отуречены» и «окрызбашены» в своих эстетических предпочтениях. В этом все слои русского населения были едины – такова уж была общая составляющая единой русской культуры нашего «Золотого века».

После скандального провала вестернизационной миссии Лжедмитрия на русском троне в 1613 году, в лице новой династии Романовых, наконец-то оказались русские люди, обладающие русским внешним обликом, что составляло резкий контраст с теми, кто правил Россией с 1505 и до 1606 года.

Однако вот ведь какое интересное дело. Отец будущего преобразователя-вестернизатора Петра Алексеевича – царь Алексей Михайлович Романов – предстал на публике в торжественных выездах и парадах или в походе перед русскими войсками, одетый в зеркальный доспех или юшман, на голове его была надета ерихонская шапка, на руках – наручи. Все – турецкой, стамбульской работы.

В руках или за спиной у царя был столь же роскошный щит. Либо персидский, исключительный по красоте шедевр оружейного мастерства XVI века (ОПМК №31) из собрания князя Мстиславского, который был, как видно, величайшим знатоком и ценителем именно восточного оружия. Либо бесценный турецкий щит-калкан³⁰⁰, изукрашенный драгметаллами, жемчугом и камнями (ОПМК №32), поднесенный Алексею Михайловичу в 1654 году стамбульским греком-купцом Д. Астафьевым. А мог бы царь взять и присланный в 1644 году Михаилу Федоровичу шахом Аббасом II уникальный щит из кожи «инрога» (носорога) с золотыми накладками, о котором недаром сказано: «Тончайшей работы и с безукоризненным вкусом исполненная оправа щита является классически примером ювелирного искусства иранских мастеров 1-й половины XVII века»³⁰¹.

На поясе царя висела драгоценная сабля «Большого наряда» (ОПМК №36), сделанная в Турции в 1624 году. А возможно – поднесенная купцом Иваном Булгаковым булатная сабля стамбульской работы, украшенная золотом, нефритом, рубинами и изумрудами, недаром внесенная в Переписную книгу под №1 (ОПМК №40). Или поднесенная в 1655 году тем же греком Д. Астафьевым неимоверно красивая и дорогая сабля (клинок персидский, монтировка турецкая, ОПМК №41). Или – принадлежавшая Михаилу Федоровичу красивейшая сабля (ОПМК №35), изготовленная мастером Ильей Просвитом в Москве (а возможно, в Львове) в 1618 году, которую Тишайший царь брал с собой в походы против Речи Посполитой. Она была переделана из дамасского клинка, украшена прорезными долами и глубокой золотой насечкой, широкая, с необычной елманью; рукоять имела по типу персидского шамшира. Ее общий вид был восточный и выдавал влияние как Турции, так и Персии. А впрочем, в Оружейной палате хранится около 30 сабель категории «Большой наряд», так что у царя был выбор; но все они либо восточные, либо сделаны по восточному образцу (см. ОПМК №№37—42 и др.).

³⁰⁰ Тип щита «калкан», представляющий собой спираль из гибких прутьев (обычно фигового дерева), переплетенных хлопковой или шерстяной нитью, имеющий центральный умбон и многие накладки из металла, широко распространен на Востоке – от Турции до Индии. Цветные нити образовывали по всему щиту яркие сложные узоры, как на дорожных коврах. Красивейшие образцы калканов можно видеть в султанском дворце Топкапы.

³⁰¹ Государева Оружейная палата... – С. 330.

Царский лук и стрелы были упакованы в немыслимой красоты и богатства саадак, украшенный российским гербовым двуглавым орлом, но... сделанный в 1656 году на заказ в Стамбуле вместе с венцом, бармами, державой и скипетром (ОПМК №66).

В правой руке Алексей Михайлович мог держать символ воинской и державной власти – булаву³⁰² или пернат, один из тех, что подносились русским царям послами Турции³⁰³ или Персии³⁰⁴.

Подобное описание в равной мере могло бы касаться и первого Романова – Михаила Федоровича, и третьего – Федора Алексеевича, и царей Ивана Пятого и Петра Первого, пока те еще были молоды. Как пишет историк оружия И. А. Комаров: «Из лучших работ русских и восточных мастеров (а западных, заметим, нет! — А.С.) формировался в казне комплекс „Большого наряда“ – парадный комплекс царского оружия. Во время важнейших церемоний, носивших военный характер, царь являлся облаченным в сияющую золотом броню и увенчанным „большой ерихонкой“ – своеобразным боевым венцом русских государей»³⁰⁵.

Не будет ошибкой сказать, что новая – русская – династия Романовых активно формирует стиль своей эпохи; и этот «романовский» стиль – восточный по преимуществу. Не Романовы стоят у истоков этого стиля, он захватывает целых два века, однако, как говорили предки, «не начавший блажен, но скончавый»: именно XVII век проявил его во всей полноте и силе, во всем разнообразии и роскоши. (Недаром еще В. В. Стасов полагал, что настоящая русская эстетика несет «индийско-магометанский стиль».)

За царем, естественно, тянулась вся знать, которая тоже старалась быть «стильной», не ударить в грязь лицом и покупала себе восточное вооружение, как сегодня покупают дорогие иномарки. В нем и красовалась в выездах и походах. Выше уже приводился пример В. В. Голицына, всесильного фаворита царевны Софьи, убежденного западника, собиравшего и носившего, тем не менее, восточное оружие. Исключительного достоинства предметы такого рода были у князя Ф. И. Мстиславского, их «донашивали» два поколения первых царей Романовых (ему, возможно, принадлежал также невероятной красоты и ювелирного роскошества шишак турецкой работы конца правления Сулеймана Великолепного – ОПМК №3). Его деду, князю Ф. М. Мстиславскому, принадлежала одна из самых красивых сабель, сделанная в Каире (Египет) мастером Касимом в 1-й половине XVI в. (ОПМК №34). От Семена Волынского в ОП перешел «редкий по красоте образец иранского оружия и ювелирного искусства»³⁰⁶ – палаш, приобретенный хозяином, вероятно, в 1642 году в бытность его послом в Персии (ОПМК №46). Еще один знаменитый «западник», двоюродный дед Петра Великого боярин Н. И. Романов, отметился в анналах казны «шапкой ложчатой с бахтерцовым подбором», русской (?) работы XVI века (ОПМК №9), но формой, куполообразным строением и подвижной наносной стрелкой напоминающей восточные шишаки³⁰⁷. Один из наиболее знаменитых восточных шлемов – ерихонская шапка «кучумовская» (булат, золочение, жемчуг, лалы, яхонты, эмаль; персидская работа XVI века; по легенде принадлежала сибирскому хану Кучуму) –

³⁰² Например, купленную казной, турецкой работы сер. XVII в., из яшмы, инкрустированной золотой сеткой с рубинами, рукоять – золото с эмалью, навершие – большой изумруд (ОПМК №57). А Ивану Пятому была подарена шахом Сулейманом парадная булава, сделанная в Персии во второй половине XVII века (ОПМК №51).

³⁰³ Например, парадный пернат-«буздыган» (символ военной власти), чьи семь фигурных перьев были вырезаны из горного хрусталя и изукрашены рубинами и изумрудами. Этот шедевр, изготовленный в Турции до 1630 года, был поднесен Михаилу Федоровичу послом султана Мюрата IV вместе с короной из золота «с камнями и алмазы» (ОПМК №55).

³⁰⁴ Например, из массивного золота и с рукоятью, покрытой ажурным золотом, изготовленный в Персии в середине XVII века и поднесенный Алексею Михайловичу в дар послом шаха Аббаса II (ОПМК №56). В Переписной книге 1686/87 гг. ему присвоен высший статус №1.

³⁰⁵ Комаров И. А. Вступительная статья к кн.: Государева Оружейная палата. – СПб., Атлант, 2002. – С. 25–26.

³⁰⁶ Государева Оружейная палата... – С. 343.

³⁰⁷ Низкие куполовидные боевые наголовья появляются у русских со 2-й пол. XIII в. (понятно: татарское влияние).

долго был во владении знатного вельможи Б. П. Шереметева, который им «ударил челом государю» (ОПМК №4). И т. д.

Подстать царю и его окружению были и лошади, на которых двигался весь поезд. «Один из иностранных свидетелей царского выезда писал: „Конского такого наряда и украшения столь драгоценного... ни у каких государей не обретаётся“»³⁰⁸. Но так мог высказаться только человек, никогда не видевший султанского выезда, судить о котором позволяет сбруя, выставленная во дворце Топкапы в Стамбуле. Одни только конские подшейные кисти (наузы) из изумрудов величиной с куриное яйцо чего стоят!

Помимо верховых, в процессии участвовали и т.н. «выводные» лошади, иногда свыше сотни, служившие лишь для ее украшения. Секретарь английского посла К. Карлейля, прибывшего в Россию в феврале 1664 года, пишет: «Большинство из всадников (при встрече посла. — А.С.) были верхом на красивых лошадях, в богатой сбруе с поводками из серебра, сделанными в виде цепей из тонких и широких звеньев так, что они все вместе производили величественный звон. У некоторых лошадей спины были покрыты чепраками с драгоценными камнями, блеск которых, казалось, прибавлял света к свету дня»³⁰⁹. Эту роскошь я, бывавший в Топкапы, смело назову восточной.

Дело в том, что предметы конского убранства составляли заметную часть драгоценных даров, направляемых русским царям турецкими султанами и персидскими шахами, китайскими императорами и бухарскими эмирами. Попадая в казну, в Оружейную палату, они поражали воображение русских мастеров и служили им образцами для подражания. К примеру, юный персидский шах Аббас I (он в то время особенно настойчиво домогался союза с Россией) подарил в 1590 году царю Федору Иоанновичу золотое седло, обтянутое бархатом и украшенное ярко-голубой крупной бирюзой, рубинами, изумрудами. Другое также золотое седло, присланное в дар шахом Сефи в 1635 царю Михаилу Федоровичу, покрыто иранским бархатом, затканым цветами гвоздики, и тоже усыпано жемчугом, рубинами, изумрудами и бирюзой. Турецкие же дарственные седла часто делались из золоченого серебра, отделывались чернью, гравировкой, чеканкой, покрывались бархатом и алтабасом, расшитыми цветами, составленными из жемчуга и драгоценных камней. И т. д. Даже если русский царь выезжал на лошади, чье убранство было сработано русскими мастерами, оно делалось под впечатлением от подобных подарков, с которыми стремилось сравняться по роскоши и красоте.

Ну, а за царем и знатью, одетыми и вооруженными по-восточному, ехало русское конное войско в татарско-русских тегиялях и «бумажных шапках», вооруженное саблями и саадаками. Правда, некоторая часть конницы уже в 1660-е годы была перевооружена и переодета на западный манер, но большинство еще одевалось по-старому...

Царский кортеж в таком виде вполне мог проезжать по Красной площади мимо собора Василия Блаженного с его куполами-чалмами и мимо Царь-пушки, сделанной в память знаменитых турецких бомбард, а она – кто знает? – могла салютовать ему холостым выстрелом...

ИТОГИ ГЛАВЫ:

ВОСТОЧНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ – ВАЖНАЯ ДОМИНАНТА «ЗОЛОТОГО ВЕКА»

Более двух столетий Московская Русь была вполне самостоятельна и независима в своих художественных вкусах и предпочтениях. Импульсы, некогда данные Византией, волею исторических обстоятельств деградировали и рушились вместе с нею, затухали, теряли свою силу и обаяние, изживались русским обществом и русским искусством, и во второй половине XV

³⁰⁸ Мартынова Т. В., Тихомирова Е. В. Золотой век русского оружейного искусства. – С. 127 нenum. Тут имеется в виду польский резидент Свицерский, наблюдавший царский выезд в 1675 году.

³⁰⁹ Цит. по: Мартынова Т. В., Тихомирова Е. В. Золотой век русского оружейного искусства... – С. 127 нenum.

уже перестали что-либо диктовать нашим художникам, архитекторам и – главное – зрителям, потребителям и заказчикам. А импульсам, идущим с поднимающегося на волне первой информационной революции Запада, еще только предстояло решительным штурмом подчинить себе всю русскую художественную жизнь в XVIII веке. И вот, в промежутке между этими двумя эпохами Русь, самоутверждаясь в мировом политическом пространстве, оказалась эстетически во многом предоставлена самой себе. Строя свою собственную эстетику, она в то же время жадно прислушивалась, присматривалась и к Востоку, и к Западу, таким полярным в своих художественных идеалах, выбирала, к чьей художественной правде прислониться, откуда черпать свежие идеи и образы, приемы и технологии. Мы имеем бесспорные доказательства, что в течение всего названного периода доминантой оставался, все-таки, Восток, душевно более близкий, в своей избыточности, русскому человеку.

На поверку, все главные, витринные символы Московского Царства – Царь-пушка, храм Василия Блаженного, Шапка Мономаха, шлем (ерихонская шапка) Михаила Федоровича, артефакты «Большого Наряда» и т. д. – все они говорят об эстетической, а нередко и технологической ориентированности русского народа именно на Восток, а не на Запад. Расхожая мысль о пристрастии русских к «восточной роскоши», «восточной пышности» имеет под собой все основания и подтверждается как полным спектром эстетических предпочтений в самых разных сферах жизни, так и собственным творчеством русских мастеров в почти любом из видов искусства. Таково важное и неотъемлемое свойство русской ментальности, которое проявилось немедленно и в массовом виде, как только у русских появилась полноценная возможность проявлять свой вкус, не стесняясь политическими и экономическими обстоятельствами. Роскошь и пышность русских одежд, вооружений, конского убранства, интерьеров и быта имущих классов недаром всегда поражали людей Запада, особенно протестантского, которые однозначно относили (и относят) русских к восточной, а не западной цивилизации. Азиатской, а не европейской.

Важно и интересно подметить одно бросающееся в глаза противоречие из русской жизни того времени. Во время официальных церемоний все процессии в России выстраивались в соответствии с самым главным приоритетом – религиозным. Например: «Следование посольского поезда на аудиенцию... Первыми обычно шли посланцы христианских государей, вторыми – мусульманских»³¹⁰. Такая же дискриминация происходила и при прибытии иностранцев на прием к царю: «послы христианских государей входили во дворец Благовещенскую лестницу, а послы и гонцы персидские, турецкие, татарские и вообще иноверцы – Среднюю, потому что значение Благовещенской лестницы как соборной паперти не позволяло входить по ней лицам, не исповедовавшим христианской веры»³¹¹. Однако на примере восточного облачения и вооружения русской знати и обустройства русского двора мы убедились в том, что в области эстетических представлений у русских зачастую господствовали совсем иные, противоположные приоритеты. Иными словами, принципиальная конфессиональная рознь и даже вражда была не в состоянии отвлечь русских от эстетического предпочтения цивилизации Ислама.

Разговор на эту тему можно было бы продолжать еще очень долго. Но думается, сказанного вполне достаточно, чтобы сделать правильный вывод о том, что в целом верхушка русского общества («западники» там тоже были, но как исключение), а вслед за нею и само это общество были покорены неотразимым обаянием мусульманской, восточной эстетики, разившей, сбивавшей с ног и соблазнявшей поверх религиозных барьеров и государственных границ. Ее стремились присваивать, ей хотели подражать, по ее образцам просили работать рус-

³¹⁰ Автократова М. И., Буганов В. И. Сокровищница документов прошлого. – М., 1986. – С. 228.

³¹¹ Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. – М., Книга, 1990. – С. 258.

ских лучших портных, ювелиров и мастеров-оружейников, собранных в стенах Оружейной палаты.

Для русской души общение с прекрасным во многом означало общение с Востоком. Это был праздник, который хотелось длить без конца.

Силою вещей этот праздник был остановлен без малого на два столетия в результате петровских преобразований и последующего квази-европейского развития. Но в финале этой эпохи время все расставило вновь по своим местам. Хочется обратить внимание читателя и подчеркнуть, что в конце истории дореволюционной России, когда подводились итоги ее тысячелетней государственности, 900-летию православию, 300-летию дома Романовых, когда в воздухе витало предчувствие краха вековой монархии и всего русского мира, словом, когда исторический путь русского народа подходил к роковой черте и требовал генерального осмысления, – «русскость» эстетически, да и философски уже широко воспринималась именно как «восточность».

Это выражается, прежде всего, в развитии таких стилей, как «историзм» и «русский модерн». А конкретно – в обращении к восточным мотивам в церковной архитектуре (храм Спаса на крови в Петербурге, храм св. Николая в Ницце и др., перекликающиеся с храмом Василия Блаженного в Москве, взятым за образец именно русского стиля); а также в репрезентативных жанрах искусства, обращенных к русской истории: будь то знаменитый придворный бал-маскарад 1903 года, или опера «Борис Годунов» 1908 года, или открытки и иллюстрации Ивана Билибина; в творчестве русских ориенталистов и т. д. Вплоть до того, что в церковной живописи восточные типажи, которых так настойчиво вытесняли из своих фресок и икон еще с XIV—XV вв. русские мастера, заменяя их антропологически русскими ликами, вновь возвращаются во второй половине XIX века в творчестве Васнецова, Нестерова и художников их круга³¹².

В 2011 году этот факт оказался широко осмыслен кураторами выставки «Неизвестный русский Восток. Живопись ориентализма 1850—1920» в Гронингене (Нидерланды). На которой были представлены многие работы наших художников имперского периода, в том числе служивших на южных границах России и принимавших участие в экспедициях и военных кампаниях – Василия Поленова, Николая Каразина, Христиана Гейслера, Ивана Казакова, Михаила Белаевского и Василия Верещагина. Зритель смог не только наглядно ощутить тягу русских художников к Востоку, но и осознать ее как факт общерусской ментальности..

«Да, скифы мы, да, азиаты мы», – словно говорило во второй половине XIX – начале XX века все русское образованное меньшинство устами Александра Блока, пытаясь постичь необразованное большинство, такое родное и такое чуждое. Брюсов бредил образами Ассирии и Египта, примерял на себя маски властителей Древнего Востока. Мережковский упивался ближневосточной историей. До конца был предан восточной теме ученик ориенталиста Жана Жерома, великий баталист В. В. Верещагин, который и погиб-то на Японской войне с кистью в руках³¹³. Зарождалось идейное движение евразийства, порожденное именно сознанием причастности русских не только и, может быть, не столько Западу, но и Востоку. И т. д.

Ориентализм в литературе и живописи явно стал модой, а ведь между тем русское общество накануне своего полного крушения всего лишь пыталось искать себя...

³¹² Толчок этому дала, возможно, картина А. А. Иванова «Явление Христа народу», для которой художник сделал около четырехсот этюдов с натуры, разыскивая семитские типажи по всей Италии в местах скопления евреев, на рынках, в купальнях и молитвенных домах, а особенно в еврейских гетто вблизи Капитолия и в Ливорно. Недаром поэт и дипломат Ф. И. Тютчев отозвался о картине: «Да это не апостолы и верующие, а просто семейство Ротшильдов!».

³¹³ Во время службы у генерал-губернатора Туркестана К. П. фон Кауфмана, Верещагин откровенничал с одним из своих друзей: «Вместо парижского чердака или какой-нибудь меблированной комнаты... на Васильевском острове, я предпочел бы киргизскую юрту» (Цит. по: Лебедев А. К. Василий Васильевич Верещагин. Жизнь и творчество. М., 1972. С. 54).

2.2. ВЕЯНИЯ ЗАПАДА И КОНФЛИКТ МЕНТАЛИТЕТОВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Вернемся ненадолго в XV век – стартовую площадку русского народа, избавившегося от гнета инородцев-иноверцев, но вышедшего из этого сурового горнила совсем не с той закалкой, с какой попал в него.

С одной стороны, это дало русским такой исторический опыт, какого не было у людей Запада. Наш путь к абсолютизму оказался в чем-то короче и проще, чем в Англии, Испании или Франции. Но главное – он был настолько жестко и однозначно мотивирован обстоятельствами внешнего порабощения и необходимостью во что бы то ни стало от него избавиться, что самодержавие сделалось органической формой русского самоуправления, русской государственности. Без него не состоялись бы ни централизация Руси, ни собирание земель и концентрация ее сил, ни освобождение от ига. В самодержавной монархии была та сила, которая позволила русским вернуться на международную арену в виде большого, могучего, стремительно восстанавливающегося, богатеющего и развивающегося государства. Оно возникло перед взором озадаченного европейца если не как *deus ex machina*, то как черт из табакерки. Воля русских монархов, управляющая армией, экономикой, внутренней и внешней политикой, на века определила путь нашей страны к подъему и рываншу.

С другой стороны, русские оказались отброшены завоевателями от торного пути развития европейской цивилизации и на четверть тысячелетия выпали из обоймы европейских народов, перестали делить с ними общую судьбу, общую историю. Разделение церковью значительно усугубило ситуацию. От почти общей в романскую эпоху матрицы не осталось ничего или почти ничего. Для этих народов мы превратились из равноправных партнеров, какими были до татарского нашествия, в глухую периферию человечества, в народ-изгой, не представляющий никакого интереса, кроме хищнического. Русские не участвовали в крестовых походах, в великих географических открытиях (Сибирь, не интересная тогда Европе, не в счет), в развитии банков, мануфактурного производства и капитализма вообще, в начале станкостроения и нового кораблестроения, в развитии светских наук, университетов и книгопечатания, в великих достижениях философской и богословской мысли, Реформации и Гуманизма, в создании шедевров готического и ренессансного искусства и т. д. Все это, можно сказать, прошло мимо Ордынской Руси, варившейся в собственном соку, творившей собственные ценности и только успевавшей поворачиваться между татарским молотом и польско-литовской наковальней. Мы, русские, на века оказались неспособны всем этим великим материальным и духовным достижениям Европы и были обречены лишь подхватывать некоторые из них и пользоваться ими, но не сотрудничать в их создании. Наш вклад в историю европейских достижений становится заметен только в XIX веке.

Утратившие суверенитет в условиях Ордынской Руси, отрезанные польско-литовско-немецко-шведским кордоном и ордами степняков от европейского театра событий и его основных акторов, мы только в XV столетии стали понемногу приобщаться к тем достижениям западной цивилизации, которые медленно, но верно выводили ее в лидеры мирового прогресса. Однако именно в это время наибольшие достижения в науке, технике и культуре были пока еще у стран Востока, особенно исламского. Так что у России была возможность сравнивать и выбирать, и выбор, как мы видели, зачастую бывал не в пользу Запада. Причем диктовался он как прагматическими, так и чисто эстетическими соображениями.

Действовал, однако, немаловажный фактор, не позволивший русским примкнуть к торжествующей цивилизации Ислама, чтобы вместе с ней устремиться к триумфу над Европой: это христианская религия, которую русские, закаленные вековым противостоянием с татарами, нипочем не согласились бы обменять на мусульманство. В силу этого целый ряд стратегически важных направлений развития нам приходилось заимствовать не с более продвинутого

Востока, а с Запада (хотя и с ним конфессиональные различия составляли порой проблему, препятствовали полноценному ученичеству). Это, в частности, касается архитектуры и строительства, артиллерии, медицины – представить при царском дворе врача араба или турка вряд ли возможно, а вот немцы и англичане водились.

Что же до Запада, то он был озабочен, прежде всего, экспансией исламского Востока, претензией Османов, Турции на мировое господство, несовместимой с таковой же претензией Габсбургов, Священной Римской империи, всей христианской Европы. В данной связи Запад не оставлял надежд на антитурецкий союз с Россией, а потому порой делился с нею стратегически важными технологическими секретами, в том числе военными ноу-хау, в расчете повернуть русское оружие против турок. Надежды тщетные вплоть до конца XVII века, ибо у русских был очень большой исторический счет к Литве и Польше (а затем Речи Посполитой), к Ливонскому ордену, отчасти к Швеции, но сравнительно небольшой – к Турции. Так что, хотя русские цари давали словесные авансы императорам, выбор главного противника был для нас предопределен иначе. Тем не менее, многие люди Запада – особенно из стран, непосредственно с Россией не граничивших и не конфликтовавших, – приезжали к нам с новинками науки и техники и даже были готовы учить русских их производить.

Хочется подчеркнуть, что вплоть до второй половины XVII века приобщение к западной цивилизации (цивилизации еретиков-латинян) для русских определялось не столько вкусом или симпатией, сколько настоящей практической потребностью, необходимостью выживания и лучшего устройства жизни и быта.

Дело в том, что XVI—XVII вв. – время неуклонного подъема цивилизации Запада, сумевшей осуществить невероятный информационный прорыв, информационный бум³¹⁴. Это время перехвата ею мирового лидерства, расцвета ее научно-технических возможностей. А с ними – время военных побед и культурных достижений, поражающих воображение. Победа над османской Турцией в морской битве при Лепанто в 1571 году, хотя и не переломила ход той войны, но оказалась «первым звонком», серьезным и очень резонансным. А вот победа под стенами Вены в 1683 году – это уже реперная точка невозврата, пройдя которую, мир оказался в новой ситуации, заполучив нового глобального гегемона: Западную Европу. Эту позицию Запад удерживает до сих пор. А это значит, что перед Россией в течение столетия между указанными датами объективно открывалась перспектива: на все последующие четыреста лет присоединиться к победителю и воспользоваться плодами его достижений и побед. Что, как мы знаем, она в конечном счете и сделала, руководствуясь расчетом и интуицией. Принять такое решение было непросто: обаяние покидающего пьедестал вчерашнего лидера – исламской цивилизации – было еще велико.

Можно сказать и так: Россия в XVI—XVII вв. была ареной, на которой за свое преобладающее влияние боролись Восток и Запад. И если в XVI в. преобладало влияние Востока, то в XVII в. произошел резкий подъем авторитета Запада, который в итоге и победил в этой конкурентной борьбе, и втянул Россию в свою орбиту. Главным магнитом, притягивавшим русских к западному миру, были новые, высокие и передовые технологии в научно-технической сфере, а что особенно важно – в ратном деле, флоте и станкостроении. Русским – хочешь не хочешь – необходимо было их освоить.

Итак, на принятие судьбоносного решения – до начала петровских реформ – России было отведено примерно сто лет. За это время превосходство Европы постепенно нарастало и становилось все более очевидным в технологиях всей жизни и быта, и московские самодержцы внимательно отслеживали этот процесс. Начало резкой смены вектора, поворот на вестернизацию

³¹⁴ Всего за полвека после изобретения Гутенбергом подвижного шрифта, в Европе до 1500 года было издано 40 тысяч (!) наименований книг. Она совершила первую информационную революцию и навсегда вырвалась в лидеры мирового прогресса. Далее процесс развивался крещендо.

совпали с династическим кризисом в России начала XVII века. И в дальнейшем мы оказались в стане победителей, а не в стане побежденных, благодаря, в первую очередь, именно Романовым, которые все как один тянули к Западу. Этот выбор обернулся для нас каскадом блистательных побед и завоеваний в противостоянии с разнообразным Востоком в XVIII—XX вв. Русь вновь вернула себе роль восточного форпоста Европы, казалось бы бесповоротно утраченную в ходе татаро-монгольского нашествия. Это значит, что выбор был сделан правильно.

Вестернизация, таким образом, началась задолго до Петра, но шла туго, преодолевая внутреннее сопротивление, потому что мы, русские, как сказано выше, к XVI веку уже стали другими, неевропейскими европейцами³¹⁵. Наше нутро больше тянулось ко всему восточному и отторгало западные искусства, хотя и вынуждено было подтягиваться к передовому технологичному Западу, чтобы выжить и победить в битве цивилизаций. И мы выжили и победили в XVIII—XX вв., однако Западом так и не стали.

³¹⁵ Подобная самовыделенность России из европейского мира может быть сравнена с положением Индии: она, в своей основной и коренной, немусульманской (немогольской) части – безусловно, страна и культура Востока, но... совсем другого, нежели окружающие ее буддийские или мусульманские страны. Другого по всем параметрам – от биологического до ментального.

Отношения России с Литвой и Польшей

Для того, чтобы правильно понимать историю культурных влияний и заимствований России и Запада, необходимо обратиться к истории отношений нашей страны с ее ближайшими западными соседями – Литвой и Польшей, а впоследствии – Речью Посполитой. Потому что это есть история цивилизационного доформирования и – параллельно – разминовения Запада и России во взаимных столкновениях. Нет более важного фактора нашего исторического развития в XV—XVII вв., на нем и следует сосредоточиться.

Для того, в свою очередь, чтобы правильно понимать эти отношения, следует помнить, что первая русско-польская война состоялась еще в X веке, при Владимире Святом. И в дальнейшем вооруженное противостояние России и Польши с переменным успехом шло вплоть до XX века, то затухая, ввиду явного преимущества одной из сторон, то вспыхивая вновь, когда шансы более-менее уравнивались. Нет никаких гарантий, что оно не продолжится и в будущем.

В чем причины этой десятивековой вражды близкородственных и пограничных славянских народов? Среди многих я бы выделил две.

Во-первых, необходимо иметь в виду историю вытеснения славянского суперэтноса германским суперэтносом из Южной и Центральной Европы – в Восточную, начавшееся еще во времена готов и их предводителя Германариха (III—IV вв.). Ведь в те далекие времена славяне (венеты, склавины и анты) расселялись от границ нынешних Дании и немецкого города Гамбурга до границ Византии и Кавказа, но под готским натиском вынуждены были сдвинуться на север и восток. В дальнейшем германский «Дранг нах Остен» шел безостановочно вплоть до XX столетия, найдя свое максимальное воплощение во Второй мировой войне, превратившейся в решающую историческую битву германского и славянского суперэтносов. В ходе полуторатысячелетнего противостояния некоторые славянские народы вообще исчезли с лица земли, как пруссы, курши, вагры, лютичи или бодричи, а некоторые превратились в этносы-реликты, как современные лужичане на территории ФРГ, которых немцы недавно даже лишили возможности учиться на родном языке. Некоторым, как чехам, пришлось испытать на себе гнет немецкого господства, восстания против которого (например, гуситское) жестоко подавлялись. Многие земли, некогда принадлежавшие славянам, перешли в руки германцев (Пруссия, Померания, Мекленбург и др.), сохранив славянский след в топонимике, как сохранился он и в ономастике ряда восточногерманских фамилий. Это творилось на виду у всего мира и служило страшным уроком всему славянству.

Жестокому, кровавому давлению подверглись в том числе и наши соседи – поляки и балтские славяне (каковыми следует считать литовцев), а время от времени и русские, особенно города-республики Псков и Новгород. В течение XII—XV вв. (начиная с Ливонского крестового похода и до 1410 года, когда Тевтонский орден был разгромлен под Грюнвальдом и попал в ленную зависимость от польских королей) германцы образовали Восточную Пруссию и продвинулись вплоть до низовья Немана, отрезав Польшу от Балтийского моря и заняв ряд ее исторических территорий. Их попытки захвата русских земель в Прибалтике иногда увенчивались успехом – как в Дерпте (бывшем Юрьеве), Ревеле (бывшей Колывани), Нарве и др. Со временем под власть Тевтонского ордена (точнее, его филиала – Ливонского ордена) попали земли нынешних Латвии и Эстонии, где установилась власть т.н. остзейских баронов.

Вполне понятно, что теряя владения на Западе, беспощадно теснимые немцами, Польша и Литва стремились компенсировать потери за счет русских территорий на Востоке. Политика «Дранг нах Остен» – экспансия, проводившаяся немцами в отношении поляков и литовцев, вынуждала последних также двигаться на Восток, проводя там точно такую же беспощадную захватническую политику и вступая в противоречие с интересами русских на исконных территориях их расселения. Со времен Батыя захватническая политика литовских князей

в отношении земель Киевской Руси, оставшихся опустелыми и беззащитными ввиду татарского разорения и общерусского разгрома, резко усилилась. Аналогичной была политика польских магнатов в отношении Галицко-Волынской Руси.

Таким образом, польско-русские и литовско-русские отношения есть явление, во многом производное от общеевропейской ситуации – непримиримого столкновения двух суперэтнов, германского и славянского. А во многом – от столь же непримиримого столкновения русских и татар.

Во-вторых, необходимо понимать, что внутри славянского суперэтнуса не было того единства, которым вплоть до Реформации отличался суперэтнос германский. В XI—XV вв. произошло фронтальное этнокультурное размежевание русского народа с западным славянством, приведшее к возникновению глубоко различных идентичностей. Размежевание шло по всем трем основным вторичным признакам этничности: по языку, вере и культуре. Язык мы здесь не рассматриваем³¹⁶. О расхождениях по культуре уже было сказано и еще будет сказано немало. Кое-что говорилось и о расхождениях по вере, затронувших глубочайшие пласты национального сознания на уровне архетипов.

Здесь следует нечто добавить, пояснить и понять. Выбор русскими православия, а поляками и литовцами, напротив, католицизма – есть выбор экзистенциальный, судьбоносный. Именно от него, в первую очередь, зависело включение западного славянства в целом в модель идентичности народов Запада – и, соответственно, невключение в нее русского народа. Для поляков уже с XI, а для литовцев с XV века православные русские, несмотря на общую с ними принадлежность к славянскому суперэтносу, стали «другими» славянами, а там и «другими» европейцами. Стали «чужими». Со всеми вытекающими из этого политическими последствиями, из которых наиболее очевидны последствия военные. Превратившись в восточный форпост воинствующего, экспансивного католицизма, вдохновляемого римской курией, Польша, а за нею и Литва ничем в этом смысле не отличались от Тевтонского ордена с его «Дранг нах Остен».

Обильно пролитая с обеих сторон кровь служила для каждой из враждующих сторон мощнейшим фактором сплочения, многократно усиливала взаимное стремление русских и западных славян к обособлению, к кристаллизации собственной личности, отдельной идентичности. Что, в свою очередь, непрерывно взращивало взаимное отторжение и враждебность. Русско-литовские, русско-польские отношения вступили в замкнутый порочный круг, выхода из которого не видно и поныне.

Существенные расхождения в менталитете возникли также и за счет политических обстоятельств. В частности, традиция избрания королей в Польше, всевластие польской аристократии являли собой картину прямо противоположную той, что сложилась вокруг трона на Руси. «Шляхетская демократия» возникает в XVI веке и в Литве, под влиянием польских порядков. В конечном счете это привело аристократическую польско-литовскую республику в XVIII веке к глобальному историческому поражению от немецких монархий и от русского самодержавия, но в описываемое время до этого было еще очень далеко. А между тем взаимное отторжение прогрессировало.

Таким образом, польско-русские и литовско-русские отношения есть во многом отражение и фрагмент общего процесса расхождения Руси и Запада.

³¹⁶ Можно кратко заметить, во-первых, что польский язык в максимальной степени сохранил в себе черты некогда общего праславянского языка, русский же, развиваясь на периферии славянского ареала, напротив, максимально от него удался. Во-вторых, во времена Великого княжества Литовского (ВКЛ) все делопроизводство Литвы велось либо по-латыни, либо на древнерусском языке, на котором написаны все основополагающие государственные акты. Но в XV в. польский язык настолько активно проникает на территорию ВКЛ, что сегодня даже образует там ряд периферийных польских говоров, сложившихся на литовском субстрате. В-третьих, графика польского языка при этом с XII в. была связана не с кириллицей (такие опыты делались в XIX–XX вв.), а с латиницей, но – модифицированной, поскольку традиционного набора букв не хватает для всех польских звуков, почему используются лигатуры.

Понятно, что обе названные причины – немецкая экспансия извне и славянская дивергенция изнутри – есть факторы постоянно действующие, «долгоиграющие». Причем их максимальное усиление приходится именно на XV—XVII столетия, которым посвящен настоящий труд. Поэтому есть смысл взглянуть в них подробнее.

* * *

Русь и Литва в X—XIV вв. Для нашего исследования особенно важно будет воссоздать краткую историю русско-литовского противостояния, поскольку Польша не граничила поначалу с Ордынской Русью и осуществляла свою антимосковскую политику через союзничество с Литвой. Эти два государства часто выступали заодно, особенно когда дело касалось русских. В силу общего антирусского направления как польской, так и литовской политики, нередко приводившей к совместному участию в войнах и вооруженных конфликтах, далеко не всегда можно и следует отделять одно государство от другого, когда речь идет о судьбе России. А с определенного момента Литва и вовсе становится послушным вассалом Польши. Но в означенные века Литва играла самостоятельную и очень большую роль в судьбе России.

Литовцы – сложносоставной этнос, сложившийся на основе племени «литва», в который полностью или частично влились и некоторые другие, близкородственные племена, населявшие юго-восточное побережье Балтики. Этногенез происходил не одно столетие и продолжался еще в XV веке, но сегодня можно утверждать, на основе исследований популяционных генетиков 2004 года, что это консолидированный этнос с высокой степенью гомогенности. Исследования по митохондриальной ДНК показывают примерно одинаковое генетическое родство литовцев как со славянскими популяциями, так и с финскими, а по мужской Y-хромосоме литовцы ближе к финским группам³¹⁷. Можно предположить, что в то время, как на территории современной России шло активное ославянивание финнов, на территории Литвы происходил процесс противоположного характера. Однако уровень развития финнов был чрезвычайно низок, что отмечалось еще римскими историками, их способность к самосохранению – минимальной. В связи с чем финский субстрат оказался растворен и преобразован как многочисленными славянами Руси, так и малочисленными, но пассионарными славянами Литвы, оставив след лишь в генетике и языке.

Долгое время литовские племена не знали государственности. Хотя современными исследователями русского генофонда доказана их генетическая близость к тем дружинникам, что пришли с Рюриком и его братьями на Русь в 862 году³¹⁸, однако в империю рюриковичей литовцы не вошли и предпочли развиваться самостоятельно.

Поначалу литовские племена не могли конкурировать с объединенными и централизованными русскими, теряя свои земли и ассимилируясь, как, например, племя голядь, растворившееся в русских и исчезнувшее с лица земли. Литовская государственность впервые обозначена в Кведлинбургских анналах лишь под 1009 годом, а в русских летописях только с 1040 года.

Исторические земли Литвы не были богаты ни полезными ископаемыми, рудами, ни строевым лесом, ни пушным зверем, ни плодородными землями. Бедность всегда толкала литовцев на путь грабежей и завоеваний. Ну, а после смерти Ярослава Мудрого, на фоне дроб-

³¹⁷ Kasperaviciute D., Kucinskas V. and Stoneking M. Y Chromosome and Mitochondrial DNA Variations in Lithuanians. – Вестник Академии ДНК-генеалогии, 2004. – С. 445.

³¹⁸ Балановская Е. В., Балановский О. П. Русский генофонд на Русской равнине. – М., ООО «Луч», 2007. – С 142—143. Авторами обнаружены, по всей видимости, прямые потомки рюриковых дружин в виде довольно замкнутой кровнородственной общины пенегов – северно-русской популяции в верховьях реки Пинеги: «Население данной популяции близко не к субстратному населению восточных финно-угров, а к старожильческому русскому населению... Население является высокорослым, с ярко выраженными чертами европеоидного типа, выраженной горизонтальной профилировкой лица, повышенным процентом светло-голубых глаз и русых волос, сильно выступающим носом». Их генетические расстояния минимальны с каргопольскими русскими, немцами, литовцами и поляками – и максимальны с коми, карелами и финнами. Характерный генетический состав!

ления и ослабления Киевской Руси, Литва стремится к единству и обретает привлекательность в глазах многих русских; она растет и крепнет. Уже с последней четверти XII века целый ряд пограничных княжеств перестают упоминаться в русских летописях: они насильно или добровольно переходят под власть и покровительство литовских князей. А с 1198 года Литва, опираясь на земли Полоцка как уже на свой плацдарм, начинает военные действия против русских, вторгаясь то в новгородско-псковские (1183, 1200, 1210, 1214, 1217, 1224, 1225, 1229, 1234), то в смоленские (1204, 1225), то в черниговские (1220) и волынские (1196, 1210) земли с целью их захвата.

В 1240-е гг., уже после батыева нашествия, литовский аристократ Миндовг, подчинивший себе большинство удельных литовских князей, был официально приглашен на княжение боярами русского Новгорода, ставшего центром его владений. Крестившись и став католиком, Миндовг в 1253 году получил от папы римского королевскую корону. Так, за счет бывших русских земель, возникло Великое княжество Литовское (ВКЛ), иногда именуемое даже Литовской Русью. В дальнейшем присоединение к ВКЛ исконно русских земель происходило тем легче, что вплоть до 1696 года официальными языками княжества, на которых велось делопроизводство, были латынь и... западнорусский диалект, что лишний раз свидетельствует в пользу славянского происхождения литовцев. А кроме того, в Литве между 1315 и 1320 гг. была учреждена также и православная митрополия. Все это делало для русских людей, стремившихся избежать, с одной стороны, ордынского ига, а с другой – порабощения Тевтонским орденом, привлекательным переход под руку литовских великих князей, поскольку Литва умела сохранить независимость и от татар, и от тевтонцев.

Этому также способствовало укрепление единовластия в Литве, выгодно отличавшее это княжество от терзаемой феодальными усобицами Киевской Руси.

Ввиду впадения русского народа в политическое ничтожество под игом инородцев, экспансия Литвы на Восток стремительно развивалась. Вначале последовало вторжение литовцев на Смоленщину в 1239 и 1248 гг., а с 1362 года под власть литовцев попал даже Киев – «мать русских городов». При князе Ольгерде (правил в 1345—1377) ВКЛ стало самой большой, сильной и влиятельной державой во всей Восточной Европе, простираясь от Балтийского моря до Черного. Власть Вильны распространялась на полоцкие, турово-пинские, волынские, галицкие, поднепровские и другие исконно русские земли. Именно ВКЛ отрезало Ордынскую Русь от основной части остальной Европы (небольшой участок границы также перекрывал Орден). В XV веке русско-литовская межа уже проходила у Можайска; под литовцами находились не только Киев, Смоленск, Минск, Полоцк, Луцк, Брянск и Курск, но и Подольск, Мценск, Козельск, Белев... В середине этого столетия правитель ВКЛ именовался «великий князь... всея Литовское земли и Жомойтское и многих Русских земель».

Русское население ВКЛ, поначалу никак не дискриминируемое литовцами ни в языковом, ни в религиозном, ни в политическом отношении, не раз оказывалось перед необходимостью воевать со своими братьями по крови, такими же русскими. Этническая солидарность была вынуждена отступить перед солидарностью государственно-политической. Однако со временем, под давлением родственной и союзной Польши отношение литовских властей к русским изменилось. Это дорого обошлось Литве.

До поры Литва соблюдала определенный баланс в отношениях со своими славянскими соседями. Очень показательны: дочери великого князя Гедимина, основателя династии Гедиминовичей, были замужем не только за польским королем Казимиром III или галицким князем Юрием II Болеславом, но и за тверским князем Дмитрием Грозные Очи и московским князем Симеоном Гордым. При этом у Гедимина были весьма непростые отношения с поляками, против которых даже предпринимались военные походы, но с русскими у него был мир.

Сын и наследник Гедимина – Ольгерд был женат первым браком на дочери витебского князя, вторым – на дочери князя тверского, он приглашался псковичами на княжение, строил

православные церкви и сам исповедовал православие, но при этом неуклонно расширял владения Литвы за счет русских земель (Брянских, Киевских, Чернигово-Северских), враждовал с митрополитом московским Алексием и добивался главенства киевского митрополита над всею Русью – как Литовской, так и Московской, а также втягивал в орбиту литовского влияния Псков, Новгород и Смоленск. И в отношении последнего преуспел в высшей степени, обязав смоленского князя Святослава Ивановича выставлять войнство для борьбы с крестоносцами и лично сопровождать Ольгерда в походах под угрозой разорения Смоленщины³¹⁹.

По мере своего усиления Московское княжество вспоминало о русских землях, перешедших под власть Литвы, и стремилось к их возвращению. Естественно, при Ольгерде русско-литовские отношения резко обостряются. Произошла даже Литовско-Московская война (1368—1372), поводом для которой послужили разборки тверских князей. Ольгерд громил русские войска, разорял Одоевское и Калужское княжества, осаждал Волоколамск, взял Дмитров и дважды стоял под стенами Москвы, но в итоге ему пришлось возвратить Москве все занятые в ходе войны города. Тверь выпала из зоны влияния Вильны, а дочь Ольгерда Елена была выдана замуж за двоюродного брата московского князя – Владимира Андреевича Храброго.

В конце жизни Ольгерд потерял контроль над некоторыми западнорусскими землями, в первую очередь над Брянском и Смоленском, которые предпочли Москву из-за необходимости противостояния Орде. Пресловутый князь смоленский Святослав даже погибнет в 1386 году в сражении москвичей с литовскими войсками, как бы искупая прежнюю вину...

После смерти Ольгерда (1377) старшинство досталось по воле покойного одному из его двенадцати сыновей по имени Ягайло. Как мы увидим, это был поистине роковой выбор. Однако верховенство имярек отказались признать его единокровные братья: Андрей Полоцкий и Дмитрий Брянский, которые покинули Литву и отъехали в Москву, получив там на княжение первый – Псков, второй – Переяславль-Залесский.

Здесь самое время рассказать о раскладе сил, сложившихся вокруг ключевого события русской истории XIV века – Куликовской битвы. В то время, как названные литовские князья, как и их младшие сводные братья, привели свои полки на поле битвы и встали под знамена великого князя московского Дмитрия Ивановича³²⁰, их вышереченный брат Ягайло повел себя прямо противоположным образом. Презрев славянскую солидарность, предав своих кровных родственников (его мать, напомним – тверская княжна Ульяна), он вступил в тайный сговор с Мамаем, которому обещал привести свои войска на южный берег Оки к 14 сентября 1380 года. Авторы «Задонщины», «Сказания о Мамаевом побоище» и др. обвиняют Ягайло в намерении поделить Русь с Мамаем. Но князь Дмитрий Иванович узнал об этом сговоре от своего посла, сумевшего выведать важную информацию о предательстве литовского великого князя и Олега Рязанского – и тайно переслать ее в Москву. В дальнейшем разведка подтвердила эти сведения. В результате князь Дмитрий опередил своих врагов, и когда Ягайло подошел к окрестностям, битва на Куликовом поле уже состоялась, и его товарищ по заговору, Мамай, был уже разгромлен. Войско Ягайло не дошло до места событий всего километров сорок.

Чем же занялся опоздавший к решающему сражению великий князь литовский? Его воины нападали на русские обозы, потянувшиеся с поля славы в Москву, грабили трофеи и добивали раненых, а потом с немалой добычей вернулись в Литву. Об этом постыдном факте умалчивают русские и литовско-польские источники, что естественно, зато согласно упоминают орденские хронисты Иоганн фон Посильге, Иоганн Линденблат, Дитмар Любекский, Гер-

³¹⁹ За участие Святослава в походе Ольгерда на Москву он даже был отлучен от церкви Константинопольским патриархом.

³²⁰ На помощь Москве в этом решающем сражении из тогдашней Литвы пришли также русско-литовские полки из Брянска, Смоленска, Друцка, Дорогобужа, Тарусы, Новосилия, Оболенска, предположительно также из Полоцка, Стародуба и Трубчевска.

ман Корнер и Альберт Кранц. Правда, они ошибочно именуют Куликовскую битву – битвой при Синей Воде (она случилась двадцатью годами ранее), но из контекста, включая датировку, совершенно ясно, о каком именно сражении идет речь.

К великому сожалению, совместные усилия московских и части литовских русских по противостоянию татарской угрозе, татарскому игу не привели к заключению между ними вечного союза, основанного на общности крови, веры и судьбы. Разгром татар лишь на какое-то время разрушил планы Ягайло и выбил почву из-под его ног, и в первые годы после Куликова поля он даже подумывал о развороте в сторону Москвы, где его предпочли приветить. Но окончательное решение, принятое им в 1385 году, навсегда разведет Русь и Литву, а с нею также и Польшу, по разные стороны геополитического водораздела и поставит перед чередой долгих войн, включая Ливонскую, о чем рассказано ниже.

* * *

Окатоличенье Литвы. Важнейшую роль в этих переменах сыграла конфессиональная эволюция ВКЛ, о которой следует здесь рассказать. Эта страна последней в Европе осуществила христианский выбор, долгое время оставаясь в целом языческой, а следовательно – веротерпимой и, если так можно выразиться, религиозно амбивалентной. Периодически выбирая себе ту или иную конфессиональную принадлежность, властители ВКЛ руководствовались, как правило, исключительно прагматическими политическими соображениями. Характерна история первого короля Литвы Миндовга, который ради короны не только принял католичество от папы Иннокентия IV, но и само коронование вверил заклятым врагам – тевтонцам, магистр которых Андрей Стирланд и архиепископ прусский Альберт Суербер, вместе со многими доминиканцами и францисканцами, присутствовали при церемонии, которую проводил епископ города Хелмно³²¹ немец Гейденрейх. Однако не прошло и десяти лет, как под давлением объективных обстоятельств – множасьшихся военно-политических конфликтов с агрессивным Орденом – Миндовг так же легко отрекся от христианской веры и вернулся в язычество, чтобы консолидировать подданных.

Великий князь Гедимин (правил с 1316 по 1341) неоднократно писал папе Иоанну XXII о своем желании принять католичество, но при этом оставался язычником до конца дней, как и некоторые его ближайшие потомки. Его сын-наследник Ольгерд, хоть и осаждал дважды Москву, но жестоко воевал также с Польшей за Галицию и Волынь и был православным. Он никого не принуждал к своей вере, и Литва еще долго оставалась языческой, периодически склоняясь то к католичеству, то к православию, пока не сделала окончательный выбор в пользу Рима. Но и этот выбор был в целом детерминирован политической конъюнктурой – при том, что властно вмешался «случай – бог-изобретатель» (Пушкин). Переломное событие случилось через восемь лет после смерти великого князя Ольгерда.

Дело в том, что в 1384 между великим князем московским Дмитрием Ивановичем (Донским) и его двоюродным братом Владимиром Серпуховским, с одной стороны, и сыновьями Ольгерда – великим князем ВКЛ Ягайло и его братьями Скригайло и Корибутом, с другой стороны, состоялось важнейшее соглашение. В нем, во-первых, предусматривался брак Ягайло с дочерью Дмитрия Донского, а во-вторых – оговаривалось признание православия официальной религией ВКЛ и главенство великого князя Московского.

Это соглашение, подготовленное ходом истории, не было случайностью. Совместная победа на Куликовом поле четыре года тому назад, в которой весьма большое участие приняли литовские князья и православное воинство Литвы, очень сильно сблизили Литовскую Русь с Московской. Этому немало способствовал также митрополит Киевский и всея Руси Киприан. И даже карательное нашествие Тохтамыша в 1382 году на Москву не изменило расстановку

³²¹ В Хелмно тогда строился кафедральный Успенский собор XIII века, самый древний в Поморье; это был главный религиозный центр Тевтонского ордена.

сил. Надо помнить также, что у многих литовских князей-Гедиминовичей (Ягайло и все ольгердовичи в их числе) были русские матери, в них текла русская кровь, и приезжая в русские области из языческих или католических литовских, они говорили по-русски, зачастую открыто исповедовали православие и тянулись к Рюриковичам.

Понятно, что если бы данный договор был соблюден, то нас ждало бы русско-литовское объединение под эгидой Москвы (а может быть, и Вильны), а вовсе не Речь Посполитая, и тогда вся история Восточной Европы пошла бы совсем другим путем.

Однако события приняли неожиданный и роковой оборот. Личный фактор, как это нередко бывает в истории, изменил ее ход. У князя Ягайло был сильный соперник, претендовавший на литовский великокняжеский престол – его двоюродный брат Витовт, который сбежал от брата из-под стражи, обратился за поддержкой к Тевтонскому ордену и, получив ее, развернул наступление на Литву. И тогда Ягайло, опасаясь потерять власть и жизнь, изменил договору с Москвой, поддавшись на уговоры папских эмиссаров, которые пообещали ему не только урегулировать вопрос с Орденом, но и двенадцатилетнюю польскую королеву Ядвигу в жены, а с ней и польскую королевскую корону. Ягайло получил возможность избежать смертельной опасности (Витовт обвинял его в смерти своего отца – Кейстута – и уж конечно не пощадил бы) и вдобавок стать польским королем. Он разыграл блестящую комбинацию: вернул Витовту его владения в Литве и передал в управление Луцкую землю в обмен на мир и союзные отношения, и тот, не менее тщеславный, согласился. А король Ягайло сел на польский престол под именем Владислава, полученным во крещении, сохранив при этом титул и положение великого князя литовского.

Но все дело в том, что предварительно Ягайло пришлось обещать римской курии, тевтонцам и польским магнатам выполнить следующие условия: не только самому принять католицизм, но и крестить языческую элиту Литвы с ее подданными по латинскому обряду, а также привести находившиеся под его властью православные русские земли в подчинение римским папам. И при этом «страны свои Литву и Русь навечно присоединить к короне королевства Польского». Такова была цена его личного триумфа.

В этом был и политический расчет: превратив Литву в официально католическое государство, Ягайло выбивал важный козырь из рук тевтонцев, лишая их экспансию характера крестового похода ревнителей истинной веры против язычников. Однако главное, все же, состоит в том, что этнический литовец Ягайло сделал сознательную ставку на тотальное доминирование Польши во всем польско-литовском регионе.

Соглашение с Римом было оформлено в 1385 году в виде т. н. Кревской унии Литвы с Польским королевством, последствия чего были велики и необратимы. Крещение Ягайло торжественно состоялось 15 февраля 1386 года в Кракове. Вслед за королем крестились его родственники и большая часть двора, а в 1387 году, вернувшись в Литву, Ягайло на месте святилища Пяркунаса заложил кафедральный собор Святого Станислава. Литва была официально крещена (кроме отошедшей тевтонцам Жемайтии) и фактически утратила свою независимость, превратившись в польскую провинцию, польского вассала. Вскоре, уже в 1389 году, папа Урбан VI официально признал ее католической страной. Костел поднялся в ранг господствующей церкви.

Западная Русь при этом осталась православной, но план объединения Литовской и Московской Руси был отброшен. Интрига Рима преуспела: Ягайло предпочел Краков Москве. Он предал все договоренности с Дмитрием Донским, а западных русских, подвластных ВКЛ, вверг в череду бедствий и испытаний, которая продолжается и до сих пор. И западнорусская православная церковь вся в целом, и ее русские прихожане оказались существенно поражены в гражданских и политических правах по сравнению с католиками. Вследствие чего и в западнорусском народе, и среди его элиты – князей и бояр – началась реакция отторжения от католической и ополяченной метрополии.

Наступление на права русской православной аристократии, до того не за страх, а за совесть служившей литовским князьям, началось почти сразу после того, как Ягайло-Владислав заполучил польскую корону. 20 февраля 1387 года он издал дискриминационную по своей сути грамоту о привилегиях знати, перешедшей в католическую веру: «Каждый рыцарь или боярин, принявший католическую веру, и его потомки, законные наследники, имеют и будут иметь полную и всякую возможность владеть, держать, пользоваться, продавать, отчуждать, обменивать, дарить согласно своей доброй воле и желанию замки, волости, деревни и дома и все, чем владел бы по отцовскому наследству, как владеют, пользуются и употребляют на основании одинаковых прав нобили в других землях нашего королевства Польского, чтобы не было различия в правах, поскольку единство делает то, что они подданные одной короны. Всякий кто, приняв католическую веру, позорно от нее отойдет или кто будет отказываться принимать ее, не должен пользоваться никакими указанными правами».

Кроме того, Ягайло запретил католикам вступать в брак с православными, «пока наперед русин или русинка не признают покорности римской церкви»; тем самым традиция династических русско-литовских браков оказалась подорвана³²². В том же 1387 году Ягайло основал Виленское римско-католическое епископство, юрисдикция которого распространялась на большинство западнорусских земель. За этим последовал целый ряд униатских договоров, определивших второстепенный, приниженный статус православной церкви на территории ВКЛ.

Вторая попытка Витовта овладеть великокняжеским престолом Литвы, опираясь на поддержку Тевтонского ордена, оказалась успешной. По Островскому соглашению 1392 года Ягайло был вынужден уступить ему этот титул, но к данному моменту политическое доминирование Польши уже было так велико, что Витовту досталась лишь фактическая роль польского наместника в ВКЛ, а своим верховным сюзереном он признал польского короля.

В 1413 году в развитие Кревской унии между Польшей и Литвой была заключена т. н. Городельская уния, согласно которой титул «верховного князя Литвы» становился элементом польского королевского титула, старорусские земли упразднялись, а по всей территории ВКЛ устанавливалось административное деление по польскому образцу³²³. Права польской шляхты получили все литовские бояре-католики, а православная знать лишилась возможности занимать высшие руководящие должности в системе управления государством. Следствием стал постоянно учащающийся выход аристократов со своими дружинами под руку московских князей.

* * *

Необходимо дать общую оценку произошедшего в конце XIV века вышеописанного тектонического сдвига в Восточной Европе, ввиду огромности его последствий.

Кревская в особенности, а затем и Городельская унии – временный, но грандиозный успех не только папства, но и Запада вообще. И столь же грандиозное, хотя и временное, поражение Руси, будущей России, цивилизационный отрыв которой от Запада закрепился именно тогда. Это точка бифуркации, пройдя которую, славяне навсегда утратили перспективу единства и исторического могущества. Ее не смогла восстановить даже великая историческая победа славянства над германством во Второй мировой войне. Проект Сталина – создать Союз Славянских государств – провозглашенный им 28 марта 1945 года в Кремле на торжествен-

³²² Значение этих браков до поры было весьма велико. Не случайно в 1391 году Витовт, находившийся в очередной раз под защитой Тевтонского ордена в связи с новой войной против Ягайло, выдал свою единственную дочь Софью за князя Василия Дмитриевича, обладателя ханского ярлыка на великое московское княжение. Чем сразу сильно укрепил свои позиции и заставил Ягайло пойти на важный компромисс.

³²³ Тщеславие Витовта удовлетворялось тем, что великий князь литовский официально становился вторым лицом в объединенном польско-литовском государстве и занимал первое место в коронном совете. Витовт дорого заплатил за свое величие, поскольку в 1390-е годы его сыновья, находившиеся в заложниках у Тевтонского ордена, были отравлены во время попытки бегства; один из его братьев был убит во время попытки захвата Вильны, а второй брошен крестоносцами в застенки.

ном обеде в ходе честования Эдварда Бенеша, президента только что воссозданной Чехословакии, так и не осуществился. А сегодняшний уровень отношений России, Белоруссии, Украины, Литвы и Польши явственно показывает утопичность подобных планов на будущее. Исток такого положения вещей – Кревская уния.

Наиболее трагическими последствия этой унии оказались для Литвы. Хотя литовцы всячески воспевают князя Витовта, но именно его тщеславие и честолюбие оказались причиной конечного впадения Литвы в историческое ничтожество.

После Кревской унии раскол и последующий распад Великого Княжества Литовского по этноконфессиональной границе оказался предопределен. Католическую Литву и православную Западную Русь оказалось невозможно бесконечно удерживать в одних границах. И как следствие раздираемая противоречиями Литва превратилась в яблоко раздора между Русью и Польшей. В итоге Литва навсегда и необратимо стала частью Запада, но заплатила за это слишком дорогую цену, утратив могущество, земли, суверенитет и самобытность.

Что же касается Польши, она в ходе долгих и непростых отношений с Литвой набрала не только опыт, но и инерцию подавления русского православного населения в его политическом и культурно-религиозном проявлении. Этот опыт она попытается перенести со временем и на русских в России.

* * *

Православие в Литве: от равноправия к уничтожению. Циничный прагматизм литовских правителей в конфессиональном отношении был, однако, нехарактерен для населения в целом, которому было не все равно, как исповедовать веру и ходить ли в церковь или костел. Вероисповедный фактор по тем временам легко конвертировался в политику и наоборот.

Между тем, поскольку львиная доля Великого Княжества Литовского состояла из бывших земель православной и русской по крови и языку Киевской Руси, этим фактом многое определялось во внутренней политике литовских великих князей. До решительных действий Ягайло и заключения Кревской унии на равноправие этой части подданных никто из них не посягал. Более того, многие литовские князья, в том числе гедиминовичи, и сами были православными, как их матери и жены, ведь династические русско-литовские браки были распространены с середины XIII века: племянница Миндовга была женой Даниила Галицкого; князем Новгородка Литовского во второй половине 1250-х годов был сын Даниила Роман. Православными были великий князь литовский Войшелк, а также его зять и преемник Шварн Данилович. И т. д.

У великого князя Ольгерда было много сыновей. Один из них – Ягайло – как уже говорилось, изменил ход истории в пользу Польши и папского престола. Некоторые из братьев пошли за Ягайло, признали его верховенство и поддержали политику окатоличивания и полонизации Литвы. Но не все. Сын Ольгерда от Ульяны Тверской Лунгвений-Симеон в 1385 г. подписал Кревскую унию, однако в католичество не перешел; он известен как защитник православия, основатель монастыря святого Онуфрия и Пустынского монастыря. В 1394 г. в Москве он заключил брак с Марией, дочерью Дмитрия Донского. Другой сын Ольгерда, Владимир, долгое время правил Киевом, но после прихода Витовта на великокняжеский престол стал негоден Вильне и бежал из Литвы в Москву, где и окончил свои дни. Андрей и Дмитрий Ольгердовичи отказались признать верховенство Ягайло, состояли на службе у великого князя московского и оба с благословения митрополита Киприана стали героями Куликовской битвы. Андрей впоследствии резко выступал против Кревской унии. В православие был крещен еще один Ольгердович – Федор. Многие дочери литовских князей выходили замуж за рюриковичей Ордынской и Московской Руси... И т. д.

При этом великие князья литовские, конечно же, сознательно соперничали с Москвой, создавая ради православных подданных свои центры притяжения и силы. Так, упомянутый

Войшелк основал Лавришевский монастырь около 1262 г. По настоятельным просьбам князя Гедимины еще в 1317 г. патриархом Иоанном Гликом была учреждена Литовская митрополия с центром в тогдашней столице – Новгороде, которая включала епископства Полоцка и Турова, а впоследствии Киева (в результате влияние Московской митрополии заметно сократилось). По некоторым данным, учреждение Литовской митрополии могло состояться еще около 1300 года при Витене, старшем брате Гедимины.

Сын Гедимины – могущественный Ольгерд – принял православное крещение, не нуждая к этому, однако, остальных литовцев, которые сохраняли языческие верования. Видимо, опыт русского равноапостольного князя Владимира Святославовича, крестившего Русь, не казался ему удачным, достойным повторения. Ольгерд при этом вел в Константинополе свою интригу, добившись от патриарха Филофея поставления в Киев епископа болгарина Киприана, облеченного саном митрополита Киевского, Русского и Литовского, с тем, чтобы по смерти митрополита Алексия Московского Киприан стал бы единственным «митрополитом всея Руси». Однако, когда в 1378 году, после смерти Алексия, Киприан попытался отправиться в Москву, слуги Дмитрия Донского бросили его на ночь в темницу, а затем позорно выдворили за пределы княжества, после чего Киприан отлучил и проклял и самого русского князя, и его слуг.

Киприан, однако, не ослаблял активность на русском направлении. Он искренне стремился объединить всех православных и ради этого пытался содействовать союзу обоих великих княжеств. Соответственно, Киприан был сильно настроен как против католической Польши, так и против Орды. На этой почве у него произошло примирение с великим князем московским, который даже звал его в 1381 году на митрополию. В 1380 г. Киприан благословил на Куликовскую битву православных Литвы, а в 1387 г. обручил дочь Витовта Софью с сыном Дмитрия Донского Василием (браки состоялись позднее, в 1391 г.). Он же сподвиг князя Витовта на сопротивление польско-латинской экспансии в Литве, на повторный бунт против Ягайло. В 1389 г., после смерти митрополита Алексия и великого князя Дмитрия Ивановича, Киприан стал-таки митрополитом Киевским и всея Руси с пребыванием в Москве. Ради борьбы с мусульманами и защиты православных в Польше и Литве Киприан пытался в 1396—1397 гг. организовать союз (унию) православной и католической церквей. Вся эта деятельность со временем послужила его канонизации в чине святителя московского (похоронен в Успенском соборе Кремля).

Длительное пребывание Киевской митрополии под омофором константинопольских патриархов имело двоякие последствия. С одной стороны, оно привело впоследствии к величайшей трагедии русского народа – Расколу. С другой стороны, оно позволило сохранить в лоне православия значительную часть земель ВКЛ, чем во многом предопределило их последующее воссоединение с Россией.

Между тем, идея антитурецкой и антиордынской коалиции всех православных и католиков получила развитие на Ферраро-Флорентинском соборе 1439 года, утвердившем вторую после 1274 года унию Рима и Константинополя. С целью создания такой коалиции митрополит Киевский и всея Руси Исидор был возведен папой Евгением IV в кардиналы Римской Церкви. В Литве активизировалось строительство православных храмов. Но миссия Исидора не удалась. Вместо вовлечения Москвы в антимусульманский союз, он добился лишь того, что в 1448 году русские епископы Ростовский, Суздальский, Сарайский, Пермский и Коломенский, не признавшие унию, своей волей поставили вместо него епископа Рязанского Иону в митрополиты Киевские и всея Руси. Это событие стало началом автокефалии Русской православной церкви. Падение Константинополя в 1453 году открыло перед Москвой новые, небывалые возможности, и преемники Ионы уже с 1461 года именовались не «митрополит Киевский и всея Руси», а «митрополит Московский и всея Руси».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.